

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент
Научный журнал**

Том 13 № 2 / 2023

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Economics, Sociology and Management
Scientific Journal**

Vol. 13 № 2 / 2023

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как экономические, философские и социологические науки.

Основными разделами журнала являются: тренды мировой и национальной экономики; модернизация и инновационно-технологическое развитие экономики; управление в социально-экономических системах; экономическая политика и механизмы ее реализации; государство и бизнес на пути цифровой трансформации; актуальные проблемы развития региональных социально-экономических систем; экономика и организация деятельности предприятий, отраслей, комплексов; приоритеты развития маркетинговой и логистической деятельности; социально-экономическое прогнозирование и моделирование; институциональные факторы развития экономических систем; проблемы и перспективы развития финансового сектора; трудовые ресурсы и образование; социально-экономические проблемы современного общества; философские исследования природы, общества, человека; научные исследования молодых ученых.

В журнале публикуются оригинальные работы (ранее не опубликованные), в том числе обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители общественности, бизнеса и органов власти.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Журнал индексируется в международной базе данных Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Экономические науки: 5.2.2; 5.2.3; 5.2.6; 5.2.1; 5.2.4; 5.2.5.

Философские науки: 5.7.2; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8.

Социологические науки: 5.4.2; 5.4.4; 5.4.6; 5.4.7.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бессонова Елена Анатольевна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Александр Петрович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д-р филос. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Банк Сергей Валерьевич, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич, д-р филос. наук, доцент, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Волохова Наталья Владимировна, д-р филос. наук, доцент, Курский государственный университет (Курск, Россия)

Герасимова Ирина Алексеевна, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Гребенщикова Елена Георгиевна, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Зотов Виталий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет) (Москва, Россия)

Киселев Сергей Викторович, д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кулагина Наталья Александровна, д-р экон. наук, профессор, Брянский государственный инженерно-технологический университет (Брянск, Россия)

Минакова Ирина Вячеславна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Налетова Ирина Владимировна, д-р филос. наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Нямдорж Даваахуу, канд. экон. наук, Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Улан-Батор, Монгольская Народная Республика)

Ободец Роман Васильевич, д-р экон. наук, доцент, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики (Донецк, ДНР)

Подгорный Борис Борисович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Преображенский Борис Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронеж, Россия)

Проняева Людмила Ивановна, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал (Орел, Россия)

Рисин Игорь Ефимович, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Родионов Дмитрий Григорьевич, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Сухарев Олег Сергеевич, д-р экон. наук, профессор, Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Тен Юлия Павловна, д-р филос. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

Ткачева Татьяна Юрьевна, д-р экон. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Трещевский Юрий Игоревич, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Шелковников Сергей Александрович, д-р экон. наук, профессор, Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск, Россия)

Яновская Ольга Алексеевна, д-р экон. наук, профессор, Независимое агентство аккредитации и рейтинга (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-82284 от 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

© Юго-Западный государственный университет, 2023

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44284
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Джигоевой

Подписано в печать 28.04.2023. Формат 60х84/8.

Дата выхода в свет 17.05.2023.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,9.

Тираж 1000 экз. Заказ 15.

16+

Proceedings of the Southwest State University Series: Economics, Sociology and Management

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented scientific research in industries such as economic, philosophical and sociological sciences.

The main sections of the journal are: trends of the world and national economy; modernisation and innovative technological development of economy; management in socio-economic systems; economic policy and mechanisms of its realization; the government and business on the path of the digital transformation; actual problems of regional socio-economic systems development; economics and organization of enterprises, industries, complexes; development priorities of marketing and logistics activities; socio-economic forecasting and modelling; institutional factors of economic systems development; problems and prospects of the financial sector development; human resources and education; socio-economic problems of modern society; philosophical study of nature, society and human; scientific researches of young scientists.

The journal publishes original works (previously unpublished), including review articles, reviews, and discussions relevant to the subject of the publication.

Target audience: scientists, faculty of educational institutions, expert community, young scientists, graduate students, interested representatives of the public, business and government.

The magazine adheres to an open access policy. Full-text versions of articles are available on the website of the journal, the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The journal is indexed in the international database Ulrichswest (Ulrich's Periodicals Directory).

The journal is included in the list of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science, Candidate of Science (Ph.D) in the following scientific specialties should be published:

Economic sciences: 5.2.2; 5.2.3; 5.2.6; 5.2.1; 5.2.4; 5.2.5.

Philosophical sciences: 5.7.2; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8.

Sociological sciences: 5.4.2; 5.4.4; 5.4.6; 5.4.7.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Bessonova Elena Anatolyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Aleksandr P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Irina A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sergey V. Bank, Doctor of Economics, Professor, MIREA-Russian Technological University (Moscow, Russia)

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina A. Gerasimova, Doctor of Philosophy, Professor,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Elena G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophy,
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sergey V. Kiselev, Doctor of Economics, Professor,
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Natalia A. Kulagina, Doctor of Economics, Professor,
Bryansk State University of Engineering and Technology
(Bryansk, Russia)

Irina V. Minakova, Doctor of Economics, Professor,
Southwest State University (Kursk, Russia)

Irina V. Naletova, Doctor of Philosophy,
Professor, Derzhavin Tambov State University
(Tambov, Russia)

Nyamdorzh Davaahuu, Candidate of Economics, Ulan
Bator Branch of Plekhanov Russian University of
Economics (Ulan Bator, Mongolian People's Republic)

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociology, Associate
Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Roman V. Obodets, Doctor of Economics, Associate
Professor, Donetsk Academy of Management and
Public Service under the Head of the Donetsk People's
Republic (Donetsk, DPR)

Boris G. Preobrazhensky, Doctor of Economics,
Professor, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Voronezh, Russia)

Lyudmila I. Pronyaeva, Doctor of Economics, Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Central Russian Institute of
Management – Branch (Orel, Russia)

Igor E. Risin, Doctor of Economics, Professor, Voronezh
State University (Voronezh, Russia)

Dmitry G. Rodionov, Doctor of Economics, Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

Sergey A. Shelkovnikov, Doctor of Economics, Professor,
Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk,
Russia)

Oleg S. Sukharev, Doctor of Economics, Professor,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Yulia P. Ten, Doctor of Philosophy, Professor, Financial
University under the Government of the Russian
Federation (Moscow, Russia)

Tatyana Yu. Tkacheva, Doctor of Economics, Associate
Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuri I. Treshchevsky, Doctor of Economics, Professor,
Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Natalia V. Volokhova, Doctor of Philosophy, Associate
Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Vitalij V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor, Moscow
Institute of Physics and Technology (National Research
University) (Moscow, Russia)

Olga A. Yanovskaya, Doctor of Economics, Professor,
Independent Agency of Accreditation and Rating
(Nursultan, Republic of Kazakhstan)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editoriat Office:**

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-82284 of 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieeconom/>

© Southwest State University, 2023

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:

Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44284 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: A. E. Djioeva

Sent to the printer 28.04.2023. Format 60x84/8.

Release date 17.05.2023.

Offset paper. Printer's sheets: 34,9.

Circulation 1000 copies. Order 15.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	10
Экономическая безопасность, санкции и переориентация российских внешнеторговых потоков	10
<i>Анисимова Я. А., Плотников В. А.</i>	
Финансовая составляющая экономической безопасности стран Евразийского экономического союза	24
<i>Головин Ар. А., Головин А. А., Шинкарева О. И.</i>	
Сравнительный анализ научно-образовательного и цифрового потенциала стран БРИКС и G7: выводы для систем государственного управления	39
<i>Пономарев С. В., Бухонова Н. М., Сайфутдинова Л. Р., Гараева Ч. Р.</i>	
Стратегические энергетические интересы США и тактика их реализации в условиях пандемии COVID-19 и специальной военной операции России на Украине	53
<i>Кузьмина В. М., Лаврова А. И.</i>	
УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ	64
Современный подход к выбору и внедрению ERP-системы на предприятии как действенного IT-решения в управлении бизнесом	64
<i>Тренина И. А., Семенихина А. В., Татенко Г. И., Морозова О. И.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	81
Индустриальные парки как инструмент формирования качественной инвестиционной среды региона	81
<i>Бессонова Е. А., Лопатина Н. Д.</i>	
Направления регионального экономического развития в малом бизнесе	93
<i>Келеш Ю. В., Пылайкина А. В., Азаркова Е. М.</i>	
Оценка влияния регионов Арктической зоны Российской Федерации на экономическую безопасность государства	107
<i>Циклаури В. Ю., Афанасьева Л. В., Брусенцева Ю. А.</i>	
Инструменты управления промышленными предприятиями на основе принципов бережливого производства и ESG	123
<i>Сысоева Е. А., Хорошилова Т. И.</i>	
ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ	134
Специфика развития органического сельского хозяйства в новых условиях	134
<i>Джанчарова Г. К., Адаев Н. Л., Церенов И. В.</i>	
Рецепция гастрономической культуры России современным ресторанным бизнесом в условиях постковидной ситуации	147
<i>Волбуев В. В., Третьяк А. С., Салтынский И. С.</i>	
Инновации в сфере экскурсионного обслуживания в гостиничной индустрии	156
<i>Коптева Ж. Ю., Федорова А. Р.</i>	
Характеристика занятости населения России в неформальном секторе экономики	167
<i>Меркулова Е. Ю., Фатхутдинов А. А.</i>	
Современные подходы развития зеленых инноваций: отраслевые особенности	179
<i>Бабич Т. Н., Положенцева Ю. С., Логвинова И. О.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ	191
Регионально-отраслевой дисбаланс регионов: оценка дифференциации по социо-эколого-экономическим показателям с помощью 3D-призмы	191
<i>Боркова Е. А.</i>	

Анализ качества научных и инновационных трансформаций на территориях в общеэкономических условиях прохождения кризиса	206
<i>Фраймович Д. Ю., Власенко К. А.</i>	
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	215
Модель «тройной спирали» в оптике экспертных оценок научно-педагогического сообщества российских вузов.....	215
<i>Каменский Е. Г., Маякова А. В., Огурцова А. Ю., Плякин А. С.</i>	
Человекоразмерность как принцип развития государственных и муниципальных услуг в условиях цифровизации публичного управления.....	224
<i>Зотов В. В., Боев Е. И.</i>	
Трансформация городского пространства для пожилых людей в период пандемии COVID-19.....	236
<i>Галкин К. А.</i>	
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА	244
Влияние религиозного мировоззрения на формирование системы образования	244
<i>Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О., Афанасьева В. А.</i>	
Сравнительный анализ социальной концепции Русской православной церкви и социальной доктрины мусульманства по вопросам биоэтики	254
<i>Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О., Красильникова Т. Д.</i>	
Религиозная мистика и психология религии: к вопросу о пределах редукции. Часть 1.....	264
<i>Шугуров М. В., Мозжилин С. И.</i>	
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	277
Трансформация субъектов и объектов социально-экономической системы неокOLONиализма в условиях глобального структурного кризиса	277
<i>Сироткина А. И.</i>	
ESG-трансформация в России: поворот на социальное направление развития бизнеса	290
<i>Манкевич Ю. В.</i>	

CONTENT

TRENDS OF THE WORLD AND NATIONAL ECONOMY.....	10
Economic Security, Sanctions and Reorientation of Russian Foreign Trade Flows.....	10
<i>Yana A. Anisimova, Vladimir A. Plotnikov</i>	
The Financial Component of the Economic Security of the Countries of the Eurasian Economic Union.....	24
<i>Artem A. Golovin, Aleksey A. Golovin, Olga I. Shinkareva</i>	
Comparative Analysis of the Scientific, Educational and Digital Potential of the BRICS and G7 Countries: Conclusions for Public Administration Systems.....	39
<i>Sergey V. Ponomarev, Nadezhda M. Bukhonova, Liana R. Sayfutdinova, Chulpan R. Garaeva</i>	
U.S. Strategic Energy Interests and Tactics for Their Implementation Amid the COVID-19 Pandemic and Russia's Special Military Operation in Ukraine.....	53
<i>Violetta M. Kuzmina, Alena I. Lavrova</i>	
MANAGEMENT IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS	64
A Modern Approach to the Selection and Implementation of an ERP System at an Enterprise as an Effective IT Solution in Business Management.....	64
<i>Irina A. Tronina, Anna V. Semenikhina, Galina I. Tatenko, Olga I. Morozova</i>	
ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	81
Industrial Parks as a Tool for Creating a High-Quality Investment Environment for the Development of the Region	81
<i>Elena A. Bessonova, Natalia D. Lopatina</i>	
Directions of Regional Economic Development in Small Business.....	93
<i>Yuliya V. Kelesh, Anastasia V. Pylaykina, Ekaterina M. Agarkova</i>	
Assessment of the Influence of the Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation on the Economic Security of the State.....	107
<i>Victoria Yu. Tsiklauri, Lubov V. Afanasieva, Julia A. Brusentseva</i>	
Tools for Industrial Enterprises Management Based on the Principles of Lean Manufacturing and ESG.....	123
<i>Elena A. Sysoeva, Tatiana I. Khoroshilova</i>	
ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES	134
Specifics of Development of Organic Agriculture in New Conditions	134
<i>Gulnara K. Dzhancharova, Nurbek L. Adaev, Igor V. Tserenov</i>	
Reception of the Gastronomic Culture of Russia by Modern Restaurant Business in a Post-Coffee Situation.....	147
<i>Vitalii V. Volobuev, Anna S. Tretyak, Ivan S. Saltynsky</i>	
Innovations in the Field of Excursion Services in the Hotel Industry	156
<i>Zhanna Yu. Kopteva, Anastasia R. Fedorova</i>	
Characteristics of the Employment of the Population of Russia in the Informal Sector of the Economy	167
<i>Elena Yu. Merkulova, Albert A. Fatkhutdinov</i>	
Modern Approaches to the Development of Green Innovations: Industry-Specific Features.....	179
<i>Tatiana N. Babich, Yulia S. Polozhenzeva, Irina O. Logvinova</i>	
SOCIO-ECONOMIC FORECASTING AND MODELLING.....	191
Regional-Sectoral Imbalance of Regions: Assessment of Differentiation in Terms of Socio-Ecological and Economic Indicators Using a 3D Prism.....	191
<i>Elena A. Borkova</i>	
Analysis of the Quality of Scientific and Innovative Transformations in the Territories in the General Economic Conditions of the Crisis.....	206
<i>Denis Y. Fraymovich, Ksenia A. Vlasenko</i>	

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT.....	215
Model "Triple Helix" in Optics of Expert Estimates of Scientific and Pedagogical Community of the Russian Higher Education Institutions.....	215
<i>Evgeny G. Kamensky, Anna V. Mayakova, Albina Y. Ogurtsova, Anton S. Plyakin</i>	
Human-Sizedness as a Principle of Development of State and Municipal Services in the Context of Digitalization of Public Administration	224
<i>Vitaly V. Zotov, Evgeny I. Boev</i>	
Transformation of Urban Space for the Elderly During the COVID-19 Pandemic.....	236
<i>Konstantin A. Galkin</i>	
PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN	244
The Influence of Religious Worldview on the Formation of the Education System	244
<i>Oksana A. Vetrova, Ol'ga O. Nishnianidze, Valeriya A. Afanas'eva</i>	
Comparative Analysis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church and the Social Doctrine of Islam on Bioethics.....	254
<i>Oksana A. Vetrova, Ol'ga O. Nishnianidze, Tatyana D. Krasil'nikova</i>	
Religious Mysticism and the Psychology of Religion: on the Question of the Limits of Reduction. Part 1.....	264
<i>Mark V. Shugurov, Sergey I. Mozzhilin</i>	
SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS.....	277
The Transformation of Subjects and Objects of the Socio-Economic System of Neo-Colonialism in the Context of a Global Structural Crisis	277
<i>Anastasia I. Sirotkina</i>	
ESG-Transformation in Russia: Turning to a Social Direction of Business Development.....	290
<i>Yuliya V. Mankevich</i>	

Экономическая безопасность, санкции и переориентация российских внешнеторговых потоков

Я. А. Анисимова¹, В. А. Плотников¹ ✉

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, г. Санкт-Петербург 191023, Российская Федерация

✉ e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Резюме

Актуальность. Россия в условиях санкционного давления нуждается в защите своих экономических интересов и укреплении экономической безопасности. Поэтому переориентация внешнеторговых потоков требует дополнительного анализа.

Цель – рассмотрение направления переориентации российских внешнеторговых потоков в условиях антироссийских санкций.

Задачи: определить основную повестку мировой торговой политики; выявить общие приоритеты мировой торговли; привести количественные данные о объемах торговли стран, проанализировать особенность торговых соглашений за десятилетие, выявить основной экономический метод давления на государства; привести данные о торговле России с другими странами; рассмотреть российскую экспортную товарную структуру; выявить зависимость между долей в товарной структуре товаров и темпами прироста в стабильные и кризисные периоды; определить приоритетные экспортные российские товары в современных условиях.

Методология. Методика исследования включала в себя применение методов анализа количественных и качественных характеристик, корреляционного анализа, описания, ретроспективного анализа, абстрагирования, обобщения проанализированной информации.

Результаты. Причинами вынужденной смены направления внешнеторговых потоков являются не только прямое давление на российскую экономику, но и общемировые тенденции деглобализации и регионализации. Нынешние торговые партнеры вопреки вводимым ограничениям продолжают торговать с Россией. При нахождении потенциальных союзников в первую очередь делается акцент на надежность, безопасность и силу партнеров на мировой арене. Российской экономике не стоит отклоняться от нынешней экспортной структуры, так как спрос на энергоресурсы продолжает оставаться высоким. А Россия сохраняет роль одного из гарантов мировой энергетической безопасности.

Выводы. Вопрос переориентации российских торговых потоков на альтернативные направления останется одним из преобладающих на сегодняшний день. Это способно стабилизировать экономику и защитить экономические интересы страны, обеспечить экономическую безопасность России. Диверсифицируя и трансформируя торговые потоки путем изменения каналов, российская экономика сможет открыть для себя новые возможности освоения мирового рынка.

Ключевые слова: международная торговля; экспортная политика; торговые потоки; санкции; национальные экономические интересы; экономическая безопасность.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Анисимова Я. А., Плотников В. А. Экономическая безопасность, санкции и переориентация российских внешнеторговых потоков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 10–23. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-10-23>.

Поступила в редакцию 02.02.2023

Принята к публикации 01.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Economic Security, Sanctions and Reorientation of Russian Foreign Trade Flows

Yana A. Anisimova¹, Vladimir A. Plotnikov¹ ✉

¹ St. Petersburg State University of Economics

Griboedov canal Emb., 30-32, St. Petersburg 191023, Russian Federation

✉ e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Abstract

Relevance. Under the conditions of sanctions pressure, Russia needs to protect its economic interests and strengthen economic security. Therefore, the reorientation of foreign trade flows requires additional analysis.

The purpose is to consider the direction of reorientation of Russian foreign trade flows in the context of anti-Russian sanctions.

Objectives: to determine the main agenda of world trade policy; to identify common priorities of world trade; to provide quantitative data on the volume of trade of countries, to analyze the specifics of trade agreements over a decade, to identify the main economic method of pressure on states; to provide data on Russia's trade with other countries; to consider the Russian export commodity structure; to identify the relationship between the share in the commodity structure goods and growth rates in stable and crisis periods; identify priority export Russian goods in modern conditions.

Methodology. The research methodology included the use of methods of analysis of quantitative and qualitative characteristics, correlation analysis, description, retrospective analysis, abstraction, generalization of the analyzed information.

Results. The reasons for the forced change in the direction of foreign trade flows are not only direct pressure on the Russian economy, but also global trends of deglobalization and regionalization. The current trading partners, despite the restrictions imposed, continue to trade with Russia. When finding potential allies, the focus is primarily on the reliability, security and strength of partners on the world stage. The Russian economy should not deviate from the current export structure, as the demand for energy resources continues to be high. And Russia retains the role of one of the guarantors of global energy security.

Conclusions. The issue of reorientation of Russian trade flows to alternative directions will remain one of the prevailing ones today. This is able to stabilize the economy and protect the economic interests of the country, to ensure the economic security of Russia. By diversifying and transforming trade flows by changing channels, the Russian economy will be able to discover new opportunities for the development of the world market.

Keywords: international trade; export policy; trade flows; sanctions; national economic interests; economic security.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Anisimova Ya. A., Plotnikov V. A. Economic Security, Sanctions and Reorientation of Russian Foreign Trade Flows. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 10–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-10-23>.

Received 02.02.2023

Accepted 01.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Практически в течение всего постсоветского периода (до начала второго десятилетия XXI в.) российская экономика развивалась в русле парадигмы либерализации. Аналогичные процессы наблюдались и в мире в целом, что способствовало углублению процессов международного разделения труда и бурному развитию международной торговли [1]. Глобализация и свободная торговля определили облик современной системы международного разделения труда.

Заметим, что под свободной торговлей в данном контексте нами понимается не политика по снижению квот и таможенных пошлин, а более широкая концепция фритредерства, основой которой служит отсутствие политического и экономического ущемления со стороны других государств и возможность действовать в соответствии с общенациональными интересами. В постсоветский период развития России, особенно в начальной его части, представлялось, что повышение открытости миру способствует укреплению национальной экономической безопасности, т. к. стимулирует рост благосостояния.

События последнего десятилетия, особенно «санкционный всплеск» 2022 г., заставили пересмотреть международную торговую политику. Период фритредерства завершился и в идеологической плоскости, и на практике. Не без основания девиз Всемирного экономического форума 2023 г. в Давосе звучал как «Сотрудничество в условиях раздробленного мира» (см.: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2023>). Если изначально в структуре международных отношений при принятии решений экономический аспект являлся основным, то сейчас наблюдается вытеснение его роли в сторону политико-пропагандистского и силового (военного) аспекта.

В современных реалиях обострилось идеологическое, военное, политическое

(а следовательно, и экономическое) противостояния глобального Востока и глобального Запада в лице России, Китая, США, Европейского союза за доминирование в международных отношениях. Это меняет подходы и приоритеты в сфере обеспечения национальной экономической безопасности [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Сегодня остро встает вопрос будущего мироустройства, выбора лидирующего типа политико-экономической системы.

Не экономическая целесообразность, а геополитические реалии, особенно в условиях продолжающегося роста напряженности в отношениях между странами, стали определять глобальную стратегию и влиять на экономическую политику отдельных стран [11; 12]. Одновременная поддержка торгового преимущества и сохранение положения во внешней политике усложнили задачу эффективного использования капитала и ресурсов. Возникла необходимость и обострилась для России проблема переориентации внешних торговых потоков [13].

Сегодня, когда санкционное давление стран Запада непрерывно возрастает, эта проблема приобретает ключевое значение для устойчивого и сбалансированного развития экономики России, сохранения национального экономического суверенитета. Имеется понимание этого и на политическом уровне. Так, в середине 2022 г. премьер-министр РФ Михаил Мишустин заявил: «Переориентация потоков является не временным трендом, а долгосрочной мерой» (цит. по: <https://ria.ru/20220704/mishustin-1800124794.html>).

Следует отметить, что о смене вектора внешнеэкономического взаимодействия в России начали говорить ещё во время глобального финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг., в частности про Азиатско-Тихоокеанский регион министром иностранных дел РФ Сергеем Лавровым было сказано следующее: «Перемены, которые произошли в мире ... существенным образом изменили геополитический ландшафт и придают

наблюдающемуся сейчас движению России и АСЕАН навстречу друг другу особый смысл» (цит. по: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/319>).

Тогда проблема стояла ещё не так остро, угрозы экономической безопасности страны не приобрели витального характера, поэтому иные союзники рассматривались как альтернатива, однако накопившаяся в течение последнего года политическая ситуация всё больше ставит на злобу дня вопрос переориентации внешнеторговых связей России. Отсюда и становится важным определение в первую очередь общих мировых тенденций торговли, которые за последнее десятилетие начинают приобретать антагонистический характер.

Второй актуальной задачей является выявление приоритетных для российских компаний партнёров. Но торговые отношения не всегда можно назвать выгодными, если они построены лишь на хороших отношениях с партнёрами. Поэтому третьим вопросом, которым стоит заняться, является такой: не будет ли Россия вынуждена менять свою экспортную структуру с учетом кризиса и новых двусторонних отношений?

От ответов на вышеперечисленные вопросы будет зависеть то, насколько

успешно Россия сможет отыграть свою позицию во внешнеэкономическом пространстве и как будет складываться внутренняя экономическая повестка. Иными словами, сможет ли Россия пережить вызванный санкциями кризис и укрепить свой экономический суверенитет.

Материалы и методы

Тенденция смены торговых приоритетов в первую очередь наблюдается вследствие появления дисбаланса и отклонений географической структуры мировой торговли. Доля развивающихся стран в мировой торговле за последнее десятилетие увеличилась как в экспорте, так и в импорте (табл. 1). Развитые страны продолжают сдавать свои позиции в торговле менее продвинутым экономикам. Однако их прирост за последний период оказался значительно меньше, чем за 2010–2021 гг.

Здесь можно было бы предположить влияние эффекта низкой базы. Если вычленить из развивающихся стран Китай и отдельно проследить его динамику и динамику остальных стран, то можно сделать вывод, что доля развивающихся стран нарастает преимущественно за счет Китая (табл. 2).

Таблица 1. Доля развивающихся стран и Китая в мировой торговле, %

Год	Все развивающиеся страны		Китай	
	импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
2021	38,96	43,22	12,58	15,98
2010	34,84	37,37	9,21	10,5
2002	18,80	20,53	5,09	5,94

Таблица 2. Темпы прироста экспорта и импорта развивающихся стран и Китая в мировой торговле, %

Период	Все развивающиеся страны		Развивающиеся страны без учета Китая	
	прирост импорта	прирост экспорта	темпы прироста импорта	темпы прироста экспорта
2010-2021	4,12	5,84	0,75	0,363
2002-2010	16,03	16,84	11,91	12,28

Примечание. Составлено Я. А. Анисимовой на основе данных мирового экспорта / импорта товаров (см.: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/TOTAL).

Темп прироста импорта в 0,75% и экспорта в 0,36% говорит о том, что экономическое неравенство скорее нарастает, нежели сокращается. Это несколько противоречит 17-й цели ВТО – партнерство в интересах устойчивого развития, в которой говорится об «увеличении экспорта развивающихся стран и удвоении доли экспорта наименее развитых стран к 2030 году» (см.: https://www.wto.org/english/thewto_e/coher_e/sdgs_e/sdgs_e.htm).

Причиной смены географической структуры мировой торговли является то, что, во-первых, экономика у слабых стран в кризис показала меньшую резистентность, во-вторых, слабые торговые игроки становятся менее гибкими из-за усиливающихся внешнеэкономических рисков сотрудничества. В большей степени развитые страны заинтересованы в «перетягивании» на свою сторону развивающихся стран и расширении своего же присутствия там. Это приводит к тому, что слабые государства становятся объектом манипулирования.

В попытке поддержать одновременно несколько сторон развивающиеся страны сталкиваются с неопределенностью, а при принятии интересов лишь одной стороны – с потерей репутации у другого потенциального союзника. Примерно так можно описать отношения в геоэкономическом и геополитическом треугольнике «Россия – Африка – США»:

1. На саммите лидеров стран Африки в США в 2022 г. второй стороной было предложено выделить \$350 млн на цифровую трансформацию, за 3 года суммарно планируется вложить \$55 млрд в различные сектора, на \$15 млрд были заключены бизнес-соглашения (см.: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16639293>). Но в дополнение к благим мерам поддержки Африки администрация США настаивает на вступлении в силу закона «О противодействии злонамеренным российским действиям в Африке» (см.: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/7311/text>).

2. Россия также заметно расширяет своё присутствие на континенте [13]. В ходе голосования в ООН 17 африканских стран воздержались от поддержки резолюции с осуждением действий России по специальной военной операции, проводимой с февраля 2022 г. и ориентированной на денацификацию и демилитаризацию Украины (см.: <https://lenta.ru/news/2022/04/06/ukraine/>). Несмотря на инвестирование США, поддержку России, Африка всё ещё остаётся нейтральной в плане выбора сотрудничества между странами, продолжая стагнировать на международном торговом рынке.

Следующей предпосылкой к смене существующей торговой политики является усиление влияния региональных торговых блоков. С одной стороны, регионализация может рассматриваться как одно из проявлений глобализации, в которой стороны, интегрируясь друг с другом на уровне региона, в конечном итоге создают общие глобальные союзы, а с другой – регионализацию можно связать со сложностями либерализации торговли в пределах ВТО.

По данным ВТО, в 2021 г. было нотифицировано максимальное количество региональных торговых соглашений (РТС) – 66, был побит предыдущий рекорд 2009 г. – тогда их количество было равно 39 (см.: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm). Причиной рекорда 2021 г. являлось то, что Великобритания вышла из Европейского союза 31 января 2020 г. и, как следствие, заключила множество новых договоров. За период 2000–2022 гг. стабильное количество уведомлений о 26-ти соглашениях было в 2003–2006 и 2012–2015 гг. (см.: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>).

Чтобы определить, в какую же сторону движется регионализация сейчас, стоит рассмотреть, какие страны преимущественно заключают партнёрства друг с другом (см.: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?

Query=(@Symbol=%20wt/reg*/n/*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#):

– Российская Федерация за последние 10 лет заключила торговые соглашения с Арменией, Казахстаном, Кыргызской Республикой, Таджикистаном, Вьетнамом, Молдовой;

– США – с Канадой, Мексикой, Панамой, Колумбией, а также уведомила об изменении соглашения с Южной Кореей;

– Китай – с Маврикием, Грузией, Южной Кореей, Австралией, Исландией, Швейцарией, изменения последовали с Макао, Пакистаном, Чили, Гонконгом;

– Европейский союз – с Коста-Рикой, Сальвадором, Гватемалой, Гондурасом, Никарагуа, Панамой, Сингапуром, Вьетнамом, Японией, Коморскими островами (временно), Самоа и Соломоновыми островами (временно), Ботсваной, Лесото, Мозамбиком, Намибией, Южной Африкой, Ганой, Свазилендом, Канадой, Молдовой, Украиной.

Заметно по приведенным данным, что Россия и США не особо сильно открыты для интеграции с миром, а те страны, с кем и заключались соглашения, по факту и так являются стратегическими союзниками. Это говорит об усиливающейся роли сплоченности с уже существующими партнёрами, что ближе к процессам протекционизма и деглобализации, нежели свободной торговли и глобализации. Безусловно, для анализа специфики заключения торговых договоров недостаточно рассмотреть только их страны-участники, важно также изучить характер самих договоров, но для этого нужно проводить отдельное исследование.

Самой очевидной причиной, вынуждающей менять приоритеты мировой торговли, является нарастание торговых войн. Хотя торговые противостояния, возникшие с развитием торговых отношений, являются вполне естественным процессом конкуренции, некоторые из них начинают провоцироваться предна-

меренно. Как самих войн, так и их методов сложилось великое множество за всю историю, поэтому приводить примеры конкретных торговых войн, на наш взгляд, нецелесообразно.

В теории различают наступательные и оборонительные торговые войны. В целом каждый метод базируется на протекционистских целях, хотя не всегда от этого выигрывает хотя бы одна сторона. Санкции и нетарифные барьеры являются одними из наиболее популярных методов давления на государства [14]. Нетарифные барьеры в зарубежных источниках описываются как «защита от недобросовестной конкуренции», «инструменты политики, связанные с устойчивым развитием».

Сложно назвать справедливой торговлей ту, в которой на основе политических и идеологических конфронтаций вводятся эмбарго, квотирования, технические барьеры, да ещё вдобавок считать это «борьбой за устойчивость». В попытке защитить исключительно свои интересы, стороны генерируют проблемы на многостороннем уровне. Нетарифные методы используются всё чаще в мире, ещё больше ограничивая международную торговлю. Экспортный контроль затрагивают 59,9% товарных линеек и 63,6% мировой торговли продукции агропромышленности, финансовый и ценовой контроль природных ресурсов затрагивают 19,5% и 33,2% мировой торговли соответственно (см.: <https://sdgpulse.unctad.org/trade-barriers/>).

Торговые издержки, связанные с нетарифными мерами, стали более чем в два раза превышать тарифы. Прирост нетарифных мер по отношению к России составил более 130% с 2014 по 2021 гг. (см.: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/dostup_na_vneshnie_rynki_i_zashchitnye_mery/reestr_ogranich_mer/).

С натяжкой можно было бы предположить, что такие нетарифные барьеры вводятся исключительно для предотвра-

щения коллапса, например, мировой энергетической системы, вызванного различными родами интервенций. Но когда на смену подсанкционной страны на рынок (в частности, европейский энергетический [15]) приходит другая противоборствующая – в лице США – и активно начинает расширять свою долю на рынке (например, продавая более 10 млн баррелей нефти в сутки из стратегического резерва, – см.: <https://tass.ru/ekonomika/15801321>), стараясь заполнить всю энергетическую структуру уже своим присутствием, то основная экономическая цель введения нетарифных методов уходит в сторону.

Процессы стагнации развивающихся стран, экономико-политического манипулирования, усиления влияния регионализации, роста нетарифных мер как инструмента реализации санкций заставляют пересматривать общую мировую тенденцию развития торговли, потому что найти точки соприкосновения стран становится всё труднее. Поэтому целью номер один для России, как и для многих других стран, является смена направления в географической структуре внешней торговли в пользу переориентации потоков экспорта и импорта на другие рынки.

Результаты и их обсуждение

Несмотря на грозную риторику, на сегодняшний день часть европейских стран не отказывается полностью от торговли с Россией. Наоборот, объемы у некоторых импортеров российских товаров по ряду позиций резко возросли. В число таких стран входят Португалия (рост более чем в 9 раз), Латвия (практически на 45%), Австрия, Испания, Греция, Франция (после февральских событий сокращала импорт в течение полугода, а потом резко увеличила) (см.: <https://www.gazeta.ru/business/2022/12/06/15896005.shtml>). Импорт российских товаров вырос, в том числе, и у США – более чем в 2 раза в октябре 2022 г. по сравнению с сентябрем того же года (см.: <https://www.rbc.ru/>

[economics/06/12/2022/638f639f9a794762cfa88f54](https://www.rbc.ru/economics/06/12/2022/638f639f9a794762cfa88f54)). Но эти колебания и даже рост импорта можно отнести на попытки сделать повышенные запасы российских товаров накануне запрета их приобретения в рамках вновь вводимых санкций.

Ограничения на закупки иностранными государствами российской продукции в первую очередь связаны с нефтью, древесиной, минеральными удобрениями, металлами, химическими материалами (это обусловлено тем очевидным обстоятельством, что эти товары доминируют в экспортной структуре России, а санкции направлены на нанесение российской экономике максимального вреда [16; 17]). Поэтому больший акцент следует делать на переориентации данных товарных потоков.

До введения эмбарго Германия, Италия, Польша, Нидерланды наращивали запасы российской нефти, в итоге доходы от экспорта нефти и объем экспорта сжиженного природного газа из России увеличились в одинаковой степени – примерно на 40% (см.: <https://www.forbes.ru/biznes/471435-dohody-rossii-ot-eksporta-nefti-na-40-prevysili-srednie-pokazateli-2021-goda> и <https://www.dw.com/ru/evropa-v-2022-godu-uvelicila-import-spg-iz-rossii-na-40-procentov/a-63921795>). Такие действия недружественных стран логичны, потому что минеральная продукция, импортируемая из России, в короткий срок не может быть заменена, европейские страны нуждаются в ней.

Хотя сейчас проблематично найти в западных СМИ или в официальных заявлениях политиков информацию о плюсах для экономического развития от закупки российских нефти и газа, факты говорят сами за себя. В более старых источниках можно найти рассуждения такого типа: «Экономическая целесообразность снижения зависимости от импорта российского газа оставалась незначительной, поскольку в большинстве случаев Россия была самым дешевым вариантом и обладала достаточным избытком мощностей,

что делало альтернативные маршруты поставок менее выгодными» (см.: https://www.clingendaelenergy.com/inc/upload/files/Russian_gas_for_Europe.pdf).

Даже после введения эмбарго полный отказ от российских энергоресурсов не выглядит правдоподобным сценарием развития. Большое распространение получил процесс «обходного экспорта», в рамках которого товары поступают через другую страну – посредника отношений, при этом российские по факту товары могут формально менять юрисдикцию происхождения. Так, по данным The Wall Street Journal, около 40% поставок нефти в середине 2022 г. шло в «неизвестные пункты назначения» (см.: <https://info24.ru/news/wsj-soobshila-o-rostepostavok-rossijskoj-nefti-v-neizvestnye-punkty-naznacheniya.html>).

Поступала информация о создании нефтяных смесей, которые в составе имеют определенный процент российской нефти и нефти из других стран. Например, появилась «латвийская смесь», где концентрация Urals составляла менее 50% (см.: <https://www.rbc.ru/business/02/07/2022/62becf439a794776b3e8d733>). Не удивительно, что ограничения приводят к развитию теневых схем торговли, которым пока не придаётся особого значения. Но насколько долго это продлится – вопрос спорный. Даже Указ Президента РФ от 1 февраля 2023 г. о запрете экспорта нефти недружественным странам, которые ввели «потолок цен», рассчитан пока что на 5 месяцев (см.: <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2023/63d914ec9a7947854cbe0f74>).

Неизвестно, ослабят ли страны – инициаторы санкций – ограничения или, напротив, их рынки будут закрыты для российских товаров. Это неопределенность порождает новые риски, угрозы и вызовы экономической безопасности и устойчивости развития Российской Федерации. Кроме того, велик риск вторичных санкций для тех стран, которые налаживают логистическое и платежное

посредничество для российской внешней торговли. Следовательно, России нужно находить новые пути реализации своего торгового потенциала с более надежными партнерами.

Ввиду усиления регионализации в мировой экономике, которая эволюционировала от глобализации через глокализацию [18], логично, что Россия укрепляет связи с теми странами, с кем уже состоит в партнерстве. Российский экспортный центр составил карту приоритетных направлений для экспорта, где страны разделены по группам в зависимости от цели торговой политики, а также подсчитана приблизительная сумма доходов от таких партнерств (см.: https://www.exportcenter.ru/press_center/rossiyskiy-eksportnyy-tsentr-sostavil-aktualnuyu-kartu-prioritetnykh-napravleniy-dlya-eksporta/). В целом большее преимущество отдаётся крупным развивающимся игрокам мирового рынка.

Так, российско-китайский оборот торговли менее чем за год увеличился на 33% (см.: <https://www.rbc.ru/economics/07/11/2022/6368c0209a7947cd28bf0605>), с Ираном отмечается рост торгового оборота на 20%, с Индией – в 2,5 раза и в 2 раза – с Турцией (см.: <https://www.kommersant.ru/doc/5757088>). С Беларусью, Казахстаном, Азербайджаном и другими южными странами постсоветского пространства отношения стали ещё прочнее. Касательно новых потенциальных партнеров непрерывно появляется новая информация. Например, имеется информация о желании Индонезии, Пакистана, Южной Африки, Шри-Ланки стать покупателями основного российского экспортного товара – нефти.

Если говорить конкретно об Индонезии, то несмотря на её предложение быстро купить подешевевшую нефть, с российской стороны продажи так и не последовало (см.: <https://ria.ru/20230127/neft-1847782912.html>). Неохотно продают российские производители свою нефть не только Индонезии, но и остальным пере-

численным странам. Переориентация на несильных игроков, даже и хороших политических партнёров, по нашему мнению, несёт в себе достаточно высокие риски.

В первую очередь данные риски могут быть связаны с тем, что на такие страны легче оказывать санкционное давление, даже декларируя готовность расширять торговые связи с Россией, они могут достаточно быстро «прогнуться» под давлением со стороны США и иных стран «западного блока». В итоге экономическая безопасность России вновь окажется под угрозой.

В связи с вышесказанным нельзя однозначно утверждать, в какую сторону пойдут потоки российского экспорта. Скорее всего, резкой смены направления в ближайшее время не предвидится, потому что существует много политико-экономических факторов, которые ограничивают переориентацию. Однако становится очевидным, что надёжность, стабильность и безопасность становятся главными чертами при выборе торговых партнёров для России.

Из вопроса поиска приоритетных для России внешнеторговых партнёров вытекает другой – как будет развиваться экспортная структура. Между двумя вопросами есть прямая связь: от интересов новых партнёров

зависит, на каком уровне производства основных экспортируемых товаров придётся остановиться. Чтобы восполнить ущерб от вынужденной переориентации торговли, нужно либо сохранить всё на прежнем уровне, либо, наоборот, увеличить / сократить производство [19].

Для лучшего понимания того, как меняется структура экспорта в России в кризисы и в период санкций, необходимо провести ретроспективный анализ. С 2000 г. в России наибольшую долю экспорта занимают минеральные продукты, минимальную – кожевенное сырьё, пушнина и изделия из них. В целом процент остальных товаров, по данным официальной статистики (см.: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya), также остаётся примерно стабильным из года в год.

Зависимость между показателями темпа прироста и долей товарных групп в структуре российского экспорта четко прослеживается. В ходе анализа было выявлено, что чем выше доля товарной группы, тем меньший темп прироста наблюдается по сравнению с предыдущим годом у данной группы в период кризиса. Это доказывает отрицательная корреляция между этими показателями в 2007, 2009, 2012–2016, 2019–2020 гг. (рис. 1).

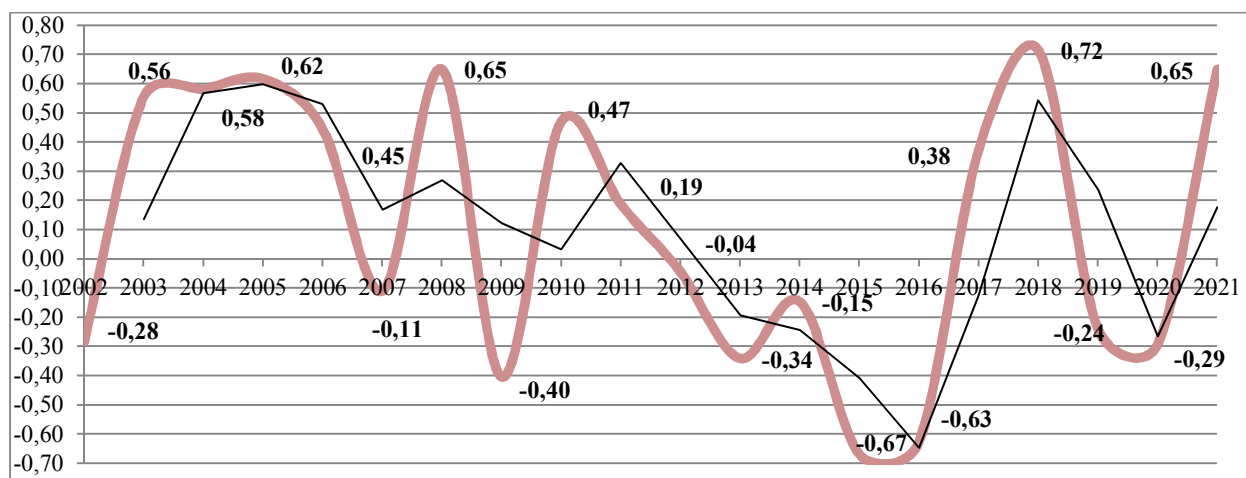

Рис. 1. Корреляционная зависимость между показателями темпа прироста и долей товарных групп в структуре российского экспорта (составлено Я. А. Анисимовой на основе данных Росстата)

На стадиях оживления и подъема связь между долями и темпами роста характеризует положительная корреляция – темп прироста выше у тех товарных групп, у которых доля в экспорте больше (рис. 2). Примечательно, что график динамики изменения ВВП и сглаженный

график корреляционной зависимости двух переменных имеют схожий тренд. Это подтверждает то, что во время экономической дестабилизации происходит смещение экспортных потоков с преобладающих товаров на менее преобладающие в структуре и наоборот.

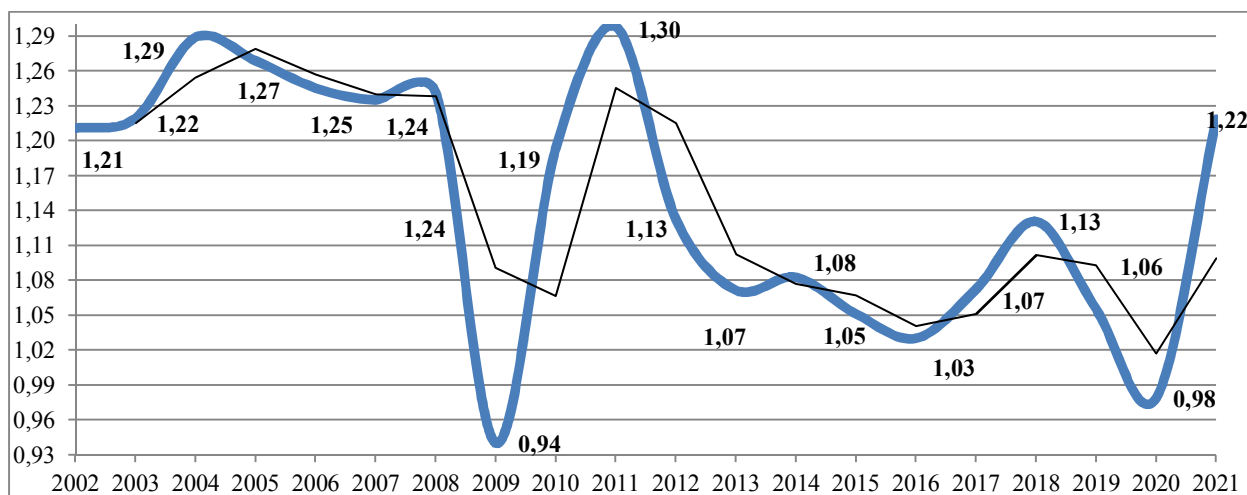

Рис. 2. Динамика российского ВВП (составлено Анисимовой Я.А. на основе данных Росстата)

В данном случае причиной выявленной зависимости является сырьевая специализация страны, ведь российские невозобновляемые природные ресурсы, поставляемые на экспорт, становятся уязвимой мишенью, страдающей в период нестабильности. Тем самым наибольший акцент в кризис делается на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, а также продукцию химической промышленности, каучук. Конечно, стоит учитывать и характер кризисов, но даже во время неэкономического внешнего пандемического шока 2020 г. [20] торговая структура дала сбой. Поэтому данной тенденции стоит уделить внимание.

Говоря о нынешней обстановке, следует отметить высокий уровень неопределенности в показателях экспорта энергоносителей. Так, средняя цена российской нефти в январе 2023 г. снизилась в 1,7 раза по сравнению с прошлым годом (по данным Минфина РФ – см.: [https://](https://tass.ru/ekonomika/16936339)

tass.ru/ekonomika/16936339), а по итогам 2022 г. Россия нарастила объемы производства нефти на 2%, почти до 535 млн тонн (см.: <https://www.kommersant.ru/doc/5759357>). При этом экспорт российской сырой нефти сократился на 22% к концу 2022 г. (см.: <https://lenta.ru/news/2022/12/29/neftsokr/>).

Чтобы компенсировать это, Россия традиционно обращается к увеличению экспорта продовольствия. Поставки продовольствия возросли на 12% в денежном выражении (см.: <https://ria.ru/20230202/prodovolstvie-1849203202.html>). Данная тенденция небезосновательна. Такой тренд в изменении структуры экспорта с российской стороны был свойственен и во время других глубоких кризисов. Что ждет нас далее? Прошло недостаточно времени, чтобы дать однозначный ответ. Процессы диверсификации поставок были запущены недавно, поиски партнеров ещё продолжаются.

Говоря о перспективах развития российской экономики и изменения структу-

ры российских внешнеторговых потоков, мы проявим несколько нетрадиционный подход. Традиционно сырьевая направленность экспорта РФ подвергается критике, многие специалисты призывают к инновационному обновлению и экономики, и экспорта [21; 22]. Долгосрочно с такой позицией мы согласны, но кратко- и даже среднесрочно следует проявить, по нашему мнению, некоторую осторожность.

Вопреки заявлениям премьер-министра РФ Михаила Мишустина «стимулировать экономику, чтобы еще больше уйти от сырьевой зависимости, увеличивая долю технологичных производств» (цит. по: <https://ria.ru/20220301/syre-1775811401.html>), стоит понимать, что ценность сырьевых товаров относительно других товаров производства остаётся всё же высокой [19]. Мир не находится на пике технологического развития, зелёная энергетика требует колоссальных доработок, страны с ESG-принципами всё больше закупают нефти и газа в свои резервы, есть спрос и со стороны других государств.

Поэтому процессы вытеснения минеральных ресурсов из экспортной структуры России даже при неопределённых партнерах и высоких уровнях неопределённости и угроз экономической безопасности, вызванных санкционными режимами, без адекватной замены на столь же востребованные на мировом рынке товары, по нашему мнению, должны происходить поэтапно и с большой осторожностью.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что состояние экономической безопасности России в условиях беспрецедентного

санкционного давления ослабляется. Но изменение глобальных экономических приоритетов произошло не одномоментно, это изменение вызвано политическими и идеологическими противостояниями, накапливавшимися в течение всего постсоветского периода. Мировая экономика становится более закрытой, процессы глобализации и свободной торговли начинают стагнировать.

Из-за этого меняются и общие мировые тенденции торговли в сторону игнорирования интересов развивающихся стран, усиления регионализации и активизации методов давления на торгового партнера, который все чаще позиционируется не как «партнер», но как «противник». Все это ставит на повестку вопрос о переориентации внешней торговли для нашей страны.

У России есть возможность справиться с глобальными вызовами, ведь несмотря на суровые санкции и другие ограничения торговли, «изгнания» с рынка и полного отказа от российских экспортных товаров не случилось, даже, наоборот, торговля наиболее значимыми ресурсами (нефтью и газом) набирала в течение санкционного 2022 г. всё большие обороты. Можно ожидать, что процесс перехода на более надежных партнеров ускорится в этом году, потому что неизвестно, насколько далеко продвинутся политические конфронтации.

Переориентируя торговые потоки на более сильных и безопасных для сотрудничества партнеров без изменения структуры экспорта, России удастся, по нашему мнению, нивелировать оказываемое давление и повысить свою конкурентоспособность в мировой экономике, а значит, отстоять экономический суверенитет.

Список литературы

1. Котляров И. Д. Формы аутсорсинга в современной международной торговле // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 6. С. 65–72.

2. Борохов В. Н., Миндлин Ю. Б. Импортзамещение как инструмент обеспечения национальной экономической безопасности Российской Федерации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 8. С. 12–16.
3. Феофилова Т. Ю., Радьгин Е. В. Международное разделение труда как угроза национальной экономической безопасности // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2022. № 1. С. 66–72.
4. Курбанов А. Х., Наружный В. Е. Импортзамещение в технологическом обеспечении производства продукции военного назначения: теоретические и прикладные аспекты // Вооружение и экономика. 2017. № 2(39). С. 69–77.
5. Курочкина А. А., Жильчук Л. Б. Импортзамещение как ключевое направление стабилизации экономики в РФ // Глобальный научный потенциал. 2021. № 11(128). С. 182–188.
6. Курочкина А. А., Семенова Ю. Е., Бикезина Т. В. Параллельный импорт как условие обеспечения экономической безопасности России // Наука и бизнес: пути развития. 2022. № 11(137). С. 69–72.
7. Курченков М. А., Головкина С. И. Теоретические подходы к определению и реализации импортзамещения // Актуальные проблемы науки и практики. 2017. № 2(007). С. 22–28.
8. Плещенко В. И. Параллельный импорт и челноки: реактуализация старых схем организации товародвижения в условиях санкционных ограничений // Логистика сегодня. 2022. № 3. С. 180–184.
9. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Импортзамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. 2014. № 11(109). С. 38–47.
10. Черникова А. А., Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортзамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов // Экономика и управление. 2016. № 10(132). С. 28–39.
11. Капустина И. В., Григорьева К. А. Импорт автокомпонентов как фактор лабильности рынка автомобилестроения // Beneficium. 2022. № 3(44). С. 49–56.
12. Никифорова Ж. А. Анализ влияния антироссийских экономических санкций на экономику Королевства Швеция // Бюллетень транспортной информации. 2021. № 1(307). С. 11–15.
13. Корчагина Е. В., Егерева Ю. Б. Анализ торговых связей между Россией и ЮАР // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2021. № 2. С. 32–35.
14. Дробот Е. В., Ивко Е. С. Исследование тенденций и частоты использования нетарифных мер во внешнеэкономической деятельности на примере технических барьеров во внешней торговле // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19, № 5. С. 1357–1376.
15. Славецкая Н. С., Мизринь Л. А. Ценовой потолок как метод санкционного давления на российский нефтяной экспорт // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 21–27.
16. Головкина С. И., Лепская А. П., Мизина А. П. Внешняя торговля углеводородами России: современные тенденции и проблемы // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 3(21). С. 16–23.
17. Плотников В. А., Рукинов М. В. Новый облик мировой энергетики и экономическая безопасность России // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2020. № 2(44). С. 39–43.
18. Козин В. В., Писачкин В. А. Глобализация, глокализация, регионализм: дискурс становления и развития // Регионология. 2007. № 1 (58). С. 5–15.
19. Плотников В. А. Транснациональные цепочки создания ценности и глобальные механизмы ценообразования: взгляд теоретика // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 2 (134). С. 7–13.
20. Плотников А. В. Моделирование форм проявления кризиса в национальной экономике под воздействием неэкономического шока (на примере кризисов в России 2020 и 2022 годов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 194–199.
21. Воспроизводственный подход к оценке и регулированию регионального развития по критериям устойчивости / Ю. В. Донченко, Ю. В. Вертакова, А. В. Евченко, П. А. Клименко // Вопросы статистики. 2005. № 8. С. 20–25.

22. Котляров И. Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения // ЭКО. 2016. № 8 (506). С. 128–140.

References

1. Kotlyarov I. D. Formy outsorsinga v sovremennoi mezhdunarodnoi torgovle [Forms of outsourcing in modern international trade]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2011, no. 6, pp. 65–72.
2. Borobov V. N., Mindlin Yu. B. Importozameshchenie kak instrument obespecheniya natsional'noi ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Import substitution as a tool for ensuring national economic security of the Russian Federation]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*, 2022, no. 8, pp. 12–16.
3. Feofilova T. Yu., Radygin E. V. Mezhdunarodnoe razdelenie truda kak ugroza natsional'noi ekonomicheskoi bezopasnosti [International division of labor as a threat to national economic security]. *Mirovaya ekonomika: problemy bezopasnosti = The World Economy: Security Problems*, 2022, no. 1, pp. 66–72.
4. Kurbanov A. Kh., External V. E. Importozameshchenie v tekhnologicheskoy obespechenii proizvodstva produktsii voennogo naznacheniya: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Import substitution in technological support of production of military products: theoretical and applied aspects]. *Vooruzhenie i ekonomika = Armament and Economics*, 2017, no. 2(39), pp. 69–77.
5. Kurochkina A. A., Zhilchuk L. B. Importozameshchenie kak klyuchevoye napravlenie stabilizatsii ekonomiki v RF [Import substitution as a key direction of economic stabilization in the Russian Federation]. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global Scientific Potential*, 2021, no. 11(128), pp. 182–188.
6. Kurochkina A. A., Semenova Yu. E., Bikezina T. V. Parallel'nyi import kak uslovie obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Parallel import as a condition for ensuring Russia's economic security]. *Nauka i biznes: puti razvitiya = Science and Business: Ways of Development*, 2022, no. 11(137), pp. 69–72.
7. Kurchenkov M. A., Golovkina S. I. Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu i realizatsii importozameshcheniya [Theoretical approaches to the definition and implementation of import substitution]. *Aktual'nye problemy nauki i praktiki = Actual Problems of Science and Practice*, 2017, no. 2(007), pp. 22–28.
8. Pleshchenko V. I. Parallel'nyi import i chelnoki: reaktualizatsiya starykh skhem organizatsii tovarodvizheniya v usloviyakh sanktsionnykh ogranichenii [Parallel import and shuttles: reactualization of old schemes of organization of goods movement in conditions of sanctions restrictions]. *Logistika segodnya = Logistics Today*, 2022, no. 3, pp. 180–184.
9. Plotnikov V. A., Vertakova Yu. V. Importozameshchenie: teoreticheskie osnovy i perspektivy realizatsii v Rossii [Import substitution: theoretical foundations and prospects for implementation in Russia]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2014, no. 11(109), pp. 38–47.
10. Chernikova A. A., Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Importozameshchenie kak instrument ekonomicheskoi politiki upravleniya riskami importozavisimosti: vybor podkhodov [Import substitution as an instrument of economic policy for managing risks of import dependence: a choice of approaches]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2016, no. 10(132), pp. 28–39.
11. Kapustina I. V., Grigorieva K. A. Import avtokomponentov kak faktor labil'nosti rynka avtomobilestroeniya [Import of automotive components as a factor of lability of the automotive market]. *Beneficium*, 2022, no. 3(44), pp. 49–56.
12. Nikiforova Zh. A. Analiz vliyaniya antirossiiskikh ekonomicheskikh sanktsii na ekonomiku Korolevstva Shvetsiya [Analysis of the impact of anti-Russian economic sanctions on the economy of the Kingdom of Sweden]. *Byulleten' transportnoi informatsii = Bulletin of Transport Information*, 2021, no. 1(307), pp. 11–15.
13. Korchagina E. V., Egereva Yu. B. Analiz torgovykh svyazei mezhdru Rossiei i YuAR [Analysis of trade relations between Russia and South Africa]. *Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk = Bulletin of Education and Development of Science of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2021, no. 2, pp. 32–35.

14. Drobot E. V., Ivko E. S. Issledovanie tendentsii i chastoty ispol'zovaniya netarifnykh mer vo vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti na primere tekhnicheskikh bar'erov vo vneshnei torgovle [Investigation of trends and frequency of use of non-tariff measures in foreign economic activity on the example of technical barriers in foreign trade]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Entrepreneurship*, 2018, vol. 19, no. 5, pp. 1357–1376.
15. Slavetskaya N. S., Mierin L. A. Tsenovoi potolok kak metod sanktsionnogo davleniya na rossiiskii neftyanoi eksport [Price ceiling as a method of sanctions pressure on Russian oil exports]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of St. Petersburg State University of Economics*, 2022, no. 5-2 (137), pp. 21–27.
16. Golovkina S. I., Lepskaya A. P., Mizina A. P. Vneshnyaya torgovlya uglevodorodami Rossii: sovremennye tendentsii i problemy [Foreign trade in hydrocarbons of Russia: modern trends and problems]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*, 2017, no. 3(21), pp. 16–23.
17. Plotnikov V. A., Rukinov M. V. Novyi oblik mirovoi energetiki i ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii [The new face of the world energy and economic security of Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom = Proceedings of Higher Educational Institutions. Series: Economics, Finance and Production Management*, 2020, no. 2(44), pp. 39–43.
18. Kozin V. V., Pisachkin V. A. Globalizatsiya, glokalizatsiya, regionalizm: diskurs stanovleniya i razvitiya [Globalization, glocalization, regionalism: the discourse of formation and development]. *Regionologiya = Regionology*, 2007, no. 1 (58), pp. 5–15.
19. Plotnikov V. A. Transnatsional'nye tsepochniki sozdaniya tsennosti i global'nye mekhanizmy tseonoobrazovaniya: vzglyad teoretika [Transnational value chains and global pricing mechanisms: a theorist's view]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*, 2022, no. 2 (134), pp. 7–13.
20. Plotnikov A. V. Modelirovanie form proyavleniya krizisa v natsional'noi ekonomike pod vozdeistviem neekonomicheskogo shoka (na primere krizisov v Rossii 2020 i 2022 godov) [Modeling of forms of crisis manifestation in the national economy under the influence of non-economic shock (on the example of crises in Russia in 2020 and 2022)]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of St. Petersburg State University of Economics*, 2022, no. 5-2 (137), pp. 194–199.
21. Donchenko Yu. V., Vertakova Yu. V., Evchenko A. V., Klimenko P. A. Vosproizvodstvennyi podkhod k otsenke i regulirovaniyu regional'nogo razvitiya po kriteriyam ustoichivosti [Reproductive approach to the assessment and regulation of regional development according to sustainability criteria]. *Voprosy statistiki = Questions of Statistics*, 2005, no. 8, pp. 20–25.
22. Kotlyarov I. D. Lokalizatsiya proizvodstva kak instrument importozameshcheniya [Localization of production as an instrument of import substitution]. *EKO = ECO*, 2016, no. 8 (506), pp. 128–140.

Информация об авторах / Information about the Authors

Анисимова Яна Александровна, студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: yanastoronkina@mail.ru

Yana A. Anisimova, Student, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: yanastoronkina@mail.ru

Плотников Владимир Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3784-6195

Vladimir A. Plotnikov, Dr. of Sci. (Economics), Professor, Professor of the Department of General Economic Theory, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3784-6195

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-24-38>**Финансовая составляющая экономической безопасности стран
Евразийского экономического союза****Ар. А. Головин¹ ✉, А. А. Головин², О. И. Шинкарева¹**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Академия госслужбы
ул. Станционная, д. 9, г. Курск 305044, Российская Федерация

✉ e-mail: cool.golovin2011@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Углубление интеграционных процессов в рамках ЕАЭС требует новых подходов к управлению экономической безопасностью. Экономическая взаимозависимость стран ЕАЭС больше не позволяет игнорировать проблемы друг друга. Неустойчивое состояние одной экономики отрицательно сказывается на других и в целом Союзе. Финансовая безопасность как часть экономической безопасности определяется направлениями бюджетной политики и степенью исполнения бюджета.

Цель исследования заключается в оценке финансовой безопасности стран-членов Евразийского экономического союза, являющейся частью их экономической безопасности.

Задачи: обосновать необходимость оценки финансовой безопасности стран ЕАЭС; провести анализ исполнения консолидированного бюджета стран ЕАЭС; дать оценку доходов и расходов консолидированного бюджета стран ЕАЭС; определить проблемные моменты в осуществлении бюджетной политики стран ЕАЭС.

Методология. В процессе исследования были использованы такие научные методы, как эмпирический метод, компаративный анализ, вертикальный и горизонтальный анализ, методы индукции и дедукции, метод системного подхода, а также иные методы, позволяющие провести комплексное исследование. Материалами исследования стали данные ЕАЭС, ФТС России, а также Росстата России.

Результаты. Выявлено, что страны ЕАЭС имеют значительные различия в бюджетной политике. Проведённый анализ показал, что наиболее финансово-слабыми странами являются Армения и Кыргызстан. Наиболее сбалансированный бюджет – в Белоруссии, а наиболее социально ориентированный – в России. Ввиду неблагоприятного окружения Армения значительную часть расходов направляет на оборону, что сказывается на её развитии.

Выводы. Странам ЕАЭС необходимо стабилизировать ближайшее окружение объединения, а вторым этапом – сформировать оптимальную типовую структуру доходной и расходной частей бюджета, что позволит обеспечить комплексную финансовую безопасность объединения. Унификация бюджетной политики положительно скажется на развитии объединения и его членов. Единая бюджетная политика создаст территорию, на которой будут унифицированы фискальные платежи, а векторы развития национальных экономик Союза будут согласованы.

Ключевые слова: экономическая безопасность; финансовая безопасность; бюджетная политика; доходы консолидированного бюджета; расходы консолидированного бюджета; Евразийский экономический союз.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2023 год № 0851-2020-0034.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Головин Ар. А., Головин А. А., Шинкарева О. И., 2023

Для цитирования: Головин Ар. А., Головин А. А., Шинкарева О. И. Финансовая составляющая экономической безопасности стран Евразийского экономического союза // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 24–38. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-24-38>.

Поступила в редакцию 06.02.2023

Принята к публикации 03.03.2023

Опубликована 28.04.2023

The Financial Component of the Economic Security of the Countries of the Eurasian Economic Union

Artem A. Golovin¹ ✉, Aleksey A. Golovin², Olga I. Shinkareva¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Academy of Civil Service
9 Stantsionnaya Str., Kursk 305044, Russian Federation

✉ e-mail: cool.golovin2011@yandex.ru

Abstract

Relevance. The deepening of integration processes within the EEU requires new approaches to managing economic security. The economic interdependence of the EEU countries no longer allows ignoring each other's problems. The unstable state of one economy negatively affects others and the whole Union. Financial security, as part of economic security, is determined by the directions of budget policy and the degree of budget execution.

The purpose of the study is to assess the financial security of the member countries of the Eurasian Economic Union, which is part of their economic security.

Objectives: to substantiate the need to assess the financial security of the EEU countries; analyze the execution of the consolidated budget of the EEU countries; assess the income and expenditure of the consolidated budget of the EEU countries; to identify problematic points in the implementation of the budgetary policy of the EEU countries.

Methodology. In the course of the research, such scientific methods as the empirical method, comparative analysis, vertical and horizontal analysis, induction and deduction methods, the method of a systematic approach, as well as other methods allowing for a comprehensive study were used. The materials of the study were data from the EAIS, the Federal Customs Service of Russia, as well as Rosstat of Russia.

Results. It is revealed that the EAEU countries have significant differences in budget policy. The analysis showed that the most financially weak countries are Armenia and Kyrgyzstan. The most balanced budget is in Belarus, and the most socially oriented is in Russia. Due to the unfavorable environment, Armenia spends a significant part of its expenditures on defense, which affects its development.

Conclusions. The EEU countries need to stabilize the immediate environment of the association, and the second stage, to form an optimal model structure of the revenue and expenditure parts of the budget, which will ensure the comprehensive financial security of the association. The unification of the budget policy will have a positive impact on the development of the association and its members. A single budget policy will create a territory in which fiscal payments will be unified, and the vectors for the development of the national economies of the Union will be coordinated.

Keywords: economic security; financial security; budget policy; consolidated budget revenues; consolidated budget expenditures; Eurasian Economic Union.

Funding: The publication was made within the framework of the state task for 2023 No. 0851-2020-0034.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Golovin Ar. A., Golovin A. A., Shinkareva O. I. The Financial Component of the Economic Security of the Countries of the Eurasian Economic Union. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 24–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-24-38>.

Received 06.02.2023

Accepted 03.03.2023

Published 28.04.2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент / *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 24–38

Введение

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз) – это интеграционное образование, ориентированное на стимулирование развития стран-участниц, определяющее единую внешнеторговую, финансовую и макроэкономическую политику. Экономический союз является промежуточным интеграционным объединением, завершающей формой которого является политический союз [1, с. 22]. Интеграция происходит посредством добавления новых сфер, подвергающихся унификации. Таможенный союз развивается в экономический, путём унификации не только таможенной политики, но и макроэкономической политики. В первую очередь это проявляется в том, что не только товары перемещаются между странами без барьеров, но уже и средства производства, трудовые и иные ресурсы, а также делаются шаги для унификации налогового законодательства. Следующим в этом развитии ЕАЭС должен стать экономический и валютный союз, предполагающий, кроме единой торговой, экономической, ещё и единую денежно-кредитную политику [2, с. 11].

Экономическая безопасность – сложная и многоаспектная категория. Она является важной частью национальной безопасности, а сама, в свою очередь, включает в себя продовольственную, финансовую, денежно-кредитную, производственную, технологическую, внешне-торговую и иные виды безопасности. Сложность обеспечения экономической безопасности обусловлена значительными факторами, определяющими её уровень. Если в рамках одного государства можно применять различные инструменты для обеспечения безопасности, то в рамках объединения этот процесс более сложный. Страны любого объединения имеют независимую национальную политику и не обязаны подчиняться решениям правительств других стран-членов. Однако неустойчивое положение одного госу-

дарства может поставить под угрозу развитие остальных. Решить проблему должен был бы единый документ, определяющий цели, задачи, показатели, риски, угрозы, а также меры, направленные на обеспечение экономической безопасности. Однако до такого уровня согласованности предстоит значительная работа по унификации внутренней экономической политики стран-членов ЕАЭС [3, с. 82].

Как отмечалось ранее, экономическая безопасность состоит из различных элементов, одним из которых является финансовая безопасность, определяемая бюджетной политикой стран-участниц Союза. Основным индикатором финансовой безопасности является уровень исполнения бюджета, а именно дефицит или профицит бюджета [4, с. 99]. Немаловажное значение играют доходы и расходы бюджета. Доходы бюджета обеспечивают устойчивость бюджетной политики и уровень расходов. Расходы прямо влияют на все элементы государственной политики, от социальной и экономической до обеспечения обороноспособности государства. Доходы и расходы должны быть сбалансированы, так как дефицит бюджета ведёт к дополнительному привлечению средств из заёмных источников, а профицит свидетельствует о неэффективной и неустойчивой экономической и бюджетной политики. Исполнение бюджета должно выходить ровно в те значения, в которые было запланировано [5, с. 495].

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью оценки финансовой безопасности стран ЕАЭС, обуславливающей устойчивость интеграционного образования в целом. Оценка финансовой безопасности должна быть проведена через исследование результатов бюджетной политики и их сопоставление по странам ЕАЭС.

Актуальность исследования определила цель работы, которая заключается в оценке финансовой безопасности стран-членов Евразийского экономического

союза, являющейся частью их экономической безопасности.

Объектом исследования являются финансово-бюджетные отношения, определяющие уровень финансовой и экономической безопасности стран-членов Евразийского экономического союза.

Материал и методы

Методической базой исследования стали такие научные методы, как эмпирический метод, компаративный анализ, вертикальный и горизонтальный анализ, методы индукции и дедукции, метод системного подхода, а также иные методы, позволяющие провести комплексное исследование.

Материалами исследования стали данные Евразийской экономической комиссии, Федеральной таможенной службы Российской Федерации, а также Федеральной службы государственной статистики.

Результаты и их обсуждение

Основу финансовой безопасности составляют государственные финансы. Наиболее значимым финансовым показателем экономической безопасности является баланс бюджета, а именно соотношение его доходов и расходов. Преобладание расходов над доходами формирует дефицит бюджета, а доходов над расхо-

дами – профицит. Состояние баланса бюджета страны определяет устойчивость и результативность бюджетной политики [6, с. 456].

В исследовании государственных финансов используется несколько вариантов бюджета, а именно федеральный или республиканский бюджет и консолидированный бюджет. Главное отличие федерального / республиканского от консолидированного бюджета заключается в том, что последний включает в себя совокупность бюджетов различного уровня, в т. ч. федеральный / республиканский бюджет, региональный, местный, бюджетные и внебюджетные фонды и др. Для цели исследования предпочтительно использование консолидированного бюджета как наиболее комплексного индикатора, всесторонне характеризующего государственную бюджетную политику [7, с. 86].

На основе данных таблицы 1 дадим оценку исполнения консолидированного бюджета стран-членов ЕАЭС. Оценка будет проводиться в национальной валюте (далее – н. в.) стран ЕАЭС, что достаточно для горизонтального анализа бюджета. Сопоставление размеров бюджетов стран ЕАЭС нецелесообразно по причине значительных различий этих стран (площади территории, ресурсного потенциала, населения и др.).

Таблица 1. Оценка исполнения консолидированного бюджета стран-членов ЕАЭС в 2017–2021 гг., млрд ед. национальной валюты [8, с. 470]

Страна	2017	2018	2019	2020	2021	Темп изменения (%) 2021 г. к 2017 г.	Отклонение (+,-) 2021 г. от 2017 г.
<i>Доходы консолидированного бюджета</i>							
Армения	1276,8	1384,5	1614,9	1608,7	1743,9	136,6	467,1
Беларусь	31,7	37,7	39,1	39,3	46,8	147,6	15,1
Казахстан	10922,6	14080,3	13888,1	14649,6	16034,2	146,8	5111,6
Кыргызстан	176,1	186,3	203,5	186,8	250,2	142,1	74,1
Россия	31046,7	37320,3	39497,6	38205,7	48118,4	155,0	17071,7
<i>Расходы консолидированного бюджета</i>							
Армения	1541,6	1480,8	1667,3	1924,9	2061,9	133,8	520,3
Беларусь	28,7	33,1	36	42	46,9	163,4	18,2
Казахстан	13136,1	11775,8	14194,5	17458,6	18569	141,4	5432,9
Кыргызстан	191	187,6	200,4	203,2	245,5	128,5	54,5
Россия	32395,7	34284,7	37382,2	42503	47072,7	145,3	146770

Страна	2017	2018	2019	2020	2021	Темп изменения (%) 2021 г. к 2017 г.	Отклонение (+,-) 2021 г. от 2017 г.
<i>Дефицит (профицит) консолидированного бюджета</i>							
Армения	-264,8	-96,3	-52,4	-316,2	-318,1	X	X
Беларусь	2,9	4,6	3,1	-2,7	-0,1	X	X
Казахстан	-2213,5	2304,5	-306,4	-2809	-2534,8	X	X
Кыргызстан	-14,9	-1,4	3,1	-16,4	4,7	X	X
Россия	-1349,1	3035,6	2115,3	-4297,3	1045,7	X	X

Примечание. Составлено и рассчитано на основе данных статистического ежегодника Евразийского экономического союза за 2022 г.

Темпы роста доходов бюджета Армении наименьшие среди стран ЕАЭС. За исследуемый период они увеличились на 36,6%, или на 467,1 млрд ед. н. в. Наибольшие темпы роста доходов показала Россия – 55%, или + 17071,7 млрд ед. н. в. Темпы роста доходов бюджета республик Беларусь, Казахстан и Кыргызстан сопоставимые и находятся в интервале от 42,1 и 47,6%. Темпы роста доходов бюджета стран ЕАЭС нестабильные. На 2020 г. пришёлся пик пандемии COVID-19, в связи с чем многие хозяйственные и торговые цепочки были нарушены, что не могло не сказаться на наполняемости бюджета [9, с. 878]. Бюджеты России, Армении и Кыргызстана показали снижение наполняемости. Доходы Республики Беларусь, напротив, показали слабую динамику роста в 2020 г., в сравнении с 2019 г., на 0,2 млрд ед. н. в. Доходы Республики Казахстан снизились в 2019 г., а в 2020 г. показали тенденцию к росту. В целом можно говорить, что бюджетная политика в части формирования доходов наиболее устойчивая в Республике Беларусь.

Оценка изменения расходов бюджета показала, что наименьшую динамику увеличения расходов демонстрирует Республика Кыргызстан. За 2017-2022 г. расходы страны увеличились всего на 28,5%. Несколько большие темпы роста расходов показала Республика Армения (+33,8%). Наибольшее увеличение расходов показала Республика Беларусь – 63,4%. Расходы Республики Казахстан и

Российской Федерации увеличились на 41,4 и 45,3% соответственно. Как и в ситуации с доходами, имеет место высокая волатильность расходов бюджетов стран ЕАЭС. Расходы республик Армения, Казахстан и Кыргызстан демонстрировали снижение в 2018 г., затем показали стабильную восходящую динамику. Расходы Республики Беларусь и Российской Федерации в течение всего исследуемого периода показывали стабильную динамику к росту. Оценка изменения расходов консолидированного бюджета позволила определить бюджетную политику Республики Беларусь и Российской Федерации в части расходной составляющей как наиболее стабильную среди стран ЕАЭС [10, с. 61].

Дефицит (или профицит) бюджета – важный показатель бюджетной политики, финансовой и экономической безопасности государства. Профицит бюджета расширяет возможности государства в части реализации внутренней политики, а дефицит – ведёт к заимствованию недостающих средств для выполнения обязательств, возложенных на государство в соответствии с принятым бюджетом [11, с. 6]. Бюджет Армении в течение всего исследуемого периода дефицитный, однако страна старалась его уменьшать, что получалось вплоть до начала пандемии COVID-19. Размер дефицита бюджета Республики Армения в 2020 г. превысил дефицит 2017 г. Бюджет Республики Беларусь был профицитным до 2020 г., что также связано с пандемией COVID-19.

Бюджеты республик Казахстан и Кыргызстан, а также Российской Федерации демонстрируют низкую стабильность. Бюджет Республики Казахстан преимущественно дефицитный, исключение составил 2018 г., когда профицит составил 2304,5 млрд ед. н. в. Единственным годом, когда бюджет Республики Кыргызстан был профицитным, стал 2019 г. Бюджет Российской Федерации имел положительный баланс в 2018-2019 гг. Затем последовавшая пандемия COVID-19 привела к значительному росту расходов и снижению доходов, что обеспечило дефицит бюджета в 2020 г. Однако в 2021 г. страна смогла выйти на положительный уровень [12].

Таким образом, наиболее устойчивая бюджетная политика в Республике Беларусь и Российской Федерации. Бюджетная политика республик Казахстан, Армения и Кыргызстан крайне неустойчивая, со стабильным бюджетным дефицитом. Панде-

мия COVID-19 усугубила положение данных стран в части исполнения бюджета. В то же время бюджеты Республики Казахстан и Российской Федерации значительно зависимы от экспортных поставок, в т. ч. энергоносителей, следовательно, высокая волатильность мировых цен и курса национальной валюты оказывает сильное влияние на исполнение бюджета. Экономическая безопасность по показателю дефицит / профицит бюджета наибольшая у Республике Беларусь, а на втором месте – Российская Федерация. Аутсайдером является Республика Армения, а Кыргызстан и Казахстан заняли срединное положение [13, с. 89].

Следующим этапом исследования необходимо оценить структуру доходов консолидированного бюджета стран-членов ЕАЭС. Данная оценка позволит определить устойчивость поступлений и дать некоторую характеристику национальных экономик стран ЕАЭС (табл. 2).

Таблица 2. Оценка изменения структуры доходов консолидированного бюджета стран-членов ЕАЭС в 2017–2021 гг., % [8, с. 475–476]

Источник дохода	2017	2018	2019	2020	2021	Отклонение (+,-) 2021 г. от 2017 г.
<i>Армения</i>						
Подходный налог	26,75	25,76	27,30	25,58	24,45	-2,30
Налоги на прибыль (доход)	8,61	12,29	14,48	9,25	9,09	0,49
НДС	31,85	31,65	31,36	29,32	31,88	0,04
Акцизы	6,45	7,87	8,58	7,68	6,49	0,04
Доходы от ВЭД	5,69	5,79	5,89	4,31	4,86	-0,82
Другие	20,67	16,64	12,39	23,87	23,22	2,55
<i>Беларусь</i>						
Подходный налог	13,6	13,8	15,1	17,0	16,9	3,3
Налоги на прибыль (доход)	9,1	8,8	9,7	7,1	11,8	2,6
НДС	29,0	28,1	28,9	31,8	31,8	2,8
Акцизы	7,3	6,9	7,2	7,9	7,9	0,7
Доходы от ВЭД	11,0	14,6	12,0	10,4	10,9	-0,1
Другие	29,3	28,1	27,1	25,7	20,7	-8,6
<i>Казахстан</i>						
Подходный налог	6,9	6,0	6,3	6,3	7,1	0,2
Налоги на прибыль (доход)	21,3	21,7	23,2	13,6	17,6	-3,6
НДС	15,2	14,4	19,4	17,3	17,5	2,3
Акцизы	2,3	2,2	2,5	3,0	2,9	0,6
Доходы от ВЭД	11,0	10,1	11,3	6,3	9,2	-1,7
Другие	43,3	45,5	37,4	53,5	45,6	2,3

Источник дохода	2017	2018	2019	2020	2021	Отклонение (+,-) 2021 г. от 2017 г.
<i>Кыргызстан</i>						
Подходный налог	6,3	6,2	6,3	6,5	6,1	-0,2
Налоги на прибыль (доход)	2,4	3,0	3,2	4,5	5,4	3,0
НДС	25,6	28,3	25,0	21,1	25,4	-0,2
Акцизы	5,4	5,5	4,9	4,8	4,6	-0,8
Доходы от ВЭД	9,4	9,8	10,8	9,3	9,2	-0,2
Другие	50,9	47,2	49,8	53,8	49,3	-1,6
<i>Россия</i>						
Подходный налог	10,5	9,8	10,0	11,1	10,1	-0,3
Налоги на прибыль (доход)	10,6	11,0	11,5	10,5	12,6	2,0
НДС	16,5	16,1	18,0	18,9	19,1	2,6
Акцизы	5,2	4,3	3,5	5,1	1,7	-3,5
Доходы от ВЭД	8,4	9,9	7,6	5,1	7,4	-1,0
Другие	48,8	48,9	49,4	49,4	49,0	0,1

Примечание. Составлено и рассчитано на основе данных статистического ежегодника Евразийского экономического союза за 2022 г.

Экономический союз как интеграционная форма предполагает единую налоговую политику, однако она реализована только в части доходов администрируемых таможенными органами стран ЕАЭС, а именно в отношении ввозной таможенной пошлины. Ставки вывозных таможенных пошлин, НДС и акцизы в ЕАЭС определяются национальным законодательством стран-участниц Союза. В России ФНС администрирует налог на добавленную стоимость, а акцизы – Центральная акцизная таможня. На конец 2022 г. ставки НДС в республиках Кыргызстан и Казахстан значительно отличаются от ставок в остальных странах-членах Союза. В Кыргызстане и Казахстане максимальная ставка НДС – 12%, в то же время в Республике Армения и Российской Федерации – 20% [14], а в Республике Беларусь – 26% [15]. По ставкам акцизов ещё больше различий. Что касается внутренних налогов (НДФЛ, налог на прибыль и др.), то различия в ставках также значительны.

Половину доходов консолидированного бюджета Республики Армения формируют подоходный налог и налог на добавленную стоимость. В 2021 г. совокупный вклад данных налогов составил

56,33%. Значимость подоходного налога снизилась на 2,3 п. п., а НДС и акцизов увеличилась на 0,04 п. п. Доля налога на прибыль увеличилась на 0,49 п. п., а других источников доходов – на 2,55 п. п. Вклад доходов от внешнеэкономической деятельности в бюджет снизился на 0,82 п. п. Снижение значимости данного источника дохода находится в сильной зависимости от ограничений ВЭД, вызванных пандемией COVID-19. Снижение остальных доходов бюджета Республики Армения также вызвано пандемией COVID-19. Другие источники доходов волатильны по причине их менее устойчивой природы, т. к. к ним относятся доходы от продажи и использования государственного имущества, штрафы, санкции, возмещение ущерба и др. [16]. Также к другим источникам доходов относятся налоги за пользование недрами. Поскольку Республика Армения не обладает богатыми запасами полезных ископаемых, значимость других источников доходов невысока.

Вклад всех источников доходов Республики Беларусь, за исключением доходов от ВЭД и прочих доходов, растёт. Доля подоходного налога возросла на 3,3 п. п., налога на прибыль – на 2,6 п. п.,

НДС – на 2,8 п. п. и акцизов – на 0,7 п. п. Другие источники дохода потеряли 8,6% в совокупности доходов консолидированного бюджета. Значимость доходов от ВЭД сократилась незначительно – на 0,1 п. п. Данное перераспределение источников дохода обусловлено низкими темпами роста одних доходов (доходы от ВЭД и прочие) и высокими темпами роста остальных. В Республике Беларусь в результате пандемии COVID-19 в 2020 г. снизились поступления по налогу на прибыль организаций. Однако они быстро восстановились и в 2021 г. превысили уровень 2019 г. Доходы от ВЭД начали падать в 2019 г., но в 2021 г. началось их восстановление. Наиболее нестабильны другие источники доходов. В 2017 г. они играли ведущую роль в наполнении бюджета, но их значимость начала снижаться [17, с. 55].

Структура источников формирования консолидированного бюджета Республики Казахстан является крайне волатильной, что говорит о неустойчивой бюджетной политике. За исследуемый период произошло перераспределение долей в бюджете в пользу НДС и других доходов (+2,3 п. п.), акцизов (+0,6 п. п.) и подоходного налога (+0,2 п. п.). Значимость налога на прибыль организаций сократилась на 3,6 п. п., а доходов от ВЭД – на 1,7 п. п. Доля подоходного налога сокращалась в 2017–2018 гг., а затем показала тенденцию к росту. Доля налога на прибыль показывала стабильную динамику к росту, однако отрицательно сказалась пандемия COVID-19. В 2021 г. доля налога на прибыль показала слабую динамику восстановления. Значимость НДС показывает цикличность со снижением в одном году и восстановлением в следующем, и т. д. Схожую динамику показали акцизы и доходы от ВЭД. Другие доходы максимально формировали 53,5% бюджета в 2020 г., а минимально – 37,4% в 2019 г.

Единственным источником доходов бюджета Республики Кыргызстан, зна-

чимостью которого растёт, является налог на прибыль организаций. За исследуемый период его доля увеличилась с 2,4 до 5,4%, но наравне с акцизами остаётся наименьшей в структуре доходов бюджета. На 0,2 п. п. снизилась доля подоходного налога, НДС и налогов от ВЭД. Наибольшее снижение значимости показали другие источники доходов (-1,6 п. п.) и акцизы (-0,8 п. п.). Высокая значимость других доходов (49,3% в 2021 г.) является следствием ресурсоориентированной экономики страны. Общая структура доходов Республики Кыргызстан является сильноволатильной, что подтверждается динамикой значимости всех источников доходов за исключением налога на прибыль организаций, который показывает стабильный восходящий тренд [18, с. 135].

В доходах бюджета России рост значимости показывает налог на прибыль организаций (2,0 п. п.) и НДС (+2,6 п. п.), а также другие источники дохода (+0,1 п. п.). Повышение значимости НДС является следствием законодательного увеличения ставки с 18 до 20%. Наибольшее снижение значимости показали акцизы (-3,5 п. п.), а наименьшее – подоходный налог (-0,3 п. п.). Данное снижение является следствием нестабильного изменения значимости источников формирования бюджета. Доля доходов от ВЭД в бюджете страны высоковолатильна. Причинами этого являются снижение вывозных таможенных пошлин, в том числе в рамках «большого налогового манёвра», а также пандемия COVID-19, отрицательно повлиявшая на мировую торговлю. Практически половина доходов бюджета страны сформирована из других источников, преимущественно налога на добычу полезных ископаемых.

Оценка структуры доходов показала, что консолидированные бюджеты республик Казахстан и Кыргызстан, а также Российской Федерации преимущественно формируются за счёт других

источников, в состав которых входят платежи за пользование земными недрами. Бюджетную политику Республики Беларусь следует считать наиболее устойчивой и сбалансированной. Формирование бюджета в целях оценки экономической безопасности можно рассмотреть с помощью индикатора, характеризующего уровень деловой активности. Таким индикатором может стать доля налога на прибыль. Рост данного показателя отражает уровень развития экономики. Согласно данному предложению, наивысшая активность – в Республике Казахстан, но в динамике она снижается, а наименьшая – в Республике Кыргызстан, показывает рост.

Экономическая безопасность – многоаспектная категория, отражающая макроэкономическую, финансовую, внешнеторговую и социальную сферу. В свою очередь, она входит в национальную безопасность и преследует схожую с ней цель – обеспечение национального суверенитета [19, с. 680]. Экономическая безопасность формируется под влиянием государственной политики, обеспечиваемой бюджетными расходами. Изменяя акценты финансирования, происходит стимулирование определенных сфер. Учитывая данные моменты, необходима оценка бюджетных расходов, характеризующих направление внутренней политики в части обеспечения безопасности государства (табл. 3).

Таблица 3. Оценка изменения структуры расходов консолидированного бюджета стран-членов ЕАЭС в 2017-2021 гг., % [8, с. 476-477]

Направления расходов	2017	2018	2019	2020	2021	Отклонение (+,-) 2021 г. от 2017 г.
<i>Армения</i>						
Государственные службы общего назначения	17,8	18,8	19,2	17,9	16,4	-1,4
Оборона, общественный порядок и безопасность	27,0	24,4	27,5	28,0	24,1	-3,0
Экономические вопросы и охрана окружающей среды	8,8	8,0	7,1	6,7	9,0	0,2
Жилищные и коммунальные услуги	0,8	0,8	1,0	0,5	1,2	0,4
Здравоохранение	5,4	5,4	6,0	7,7	7,8	2,4
Отдых, культура и религия	1,7	1,7	2,0	1,7	2,0	0,3
Образование	8,1	8,2	7,8	7,5	9,0	1,0
Социальная защита	26,5	28,1	27,2	28,4	30,2	3,6
Другие	1,5	2,3	0,0	0,0	0,4	-1,1
<i>Беларусь</i>						
Государственные службы общего назначения	25,4	24,8	23,3	29,0	24,5	-0,9
Оборона, общественный порядок и безопасность	10,1	11,2	10,3	10,0	9,8	-0,3
Экономические вопросы и охрана окружающей среды	15,3	14,8	15,8	13,1	14,9	-0,4
Жилищные и коммунальные услуги	5,6	6,0	5,8	5,0	4,9	-0,7
Здравоохранение	15,0	14,8	15,3	16,4	19,0	4,0
Отдых, культура и религия	3,1	3,6	3,6	2,9	2,8	-0,4
Образование	17,1	16,9	17,8	16,4	16,4	-0,7
Социальная защита	8,4	7,9	7,8	7,4	7,5	-0,9
<i>Казахстан</i>						
Государственные службы общего назначения	8,7	10,4	10,0	9,4	10,2	1,5
Оборона, общественный порядок и безопасность	8,8	11,4	11,1	9,7	9,5	0,6
Экономические вопросы и охрана окружающей среды	11,4	12,8	11,8	11,5	10,5	-0,8
Жилищные и коммунальные услуги	5,2	6,4	6,4	8,1	6,6	1,4
Здравоохранение	8,6	10,0	9,1	11,2	12,2	3,6

Окончание табл. 3

Направления расходов	2017	2018	2019	2020	2021	Отклонение (+,-) 2021 г. от 2017 г.
Отдых, культура и религия	3,0	3,8	3,2	2,9	2,8	-0,2
Образование	14,0	16,5	16,4	18,0	19,8	5,8
Социальная защита	17,5	23,4	24,4	21,6	21,7	4,2
Другие	17,8	1,9	2,8	3,4	3,4	-14,4
<i>Кыргызстан</i>						
Государственные службы общего назначения	9,0	10,1	26,1	28,2	25,2	16,3
Оборона, общественный порядок и безопасность	8,6	9,2	8,8	9,8	9,0	0,4
Экономические вопросы и охрана окружающей среды	3,7	3,6	3,2	2,8	3,5	-0,2
Жилищные и коммунальные услуги	2,8	2,6	2,4	2,6	2,3	-0,5
Здравоохранение	8,4	7,2	1,6	2,0	2,4	-6,0
Отдых, культура и религия	1,9	2,2	2,0	1,8	1,8	-0,1
Образование	16,9	17,8	17,9	19,6	17,8	0,9
Социальная защита	14,0	16,1	5,8	5,8	5,2	-8,8
Другие	34,6	31,2	32,1	27,5	32,6	-2,0
<i>Россия</i>						
Государственные службы общего назначения	8,6	8,9	8,5	8,1	8,6	0,0
Оборона, общественный порядок и безопасность	15,1	14,4	14,0	13,1	12,9	-2,2
Экономические вопросы и охрана окружающей среды	13,7	13,4	14,5	14,9	16,3	2,5
Жилищные и коммунальные услуги	3,7	3,9	4,2	3,7	4,6	0,9
Здравоохранение	8,7	9,7	10,1	11,6	11,0	2,3
Отдых, культура и религия	2,9	2,9	3,0	2,8	2,7	-0,2
Образование	10,1	10,7	10,8	10,2	10,0	-0,1
Социальная защита	37,1	36,2	34,8	34,7	34,0	-3,1

Примечание. Составлено и рассчитано на основе данных статистического ежегодника Евразийского экономического союза за 2022 г.

На конец 2017 г. в структуре бюджетных расходов Республики Армения преобладали расходы на оборону (27%) и социальную защиту (26,5%). К концу 2021 г. доля расходов на оборону сократилась на 3 п. п., а на социальную защиту выросла на 3,6 п. п. Наравне с расходами на социальную защиту значительно увеличилась доля расходов на здравоохранение (+2,4 п. п.), образование (+1 п. п.) и прочие направления. Доля расходов на государственные службы, другие статьи расходов, как и расходов на оборону, обеспечение общественного порядка сократились. Данная структура бюджетных расходов характеризует политику страны как социально ориентированную, однако вызывает опасение уменьшение значимости расходов на оборону ввиду незавер-

шившегося конфликта в Нагорном Карабахе. При этом доля расходов Республики Армения на оборону и обеспечение общественного порядка, даже с учётом снижения значимости, – наибольшая среди стран ЕАЭС.

Структура бюджетных расходов Республики Беларусь достаточно сбалансирована. Изменение значимости статей расходов обусловлено пандемией COVID-19, из-за чего произошло сокращение долей всех направлений и увеличение доли расходов на здравоохранение (+4 п. п.). В структуре расходов наибольшую долю занимают расходы на государственные службы общего назначения. На конец 2021 г. на них пришлось практически четверть всех расходов бюджета. По данной статье расходов

Республика Беларусь является лидером, уступая только Республике Кыргызстан.

Расходы Республики Казахстан характеризуются достаточно высоким уровнем сбалансированности. Страна делает акцент на финансировании образования (19,8%), социальной защиты (21,7%) и здравоохранения (12,2%). Затем следуют государственные службы общего назначения, оборона, общественный порядок и безопасность, экономические вопросы и охрана окружающей среды. Причём на экономические вопросы и охрану окружающей среды выделяется больше (10,5%), чем на государственное управление (10,2%) и оборону (9,5%). Доля затрат на оборону практически наименьшая среди стран ЕАЭС, уступая только Республике Кыргызстан. Значимость практически всех статей расходов Республики растёт, за исключением экономических вопросов, охраны окружающей среды, отдыха, культуры, религии и других расходов.

Расходная часть бюджета Республики Кыргызстан сильно дисбалансирована. За исследуемый период расходы на государственные службы стали занимать 1/4 всех бюджетных расходов, увеличившись на 16,3 п. п. Другие направления расходов в 2021 г. составили 32,6%, сократившись на 2 п. п. Третьей по значимости статьёй расходов является образование, которое увеличилось с 16,9% в 2017 г. до 17,8% в 2021 г. Увеличилась доля расходов на оборону, общественный порядок и безопасность на 0,4 п. п. Значимость остальных расходов в бюджете страны показывает динамику к снижению. Наибольшее снижение показала доля расходов на социальную защиту и здравоохранение. Незначительное увеличение доли расходов на здравоохранение произошло в 2019–2020 гг., но расходы на социальную защиту стабильно снижаются.

Структура расходов консолидированного бюджета России позволяет говорить о социальной направленности государственной политики. В 2021 г. доля

расходов, направляемых на социальную защиту, составила 34%. Однако за исследуемый период динамика показывает сокращение значимости социальных расходов на 3,1 п. п. Если к социальной защите добавить здравоохранение (11%), образование (10%), жилищные и коммунальные услуги (4,6%), отдых, культуру и религию (2,7%), получается, что 62,3% всех расходов бюджета обладают социальной направленностью. Значимость расходов на государственные службы общего назначения показывает некоторую волатильность и находится в интервале от 8,1 до 8,9%. Несмотря на нестабильную военно-политическую ситуацию на территории стран бывшего СССР, доля расходов на оборону, общественный порядок и безопасность в бюджете страны весь исследуемый период стабильно сокращалась и составила 12,9% в 2021 г. Доля расходов на экономические вопросы и охрану окружающей среды показала рост в 2017–2021 гг. на 2,5 п. п.

Подводя итог исследования структуры расходов бюджетов стран ЕАЭС, видно, что они имеют значительные отличия. Сильно дисбалансированными бюджетами в части расходов являются бюджеты республик Армения и Кыргызстан. В республиках Беларусь, Казахстан и Российской Федерации расходы более сбалансированные. Республика Армения является лидером по доле в бюджете расходов на оборону, а Российская Федерация – по доле расходов на социальную защиту. Республики Беларусь и Кыргызстан характеризуются значительной долей расходов на содержание государственных служб общего назначения. Таким образом, структуры расходов отражают внутреннюю составляющую политик стран ЕАЭС [20, с. 39]. Значительные расходы на оборону в Республике Армения обусловлены конфликтом в Нагорном Карабахе, а на социальную политику – призваны гасить социальное недовольство. Значительная доля расходов на государственные службы, в том числе,

может говорить о необоснованно увеличенном и неэффективным чиновничьем аппарате.

Выводы

Согласно проведённому исследованию финансовой составляющей экономической безопасности стран Евразийского экономического союза, было определено, что Союз образован странами, имеющими различный уровень развития и сопутствующим различным уровнем финансовой и экономической безопасности. Доходы и расходы консолидированных бюджетов стран ЕАЭС растут повсеместно. Наиболее стабильная бюджетная политика – в Республике Беларусь, дефицит бюджета наблюдался только в период пандемии COVID-19. Бюджет Республики Армения дефицитен в течение всего исследуемого периода, а пандемия COVID-19 только усугубила положение. Бюджеты республик Казахстан и Кыргызстан, Российской Федерации нестабильны и показывают чередование дефицита и профицита.

Анализ доходной части бюджетов стран ЕАЭС позволил выявить ярко выраженные ресурсные экономики – это республики Казахстан, Кыргызстан и Российская Федерация. Наиболее сбалансированная структура доходов в Республике Беларусь. Отдельно был выделен индикатор «налоги на прибыль (доход)», характеризующий уровень развития национальной экономики. Данный индикатор основан на развитии национальных компаний и увеличении их доходов. Казахстан показывает наивысшую активность, а Кыргызстан – наименьшую. Однако использование данного индикатора требует сопоставления ставок налога,

т. к. высокая значимость может быть обусловлена значительными ставками, а не размером налоговой базы.

Оценка расходной части бюджетов стран-членов ЕАЭС позволила определить бюджеты республик Беларусь и Казахстан, Российской Федерации как наиболее сбалансированными. Однако вызывает опасение целесообразность выделения 1/4 всех расходов в Республике Беларусь на государственные службы. Бюджет Республики Армения ориентирован на оборону и социальную защиту. Практически 1/4 расходов бюджета идет на оборону вследствие незавершившегося конфликта в Нагорном Карабахе. В целом каждая страна ЕАЭС направляет финансирование на те сферы, которые являются приоритетными. Значительные социальные расходы обладают функцией сглаживания внутренних проблем, формируют лояльность населения и предотвращают социальные потрясения.

В целом уровень финансовой безопасности стран ЕАЭС, как части экономической безопасности, недостаточен для устойчивого развития. Отрицательно на государственные финансы сказались пандемия COVID-19, эскалация военного конфликта в Нагорном Карабахе, протесты в республиках Казахстан и Беларусь. Социальная и политическая напряжённость наблюдается во всех странах ЕАЭС. Даже значительные социальные расходы не справляются со стабилизацией и консолидацией общества стран-членов ЕАЭС. В 2022 г. ситуация ещё более усугубилась, значительный рост расходов на оборону на фоне снижения доходов будет иметь отрицательное влияние в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Солодухина О. И. Евразийская экономическая интеграция: институциональные аспекты // Московский экономический журнал. 2021. № 1. С. 22. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10056>.

2. Зиновьев В. А. Гармонизация денежно-кредитной политики стран-участников ЕАЭС в период коронакризиса // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2021. № 1. С. 10–14.
3. Вартанова М. Л. Необходимость обеспечения финансовой и экономической безопасности России в рамках ЕАЭС в условиях глобальной нестабильности // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 35(3). С. 80–86. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-11129>.
4. Скавронская С. И., Иванова Я. Я. Эффективность и возможности развития бюджетных правил в государствах-членах ЕАЭС // Финансовая жизнь. 2020. № 2. С. 98–101.
5. Федякина Л. Н. Финансовое положение стран-членов ЕАЭС: дефициты и профициты, возможности и риски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27, № 3. С. 492–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-492-513>.
6. Пак Х. С., Ушакова Е. В., Борисова Т. А. Страны ЕАЭС: оценка экономической безопасности // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 5(175). С. 455–463. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-5-455-463>.
7. Молчанов И. Н., Молчанова Н. П. Государственное финансовое регулирование в период усиления глобальной нестабильности // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 85. С. 84–103.
8. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. М., 2022. 546 с.
9. Яковлев И. А., Радионов С. А., Мухаметов О. Р. Экономика стран «пояса соседства» в условиях пандемии COVID-19 и особенности посткризисного восстановления // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 11. С. 878–889.
10. Тарарышкин Ю. В. Финансовый механизм ЕАЭС в контексте экономической безопасности // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2020. № 2(139). С. 60–69.
11. Ахаев А. А., Карпова К. Р. Политические и экономические инструменты обеспечения безопасности ЕАЭС // Научный альманах ассоциации France – Kazakhstan. 2020. № 2. С. 5–14.
12. Солодухина О. И. Влияние пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на экспорт товаров и услуг из Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2021. Т. 13, № 6. С. 58.
13. Алексеев П. В. Особенности развития региональной валютно-финансовой интеграции в рамках ЕАЭС на современном этапе // Горизонты экономики. 2021. № 4(63). С. 88–96.
14. Налог на добавленную стоимость (НДС) в странах ЕАЭС // Baker Tilly. URL: <https://www.beterra.ru/files/docs/EAEU-AV-tax.pdf> (дата обращения: 21.01.2023).
15. О применении ставки налога на добавленную стоимость в размере 26 процентов. URL: <https://www.nalog.gov.by/news/12713/> (дата обращения: 22.01.2023).
16. Доходы бюджета. URL: <https://budget.gov.ru/%D0%91%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82/%D0%94%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8B?regionId=45000000> (дата обращения: 25.01.2023).
17. Особенности контроля таможенной стоимости таможенными органами в условиях функционирования Евразийского экономического союза / И. В. Минакова, Н. Е. Деркач, О. И. Солодухина, И. Г. Кузьмичева // Регион: системы, экономика, управление. 2021. № 4(55). С. 54–61.
18. Чолбаева С. Д., Морозова О. В., Амангелдиева Б. К. Об обеспечении экономической безопасности в Кыргызской Республике // Сибирская финансовая школа. 2022. № 4(148). С. 134–143.
19. Воркунова О. А. Внешние и внутренние угрозы безопасности стран ЕАЭС и проблемы миростроительства // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 8. С. 679–694.
20. Ахмедзянов Р. Р., Воеводин В. А. Формирование финансового механизма ЕАЭС в контексте экономической безопасности // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 41(3). С. 38–42.

References

1. Soloduhina O. I. Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija: institucional'nye aspekty [Eurasian economic integration: institutional aspects]. *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*, 2021, no. 1, p. 22. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10056>

2. Zinov'ev V. A. Garmonizacija denezhno-kreditnoj politiki stran-uchastnikov EAJeS v period koronakrizisa [Harmonization of the Monetary Policy of the EEU Member States during the Corona Crisis]. *Evrazijskoe prostranstvo: jekonomika, pravo, obshhestvo = Eurasian Space: Economics, Law, Society*, 2021, no. 1, pp. 10–14.

3. Vartanova M. L. Neobhodimost' obespechenija finansovoj i jekonomicheskoy bezopasnosti Rossii v ramkah EAJeS v uslovijah global'noj nestabil'nosti [The need to ensure the financial and economic security of Russia within the framework of the EEU in the context of global instability]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Humanitarian Research*, 2021, no. 35(3), pp. 80–86. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-11129>

4. Skavronskaja S. I., Ivanova Ja. Ja. Jefferktivnost' i vozmozhnosti razvitija bjudzhetnyh pravil v gosudarstvach-chlenah EAJeS [Efficiency and opportunities for the development of budgetary rules in the member states of the EEU]. *Finansovaja zhizn' = Financial Life*, 2020, no. 2, pp. 98–101.

5. Fedjakina L. N. Finansovoe polozhenie stran – chlenov EAJeS: deficit i proficity, vozmozhnosti i riski [Financial situation of the countries – members of the EEU: deficits and surpluses, opportunities and risks]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Jekonomika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economy*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 492–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-492-513>

6. Pak H. S., Ushakova E. V., Borisova T. A. Strany EAJeS: ocenka jekonomicheskoy bezopasnosti [EEU countries: assessment of economic security]. *Jekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2020, vol. 26, no. 5(175), pp. 455–463. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-5-455-463>

7. Molchanov I. N., Molchanova N. P. Gosudarstvennoe finansovoe regulirovanie v period usilenija global'noj nestabil'nosti [State financial regulation in the period of increasing global instability]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik = Public Administration. Electronic Bulletin*, 2021, no. 85, pp. 84–103.

8. Statisticheskij ezhegodnik Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [Statistical Yearbook of the Eurasian Economic Union]. Moscow, 2022. 546 p.

9. Jakovlev I. A., Radionov S. A., Muhametov O. R. Jekonomika stran "pojasa sosedstva" v uslovijah pandemii COVID-19 i osobennosti postkrizisnogo vosstanovlenija [Economy of the countries of the "neighborhood belt" in the context of the COVID-19 pandemic and features of post-crisis recovery]. *Jekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2021, vol. 27, no. 11, pp. 878–889.

10. Tararyshkin Ju. V. Finansovyj mehanizm EAJeS v kontekste jekonomicheskoy bezopasnosti [The financial mechanism of the EEU in the context of economic security]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Belarusian State Economic University*, 2020, no. 2(139), pp. 60–69.

11. Ahaev A. A., Karpova K. R. Politicheskie i jekonomicheskie instrumenty obespechenija bezopasnosti EAJeS [Political and economic instruments for ensuring the security of the EEU]. *Nauchnyj al'manah asociacii France-Kazakhstan = Scientific Almanac of France-Kazakhstan Association*, 2020, no. 2, pp. 5–14.

12. Soloduhina O. I. Vlijanie pandemii novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19) na jeksport tovarov i uslug iz Rossijskoj Federacii [Impact of the novel coronavirus infection (COVID-19) pandemic on the export of goods and services from the Russian Federation]. *Vestnik evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science*, 2021, vol. 13, no. 6, p. 58.

13. Alekseev P. V. Osobennosti razvitija regional'noj valjutno-finansovoj integracii v ramkah EAJeS na sovremennom jetape [Features of the development of regional monetary and financial integration within the framework of the EEU at the present stage]. *Gorizonty jekonomiki = Horizons of the Economy*, 2021, no. 4(63), pp. 88–96.

14. Nalog na dobavleniju stoimost' (NDS) v stranah EAJeS [Value Added Tax (VAT) in the EEU countries]. Baker Tilly. Available at: <https://www.beterra.ru/files/docs/EAEU-AV-tax.pdf>. (accessed 21.01.2023)

15. O primenenii stavki naloga na dobavleniju stoimost' v razmere 26 procentov [On the application of the value-added tax rate of 26 percent]. Available at: <https://www.nalog.gov.by/news/12713/>. (accessed 22.01.2023)

16. Dohody bjudzheta [Budget revenues]. Available at: <https://budget.gov.ru/%D0%91%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82/%D0%94%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8B?regionId=45000000>. (accessed 25.01.2023)
17. Minakova I. V., Derkach N. E., Soloduhina O. I., Kuz'micheva I. G. Osobennosti kontrolja tamozhennoj stoimosti tamozhennymi organami v uslovijah funkcionirovanija Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [Features of customs value control by customs authorities in the conditions of the functioning of the Eurasian Economic Union]. *Region: sistemy, jekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2021, no. 4(55), pp. 54–61.
18. Cholbaeva S. D., Morozova O. V., Amangeldieva B. K. Ob obespechenii jekonomicheskoy bezopasnosti v Kyrgyzskoj Respublike [On ensuring economic security in the Kyrgyz Republic]. *Sibirskaja finansovaja shkola = Siberian Financial School*, 2022, no. 4(148), pp. 134–143.
19. Vorkunova O. A. Vneshnie i vnutrennie ugrozy bezopasnosti stran EAJeS i problemy mirostroitel'stva [External and internal threats to the security of the EEU countries and problems of peacebuilding]. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*, 2021, vol. 4, no. 8, pp. 679–694.
20. Ahmedzjanov R. R., Voevodin V. A. Formirovanie finansovogo mehanizma EAJeS v kontekste jekonomicheskoy bezopasnosti [Formation of the financial mechanism of the EEU in the context of economic security]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Humanitarian Research*, 2022, no. 41(3), pp. 38–42.

Информация об авторах / Information about the Authors

Головин Артем Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры таможенного дела и мировой экономики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: cool.golovin2011@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6688-3561

Artem A. Golovin, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Customs and World Economy, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: cool.golovin2011@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6688-3561

Головин Алексей Анатольевич, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории, регионалистики и правового регулирования экономики, Академия госслужбы, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: dr.golovin2013@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4962-2022

Aleksey A. Golovin, Dr. of Sci. (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory, Regional Studies and Legal Regulation of the Economy, Academy of Civil Service, Kursk, Russian Federation, e-mail: dr.golovin2013@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4962-2022

Шинкарева Ольга Игоревна, студент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: shinkareva.1998@list.ru

Olga I. Shinkareva, Student of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: shinkareva.1998@list.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-39-52>

Сравнительный анализ научно-образовательного и цифрового потенциала стран БРИКС и G7: выводы для систем государственного управления

С. В. Пономарев¹, Н. М. Бухонова² ✉, Л. Р. Сайфутдинова³, Ч. Р. Гараева³

¹ Калужский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
ул. Чижевского, д. 17, г. Калуга 248016, Российская Федерация

² Воронежский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
ул. Карла Маркса, д. 67А, г. Воронеж 394036, Российская Федерация

³ Башкирский государственный аграрный университет
ул. Космонавтов, д. 1, г. Уфа 450044, Российская Федерация

✉ e-mail: st200929@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования состоит в необходимости оценки возможностей стран, входящих в международные альянсы БРИКС и G7, в условиях усиления факторов неопределенности и смещения центров глобального лидерства.

Цель исследования состоит в проведении комплексного сравнительного анализа показателей научно-образовательного и цифрового потенциала стран БРИКС и стран G7 для определения перспектив влияния двух международных альянсов стран на развитие мировой экономики.

Задачи: изучение показателей научно-образовательного потенциала стран БРИКС и G7; исследование составляющих цифрового потенциала стран БРИКС и G7; обоснование инструментария расширения научно-образовательного и цифрового потенциала стран для укрепления позиций БРИКС в мировой экономике.

Методология. Исследование базируется на использовании методов сбора статистической информации, сравнительного и экономического анализа, систематизации, графического метода.

Результаты. Анализ показателей научно-образовательного потенциала стран БРИКС и G7 показывает, с одной стороны, преимущество альянса развитых стран G7, а с другой – явные лидерские задатки Китая, России и Бразилия в различных группах показателей, что определяет вероятность укрепления позиций данных стран и всего альянса БРИКС при реализации активной государственной политики в области образования и науки. Определено, что существующее отставание альянса БРИКС от группы стран G7 в части реализации цифрового потенциала во время пандемии сократилось, что создает предпосылки для укрепления развивающихся стран и достижения ими цифрового лидерства в мире.

Выводы. Сделан вывод о том, что усиление позиций стран БРИКС на мировой арене по показателю ВВП за последние 10 лет, а также наличие сильных элементов научно-образовательного и цифрового потенциала отдельных стран данного альянса, их укрепление в период пандемии сформировали предпосылки для занятия лидерских позиций альянсом в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: мировая экономика; международные отношения; БРИКС; G7; научно-образовательный потенциал; цифровой потенциал; цифровизация; глобальное лидерство; государственное управление; развивающиеся страны; развитые страны.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Сравнительный анализ научно-образовательного и цифрового потенциала стран БРИКС и G7: выводы для систем государственного управления / С. В. Пономарев, Н. М. Бухонова, Л. Р. Сайфутдинова, Ч. Р. Гараева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 39–52. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-39-52>.

Поступила в редакцию 11.02.2023

Принята к публикации 06.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Comparative Analysis of the Scientific, Educational and Digital Potential of the BRICS and G7 Countries: Conclusions for Public Administration Systems

Sergey V. Ponomarev¹, Nadezhda M. Bukhonova² ✉, Liana R. Sayfutdinova³,
Chulpan R. Garaeva³

¹ Kaluga branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
17 Chizhevsky Str., Kaluga 248016, Russian Federation

² Voronezh Branch of the Plekhanov Russian University of Economics
67A Karl Marx Str., Voronezh 394036, Russian Federation

³ Bashkir State Agrarian University
1 Kosmonavtov Str., Ufa 450044, Russian Federation

✉ e-mail: st200929@mail.ru

Abstract

The relevance of the study lies in the need to assess the capabilities of the BRICS and G7 international alliances in the context of increasing uncertainty and shifting centers of global leadership.

The purpose of the study is to conduct a comprehensive comparative analysis of the BRICS and G7 countries' scientific, educational and digital capabilities to determine the prospects of the impact of the two international alliances on the development of the global economy.

Objectives: to study the indicators of the BRICS and G7 countries' scientific and educational potential; to study the components of the BRICS and G7 countries' digital potential; to substantiate the tools for expanding the scientific, educational and digital potential of the countries to strengthen the BRICS position in the global economy.

Methodology. The study is based on the use of methods of statistical information collection, comparative and economic analysis, systematization, and the graphical method.

Results. The analysis of indicators of the BRICS and G7 countries' scientific and educational potential shows, on the one hand, the advantage of the alliance of developed G7 countries and, on the other hand, the clear leadership potential of China, Russia and Brazil in various groups of indicators, which determines the probability of strengthening the positions of these countries and the entire BRICS alliance in the implementation of an active government policy in the field of education and science. The current gap between the BRICS alliance and the G7 countries in terms of digital capacity has narrowed during the pandemic, which creates the preconditions for developing countries to strengthen and achieve digital leadership in the world.

Conclusions. It is concluded that the strengthening of the BRICS countries' position on the world stage in terms of GDP over the past 10 years, as well as the presence of strong elements of scientific, educational and digital potential of individual countries of this alliance, and their strengthening during the pandemic have formed the prerequisites for the alliance to take leadership positions in the near future.

Keywords: world economy; international relations; BRICS; G7; scientific and educational potential; digital potential; digitalization; global leadership; public administration; developing countries; developed countries.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Ponomarev S. V., Bukhonova N. M., Sayfutdinova L. R., Garaeva Ch. R. Comparative Analysis of the Scientific, Educational and Digital Potential of the BRICS and G7 Countries: Conclusions for Public Administration Systems. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2023; 13(2): 39–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-39-52>.

Received 11.02.2023

Accepted 06.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Каждое государство определяет свой вектор развития в мировом пространстве исходя из имеющегося потенциала и ресурсов, а также из возможного взаимодействия с другими странами. Традиционно сложилось, что одни страны относят к категории развивающихся, другие – к развитым. Однако с течением времени такие устоявшиеся позиции могут изменяться. Этому способствуют внешние турбулентные обстоятельства – войны, научно-технический прогресс, мировые финансовые кризисы и т. д. [1; 2].

Современный этап социально-экономического развития является таким переломным моментом, когда актуализировались процессы перераспределения глобальных центров лидерства. В частности, имеет место противостояние двух государств, представителей развитых и развивающихся экономик – США и Китая.

Кроме того, ряд ярких событий, таких как цифровизация, распространение коронавирусной инфекции, а также нарастание напряженности в международной политике, выводят мировую экономику на новый этап развития, где отстающие страны могут проявить инициативу и обеспечить необходимый рывок для завоевания своего места в глобальном мире [3].

Создание альянсов различных групп стран этому способствует. Ведь использование имеющегося сильного потенциала одних стран с доступными ресурсами и мощью других стран может обеспечить альянсу требуемый эффект. Примером таких объединений может стать альянс стран БРИКС и стран G7. Входящие в них участники имеют различные возможности. Однако их грамотное сочета-

ние позволяет альянсам расширять свое воздействие в мировом масштабе и противостоять вызовам неопределенности, поддерживая друг друга [4; 5].

Изучению сил альянса БРИКС и G7 в контексте возможностей реализации их научно-образовательного и цифрового потенциала посвящено данное исследование.

Материалы и методы

Исследование основано на работах, посвященных изучению особенностей формирования и реализации научно-образовательного и инновационного потенциала стран. В частности, были изучены работы Е. А. Яковлевой и др. [6], Н. В. Капустиной и др. [7], Б. Д. Матризаева [8].

Особенности цифровизации и реализации стратегий цифрового развития различных стран мира представлены в исследованиях А. Р. Сафиуллина и О. А. Моисеевой [9], Е. К. Карпуниной и др. [1; 2], А. Джиллволд [10].

Выявлению точек взаимодействия стран-участников альянса БРИКС в различные периоды его существования посвящены работы А. П. Ковальчук [11], В. В. Колесникова и др. [12], С. Ревиновой [13], Е. В. Дробот и др. [4], А. А. Игнатова [5].

В настоящее время актуализировались процессы перераспределения мирового лидерства, и дискуссии относительно имеющихся возможностей у различных интеграционных объединений представляют особый интерес [3; 14].

Цель исследования – провести комплексный сравнительный анализ показателей научно-образовательного и цифрового потенциала стран БРИКС и стран G7

для определения перспектив влияния двух международных альянсов стран на развитие мировой экономики.

Задачи исследования:

- раскрыть понятие «научно-образовательный» потенциал и провести анализ описывающих его показателей в разрезе двух групп стран – БРИКС и G7;
- исследовать составляющие цифрового потенциала стран БРИКС и G7, сделать выводы о перспективах его развития;
- предложить инструментарий расширения научно-образовательного и цифрового потенциала стран для укрепления позиций БРИКС в мировой экономике.

Методы исследования: сбор и анализ статистической информации, графический

метод, систематизация данных, экономический анализ, сравнительный анализ.

Информационной базой исследования являются официальные статистические материалы ОЭСР, а также международные данные Всемирного банка, Института статистики ЮНЕСКО, Международного телекоммуникационного союза, РАЭК, Высшей школы экономики.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ научно-образовательного и цифрового потенциала стран БРИКС и G7 начнем с сопоставления динамики ВВП данных групп стран за последние 10 лет (рис. 1).

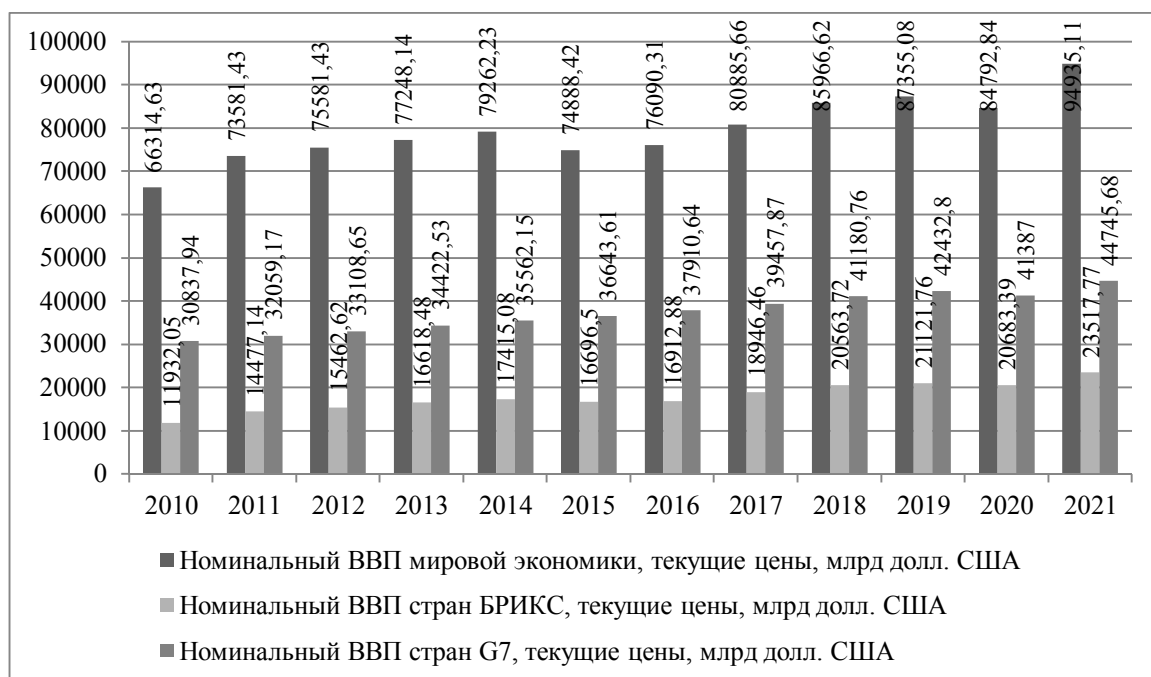

Рис. 1. Номинальный ВВП мировой экономики, стран БРИКС и G7 в 2010–2021 гг., млрд долл. [15]

В 2010 г. доля номинального ВВП стран БРИКС в номинальном ВВП мировой экономики составляла 17,99%, а стран G7 – 46,5%. В 2019 г. доля составила 24,17% и 48,6% соответственно. В 2021 г. ситуация выглядела следующим образом: на долю стран БРИКС в мировом номинальном ВВП приходилось 24,8%, тогда как на долю стран G7 – 47,1%. Данные закономерности позволя-

ют сделать вывод о том, что в прошедшее десятилетие позиции стран БРИКС на мировой арене укрепились, а темпы роста ВВП опередили аналогичный показатель альянса развитых стран G7.

Выявленная закономерность позволяет предположить, что страны БРИКС способны увеличить свое влияние в мировой экономике за счет наращивания научно-образовательного и цифрового потенциала.

Произведем сравнительный анализ отдельных компонентов научно-образовательного потенциала стран БРИКС и G7.

В разрезе показателя «высшее образование среди населения в возрасте 25-64 лет» альянс стран БРИКС уступает альянсу развитых стран G7 (рис. 2).

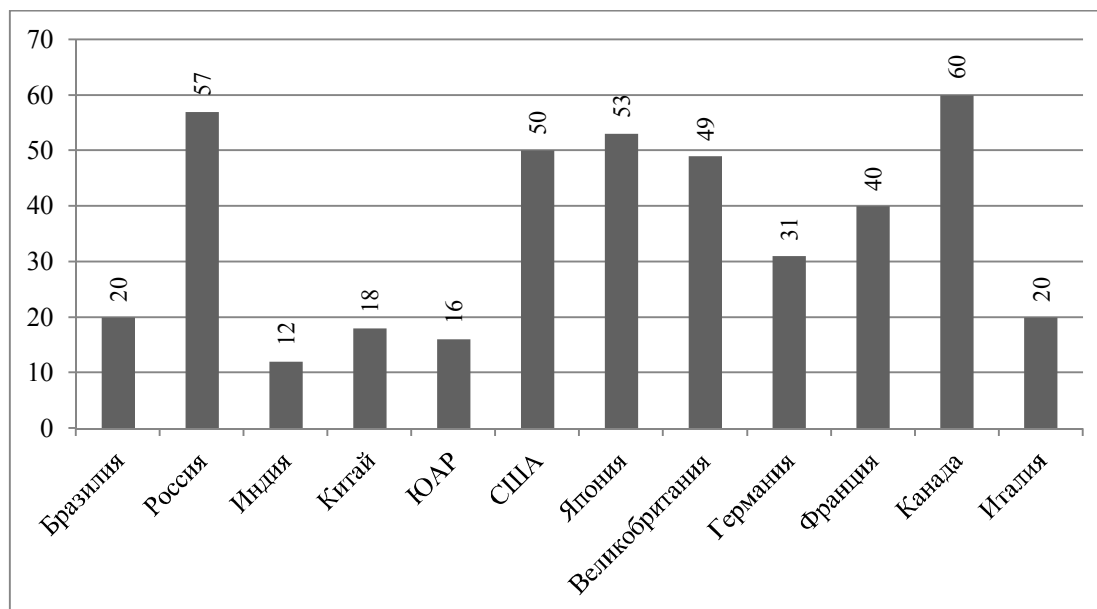

Рис. 2. Высшее образование среди населения в возрасте 25-64 в странах БРИКС и G7 в 2020 г., % [16]

По данным рисунка 1 можно заметить существенное отставание стран БРИКС от показателей стран G7. Однако очевидна и другая тенденция. Значение данного показателя в России опережает многие развитые страны (в том числе США, Японию и Великобританию) и вплотную приближается к стране-лидеру Канаде. Если обратить внимание на динамику данного показателя в развивающихся странах, то можно заметить, что в последние десятилетия Бразилия и Китай решали вопрос низкой грамотности населения путем реализации государственных программ и укрепили свои позиции в данном направлении. В частности, в Бразилии была реализована государственная образовательная политика с целью повышения уровня грамотности населения, в том числе за счет укрепления преподавательского состава вузов, их количество благодаря мерам поддержки со стороны государства только в 2014–2017 гг. выросло на 3,4% [17]. Тем не менее страны БРИКС пока не преодолели существую-

щий разрыв с развитыми странами. Это позволяет предположить, что Россия в системе взаимоотношений альянса БРИКС может выступать ядром наращивания образовательного потенциала.

Важной составляющей научно-образовательного потенциала страны является занятость в сфере научных исследований, которая характеризуется с помощью показателя «Количество исследователей на 1 млн жителей». В 2019 г. ситуация в разрезе данного показателя выглядела следующим образом (рис. 3).

Рисунок 3 демонстрирует явное лидерство развитых стран G7 по количеству исследователей на 1 млн жителей. В целом отставание альянса стран БРИКС от G7 составляет 3,7 раза. Однако заметна и другая сторона – превосходство России над Италией по данному показателю и приближение страны к развитым странам. Например, от лидера альянса G7 Японии показатель России отстает в 1,7 раза. Безусловно, официальная статистика не отражает глубину вопроса. В

частности, уровень публикационной активности, уровень патентной активности. Например, удельный вес США в общемировом числе статей в 2020 г. составил 21,7% (а их общее количество достигло 517 024 единиц), тогда как доля Китая по данному показателю составляет 23,2% (или 551 282 статьи). Великобритания является третьей страной по величине

данного показателя, хоть и с большим отрывом от лидеров – 7% (или 166 637 статей). Некоторые развитые и развивающиеся страны находятся в примерно равном положении: Германия – 5,9% (140 002), Индия – 5,2 % (123 866), Япония – 4,3% (102 024), Италия – 4,1% (98 787), Канада – 3,8% (91 097), Франция – 3,8% (90 120), Россия – 2,8% (66 665) [18].

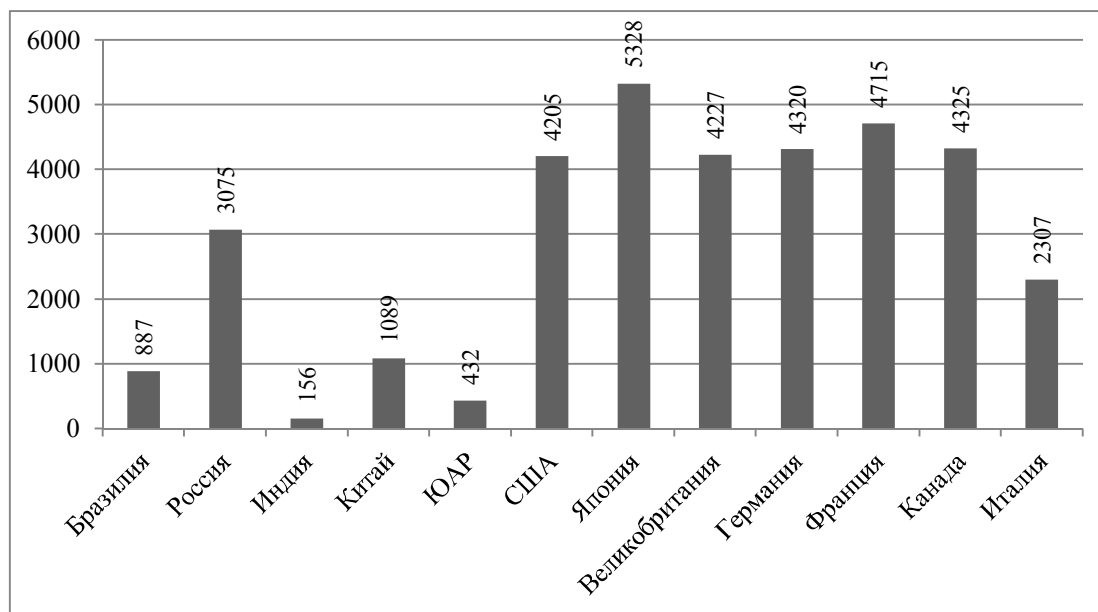

Рис. 3. Количество исследователей на 1 млн жителей в 2019 г. [16]

Еще одним показателем, дающим представление о научном развитии страны, является уровень патентной активности, который изменяется показателем «удельный вес страны в общемировом числе патентных заявок на изобретения». Величина данного показателя в 2019 г. в США составляла 16,2% (521 738 патентных заявок), в Японии – 14,1% (453 816), в Германии – 5,5% (178 359), во Франции – 2,1 % (67 389), в Великобритании – 1,7% (54 794). В странах БРИКС наблюдался высокий уровень дифференциации по данному показателю: мировой лидер Китай достиг значения 41,2% (1 328 067 патентных заявок), Индия – 1,1% (34 051), Россия – 0,9% (29285), Бразилия и ЮАР по своей патентной активности далеки от лидеров.

Значимость научной сферы для государства во многом определяется уровнем

финансирования государства НИОКР. Значение показателя «доля валовых внутренних расходов на НИОКР в ВВП» отражает вектор реализуемой политики большинства стран G7 в направлении укрепления научного потенциала, а также стремление Китая и Бразилии к достижению научного лидерства (рис. 4).

В частности, лидером по объему финансирования НИОКР среди исследуемых стран является США (с показателем 3,45% от ВВП), далее следует Япония (3,28% от ВВП) и Германия (3,13% от ВВП). Две страны БРИКС приближаются по объемам финансирования НИОКР к развитым странам – Китай (2,4% от ВВП) и Бразилия (2,26% от ВВП). Заметим, что Китай и Индия, кроме того, являются центрами сосредоточения мировых венчурных инвестиций наряду с США и Великобританией [19].

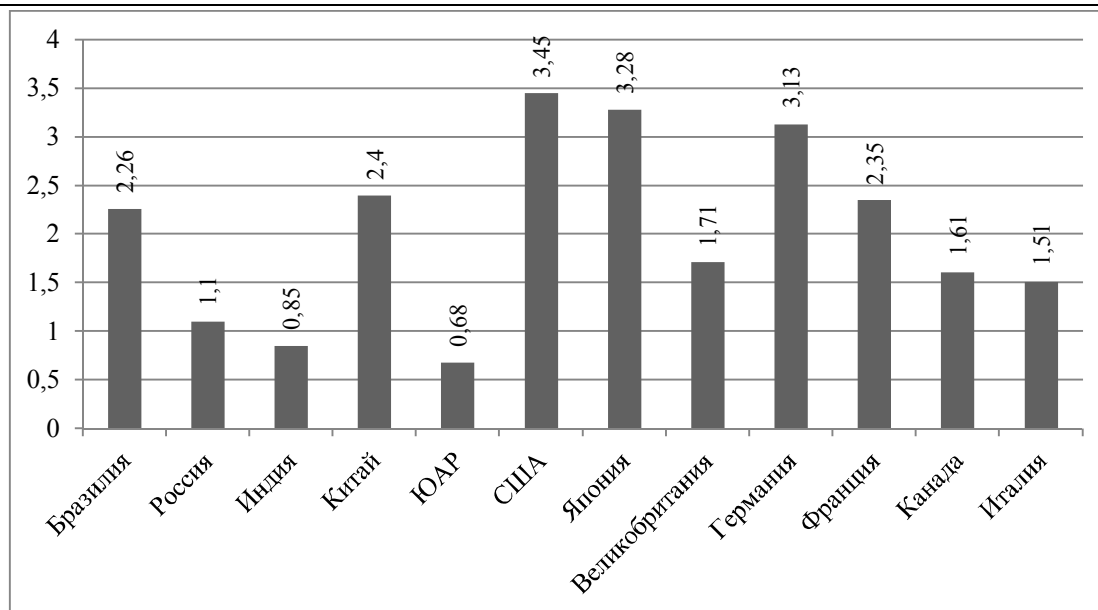

Рис. 4. Валовые внутренние расходы на НИОКР в странах БРИКС и странах G7 в 2019 г., % от ВВП [16]

Таким образом, анализ показателей научно-образовательного потенциала стран БРИКС и G7 показывает, с одной стороны, преимущество альянса развитых стран G7, а с другой – явные лидерские задатки Китая, России и Бразилии в различных группах показателей, что позволяет предположить вероятность укрепления позиций данных стран и всего альянса БРИКС при реализации активной государственной политики в области образования и науки.

Цифровой потенциал страны уместно оценивать через такие показатели, как состояние цифровой инфраструктуры (в том числе базовые показатели доступа к широкополосной сети Интернет, качество доступа, использование цифровых технологий различными категориями пользователей), объем цифрового сектора в ВВП страны, а также объем экспорта товаров ИКТ.

Проведем сравнительный анализ состояния цифровой инфраструктуры в странах БРИКС и G7 (табл.).

Таблица. Показатели состояния цифровой инфраструктуры стран БРИКС и стран G7 в 2018–2020 гг. [20]

Страна	Подключение к стационарным сетям телефонной связи	Пропускная способность международного канала доступа в Интернет, Кбит/с	Домохозяйства, имеющие персональный компьютер	Домохозяйства с доступом в Интернет	Подключения к широкополосным сетям Интернет	Активные пользователи сетями мобильной связи
<i>Страны БРИКС</i>						
Бразилия	19,50	29,00	46,30	60,80	13,70	90,20
Россия	21,70	68,80	74,40	76,30	21,40	80,80
Индия	1,70	25,90	16,50	25,40	1,3	25,80
Китай	13,70	27,90	55,00	59,60	28,0	83,60
ЮАР	6,40	17,40	21,90	60,70	3,0	70,00
<i>Страны G7</i>						
США	37,0	125,4	88,8	87,0	33,9	132,9
Япония	50,2	25,0	76,8	96,2	31,7	133,2

Страна	Подключение к стационарным сетям телефонной связи	Пропускная способность международного канала доступа в Интернет, Кбит/с	Домохозяйства, имеющие персональный компьютер	Домохозяйства с доступом в Интернет	Подключения к широкополосным сетям Интернет	Активные пользователи сетями мобильной связи
Великобритания	50,10	421,6	91,70	94,0	39,30	39,30
Германия	54,1	54,1	92,9	87,9	40,5	79,8
Франция	59,5	54,5	77,5	71,5	43,8	87,5
Канада	40,1	73,6	88,2	91,2	38,0	72,5
Италия	34,9	35,7	64,3	71,7	27,9	87,9

Представленные данные позволяют говорить об отставании стран БРИКС от стран G7 по большинству показателей состояния цифровой инфраструктуры. Прежде всего, отметим превышение показателя подключения к стационарным сетям телефонной связи более чем в 2 раза, пропускной способности международного канала доступа (в некоторых странах G7 – в 2 раза), лучшую оснащенность персональными компьютерами домашних хозяйств в развитых странах, более высокие показатели подключения к широкополосным сетям Интернет. Исключения составляют Россия и в некоторых случаях Китай. Следует также отметить, что количество активных пользователей сетями мобильной связи в странах БРИКС и странах G7 практически выровнялось.

Значимый результирующий показатель оценки цифрового потенциала страны – доля цифрового сектора в ВВП (рис. 5).

В данном случае можно заметить, США и Китай имеют равные одинаково высокие показатели, за ними следуют Германия и Великобритания, Бразилия, Япония и Индия.

Лидером по объему экспорта товаров ИКТ является Китай (549954 млн долл. США), превосходя США почти в 4 раза. Более скромные показатели имеют Япония (72781 млн долл.) и Германия (61850 млн долл. США). Другие страны БРИКС демонстрируют существенное отставание от развитых стран: Индия – 5719 млн долл. США; Россия – 1634 млн долларов США (рис. 6).

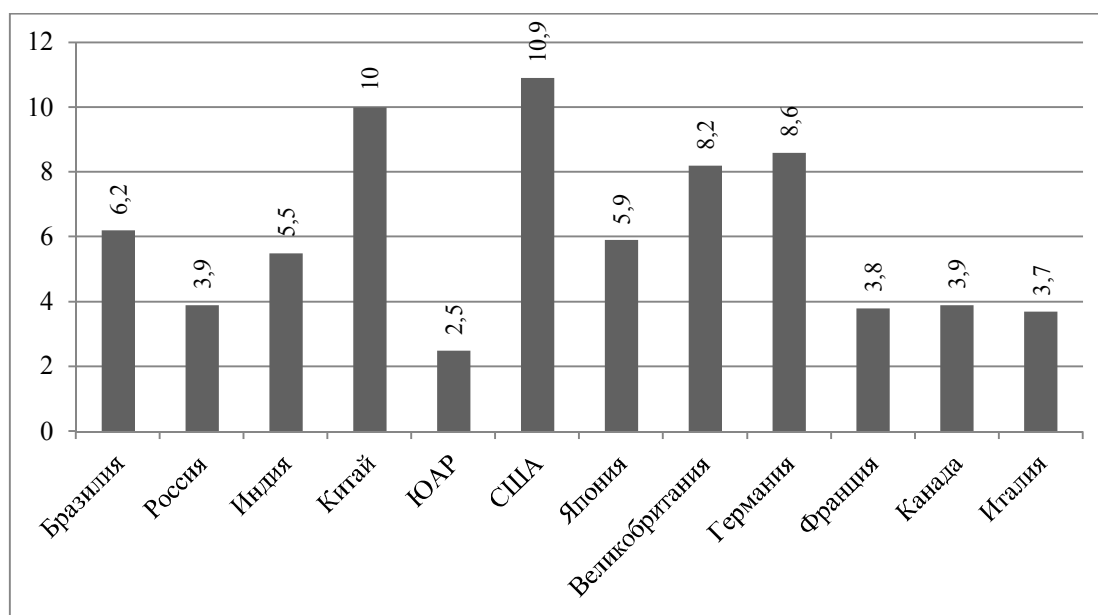

Рис. 5. Доля цифрового сектора в ВВП стран БРИКС и стран G7 в 2018 г. [20]

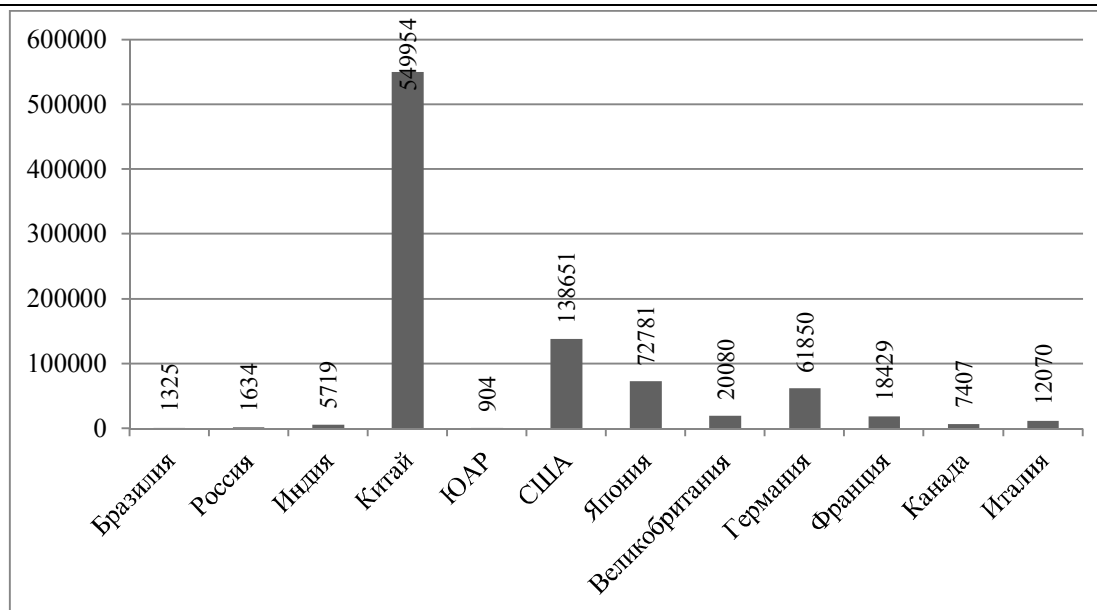

Рис. 6. Объем экспорта товаров ИКТ в странах БРИКС и странах G7 в 2019 г., млн долл. США [21]

Конечно, пандемия COVID-19 внесла определенные коррективы в состояние как цифровой инфраструктуры, так и в возможности реализации цифрового потенциала [14; 22]. В частности, значительный рост был зафиксирован в секторах цифровой мобильной телефонии и Интернета, онлайн-образования, электронной коммерции (на 10-30%), онлайн-развлечений и телемедицины [23]. Другими словами, существующее отставание альянса БРИКС от группы стран G7 во время пандемии сократилось, что позволяет предположить вероятность укрепления цифрового потенциала развивающихся стран и достижение ими цифрового лидерства в мире.

Усиление позиций стран БРИКС на мировой арене по показателю ВВП за последние 10 лет, наличие сильных элементов научно-образовательного и цифрового потенциала отдельных стран данного альянса, а также их укрепление в период пандемии формируют предпосылки для занятия лидерских позиций альянсом в ближайшей перспективе. Для этого необходима реализация государственной политики в данных странах по следующим направлениям: образование, наука, цифровизация, интеграция.

Проблема низкой образованности населения в таких странах, как Китай, Индия, Бразилия и ЮАР, должна решаться с помощью государственного регулирования, направленного на расширение доступа всех слоев населения к высшему образованию. Эффективными мерами здесь могут быть профессиональная ориентация и популяризация высшего образования, организация системы грантов на обучение для малоимущих, предоставление различным слоям населения возможности получения образовательных кредитов с погашением после окончания обучения, создание образовательных кластеров, осуществляющих функции обучения и переобучения с гибкой адаптацией под изменяющиеся потребности рынка труда. Для этого необходимо сделать акцент на профессионализм кадрового состава высших учебных заведений, а также качество предоставляемых образовательных услуг. Потенциал онлайн-образования, который проявился в период пандемии, следует также направить на усиление образовательного потенциала страны. Вероятно, в данном аспекте действенной мерой может стать создание единой цифровой платформы онлайн-образования для всех стран-участников

БРИКС. Россия, имеющая все необходимые критерии высокообразованного государства и потенциал для развития системы высшего и профессионального образования, может стать основополагающим элементом при запуске данной образовательной платформы.

Стимулируя развитие системы высшего образования, требуется ускоренное качественное развитие системы подготовки научных кадров для различных сфер экономики. Практико-ориентированное обучение в процессе подготовки научных кадров может стать связующим звеном для развития сети инновационных бизнес-инкубаторов и научно-исследовательских организаций, функция которых состоит в обеспечении производства инноваций и создании возможностей для производства наукоемкой конкурентоспособной продукции. Это, в свою очередь, будет стимулировать высокотехнологичный экспорт и укреплять позиции стран БРИКС на мировой арене. Пример работы такой меры имеется в Китае. Другие страны БРИКС должны быть ориентированы на повышение заинтересованности отечественных производителей в расширении экспортной деятельности, их присутствия на зарубежных рынках, повышение качества производимой продукции в соответствии с экспортными требованиями [24]. Безусловно, реализация данных мер требует соответствующего финансирования. Задачей государств является увеличение финансирования НИОКР и создание действенных механизмов по привлечению частных инвестиций в сферу научных разработок.

Существующее отставание стран БРИКС от стран G7 по уровню цифрового развития открывает новые векторы для пересмотра мер в области цифровизации. Это касается укрепления цифровой инфраструктуры, повышения цифровой грамотности населения, институционального регулирования деятельности в сети Интернет, поддержания безопасности всех субъектов, участвующих в онлайн-

взаимодействиях. В данном направлении возможна адаптация опыта развитых стран в обеспечении комплексной цифровизации территорий, в том числе удаленных.

Для осуществления опережающего рывка альянсом БРИКС в мировом масштабе необходима реализация мер по интеграции стран внутри объединения. Это касается выстраивания дружественных международных связей, адаптации внешней политики стран-участников БРИКС к изменяющимся условиям мировой экономики. Необходима координация мер в рамках экономического и финансового взаимодействия, например, создание единого финансового института внутри альянса, который будет способен выполнить роль координатора в вопросах экономических и торговых взаимоотношений, совместная реализация мер по достижению устойчивого развития, в т. ч. в части изменения климата, определение мероприятий для решения проблемы терризма.

Другими словами, имеющийся задел расширения научно-образовательного и цифрового потенциала отдельных стран БРИКС следует использовать как базис для укрепления общего потенциала альянса БРИКС, особенно в условиях санкционных ограничений со стороны развитых стран.

Выводы

В статье проведен комплексный сравнительный анализ показателей научно-образовательного и цифрового потенциала стран БРИКС и стран G7 для определения перспектив влияния двух международных альянсов стран на развитие мировой экономики. Анализ показателей научно-образовательного потенциала стран БРИКС и G7 позволил сделать вывод, что, с одной стороны, альянс развитых стран G7 имеет преимущество перед странами БРИКС, а с другой – видны явные лидерские задатки Китая, России и Бразилии в различных группах показате-

лей. Это позволяет предположить возможность укрепления позиций отдельных стран и всего альянса БРИКС в глобальной экономике при условии реализации активной государственной политики в области образования и науки. Авторы выявили отставание альянса БРИКС от группы стран G7 в части реализации их цифрового потенциала. Однако в период

пандемии это отставание сократилось. Оно позволяет утверждать, что существуют реальные возможности укрепления позиций развивающихся стран и достижение ими цифрового лидерства в современном мире. Авторами обоснованы предложенные меры государственной политики, направленные на усиление потенциала развивающихся экономик стран БРИКС.

Список литературы

1. New Paradigm of the Strategy of Advanced Development in the Digital Economy: Prerequisites, Contradictions and Prospects / E. Karpunina, M. Konovalova, E. Titova, B. Kheyfits, T. Sobolevskaya // Proceeding of the 35th IBIMA Conference, 1-2 April 2020. Seville, 2020. P. 2270–2282.
2. Digital Inequality and Forms of its Appearance: a Comparative Analysis in the OECD and BRICS Countries / E. Karpunina, L. Magomaeva, G. Kochyan, S. Ponomarev, E. Borshchevskaya // Proceeding of the 37th IBIMA conference, 1-2 April 2021. Cordoba, 2021. P. 1028–1040.
3. Современные подходы к обеспечению экономической безопасности государства и регионов в эру неопределенности: монография / под ред. Е. К. Карпуниной. М.: Русайнс, 2022. 306 с.
4. Оценка инновационного потенциала стран БРИКС и возможности его повышения / Е. В. Дробот, И. Н. Макаров, И. Е. Горелова, М. Ю. Евсин // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 8. С. 3169–3182.
5. Игнатов А. А. Цифровая экономика в БРИКС: перспективы многостороннего сотрудничества // Вестник международных организаций. Т. 15, № 1. С. 31–62.
6. Scientific and Educational Potential as a Factor in Ensuring the Economic Security of the State in terms of the Digital Development Intensification: Analysis and Assessment for the BRICS Countries / E. Yakovleva, O. Gorbunova, T. Oganessian, O. Shurupova, E. Karpunina // Proceedings of the 36rd IBIMA conference, 4-5 November 2020. Granada, 2020. P. 8205–8214.
7. Complex Mechanism of Interaction in the "School-University" System: Approaches to Performance Assessment / N. Kapustina, E. Karpunina, N. Rustamov, A. Yussuf, I. Rustamova // Proceedings of the 36rd IBIMA conference, 4-5 November 2020. Granada, 2020. P. 7220–7228.
8. Матризаев Б. Д. Исследование сравнительной эффективности национальной инновационной системы и качества экономического роста: на примере сравнительного анализа стран ОЭСР и БРИКС // Вопросы инновационной экономики. 2019. № 3. С. 673–692.
9. Сафиуллин А. Р., Моисеева О. А. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 6. С. 26–37.
10. Gillwald A. From digital divide to digital inequality: the connectivity paradox, 2017. URL: https://research.ictafrica.net/publications/Other_publications/2017_Gillwald_From_digital_divide_to_digital_inequality.pdf (дата обращения: 25.01.2023).
11. Ковальчук А. П. БРИКС на пути создания новой мировой валютно-финансовой системы // Экономические отношения. 2015. № 4. С. 95–100.
12. Колесников В. В., Лапина Е. С., Сулеменова М. А. Особенности промышленной политики: опыт стран Европейского союза и БРИКС // Экономические отношения. 2018. № 3. С. 399–406.
13. Revinova S. E-commerce in BRICS: similarities and differences // International Journal of Economic Policy in Emerging Economies (IJEPEE). 2019. Vol. 12, N 4. P. 377–390.
14. Бордачёв Т., Панова В., Суслов Д. БРИКС и пандемия соперничества. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. 25 с.

15. Gross domestic product (GDP), Total, Million US dollars, 2000 – 2021. URL: <https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm> (дата обращения: 25.01.2023).
16. How much does your country invest in R&D. URL: <http://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending/> (дата обращения: 25.01.2023).
17. Educational personnel by institution. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB# (дата обращения: 25.01.2023).
18. Наука. Технологии. Инновации: 2022: краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 98 с.
19. Глобальный инновационный индекс 2020. Кто будет финансировать инновации. URL: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII_2020_KeyFindings_RU_web.pdf (дата обращения: 12.01.2023).
20. Place des Nations. CH-1211 Geneva Switzerland. 2018. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR-2018-Vol-2-E.pdf> (дата обращения: 25.01.2023).
21. ICT goods exports. Total, Million US dollars. URL: <https://data.oecd.org/ict/ict-goods-exports.htm> (дата обращения: 25.01.2023).
22. Исследование РАЭК: Экономика Рунета в эпоху COVID-19 – растем и трансформируемся. URL: <https://raec.ru/live/raec-news/11580/> (дата обращения: 12.01.2023).
23. Из-за пандемии совокупный ВВП стран БРИКС сократится более чем на 5%. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/iz-za-pandemii-sovokupnyj-vvp-stran-briks-sokratitsa-bolee-chem-na-5-26613> (дата обращения: 12.01.2023).
24. Что мешает российскому экспорту: результаты опроса предприятий. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/120062/analytic_note_apr21_dip.pdf (дата обращения: 12.01.2023).

References

1. Karpunina E., Konovalova M., Titova E., Kheyfits B., Sobolevskaya T. New Paradigm of the Strategy of Advanced Development in the Digital Economy: Prerequisites, Contradictions and Prospects. Proceeding of the 35th IBIMA Conference, 1-2 April 2020. Seville, 2020, pp. 2270–2282.
2. Karpunina E., Magomaeva L., Kochyan G., Ponomarev S., Borshchevskaya E. Digital Inequality and Forms of its Appearance: a Comparative Analysis in the OECD and BRICS Countries. Proceeding of the 37th IBIMA Conference, 1-2 April 2021. Cordoba, 2021, pp. 1028–1040.
3. Sovremennye podhody k obespecheniyu ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva i regionov v eru neopredelennosti [Modern approaches to economic security of the state and regions in an era of uncertainty]; ed. by E. K. Karpuninoj. Moscow, Rusajns Publ., 2022. 306 p.
4. Drobot E. V., Makarov I. N., Gorelova I. E., Evsin M. Yu. Ocenka innovacionnogo potentsiala stran BRIKS i vozmozhnosti ego povysheniya [Assessment of the innovative potential of the BRICS countries and the possibility of increasing it]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2021, vol. 15, no. 8, pp. 3169–3182.
5. Ignatov A. A. Cifrovaya ekonomika v BRIKS: perspektivy mnogostoronnego sotrudnichestva [Digital Economy in BRICS: prospects for multilateral cooperation]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij = Bulletin of International Organizations*, vol. 15, no. 1, pp. 31–62.
6. Yakovleva E., Gorbunova O., Oganessian T., Shurupova O., Karpunina E. Scientific and Educational Potential as a Factor in Ensuring the Economic Security of the State in terms of the Digital Development Intensification: Analysis and Assessment for the BRICS Countries. Proceedings of the 36rd IBIMA Conference, 4-5 November 2020. Granada, 2020, pp. 8205–8214.
7. Kapustina N., Karpunina E., Rustamov N., Yussuf A., Rustamova I. Complex Mechanism of Interaction in the "School-University" System: Approaches to Performance Assessment. Proceedings of the 36rd IBIMA Conference, 4-5 November 2020. Granada, 2020, pp. 7220–7228.

8. Matrizaev B. D. Issledovanie sravnitel'noj effektivnosti nacional'noj innovacionnoj sistemy i kachestva ekonomicheskogo rosta: na primere sravnitel'nogo analiza stran OESR i BRIKS [A study of the comparative effectiveness of the national innovation system and the quality of economic growth: by the example of a comparative analysis of the OECD and BRICS countries]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki = Issues of Innovative Economics*, 2019, no. 3, pp. 673–692.
9. Safiullin A. R., Moiseeva O. A. Cifrovoe neravenstvo: Rossiya i strany mira v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii [Digital inequality: Russia and the countries of the world in the conditions of the Fourth Industrial Revolution]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki = Scientific and Technical Bulletin of SPbPU. Economic Sciences*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 26–37.
10. Gillwald A. From digital divide to digital inequality: the connectivity paradox, 2017. Available at: https://research.ictafrica.net/publications/Other_publications/2017_Gillwald_From_digital_divide_to_digital_inequality.pdf. (accessed 25.01.2023)
11. Koval'chuk A. P. BRIKS na puti sozdaniya novoj mirovoj valyutno-finansovoj sistemy [BRICS on the way to creating a new global monetary and financial system]. *Ekonomicheskie otnosheniya = Economic Relations*, 2015, no. 4, pp. 95–100.
12. Kolesnikov V. V., Lapina E. S., Sulemenova M. A. Osobennosti promyshlennoj politiki: opyt stran Evropejskogo soyuza i BRIKS [Features of industrial policy: the experience of the European Union and BRICS countries]. *Ekonomicheskie otnosheniya = Economic Relations*, 2018, no. 3, pp. 399–406.
13. Revinova S. E-commerce in BRICS: similarities and differences. *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies (IJEPEE)*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 377–390.
14. Bordachyov T., Panova V., Suslov D. BRIKS i pandemiya sopernichestva [BRICS and the pandemic of rivalry]. Moscow, Fond razvitiya i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdaj" Publ., 2020. 25 p.
15. Gross domestic product (GDP), Total, Million US dollars, 2000–2021. Available at: <https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>. (accessed 25.01.2023)
16. How much does your country invest in R&D. Available at: <http://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending/>. (accessed 25.01.2023)
17. Educational personnel by institution. Available at: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB#. (accessed 25.01.2023)
18. Gohberg L. M., Ditkovskij K. A., Kocemir M. N., eds. Nauka. Tekhnologii. Innovacii: 2022. Kratkij statisticheskij sbornik [The science. Technologies. Innovations: 2022. A short statistical collection]. Moscow, NIU VSHE Publ., 2022. 98 p.
19. Global'nyj innovacionnyj indeks 2020. Kto budet finansirovat' innovacii [Global Innovation Index 2020. Who will finance innovation]. Available at: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII_2020_KeyFindings_RU_web.pdf. (accessed 12.01.2023)
20. Place des Nations. CH-1211 Geneva Switzerland. 2018. Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR-2018-Vol-2-E.pdf>. (accessed 25.01.2023)
21. ICT goods exports. Total, Million US dollars. Available at: <https://data.oecd.org/ict/ict-goods-exports.htm>. (accessed 25.01.2023)
22. Issledovanie RAEK: Ekonomika Runeta v epohu COVID-19 – rastem i transformiruemsya [RAEC Research: The economy of the Runet in the era of COVID-19 – growing and transforming]. Available at: <https://raec.ru/live/raec-news/11580/>. (accessed 12.01.2023)
23. Iz-za pandemii sovokupnyj VVP stran BRIKS sokratitsya bolee chem na 5% [Due to the pandemic, the total GDP of the BRICS countries will decrease by more than 5%]. Available at: <https://ac.gov.ru/news/page/iz-za-pandemii-sovokupnyj-vvp-stran-briks-sokratitsa-bolee-cem-na-5-26613>. (accessed 12.01.2023)
24. Chto meshaet rossijskomu eksportu: rezul'taty oprosa predpriyatij [What hinders Russian exports: results of a survey of enterprises]. Available at: https://cbr.ru/StaticHtml/File/120062/analytic_note_apr21_dip.pdf. (accessed 12.01.2023)

Информация об авторах / Information about the Authors

Пономарев Сергей Валерьевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и высшей математики, Калужский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, г. Калуга, Российская Федерация,
e-mail: pionerday@yandex.ru,
SPIN: 6115-8899,
ORCID: 0000-0001-6216-1190

Бухонова Надежда Митрофановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Воронежский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, г. Воронеж, Российская Федерация
e-mail: st200929@mail.ru,
SPIN: 8054-5222,
Author ID: 283396

Сайфутдинова Лиана Рифовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, анализа и учетных технологий, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: Lianasky@mail.ru,
SPIN: 5933-2000,
Author ID: 427777

Гараева Чулпан Ришатовна, ассистент кафедры финансов, анализа и учетных технологий, ведущий специалист бухгалтерии, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: nigmatullina419@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7567-8364

Sergey V. Ponomarev, Cand. of Sci. (Physics and Mathematics), Associate Professor of the Department "Business Informatics and Advanced Mathematics", Kaluga branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kaluga, Russian Federation,
e-mail: pionerday@yandex.ru,
SPIN: 6115-8899,
ORCID: 0000-0001-6216-1190

Nadezhda M. Bukhonova, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor of the Accounting, Analysis and Audit Department, Voronezh branch of Plekhanov Russian University of Economics, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: st200929@mail.ru,
SPIN: 8054-5222,
Author ID: 283396

Liana R. Saifutdinova, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Finance, Analysis and Accounting Technologies, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russian Federation,
e-mail: Lianasky@mail.ru,
SPIN: 5933-2000,
Author ID: 427777

Chulpan R. Garayeva, Assistant of the Department of Finance, Analysis and Accounting Technologies, Leading Accounting Specialist, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russian Federation,
e-mail: nigmatullina419@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7567-8364

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-53-63>

Стратегические энергетические интересы США и тактика их реализации в условиях пандемии COVID-19 и специальной военной операции России на Украине

В. М. Кузьмина¹ ✉, А. И. Лаврова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Отношения между государствами, обусловленные либо энергетическим сотрудничеством, либо противостоянием, с начала XXI века вошли в наиболее острую фазу, поскольку конкурентная борьба в данной отрасли стали ведущим элементом внешней политики мировых держав.

Цель – рассмотреть этапы формирования и развития энергетической стратегии США в современных условиях мировой политики.

Задачи: исследовать деятельность президентов США в контексте реализации энергетических интересов страны; изучить правовую базу энергетического доминирования США в разных странах и континентах; выделить значимые тактические шаги правительства США в сфере реализации энергетических интересов страны.

Методология. Применение метода анализа документов позволило выявить стратегические приоритеты политики правительств США в их динамике. Ретроспективный метод анализа политики США позволил доказать идею о целенаправленном участии военных ведомств США в обеспечении национальной безопасности страны в экономическом секторе. Статистические данные по экспорту-импорту и добыче нефти США представлены из JODI Oil World Database.

Результаты. Проанализирована динамика энергетической стратегии США на примере деятельности ее президентов с конца XX века по настоящее время, показавшая трансформацию энергетической стратегии страны от регионального доминирования, от позиции нетто-импортера энергоресурсов до глобального доминирования и превращения в нетто-экспортера энергоресурсов посредством экономических (разработка сланцевых месторождений), военных (расширение баз НАТО в регионах добычи нефти и газа) и дипломатических (саммиты, санкции) и т. д.

Выводы. Энергетическое противостояние государств, чей экспорт / импорт напрямую зависит от состояния мирового энергетического комплекса, повлекло за собой смену приоритетов во внешней политике стран. Механизмы сдерживания энергетической конкуренции в лице ОПЕК перестают нормально функционировать, внося разбалансированность в мировую политику. Таким образом, энергетика, а именно сланцевая революция, позволила США нарастить экспорт и занять ведущие позиции в тех странах, где ранее их влияние было незначительным: Европе, Центральной Азии, на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: энергетическая стратегия; США; Россия; Ближний Восток; Центральная Азия; Персидский залив; Гвинейский залив; страны Африки.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кузьмина В. М., Лаврова А. И. Стратегические энергетические интересы США и тактика их реализации в условиях пандемии COVID-19 и специальной военной операции России на Украине // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 53–63. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-53-63>.

Поступила в редакцию 30.01.2023

Принята к публикации 18.02.2023

Опубликована 28.04.2023

© Кузьмина В. М., Лаврова А. И., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 53–63

U.S. Strategic Energy Interests and Tactics for Their Implementation Amid the COVID-19 Pandemic and Russia's Special Military Operation in Ukraine

Violetta M. Kuzmina¹ ✉, Alena I. Lavrova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Abstract

Relevance. Relations between states, due to either energy cooperation or confrontation, have entered the most acute phase since the beginning of the XXI century, since competition in this industry has become a leading element of the foreign policy of world powers.

The purpose is to consider the stages of formation and development of the US energy strategy in the current conditions of world politics.

Objectives: to study the activities of us presidents in the context of the implementation of the country's energy interests; to study the legal framework of the US energy dominance in different countries and continents: highlight the significant tactical steps of the US government in the field of realizing the country's energy interests.

Methodology. The application of the method of document analysis made it possible to identify the strategic priorities of the policy of the US governments in their dynamics. The retrospective method of analyzing US policy made it possible to prove the idea of the purposeful participation of the US military departments in ensuring the national security of the country in the economic sector.

Relevance. The dynamics of the US energy strategy is analyzed on the example of the activities of its presidents from the end of the twentieth century to the present, which showed the transformation of the country's energy strategy from regional dominance, from the position of a net importer of energy resources to global dominance and transformation into a net exporter of energy resources through economic (development of shale deposits), military (expansion of NATO bases in the regions of oil and gas production) and diplomatic (summits, sanctions), etc.

Conclusions. Thus, the energy boom leads to a change in the geopolitical alignment of forces in the world, a decrease in the influence of OPEC countries on the formation of oil prices. The shale revolution is at the heart of a fundamental shift in the balance of power. All this makes it possible for the United States to reduce dependence on energy imports and expand freedom of action in Europe, the Middle East, and Central Asia.

Keywords: energy strategy; USA; Russia; Middle East; Central Asia; Persian Gulf; Gulf of Guinea; African countries.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kuzmina V. M., Lavrova A. I. U.S. Strategic Energy Interests and Tactics for Their Implementation Amid the COVID-19 Pandemic and Russia's Special Military Operation in Ukraine. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 53–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-53-63>.

Received 30.01.2023

Accepted 18.02.2023

Published 28.04.2023

Введение

Внешнелитическая стратегия мировых держав, в основе которой лежала энергетическая дипломатия, сегодня в условиях санкционного давления, энергетического терроризма претерпела изменения. Жесткая конкуренция на рынке

энергоресурсов заставляет ведущих игроков прибегать к нарушениям норм международного права, использовать монополистический сговор, военную силу для того, чтобы принудить страны-импортеры энергетики к выгодному решению в пользу стран-экспортеров нефти.

Эпидемия COVID-19 серьезно повлияла на мировую экономику и энергетические рынки. Чтобы стабилизировать рыночную экономику и смягчить последствия этого кризиса, правительство США обновило новый раунд энергетических взглядов. Но это не единственный энергетический шок, который испытала мировая экономика и энергетические рынки. Начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция России на Украине оказала серьезное влияние на финансовые и энергетические рынки по всему миру и, по мнению ряда политиков и аналитиков, является самой крупной войной в Европе со времен Второй мировой войны.

Россия является одним из ведущих мировых поставщиков нефти, и в этом контексте нефть была ключевым источником потрясений во время конфликта. Существует более глубокая взаимосвязь между различными активами в целом. Поскольку Россия является крупнейшим в мире экспортером нефти и газа, российско-украинский конфликт жизненно важен для рынков энергии и металлов. Примечательно, что одна треть потребления газа и нефти в Европе импортируется из России. Следовательно, санкции, введенные против России, могут иметь катастрофические последствия для экономики не только европейских стран, но и всего мира. Кроме того, санкции, наложенные на российские рынки традиционной энергии, также увеличили спрос на традиционную энергию у альтернативных поставщиков, например США.

США ставят перед своими нефте- и газодобывающими отраслями высокую планку по наращиванию добычи энергоресурсов: так сегодня Россия, Саудовская Аравия добывают чуть выше 10 млн барр. в день, в то время как США стремятся к наращиванию добычи до 14 млн барр. в день к 2040 г. К 2030 г. США планируют не только нарастить добычу сжиженного природного газа (СПГ), но и увеличить его экспорт в диапазоне от 5

до 11 раз. Ориентируясь на своих экономических и военно-политических партнеров по НАТО, США не гнушаются переориентировать экономику этих стран (ЕС, ЮВА, Южная Корея, Япония) на потребление СПГ даже по завышенной экспортной цене. Продвижение СПГ – не единственная цель для руководства США, им важно также дискредитировать в глазах мирового сообщества традиционные организации, регулирующие конкурентные отношения в энергетике, например ОПЕК. В качестве путей для достижения этой цели правительство США использует шантаж, угрозы в адрес ОПЕК.

Переосмысление энергетики как проблемы геополитической безопасности в условиях острого кризиса привело к преуменьшению других целей энергетической политики, что ставит ряд сложных вопросов перед политиками, стремящимися обеспечить долгосрочные устойчивые и справедливые переходные процессы. Связанный с этим геополитический кризис энергоснабжения привел к сложным и развивающимся новым политическим программам, которые вряд ли были бы предприняты вне чрезвычайной ситуации, благодаря чему США поставили цель – отучить Европу от российского ископаемого топлива.

Цель – рассмотреть этапы формирования и развития энергетической стратегии США в современных условиях мировой политики.

Задачи:

1. Исследовать деятельность президентов США в контексте реализации энергетических интересов страны.

2. Изучить правовую базу энергетического доминирования США в разных странах и континентах.

3. Выделить значимые тактические шаги правительства США в сфере реализации энергетических интересов страны.

Энергобезопасность США, несмотря на различие подходов зарубежных и отечественных авторов к определению самой дефиниции, в целом соотносится с

комплексным подходом (Э. Корин, Г. Луфт [1], Ю. Боровского [2], К. Трачук [3]), рассматривающим во взаимосвязи экономическую, геополитическую и военную составляющую. О взаимосвязи экономики и военного присутствия США в зонах энергетических интересов страны также говорят и отечественные (М. А. Хрусталев [4]), и зарубежные (J. W. Legro [5], M. P. Leffler [6]) специалисты.

Пандемия COVID-19 с 2019 по 2021 гг. внесла свои коррективы не только в фондовые рынки, но и отразилось на энергетическом сотрудничестве государств. Javed Bin Kama, Mark Wohar, Khaled Bin Kamal в своем исследовании [7] доказывают, что взаимосвязь между нефтяным и фондовым рынком усилилась после объявления ВОЗ о пандемии, и эта взаимосвязь была асимметричной во время пандемии. Инвесторы несут большие краткосрочные потери из-за резкого падения цен на нефть и обвала цен на акции. Эффект заражения COVID вышел за рамки финансовых рынков, реальной экономики и даже рынков товаров. Natice Kubra Ugur, Nukhet Dogan M., Nakan Berument компетентно доказали, что в 2015 г., сняв запреты на экспорт нефти, США стали одним из важных экспортеров сырой нефти, на долю которых пришлось 20% мирового экспорта сырой нефти в 2018 г. Авторы также проанализировали, как на добычу сланцевой нефти в США влияют шоки внутреннего и внешнего спроса в разных сланцевых бассейнах США [8].

Kuhelika De Ryan A., Compton Daniel C., Giedeman в своем исследовании показывают, что, хотя шоки цен на нефть, обусловленные как спросом, так и предложением, приводят к значительному росту мировых цен на сырую нефть и высокой степени влияния на цены потребителей и производителей в США, шоки спроса на нефть, обусловленные мерами предосторожности, являются основными факторами колебаний цен на сырую нефть и уровня цен США, за которым по-

следуют потрясения спроса на нефть в мировой экономической активности [9].

Современная геополитическая ситуация 2022 г. внесла свои коррективы не только в политику ведущих держав, но и изменения в энергетической стратегии государств Европы и США.

Muhammad Umar, Yasir Riaz, Imran Yousaf считают, что характер войны искажает объективные вероятности результатов, а также изменяет вес принятия решений, особенно когда есть вероятность конфликта [10]. Российское вторжение в Украину привело к значительным потерям на финансовых рынках по всему миру. Тем не менее компании, распространяющие и внедряющие возобновляемые источники энергии, становятся все более привлекательными в качестве инвесторов и учитывают потребность в заменяющих источниках энергии.

Amin Sokhanvar, Elie Bouri также считают, что война на Украине и новые санкции, введенные против России, повлияли на цены на сырьевые товары и вызвали исторические изменения на валютных рынках. Глобальные и национальные риски для крупных производителей и экспортеров сырьевых товаров, возникающие в результате крупных событий, таких как война, делают передачу колебаний цен на сырьевые товары колебаниям обменного курса решающим фактором для инвесторов и политиков в странах, которые являются экспортерами и импортерами сырьевых товаров. Эта ситуация имеет последствия для ценообразования активов, управления рисками, уровня инфляции, а также энергетической и продовольственной безопасности. Продолжающаяся война в Украине, которая началась 24 февраля 2022 г., затрагивает двух важных экспортеров энергии, сырья и зерновых культур. Таким образом, неудивительно, что цены на эти товары выросли на международных рынках [11].

Caroline Kuzemko, Mathieu Blondée, Claire Dupont, Marie, Claire Brisbois аналогично предыдущим авторам указыва-

ют, что вторжение России в Украину в феврале 2022 г. вызвало шок по всей Европе и болезненно обнажило зависимость континента от геополитического противника [12]. Энергетика тесно связана с продолжающейся битвой: Европа привержена постепенному отказу от российского импорта ископаемого топлива, в то время как Россия, в свою очередь, сократила поставки газа в ряд стран и значительно сократила поставки в другие. Этот кризис также высветил два неприятных факта: хотя энергетические системы претерпевают устойчивые изменения, ископаемое топливо по-прежнему составляет основу большей части энергопотребления в Европе; и несмотря на различные споры между Россией и Украиной о транзите газа и вторжение России в Крым в 2014 г., ЕС сохраняет высокий уровень зависимости от российского газа. А это может означать одно – у США есть большие перспективы относительно замены российского газа на СПГ в качестве экспортируемого топлива в страны ЕС.

Laurent A. Lambert, Jad Tayah, Caroline Lee-Schmid доказывают идею о том, что российско-украинская война 2022 г. изменила газовый ландшафт Европы и заставила Европейский союз (ЕС) разработать новую политику и искать альтернативные источники газа, чтобы сократить доходы и влияние Москвы. Сильное энергетическое влияние Москвы на Европу – это ситуация, которая может быть оспорена более широкой эксплуатацией и экспортом американских сланцевых энергоресурсов, что также принесет большую пользу американской экономике, как это было сформулировано бывшим советником бывшего президента США Джорджа Буша-младшего Меган О'Салливан [13].

В целом оценка западных исследователей практически сходится к пониманию того, что США воспользуются сложившейся геополитической ситуацией, чтобы в очередной раз в истории подтвердить свои глобальные планы на обеспечение своего энергетического пре-

имущества даже перед своими стратегическими партнерами в странах Европы.

Материалы и методы

На методологическом уровне статья основана на анализе правительственных документов США, отражающих трансформацию энергетической стратегии страны. В первую очередь после окончания Второй мировой войны вопрос энергетической безопасности поставлен в Законе о сохранении и энергетической политике (Energy Policy and Conservation Act) от 1975 г. [14], последующие законы были направлены на совершенствование национальной энергетической стратегии, которая рассматривалась неотъемлемой частью национальной стратегии безопасности США [15; 16; 17]. Администрация У. Клинтона на законодательном уровне обозначила механизмы, с помощью которых США могут обеспечить глобальный экономический порядок – это постоянное военное присутствие США на море, на суше, т. е. всюду, где идет транзит нефти [18]. Такая политика позволила закрепить военное вмешательство США в процесс транспортировки нефти, если это угрожало национальной энергетической безопасности страны. В Национальной оборонной стратегии 2008 г. [19] объяснялась необходимость свободы США в своих действиях для обеспечения свободного доступа к энергоресурсам третьих стран, и это вопрос, прежде всего, национальной безопасности США.

Б. Обама издал другой, не менее важный документ – Закон о восстановлении и реинвестировании Америки 2009 г. [20], который определил на ближайшее время ослабление страны от импорта энергопоставок. С этого времени энергетические векторы США были развернуты от Венесуэлы в сторону Арктики [21; 22], АТР и Большого Ближнего Востока.

Таким образом, применение метода анализа документов позволило выявить стратегические приоритеты политики правительств США в их динамике. Ре-

перспективный метод анализа политики США позволил доказать идею о целенаправленном участии военных ведомств США в обеспечении национальной безопасности страны в экономическом секторе. Статистические данные по экспорту-импорту и добыче нефти США представлены из JODI Oil World Database.

Таким образом, исследование ориентируется на статистические и институциональные данные по рассматриваемой проблематике, что обеспечивает его объективность.

Результаты и их обсуждение

Энергетика, а именно нефть и газ, пришли на смену углю уже в годы Второй мировой войны, а после ее окончания постепенно становятся стратегическими ресурсами стран, определяющих их геополитический статус на мировой арене. Нефтяной шок 1956 г., связанный с Суэцким каналом, показал значение стратегических приоритетов в политике ведущих стран. США как импортер нефти осознали, что необходимо воспользоваться уходом Великобритании из Персидского залива и обозначить там свое присутствие, пускай даже военными средствами. С этой целью Р. Рейган создает Объединенное центральное военное командование (ОЦК), которое в зону своего влияния охватило не только Персидский залив, но и Суэцкий канал, Аравийское море, Красное море. Последующий конфликт, развернутый в 1991 г. в Ираке, послужил закреплению там позиций США посредством заключенных энергетических договоров с Объединенными Арабскими Эмиратами, Кувейтом и др. странами.

Клинтон впоследствии поддерживал позиции военного присутствия США в странах Персидского залива посредством развертывания там военных баз, и все это объяснялось необходимостью экономического процветания США. Энергетика – это тот ресурс, который жизненно необходим для процветания Америки, что и было закреплено в основных институци-

ональных документах американского правительства [16; 17]. Но уже в этих документах явно прослеживается поворот к энергетическому доминированию США в других регионах мира посредством разработок углеводородных запасов на территориях Африки, Центральной Азии и Каспия.

Дж. Буш в период своего правления столкнулся с энергетическими трудностями в стране, что позволило ему поставить перед Конгрессом задачу переориентации с нефтяных ресурсов Ближнего Востока к 2025 г. на нефтяные ресурсы других стран. К тому же террористический акт 11 сентября 2001 г. поставил вопрос покончить с зависимостью от ближневосточной нефти. Кардинально изменить ситуацию, связанную с превращением страны из нетто-импортера энергоресурсов в нетто-экспортера, удалось правительству Б. Обамы. После сланцевой революции 2008 г. США стали одним из крупнейших производителей и экспортеров нефти. Однако любые внешние и внутренние потрясения по-разному влияют на разные нефтедобывающие регионы страны. США увеличили добычу нефти за счет добычи сланцевой нефти и стали одним из важнейших производителей в мире. На добычу сланцевой нефти приходится более трети добычи сырой нефти в США.

При этом правительство США не оставило своей идеи глобального доминирования в государствах Ближнего Востока и Азии, принимая активное участие в смене правительств в ряде стран в период «арабской весны». И хотя энергетические акценты США сменились, идея глобального доминирования осталась. Для реализации последней США создают либо модернизируют военные базы в Буркина Фасо, Нигере, Камеруне, Чаде, Южном Судане. Центральная Азия заняла свое место в энергетических интересах США с 2013 г., хотя реализация этих интересов была осложнена присутствием в Каспии России, позицией Ирана, возрос-

шей активностью КНР, в связи с чем США пошли по пути военно-технического сотрудничества с Грузией, Азербайджаном, Казахстаном.

Администрация Д. Трампа приложила все силы для того, чтобы добыча нефти и газа росла, несмотря ни на какие обстоятельства. Именно в это время США стали крупнейшим производителем нефти в мире. Официально в Стратегии США 2018 г. было закреплено противодействие возросшему газовому и нефтяному влиянию России в мире. Отсюда – расширение поставок американского СПГ, введение санкций против «Северного потока – 2» со стороны ЕС (не без помощи США), активизация энергетического диалога со странами Центральной Азии в рамках проекта «Инициатива трех морей».

Администрация Дж. Байдена столкнулась с серьезными геополитическими вызовами, которые могли нанести урон глобальному энергетическому превосходству США. Из-за локдауна в период пандемии были прерваны глобальные цепочки поставок, и мир вступил в период экономической блокады. Это привело к краху энергетического рынка, обвалу фондового рынка и замедлению мировой экономики. Фьючерсы на сырую нефть марки WTI являются одним из финансовых рынков, наиболее пострадавших от COVID-19. 20 апреля 2020 г. фьючерсы на нефть марки WTI упали до отрицательного значения с 18 долл. за баррель до -38 долл., что произошло впервые в истории [23]. Падение цен на фьючерсы на сырую нефть вызвало панику в мировой рыночной экономике. С тех пор рынок вступил в

депрессию. Чтобы стабилизировать рыночную экономику и смягчить последствия этого кризиса, правительство США обновило энергетическую стратегию.

Администрация Байдена чутко реагирует на внешнеполитическую ситуацию на любом континенте. Примером тому является подписание Указа Дж. Байденом о запрете импорта энергоносителей (нефть, нефтепродукты, топливо, масла и т. д.) из России уже 9 марта, фактически сразу после 24 февраля 2022 г., с момента начала специальной военной операции РФ на Украине. Эта ситуация использовалась также для запрета компаниям США инвестировать в российский энергетический сектор, а также для того, чтобы отозвать американские крупные компании с российского рынка.

Одновременно администрация Байдена пошла по пути скорейшего налаживания отношений с теми государствами, с которыми их фактически разорвали в предыдущие годы. Когда Россия поддерживала правительство Мадуро на выборах 2019 г., США разорвали с Каракасом дипломатические отношения, теперь же возобновили переговоры о снятии эмбарго на поставки венесуэльской нефти.

На начало июня 2022 г. Соединенные Штаты отказались от ограничительных мер, которые препятствовали работе американских и европейских нефтяных компаний на территории Венесуэлы.

На основании статистики, которая ежемесячно обновляется в JODI Oil World Database [24], представим динамику экспорта нефти США (млн барр.) за 2022 г., в день:

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
3,347	3,309	3,319	3,239	3,442	3,572	3,796	3,653	3,505	4,146	4,084

Динамика отчетливо свидетельствует, что экспорт нефти не снижается, а динамично продвигается вперед, независимо от ситуации на мировых рынках нефти. Стоимость за баррель нефти West Texas Intermediate (WTI) отличается вы-

соким уровнем стабильности, что позволяет США наращивать, в том числе, объемы добычи нефти. Рассмотрим динамику стоимости нефти США (долл./барр.) марки West Texas Intermediate (WTI) за 2022 г. [25]:

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
88,40	96,07	100,90	104,70	115,30	106,10	97,85	89,09	79,49	86,02	80,43	80,46

Стоимость за баррель нефти – это очень сложный параметр, на который влияют многочисленные факторы, среди которых ситуация с поставками нефти из России, а точнее введение очередного пакета санкций, впоследствии принятие потолка цен на нефть в

отношении РФ, а также международная ситуация, связанная с показателями добычи нефти со стороны других игроков: Саудовской Аравии, Ирана, Ирака, Венесуэлы и т. д. Рассмотрим общий уровень добычи нефти США (млн барр.) за 2022 г. [24]:

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
11,369	11,316	11,701	11,668	11,629	11,797	11,844	12,002	12,312	12,381	12,120

Таких результатов США удалось достичь не благодаря введению санкций против РФ в нефтяной отрасли, этот фактор может иметь место, но незначительное. Вся предыдущая полити-

ка администрации США планомерно вела к полученному результату. Так, в 2021 г. США имеют аналогично высокие показатели добычи нефти (млн барр.) в день [24]:

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
11,124	9,925	11,326	11,305	11,356	11,356	11,347	11,277	10,918	11,569	11,790

Данные показатели позволили Statistical Review of World Energy [26] поставить США на 1 место по добыче и экспорту нефти среди других нефтедобывающих государств. За США следуют Россия (10,8 млн барр. в сутки), Саудовская Аравия (10,02 млн барр. в сутки), Ирак (4,2 млн барр. в сутки). Хотя топ стран по запасам нефти выглядит несколько по иному (1 место – Венесуэла, 2 – Саудовская Аравия, 3 место – Иран..., США только на 8 месте после России), это лишний раз подтверждается, что стратегически продуманная политика администрации президентов США от Б. Обамы до Д. Байдена позволила стране занять ведущую позицию от импортера нефти до экспортера.

Выводы

Одной из наиболее значительных трансформаций в глобальном энергетическом ландшафте за последние десять лет стало резкое увеличение добычи нефти и газа в США. Их эксплуатация долгое время оставалась экономически или технически неосуществимой, но си-

туация изменилась в середине первого десятилетия 2000-х годов. Тем не менее их более высокие производственные затраты по-прежнему требуют умеренных или высоких рыночных цен на энергоносители для финансовой безубыточности и поддержания производства. После восстановления мировой экономики в 2021 г. более высокие цены на газ привели к резкому росту добычи нетрадиционных энергоресурсов, включая сланцевый газ, предназначенный для экспорта в ЕС. Поскольку цены на СПГ в Европе были выше, чем обычно, из-за неопределенности поставок и текущей потребности европейских стран в пополнении своих запасов, ожидается, что высокий спрос на экспорт американского СПГ приведет к увеличению производства и экспорта в Америке в краткосрочной перспективе. Разрыв энергетических договоров стран ЕС и России способствует энергетическому обогащению США. Теоретически США могут стать одним из основных поставщиков природного газа в Европу в ближайшие годы. Тем не менее ЕС в настоящее

время не обладает возможностями для получения значительно увеличенного объема поставок СПГ, чтобы заменить поставки по российским трубопроводам. Однако в среднесрочной перспективе (2023-2030 гг.) вероятность того, что ЕС и европейский континент в целом получают гораздо большие объемы СПГ и трубопроводного газа, существенно выше. США в среднесрочной перспективе станут бенефициарами газовой холодной войны Европы с Россией, более высоких цен и сокращения доли российского рынка.

В целом выводы можно сделать следующие:

1. Внешнеполитический и внешнеэкономический курс США отличается

гораздо большей продуманностью, чем это кажется на первый взгляд, поскольку экономика этой страны находится в тесной связи с внешней политикой.

2. Реагирование администрации США на любые внешнеполитические изменения сегодня практически молниеносные, что ставит вопрос о допустимом и подготовленном сценарии развития событий на любом континенте.

3. США не допустят повышения конкуренции своим энергетическим ресурсам на мировом рынке и будут использовать для дискредитации акторов в лице государств либо организаций любые средства, включая угрозы, шантаж, террористические способы борьбы и попиранье норм международного права.

Список литературы

1. Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st century. Santa Barbara: Greenwood, 2009. P. 6–12.
2. Боровский Ю. В., Трачук К. В. Исследования энергетики в теории международных отношений // Международные процессы. 2015. № 4. С. 86–98.
3. Трачук К. В. Энергетическая безопасность России в ее отношениях с Европой: международные аспекты: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 280 с.
4. Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: НОФМО, 2008. 230 с.
5. Legro J. W. Rethinking the World: Great Power Strategies and International Order. New York: Cornell University Press, 2015. 272 p.
6. Leffler M. P. A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992. P. 13.
7. Javed Bin Kamal, Mark Wohar, Khaled Bin Kamal. Do gold, oil, equities, and currencies hedge economic policy uncertainty and geopolitical risks during covid crisis? // Resources Policy. 2022. Vol. 78. P. 102920. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102920>.
8. Hatice Kubra Ugur, Nukhet Dogan, M. Hakan Berument. Effects of US foreign and domestic shocks on US shale oil production across different basins // Resources Policy. 2022. Vol. 79. P. 102991. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102991>.
9. Kuhelika De, Ryan Compton, Daniel C. Giedeman. Oil shocks and the U.S. economy in a data-rich model // Economic Modelling. 2022. Vol. 108. P. 105755. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.105755>.
10. Muhammad Umar, Yasir Riaz, Imran Yousaf. Impact of Russian-Ukraine war on clean energy, conventional energy, and metal markets: Evidence from event study approach // Resources Policy. 2022. Vol. 9. P. 102966. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102966>.
11. Amin Sokhanvar, Elie Bouri. Commodity price shocks related to the war in Ukraine and exchange rates of commodity exporters and importers // Borsa Istanbul Review. 2023. Vol. 23, is. 1. P. 44–54. <https://doi.org/10.1016/j.bir.2022.09.001>.
12. Caroline Kuzemko, Mathieu Blondeel, Claire Dupont, Marie Claire Brisbois. Russia's war on Ukraine, European energy policy responses & implications for sustainable transformations // Energy Research & Social Science. 2022. Vol. 93. P. 102842. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2022.102842>.
13. Laurent A. Lambert, Jad Tayah, Caroline Lee-Schmid, Monged Abdalla. The EU's natural gas Cold War and diversification challenges // Energy Strategy Reviews. 2022. Vol. 43. P. 100934. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2022.100934>.

14. Energy Policy and Conservation Act от 1975 г. URL: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/statutes/energy-policy-conservation-act-1975> (дата обращения: 28.01.2023).
15. National Security Strategy of the United States 1987. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1987.pdf> (дата обращения: 28.01.2023).
16. National Security Strategy of Engagement and Enlargement, 1994. URL: www.fas.org/spp/military/docops/national/1994stra.htm (дата обращения: 28.01.2023).
17. National Security Strategy for a New Century, 1997. URL: <http://www.fas.org/man/docs/nssrpref-1299.htm> (дата обращения: 28.01.2023).
18. National Security Strategy for a Global Age, 2000. URL: <http://www.bits.de/NRANEU/others/strategy/nss-0012.pdf> (дата обращения: 28.01.2023).
19. National Defense Strategy 2008. URL: <http://www.defense.gov/news/2008%20national%20defense%20strategy.pdf> (дата обращения: 28.01.2023).
20. American Recovery and Reinvestment Act of 2009. URL: http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=111_cong_bills&docid=f:h1enr.pdf (дата обращения: 28.01.2023).
21. Arctic Strategy. US Department of Defense. 2013. URL: http://www.defense.gov/pubs/2013_Arctic_Strategy.pdf (дата обращения: 28.01.2023).
22. US Department of Defense Arctic Strategy. June 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 28.01.2023).
23. Qiang Wang, Xuan Yang, Rongrong Li. The impact of the COVID-19 pandemic on the energy market – A comparative relationship between oil and coal // *Energy Strategy Reviews*. 2022. Vol. 39. P. 100761. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2021.100761>.
24. JODI Oil World Database. URL: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 04.02.2023).
25. Калькулятор стоимости нефти. URL: <https://www.calc.ru/dinamika-Wti.html?date=2022> (дата обращения: 04.02.2023).
26. Топ стран по добыче и экспорту нефти. URL: https://finance.rambler.ru/economics/48421082/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 04.02.2023).

References

1. Luft G., Korin A. *Energy Security Challenges for the 21st century*. Santa Barbara, Greenwood Publ., 2009, pp. 6–12.
2. Borovskij Yu. V., Trachuk K. V. *Issledovaniya energetiki v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij* [Energy research in the theory of international relations]. *Mezhdunarodnye process = International Processes*, 2015, no. 4, pp. 86–98.
3. Trachuk K. V. *Energeticheskaya bezopasnost' Rossii v ee otnosheniyah s Evropoj: mezhdunarodnye aspekty*. Diss. kand. ist. nauk [Energy security of Russia in its relations with Europe: international aspects. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2016. 280 p.
4. Hrustalev M. A. *Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaya ekspertiza* [Analysis of international situations and political expertise]. Moscow, NOFMO Publ., 2008. 230 p.
5. Legro J. W. *Rethinking the World: Great Power Strategies and International Order*. New York, Cornell University Press Publ., 2015. 272 p.
6. Leffler M. P. *A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War*. Stanford, CA, Stanford University Press Publ., 1992, p. 13.
7. Javed Bin Kamal, Mark Wohar, Khaled Bin Kamal. Do gold, oil, equities, and currencies hedge economic policy uncertainty and geopolitical risks during covid crisis? *Resources Policy*, 2022, vol. 78, p. 102920. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102920>
8. Hatice Kubra Ugur, Nukhet Dogan, M. Hakan Berument. Effects of US foreign and domestic shocks on US shale oil production across different basins. *Resources Policy*, 2022, vol. 79, p. 102991. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102991>
9. Kuhelika De, Ryan Compton, Daniel C. Giedeman. Oil shocks and the U.S. economy in a data-rich model. *Economic Modelling*, 2022, vol. 108, p. 105755. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.105755>
10. Muhammad Umar, Yasir Riaz, Imran Yousaf. Impact of Russian-Ukraine war on clean energy, conventional energy, and metal markets: Evidence from event study approach. *Resources Policy*, 2022, vol. 9, p. 102966. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102966>

11. Amin Sokhanvar, Elie Bouri. Commodity price shocks related to the war in Ukraine and exchange rates of commodity exporters and importers. *Borsa Istanbul Review*, 2023, vol. 23, is. 1, pp. 44–54. <https://doi.org/10.1016/j.bir.2022.09.001>
12. Caroline Kuzemko, Mathieu Blondeel, Claire Dupont, Marie Claire Brisbois. Russia's war on Ukraine, European energy policy responses & implications for sustainable transformations. *Energy Research & Social Science*, 2022, vol. 93, p. 102842. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2022.102842>
13. Laurent A. Lambert, Jad Tayah, Caroline Lee-Schmid, Monged Abdalla. The EU's natural gas Cold War and diversification challenges. *Energy Strategy Reviews*, 2022, vol. 43, p. 100934. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2022.100934>
14. Energy Policy and Conservation Act from 1975. Available at: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/statutes/energy-policy-conservation-act-1975>. (accessed 28.01.2023)
15. National Security Strategy of the United States 1987. Available at: <http://nssarchive.us/NSSR/1987.pdf>. (accessed 28.01.2023)
16. National Security Strategy of Engagement and Enlargement, 1994. Available at: www.fas.org/spp/military/docops/national/1994stra.htm. (accessed 28.01.2023)
17. National Security Strategy for a New Century, 1997. Available at: <http://www.fas.org/man/docs/nssrpref-1299.htm>. (accessed 28.01.2023)
18. National Security Strategy for a Global Age, 2000. Available at: <http://www.bits.de/NRANEU/others/strategy/nss-0012.pdf>. (accessed 28.01.2023)
19. National Defense Strategy 2008. Available at: <http://www.defense.gov/news/2008%20national%20defense%20strategy.pdf>. (accessed 28.01.2023)
20. American Recovery and Reinvestment Act of 2009. Available at: http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=111_cong_bills&docid=f:h1enr.pdf. (accessed 28.01.2023)
21. Arctic Strategy. US Department of Defense. 2013. Available at: http://www.defense.gov/pubs/2013_Arctic_Strategy.pdf. (accessed 28.01.2023)
22. US Department of Defense Arctic Strategy. June 2019. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF>. (accessed 28.01.2023)
23. Qiang Wang, Xuan Yang, Rongrong Li. The impact of the COVID-19 pandemic on the energy market – A comparative relationship between oil and coal. *Energy Strategy Reviews*, 2022, vol. 39, p. 100761. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2021.100761>
24. JODI Oil World Database. Available at: <http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx/>. (accessed 04.02.2023)
25. Kal'kulyator stoimosti nefiti [Oil price calculator]. Available at: <https://www.calc.ru/dinamika-Wti.html?date=2022>. (accessed 04.02.2023)
26. Top stran po dobyche i eksportu nefiti [Top countries in oil production and export]. Available at: https://finance.rambler.ru/economics/48421082/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (accessed 04.02.2023).

Информация об авторах / Information about the Authors

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Лаврова Алена Игоревна, студент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: e.v.lavrova@list.ru

Violetta M. Kuzmina, Cand. of Sci. (History), Associate Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Alena I. Lavrova, Student of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: e.v.lavrova@list.ru

УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

MANAGEMENT IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-64-80>

Современный подход к выбору и внедрению ERP-системы на предприятии как действенного IT-решения в управлении бизнесом

И. А. Тренина¹✉, А. В. Семенихина¹, Г. И. Татенко¹, О. И. Морозова² ✉

¹ Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
ул. Комсомольская, д. 95, г. Орёл 302026, Российская Федерация

² Московский финансово-юридический университет МФЮА
ул. Серпуховский вал, д. 17, г. Москва 115191, Российская Федерация

✉ e-mail: irina-tronina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Современное предприятие как сложная социально-экономическая система существует сегодня в режиме постоянных изменений для адекватного реагирования на вызовы внешней среды. Развитие производственного и кадрового потенциала, рост прибыльности, повышение конкурентоспособности являются ключевыми задачами стратегического развития предприятия, для чего необходима оптимизация его бизнес-процессов, реорганизация работы с деловыми партнерами, клиентами, сотрудниками. Отсюда возникает необходимость систематического обновления бизнеса через внедрение новых ИТ-продуктов.

Цель – теоретико-методическое обоснование необходимости интегрирования ERP-системы в текущую деятельность современного предприятия в условиях вызовов внешней среды.

Задачи: рассмотреть возможности и механизм внедрения ERP-системы для функционирования и развития деятельности предприятий; исследовать ключевые элементы ERP-системы для построения современной ИТ-архитектуры предприятия в соответствии с принципами цифровизации; выделить преимущества и недостатки классического и гибкого подходов в проекте внедрения ERP-системы.

Методология. В работе использованы методы статистического и сравнительного анализа, иллюстративно-графический метод, методы обобщения и логики на основе системного подхода.

Результаты. В ходе исследования установлено, что проблемы внедрения ERP-системы в деятельность современного предприятия необходимо решать на основе проектного подхода, предполагающего использование механизмов как традиционной Waterfall методологии, так и методологии Agile. Главное – понимать потенциальные возможности и оценивать ожидаемые риски при принятии решений о внедрении ИТ-продукта.

Выводы. Внедрение ERP-системы на предприятии позволит улучшить и оптимизировать бизнес-процессы, сделать акцент на компетентностных способностях линейных руководителей и работников. Это важно для того, чтобы получить максимум пользы от потенциальных возможностей ERP-системы. Отправной точкой является процесс разработки и внедрения стандартов работы с четким описанием желаемого результата. Значительное внимание при этом команда проекта должна уделить изменению менталитета и поведения сотрудников с проводимыми преобразованиями в системе мотивации и организационной культуре.

Ключевые слова: ERP-система; информация; бизнес; ресурсы компании; программный продукт; управление данными; предприятие.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Тренина И. А., Семенихина А. В., Татенко Г. И., Морозова О. И., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 64–80

Для цитирования: Современный подход к выбору и внедрению ERP-системы на предприятии как действенного IT-решения в управлении бизнесом / И. А. Трони́на, А. В. Семенихина, Г. И. Татенко, О. И. Морозова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 64–80. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-64-80>.

Поступила в редакцию 07.02.2023

Принята к публикации 04.03.2023

Опубликована 28.04.2023

A Modern Approach to the Selection and Implementation of an ERP System at an Enterprise as an Effective IT Solution in Business Management

Irina A. Tronina¹✉, Anna V. Semenikhina¹, Galina I. Tatenko¹, Olga I. Morozova²

¹ Orel State University named after I. S. Turgenev
95 Komsomolskaya Str., Orel 302026, Russian Federation

² Moscow University of Finance and Law MFUA
17 Serpukhov val Str., Moscow 115191, Russian Federation

✉ e-mail: irina-tronina@yandex.ru

Abstract

Relevance. A modern enterprise as a complex socio-economic system exists today in the mode of constant changes to adequately respond to the challenges of the external environment. The development of production and personnel potential, the growth of profitability, and the improvement of competitiveness are the key objectives of the strategic development of the enterprise, which requires the optimization of its business processes, the reorganization of work with business partners, customers, and employees. Hence, there is a need for systematic business renewal through the introduction of new IT products.

The purpose is a theoretical and methodological justification of the need to integrate an ERP system into the current activities of a modern enterprise in the face of environmental challenges.

The objectives: to consider the possibilities and mechanism of implementing an ERP system for the functioning and development of enterprises; to investigate the key elements of an ERP system for building a modern IT architecture of an enterprise in accordance with the principles of digitalization; to highlight the advantages and disadvantages of classical and flexible approaches in the ERP-system implementation project.

Methodology. Methods of statistical and comparative analysis, illustrative-graphical method, methods of generalization and logic based on a systematic approach are used in the work.

Results. In the course of the study, it was found that the problems of implementing an ERP system in the activities of a modern enterprise must be solved on the basis of a project approach involving the use of mechanisms of both the traditional Waterfall methodology and the Agile methodology. The main thing is to understand the potential opportunities and assess the expected risks when making decisions about the implementation of an IT product.

Conclusions. The introduction of an ERP system in an enterprise will improve and optimize business processes, focus on the competence abilities of line managers and employees. This is important in order to get the most out of the potential of an ERP system. The starting point is the process of developing and implementing standards of work with a clear description of the desired result. At the same time, the project team should pay considerable attention to changing the mentality and behavior of employees with ongoing changes in the motivation system and organizational culture.

Keywords: ERP system; information; business; company resources; software product; data management; enterprise.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Tronina I. A., Semenikhina A. V., Tatenko G. I., Morozova O. I. A Modern Approach to the Selection and Implementation of an ERP System at an Enterprise as an Effective IT Solution in Business Management. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* =

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент / Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 64–80

Введение

Непременным условием успешной деятельности и развития современной компании выступает максимальное ее соответствие постоянно изменяющейся ситуации на рынке и потребностям клиентов, выполнение которого основано на необходимости внедрения действенных информационных систем, позволяющих оптимизировать работу предприятия, сокращать использование ресурсов и обес-

печивать рост его конкурентоспособности. Одним из таких программных решений является ERP-система, объединяющая все бизнес-процессы на одной мощной и удобной платформе, что улучшает качество планирования, способствует принятию результативных управленческих решения и ускоряет работу сотрудников компании в целом. Необходимость внедрения ERP-системы на предприятии обусловлена следующими аспектами (рис. 1).

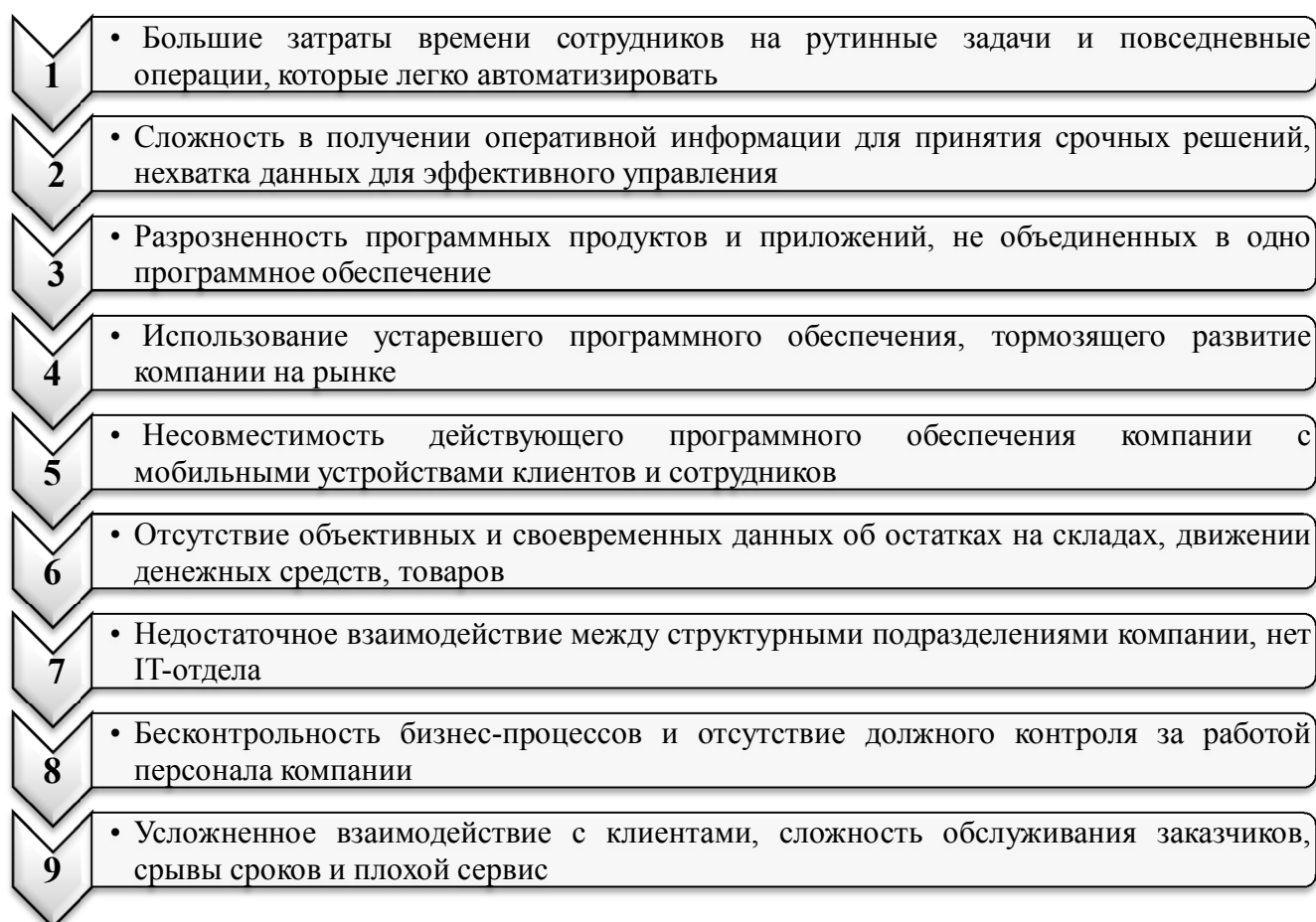

Рис. 1. Причины и факторы внедрения ERP-системы в компании [1]

Это далеко не полный перечень причин и предпосылок внедрения ERP-системы на предприятии, поскольку для каждой компании необходимость и целесообразность автоматизации бизнеса

определяется индивидуально с учетом отраслевых особенностей, организационных возможностей, потребностей оптимизации объема задач, состояния глобальных сквозных процессов орга-

низации и направлений развития в заданном формате.

Методы и материалы

Для решения поставленных в исследовании задач в работе использована совокупность таких методов, как метод статистического и сравнительного анализа, обобщения и логики на основе системного подхода, иллюстративно-графический способ для визуализации и структурирования содержания ключевых элементов, особенностей и механизма внедрения ERP-системы в компании. Применение данных методов позволило обосновать необходимость формирования единой автоматизированной платформы для управления бизнес-процессами на предприятии и установить важность применения проектного подхода при внедрении ERP-системы как наиболее востребованного программного решения трансформации бизнеса.

В методологическом плане исследование базируется на фундаментальных концепциях и подходах, представленных в трудах современных отечественных и зарубежных экономистов по проблемам автоматизации деятельности предприятия и использования интегрированной системы в управлении ключевыми бизнес-операциями и рабочими процессами компании.

Информационную базу исследования составляют материалы, опубликованные в научных источниках и периодических изданиях, ресурсы сети Интернет, а также данные аналитических отчетов передовых компаний, успешно применяющих различные информационные системы для оптимизации бизнес-процессов и получения конкурентного преимущества в постоянно меняющейся внешней среде.

Результаты и их обсуждение

Для того чтобы каждая компания была конкурентоспособной в современной бизнес-среде, а также для эффективного управления крупными, средними и

даже малыми предприятиями, необходим надежный и эффективный способ хранения и получения доступа к разнородной информации, одним из которых является ERP-система как действенное и конструктивное ИТ-решение для бизнеса [2].

Современная ERP-система (в переводе с англ. Enterprise Resource Planning – «планирование ресурсов предприятия») представляет собой интегрированную и централизованную информационную систему планирования и управления ресурсами компании, обеспечивающую решение всего комплекса задач по автоматизации ключевых бизнес-процессов на предприятии. С другой стороны, ERP-система – это определенное программное обеспечение, оптимизирующее и реализующее общую стратегию ERP в режиме реального времени, благодаря которой разрозненные бизнес-процессы объединяются в единую взаимосвязанную базу данных, необходимую для работы предприятия, что позволяет руководству компании принимать обоснованные управленческие решения, оперируя полным объемом информации [3].

ERP-система построена на принципе формирования единой автоматизированной платформы для управления критически важными для компании сведениями, содержащими всю корпоративную бизнес-информацию и обеспечивающими одновременный доступ к ней любого числа сотрудников компании, наделённых соответствующими полномочиями. ERP-система обладает такими свойствами, как гибкость, непрерывность, защищенность, конкретность, а также масштабируемость, прозрачность, адаптируемость, функциональность и пр., которые позволяют сделать целенаправленный выбор программного решения для укрепления конкурентных преимуществ компании. При этом данные критерии ERP-системы носят универсальный характер и нуждаются в четкой детализации для каждого потенциального пользователя.

Ключевыми элементами ERP-системы выступают:

1. Платформа, представляющая собой «фундамент системы», содержащая программную среду и базовые возможности для осуществления различных операций и надежной работы модулей. Только разработчики могут модифицировать код платформы, имея доступ и специальные права. Платформа включает компоненты [4]:

- ядро (или программная среда), в котором создаются новые надстройки, компоненты и выполняются основные операции контроля и планирования;

- базовый функционал – важный элемент работы платформы, содержащий пользовательские функции, необходимые для деятельности компании, и набор справочников по работе с системой (пользователей и сотрудников, контрагентов, номенклатуры, адресный справочник и т. д.).

2. База данных (управление данными), которая включает единое хранилище данных на сервере, содержащее всю необходимую корпоративную информацию и используемое как для хранения данных системы, так и служебных целей, а также инструменты управления данными, в т. ч. программные продукты для работы с базой данных; программное обеспечение для интерпретации и обработки информации и дальнейшей ее передачи в разные программные модули системы.

3. Подключаемые модули (плагины) представляют собой самостоятельные, независимые друг от друга программы по решению определенной группы задач, которые могут обращаться к платформе и базам данных для выполнения необходимых операций. Подключение и отключение соответствующего модуля не влияет на работу ERP-системы и не требует изменения программных кодов ядра или других модулей. Наличие таких модулей – ключевой признак ERP-систем, отличающих данное программное обеспечение от других, применяемых для автоматизации бизнес-процессов. Кроме того, характерной особенностью ERP-систем является после-

довательное подключение ее модулей, упрощая и ускоряя тем самым ввод в эксплуатацию всего комплекса и минимизируя влияние на деятельность компании.

Модули, подключаемые к ERP-системе, могут быть нескольких типов:

- внутренние модули, используемые сотрудниками компании, имеющими доступ к ERP-системе, для управления различными процессами и функционирующие только внутри предприятия;

- внешние модули, доступные стейкхолдерам компании для многоцелевого использования (личные кабинеты на сайте компании, интернет-магазины и пр.);

- коннекторы – специальные программы, связывающие ERP-системы со сторонними платформами для обмена данными с внешними источниками, которые не являются частью данного программного обеспечения, но используемые компанией в своей деятельности (рис. 2).

Таким образом, ERP-система представляет собой программный продукт, содержащий платформу и модули, подключаемые или отключаемые при необходимости, для масштабируемости и обеспечения максимального количества функциональных возможностей. Традиционная ERP-система состоит из модулей (отдельных бизнес-приложений), набор которых меняется в зависимости от специфики деятельности компании. При этом каждый модуль управляет определенной группой задач, обеспечивая поддержку автоматизации предметной области бизнеса [5].

Среди наиболее распространенных и типовых программных модулей ERP-системы следует отметить продажи, логистику и управление цепочкой поставок, управление запасами, производство, выбор поставщиков и закупки, учет / финансы, управление персоналом, управление взаимоотношениями с клиентами и др. Каждый из модулей подключен к ERP-системе как единому источнику достоверных и точных данных, совместно используемых всеми подразделениями

предприятия. В дополнение к основным функциональным блокам ERP-системы существуют более продвинутые платформы ERP, включающие бизнес-аналитику, управление активами, электронную торговлю. Модульные ERP-системы позво-

ляют внедрять программный продукт постепенно, правильно выбирать и комбинировать модули, которые отвечают потребностям конкретной компании, что способствует кастомизации решения под бизнес клиента в сжатые сроки [6].

Рис. 2. Архитектура ERP-системы [4]

Поскольку рынок ERP-решений в настоящий момент достаточно разнообразен и существенно зависит от локальных условий, то для выбора и внедрения ERP-системы на предприятии важно определиться с вариантом развертывания, который наилучшим образом подходит для выполнения необходимых опера-

ций и осуществления рабочих процессов. Так, выделяют облачную, локальную и гибридную модели ERP-систем [7].

Облачная ERP-система позволяет размещать программное решение на облачной платформе поставщика, предоставляя пользователям доступ через Интернет и обеспечивая регулярное сопро-

вождение, обновление и информационную безопасность. Облачная ERP-система в настоящий момент имеет наибольшую популярность среди технологий развертывания в связи с прозрачностью денежных потоков, удобной интеграцией приложений, снижением затрат, быстрым и гибким внедрением, большой масштабируемостью и др.

К традиционной модели развертывания программного решения, устанавливаемого предприятием самостоятельно на собственное оборудование, относится локальная ERP-система, обслуживание и управление которой осуществляется собственными силами компании. Для развертывания такой ERP-системы требуются значительные капитальные затраты на покупку лицензии, однако это компенсируется повышенной безопасностью и правом собственности.

Сочетание приведенных выше подходов к развертыванию ERP-систем отражается в гибридной модели ERP-системы, представляющей собой двухуровневую платформу управления бизнес-процессами и хранения данных, часть важных модулей и функций которой размещается локально (на месте), а остальные компоненты и модули – удаленно (в облаке) в зависимости от потребностей

компании. При этом у всех пользователей имеется доступ к единой базе данных, но с ограничениями к полному набору возможностей ERP-системы. Такая двухуровневая модель ERP-системы обеспечивает более тщательный контроль и управление компанией благодаря интероперабельности итогового решения [8].

Сегодня ERP-системы предназначены для предприятий любого масштаба и позволяют удовлетворять уникальные бизнес-потребности компании за счет специализированных функций программного обеспечения, выбор и внедрение которых зависит от размеров и специфики бизнеса, поставленных целей и задач, ресурсов и бюджета, а также требуемого результата. ERP-система выступает незаменимым программным инструментом автоматизации всех бизнес-операций компании и поддержки принятия текущих и стратегических управленческих решений, внедрение которой необходимо тщательно спланировать независимо от отраслевого сегмента рынка и размера предприятия, что обеспечит устойчивое и бесперебойное сопровождение бизнеса в перспективе. Особенности ERP-системы и цели ее внедрения в компании отражены ниже (табл.).

Таблица. Особенности и цели внедрения ERP-системы в компании [9; 10]

Особенность ERP-системы	Краткая характеристика	Цель внедрения
Автоматизация процессов для выполнения задач	Автоматизация детализированных бизнес-процессов в структурных подразделениях компании	
Повышение эффективности деятельности и сокращение временных затрат на выполнение задач	Исключение дополнительных затрат времени на поиск и обработку информации для выполнения повседневных задач	Бесперебойность и ускорение бизнес-процессов компании
Упрощение и оптимизация электронного взаимодействия	Бесперебойная коммуникация, тесная взаимосвязь структурных подразделений компании, получение информации путем электронного обмена или обращения к единой базе данных	Снижение издержек при информационном обмене между структурными подразделениями компании

Окончание табл.

Особенность ERP-системы	Краткая характеристика	Цель внедрения
Стандартизация бизнес-процессов	Упрощение внесения изменений в общедоступные документы и файлы ERP-системы	Устранение проблем в процессе обработки данных и нейтрализация рисков
Обеспечение прозрачности данных в режиме реального времени	Принятие своевременных и эффективных решений на основе актуальной информации о компании и результатах ее деятельности	Рост прибыли и сокращение затрат за счет четкого понимания «узких» мест в компании
Исключение переработки	Устранение двойной нагрузки и рутинных операций за счет замены системных инструментов	Сокращение затрат на автоматизацию деятельности компании
Организация удаленного доступа к бизнес-инструментам	Доступ к ERP-системе и работа с ней независимо от формата и условий подключения	Предоставление доступа пользователей к бизнес-процессам, повышение уровня мобильности сотрудников
Поддержание актуального состояния бизнес-инструментов	Постоянное обновление ERP-системы и бизнес-инструментов исключает риск утраты эффективности компании на рынке	Поддержание эффективности компании на должном уровне за счет снижения затрат на приобретение отдельных комплектующих ERP-системы для локального обновления

Для снижения вероятных рисков и необходимости внедрения ERP-системы следует провести тщательный анализ сложившейся ситуации в компании и определить результативность решения проблем после развертывания данного программного обеспечения, опираясь на актуальную и полную информацию. При этом важно поставить бизнес-цели и далее подобрать ERP-решение, которое наилучшим образом обеспечит его реализацию на предприятии [11].

Следует отметить, что поставленные цели и задачи внедрения ERP-системы должны быть тщательно продуманы, обоснованы и измеримы исходя из специфики деятельности предприятия и, как правило, направлены на повышение качества и оперативности получаемой информации, минимизацию ввода необходимых данных и исключение ошибок, связанных с человеческим фактором, снижение затрат и увеличение прибыли, оптимизацию бизнес-процессов компании.

При этом важно провести аудит компании, включающий составление карты направлений по модели «как должно

быть», определение способа реализации оптимальной схемы работы предприятия, разработку архитектуры будущего решения и расчет бюджета, установление временных рамок и последовательности внедрения [12].

Для внедрения ERP-системы необходимо выделить проектную команду из числа заинтересованных лиц и наделить соответствующими полномочиями и ресурсами, а также выбрать руководителя проекта, задачей которого будет контроль участников и достижение результатов за счет правильной организации их работы. Команде проекта внедрения ERP-системы следует обозначить конкретные зоны ответственности, наладить внутренние коммуникации и составить регламенты периодических встреч или выделить контрольные точки внедрения, что позволит сохранить управляемость проекта на нужном уровне. Кроме того, в процессе внедрения ERP-решения следует определить поставщика системы и наиболее подходящий по бюджету и релевантный целям программный продукт. Рассмотрим механизм внедрения ERP-системы (рис. 3).

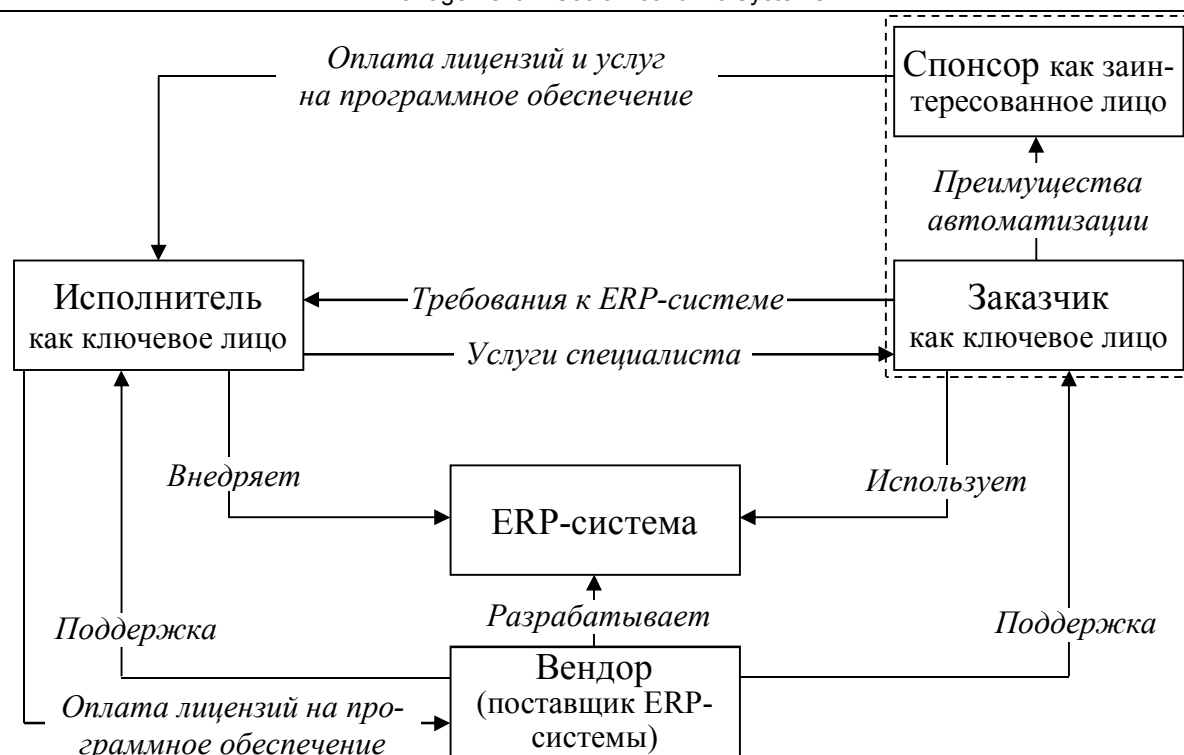

Рис. 3. Механизм внедрения ERP-системы [10]

Так, заказчик как ключевое лицо инициирует весь процесс разработки и внедрения ERP-системы исполнителем, спонсор как заинтересованное лицо со стороны заказчика финансирует внедрение ERP-решения с целью получения максимальной выгоды в перспективе. Исполнителем обеспечивается качественное выполнение работ по внедрению ERP-системы исходя из требований заказчика, поставщик ERP-системы производит определенное программное обеспечение для продажи лицензий на него заинтересованным лицам [10].

После прохождения этапа предпроектного обследования переходят к следующему этапу – моделирования, который включает тестовую реализацию бизнес-процессов и требований для выбранного ERP-решения, уточнение и/или дополнение требований, описание модели программного обеспечения для конкретного бизнеса и настройку в типовой конфигурации, пересмотр предлагаемой ИТ-архитектуры при необходимости, фиксацию результатов и выбор оптимального

решения. Данный этап является крайне важным для успешной реализации проекта ERP, поскольку анализируются функциональные разрывы, уточняются «вилки», определяются конкретная методика реализации бизнес-процессов и участки проектирования.

На этапе проектирования командой проекта формализуются требования к доработкам ERP-системы, определяются конкретные модули / компоненты к реализации, настройке и использованию, составляются задания на разработку по каждому блоку, форме, отчету, документируются процедуры и методологии, которые будут применяться при внедрении ERP-системы.

Этап разработки предусматривает реализацию утвержденного плана внедрения ERP-системы, включая разработку всех модулей и надстроек в строгой очередности технического задания, обучение пользователей к работе с ERP-системой и подготовку данных текущей системы для импорта в ERP-систему. Также неотъемлемой частью данного этапа является те-

стирование ERP-системы на ее соответствие функциональным требованиям и задачам, исправление выявленных проблем и интеграция доработок в рабочую модель.

После завершения разработки, тестирования и устранения всех проблем в построенной ERP-системе на этапе внедрения выгружаются окончательные данные компании в ERP-систему, выполняется ее повторное тестирование в реальных рабочих условиях, устраняются выявленные недочеты, уточняется разработанный функционал, проводится обучение пользователей работе с модифицированным функционалом и пишутся пользовательские инструкции при необходимости [13].

Последний этап – этап опытной эксплуатации, который предполагает полный запуск ERP-системы, проведение консультаций, осуществление контроля достижения цели и закрытие проекта с результатом. Крайне важно организовать квалифицированную координацию ввода ERP-системы в эксплуатацию, проверить готовность всех блоков к работе в оперативном режиме и назначить специалиста для оперативного решения возникающих вопросов по запуску программного обеспечения.

Разработанная ERP-система нуждается в постоянной поддержке, регулярном обновлении и обслуживании для обеспечения гарантий удовлетворения потребностей бизнеса при изменении требований и решении периодически возникающих задач [14].

Таким образом, типовое внедрение ERP-системы подразумевает автоматизацию компании в поэтапном формате по классической методологии (последовательной, водопадной, Waterfall), включающей четко зафиксированные этапы: исследование, моделирование, проектирование, разработка, внедрение, опытная эксплуатация с сопутствующей технической поддержкой и постпроектным сопровождением. Данный подход является

приоритетным и наиболее эффективным и в целом может быть применим практически к любым проектам внедрения ERP-систем, однако требует существенно больше времени, что обусловлено необходимостью конкретного планирования деятельности, включающего разработку технического задания, инструкций и прочих формальных документов для полноценной реализации проектных работ. Также недостатками классической методологии является многочисленность этапов внедрения ERP-системы, масштабность используемого программного продукта и вероятность возникновения дополнительных трудозатрат при выявлении неточностей на стадии опытно-промышленной эксплуатации ERP-системы [15].

Отметим, что классическая методология внедрения ERP-систем остается актуальной и в настоящий момент, поскольку имеет понятную и простую структуру процесса разработки, четкие обязательства исполнителя по срокам и стоимости внедрения, удобную и подробную отчетность по каждому блоку или подсистеме, понятные и неизменные задачи на протяжении всего процесса внедрения, а также полное доверие заказчика проектной команде и готовность дожидаться результатов проекта ERP.

Противоположностью классического подхода к внедрению ERP-системы является гибкая методология ведения проектов Agile, учитывающая сложности управления длительными технологическими проектами в условиях постоянных изменений, использование которой предполагает предоставление заказчику в минимально короткие сроки жизнеспособного продукта и построение работы короткими циклами – итерациями (спринтами) с оценкой приоритетности задач, проведением тестирования в конце каждого интервала и безотлагательного внесения соответствующих изменений в проект. Это позволяет наладить активную коммуникацию и интенсивное взаимо-

действие с заказчиком на каждом этапе проектных работ, оперативно решить задачи и получить обратную связь, а также избежать ряда ошибок, несовместимых с «нормальным» функционированием ERP-системы [10]. Кроме того, методология Agile предусматривает получение рабочего продукта и предоставление его заказчику в течение 2–3 месяцев, обеспечивает активную вовлеченность исполнителей, организаторов и заказчиков в ход реализации проекта внедрения ERP-системы и минимизирует риски возникновения сложностей внедрения за счет гибкой системы внесения изменений [16].

При этом к недостаткам методологии Agile при внедрении ERP-системы можно отнести ограниченность сфер использования и невозможность адаптации под лю-

бой проект внедрения ERP, повышенные требования к квалификации и опыту проектной команды, отсутствие четкой инструкции к действию и необходимой юридической и бухгалтерской документации, возникновение риска потери системно значимых характеристик и параметров ERP-системы, плавающие сроки работ и непостоянство бюджета проекта [10].

Вместе с тем методология Agile характеризуется быстрым темпом и большой прозрачностью работ, что способствует принятию своевременных и критически важных решений в компании и, как правило, используется в IT- и инновационной сферах.

Сравнительная характеристика классики и методологии Agile при внедрении ERP-системы представлена ниже (рис. 4).

Классическая методология Waterfall	Гибкая методология Agile
<ul style="list-style-type: none"> •Продукт и требования к нему известны, состав работ описан и зафиксирован •Проверка вариантов внедрения ERP-системы выполняется на предпроектной стадии, до старта проекта •Детальное планирование до конца проекта, для оценки сроков используется метод критического пути или метод «набегающей волны» •Тип мышления определяется культурой организации, зачастую фиксированный mindset •Долгая продолжительность проекта внедрения, границы проекта фиксированы •Медленная скорость возврата инвестиций •Возможен реинжиниринг •Подход к изменениям снизу вверх, изменения инициируются проектной командой •Методика внедрения хорошо структурирована, детально описана в отраслевых стандартах и практиках •Невысокий уровень рисков проекта 	<ul style="list-style-type: none"> •Продукт и/или процесс его создания неизвестны, состав работ проекта не определен •Проверка вариантов внедрения ERP-системы выполняется командой в ходе проекта для улучшения продукта •Эмпирическое планирование на основе ретроспективных данных о реализованных элементах продукта •Гибкий тип мышления mindset для успешной работы в среде с высокой неопределенностью •Сокращенная продолжительность проекта внедрения, предусматривает получение рабочего продукта и предоставление его заказчику в течение 2–3 месяца •Быстрая скорость возврата инвестиций, границы проекта размыты •Реинжиниринг сводится к минимуму •Подход к изменениям сверху вниз, команда проекта – исполнитель, а не инициатор •Методика внедрения построена на основе верхнеуровневых фреймворков и отражается в многочисленных отдельных практиках •Высокий уровень рисков проекта

Рис. 4. Сравнительная характеристика классики и методологии Agile при внедрении ERP-системы в компании

Как видим из рисунка 4, каждая из методик внедрения ERP-системы имеет ряд неоспоримых функциональных характеристик и свою зону эффективного

применения. Классический подход разработки ERP-системы основан на неизменном содержании проекта в течение всего срока реализации, поэтапном выполне-

нии работ и передаче заказчику готового продукта в конце проекта. Внедрение ERP-системы в рамках Agile-подхода осуществляется в ином формате, предполагающем поставку продукта заказчику короткими спринтами с ограниченной ценностью и быстрое получение обратной связи для оценки конкретного результата по ходу проекта и корректировки дальнейших направлений работы.

При внедрении ERP-системы в компании используется гибридный подход, сочетающий модели Agile и Waterfall, предусматривающий проектирование и тестирование в начале и в конце проекта по классической методологии Waterfall, планирование и выполнение спринтов по методологии Agile на промежуточных этапах [17]. Так, по результатам предпроектного обследования при внедрении ERP-системы детализируется перечень функциональных блоков автоматизации и далее выполняется работа по каждому из этих модулей. При этом сохраняется ряд процессов моделирования и проектирования в упрощенном виде, сокращается объем проектной документации, но заказчик получает очевидный результат намного раньше по завершению функционально-модульных испытаний. Это позволяет снизить технологическую неопределенность за счет более быстрого запуска программного обеспечения, ускорить работу над внедрением ERP-системы, сократить сроки окончания проекта ERP благодаря высокой точности планирования решения задач, обеспечить прозрачность реализации программного обеспечения, сократить время на исправление ошибок и, как следствие, исключить негативное влияние на другие части продукта. Однако в процессе параллельного использования моделей Agile и Waterfall могут возникать баги и проблемы, как правило, при одновременном создании и верстке дизайна, изменении его функционала, использовании обоих подходов к планированию, что сопровождается бессмысленной потерей времени и дополни-

тельными усилиями проектной команды. В этой связи при гибридной методологии внедрения ERP-системы необходимо четкое взаимодействие и дисциплина как со стороны членов команды, так и эффективного менеджмента, а также одновременное использование преимуществ обеих моделей Agile и Waterfall, создавая тем самым уникальные методы управления, наиболее подходящие для проектной команды и отдельного проекта [18].

К сожалению, не существует единой модели внедрения ERP-системы, которая бы работала одинаково и эффективно при любых условиях, поскольку данное решение представляет собой сложно структурированный продукт, требующий тщательной проработки всех этапов, значительных финансов и ресурсов. Выбор методологии внедрения ERP-системы зависит также от размера проекта, уровня сложности и трудоёмкости функциональных областей, подлежащих автоматизации, количества автоматизированных рабочих мест компании, состава участников проектной команды, разнообразия связей с внешними информационными системами [19].

При подготовке проекта внедрения ERP-системы в компании целесообразно идентифицировать потенциальные риски, которые весьма специфичны для каждого решения и зависят от индивидуальных требований заинтересованных сторон, технических характеристик, организационных аспектов и условий внешней среды. Поэтому необходимо четкое понимание процедуры разработки и внедрения ERP-решения в компании, что способствует минимизации целого спектра рисков, проявляющихся при автоматизации, самые распространенные из которых показаны ниже (рис. 5).

Как видим, существует ряд препятствий и барьеров, отрицательно влияющих на внедрение ERP-системы в компании [21], каждый из которых может быть устранен путем организации тесного и качественного взаимодействия исполнителя

и заказчика по вопросам уточнения требований к конкретным бизнес-сегментам

функционирующей системы непосредственно в деятельности предприятия.

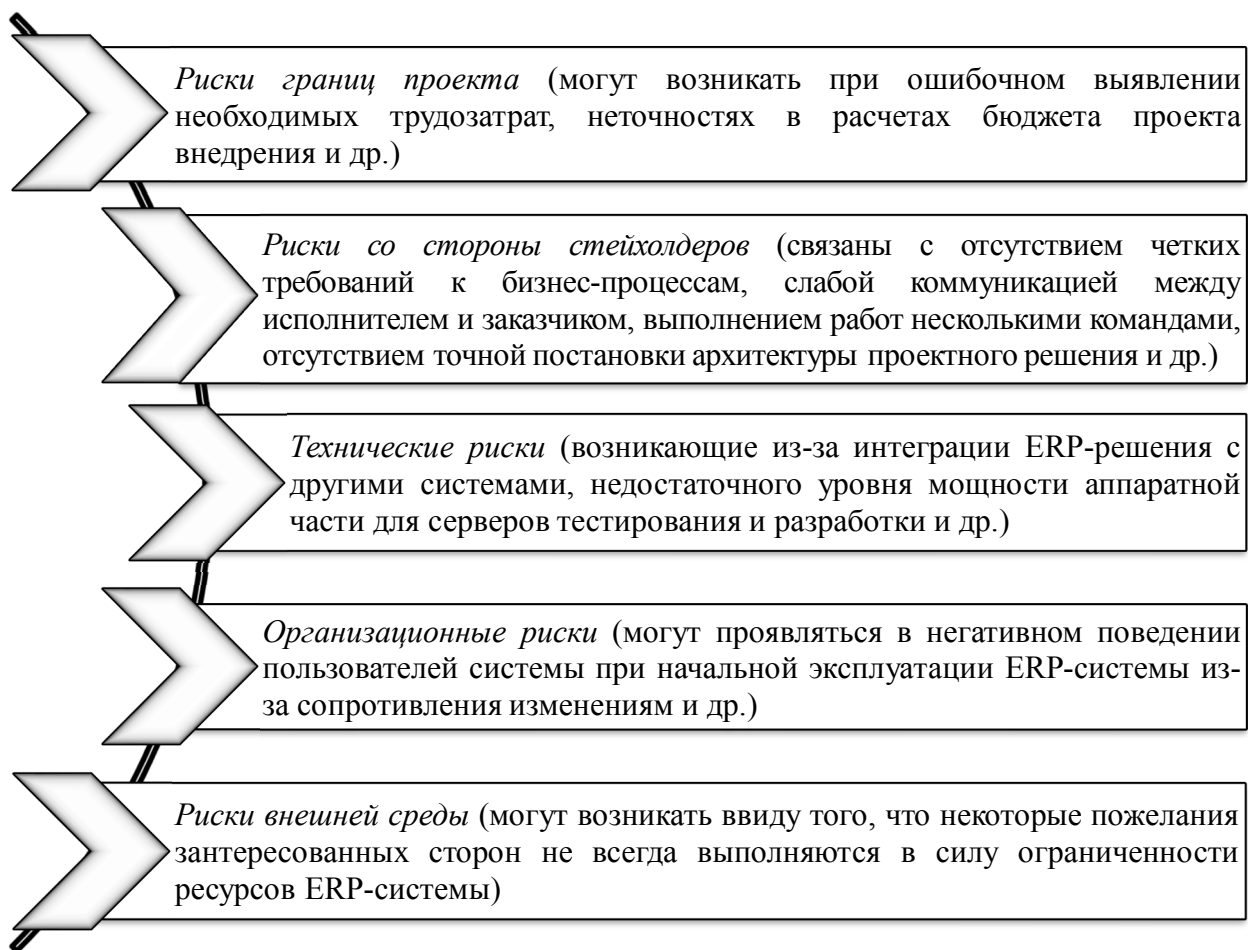

Рис. 5. Спектр рисков внедрения ERP-решения в компании [20]

Выводы

Таким образом, ERP-система – это детальное и полноценное решение автоматизации деятельности компании, внедрение которой позволит оптимизировать организационную структуру и пересмотреть бизнес-процессы, облегчить внутреннюю коммуникацию и обмен данными, обеспечить прозрачность учета, снизить стоимость обслуживания, что приведет к более быстрым и действенным результатам и, в свою очередь, сократит издержки и повысит финансовую и конкурентоспособную составляющие эффективности предприятия.

Поскольку ERP является инструментом объединения бизнес-процессов компании в единой мощной системе, то при-

менение данного программного обеспечения позволяет получить определенные преимущества.

Прежде всего, это использование ERP-системы как одной интегрированной системы вместо нескольких разрозненных, включающей полный набор модулей, необходимых современной компании для централизованного сбора данных о действующих бизнес-процессах и получения управленческой отчетности по всем аспектам деятельности предприятия в режиме реального времени. Благодаря единому IT-ландшафту ERP-система обеспечивает повышение информационной безопасности при хранении данных и минимизирует риск их утечки наружу, защищает учетные данные от внешних и

внутренних угроз, а также упрощает задачи ограничения доступа.

Также ERP-система делает бизнес прозрачным, отслеживая любые бизнес-процессы в режиме 24/7, что способствует оперативной разработке и принятию обоснованных решений о дальнейшем развитии бизнеса на основе актуальной информации.

Использование общей базы данных в ERP-системах обеспечивает согласованность сведений при работе пользователей, избавляя тем самым от сверки, согласования и проверки информации, а также сопоставимости данных, исключая дублирование, и формирование единого видения осуществляемых процессов у всех сотрудников компании.

Поскольку в ERP-системах данные вводятся один раз, то внесенная информация становится доступной всем подразделениям и пользователям компании с правом доступа в течение всего срока использования программного обеспечения и не требует сверки и согласования.

Общая база данных ERP-системы сводит к минимуму вероятность злоупотреблений со стороны сотрудников и предоставляет возможность осуществления контроля работы и действий сотрудников руководителями различных уровней в режиме реального времени. При этом единая программа существенно снижает количество ошибок, допускаемых пользователями ERP-системы за счет контроля деятельности сотрудников самой системой.

Благодаря готовому набору объединенных инструментов в ERP-системе отсутствует необходимость повторного ввода документов, поскольку автоматически формируются одни документы на основе других, что значительно снижает трудозатраты персонала и сокращает количество допущенных ошибок.

Также преимуществом использования ERP-системы является наличие большого количества объектов, необходимых пользователям в дальнейшем для внедрения новых ИТ-решений на пред-

приятии. Вследствие совместного взаимодействия систем контроля качества и взаимоотношений с клиентами обеспечивается улучшение клиентского сервиса.

Это далеко не полный перечень преимуществ, получаемых компанией при использовании и внедрении ERP-системы, конкретные же выгоды зависят от особенностей выбранного решения, его целей и задач.

Несмотря на значительные преимущества использования ERP-систем, существует также ряд недостатков, к числу которых следует отнести:

1. Высокую стоимость приобретения, внедрения и обслуживания ERP-системы, длительные процедуры настройки и внедрения.

2. Сложность адаптации ERP-системы под требования конкретной компании её бизнес-процессы, повышенные требования к обновлению оборудования.

3. Потребность во всестороннем обучении персонала при работе с модулями ERP-системы, трудности освоения ERP-решений.

4. Необходимость в установлении дополнительной защиты информационного массива и контроле уровня безопасности.

5. Сложность интеграции имеющихся данных и переноса информации, потребность в доработке продукта, зависимость от интегратора при установке, настройке и сопровождении системы.

6. Снижение эффективности работы ERP-системы при взаимодействии нескольких компаний с одним программным решением.

7. Несовместимость приобретенной ERP-системы с программным обеспечением предприятия.

8. Зависимость ERP-системы от энергообеспечения, сбой которого способен привести к потере или сдвигу информации.

Указанные отрицательные стороны использования ERP-системы вытекают из ее преимуществ, поскольку данное про-

граммное обеспечение является достаточно сложным с повышенными требованиями к оборудованию для хранения и обработки данных, дорогостоящим и ресурсоемким процессом внедрения.

Вместе с тем внедрение ERP-системы в компании существенно упрощает и автоматизирует трудоемкие бэк-офисные задачи, что позволит обеспечить продуктивность работы сотрудников и оперативный срез данных по всем

направлениям деятельности с возможностью проведения параллельного анализа, четкой координации всех бизнес-процессов и планирования развития.

Направления последующих исследований связаны с применением отраслевых облачных платформ для ускорения бизнес-проектов предприятия и использованием инжиниринга платформ, способствующего гибкости и эффективности развития бизнеса.

Список литературы

1. ERP-система. URL: <https://wiseadvice-it.ru/o-kompanii/blog/articles/erp-sistemy/> (дата обращения: 20.02.2023).
2. ERP система – что это? URL: <https://erp.jofo.me/1604895.html> (дата обращения: 20.02.2023).
3. ERP for Small Businesses and Midsize Companies. URL: <https://www.sap.com/products/erp-financial-management/small-business-erp.html> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Шитова Т. Ф. ERP-система – эффективный инструмент развития цифровой экономики // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 2(35). С. 27–39.
5. Из чего состоят ERP системы. Модули ERP системы. URL: <https://marketing-tech.ru/kb/zachem-nuzhny-erp-sistemy-i-chto-vazhno-znat-pri-ih-vibore/> (дата обращения: 20.02.2023).
6. Как устроены ERP-системы: «скелет» и модули. URL: <https://skillbox.ru/media/management/chto-takoe-erpsistemy-kak-oni-ustroeny-i-kakimi-byvayut/> (дата обращения: 20.02.2023).
7. Главные тенденции российского рынка ERP-систем. URL: <https://korusconsulting.ru/press-centr/glavnye-tendentsii-rossiyskogo-rynka-erp/> (дата обращения: 20.02.2023).
8. Секреты внедрения ERP-системы на вашем предприятии: от азов до конкретных примеров. URL: <https://integral-russia.ru/2019/08/12/sekrety-vnedreniya-erp-sistemy-na-vashem-predpriyatii-ot-azov-do-konkretnyh-primerov/> (дата обращения: 20.02.2023).
9. Мохаммади Н. Особенности и актуальность использования ERP-систем в современном бизнесе // Молодой ученый. 2022. № 44 (439). С. 26–29.
10. Удальцова Н. Л., Крутских Д. А. Особенности проектов внедрения ERP-систем как основы автоматизации бизнес-процессов организации // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 6. С. 2201–2220.
11. Беспалова А. Н. Внедрение ERP: разбор всех этапов. URL: <https://www.1ab.ru/blog/detail/vnedrenie-erp/> (дата обращения: 20.02.2023).
12. Бабенчук С. П. Методология внедрения ERP-систем и управления проектами. Подходы к оценке эффективности внедрения ERP // Открытое образование. 2011. № 6. С. 51–59.
13. Бобровников Э. А. Введение в управление проектами внедрения ERP-систем. М.: ИС Паб-лишинг, 2021. 321 с.
14. Лучшие практики внедрения ERP для снижения рисков и затрат. URL: <https://www.sap.com/cis/insights/erp-implementation-best-practices.html> (дата обращения: 20.02.2023).
15. Ильин В. В. Внедрение ERP-систем: управление экономической эффективностью. М.: Интермедиатор, 2018. 296 с.
16. Применение принципов Agile в проектах имплементации ERP-систем на основе каскадной методологии внедрения. URL: <https://stepanovd.com/science/article/109-2021-1-agileinerp> (дата обращения: 20.02.2023).
17. Майкл Надье. От улучшения стратегии к усовершенствованной гибридной ERP. URL: <https://www.osp.ru/cio/2017/04/13052158> (дата обращения: 20.02.2023).
18. Митрофанова Я. С. Гибридный подход к управлению проектами цифровой трансформации бизнеса // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 3. С. 42–48.

19. Ощепков В. М., Лохматова В. А. Проблемы внедрения ERP на предприятиях // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 2. С. 44–48.
20. Лоренцова Е. Типовые риски при внедрении ERP-системы. URL: <https://sitec-it.ru/blog/v-pomoshch-biznesu/tipovye-riski-pri-vnedrenii-erp-sistemy/> (дата обращения: 20.02.2023).
21. Ключкова А. В., Орлова О. П. ERP-системы как инструмент стратегического менеджмента // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2021. № 2. С. 134–142.

References

1. ERP-sistema [ERP system]. Available at: <https://wiseadvice-it.ru/o-kompanii/blog/articles/erp-sistemy/>. (accessed 20.02.2023)
 2. ERP sistema – что это? [ERP system – what is it?]. Available at: <https://erp.jofo.me/1604895.html>. (accessed 20.02.2023)
 3. ERP for Small Businesses and Midsize Companies. Available at: <https://www.sap.com/products/erp-financial-management/small-business-erp.html>. (accessed 20.02.2023)
 4. Shitova T. F. ERP-sistema – effektivnyj instrument razvitiya cifrovoj ekonomiki [ERP system is an effective tool for the development of the digital economy]. *Municipalitet: ekonomika i upravlenie = Municipality: Economy and Management*, 2021, no. 2(35), pp. 27–39.
 5. Iz chego sostoyat ERP sistemy. Moduli ERP sistemy [What ERP systems consist of. ERP system modules]. Available at: <https://marketing-tech.ru/kb/zachem-nuzhny-erp-sistemy-i-cto-vazhno-znat-pri-ih-vibore/>. (accessed 20.02.2023)
 6. Kak ustroeny ERP-sistemy: "skelet" i moduli [How ERP systems are arranged: "skeleton" and modules]. Available at: <https://skillbox.ru/media/management/cto-takoe-erpsistemy-kak-oni-ustroeny-i-kakimi-byvayut/>. (accessed 20.02.2023)
 7. Glavnye tendencii rossijskogo rynka ERP-sistem [The main trends of the Russian ERP systems market]. Available at: <https://korusconsulting.ru/press-centr/glavnye-tendentsii-rossijskogo-rynka-erp/>. (accessed 20.02.2023)
 8. Sekrety vnedreniya ERP-sistemy na vashem predpriyatii: ot azov do konkretnyh primerov [Secrets of implementing an ERP system in your company: from the basics to concrete examples]. Available at: <https://integral-russia.ru/2019/08/12/sekrety-vnedreniya-erp-sistemy-na-vashem-predpriyatii-ot-azov-do-konkretnyh-primerov/>. (accessed 20.02.2023)
 9. Mohammadi N. Osobennosti i aktual'nost' ispol'zovaniya ERP-sistem v sovremennom biznese [Features and relevance of using ERP systems in modern business]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2022, no. 44 (439), pp. 26–29.
 10. Udaltsova N. L., Krutskikh D. A. Osobennosti proektov vnedreniya ERP-sistem kak osnovy avtomatizacii biznes-processov organizacii [Features of ERP-systems implementation projects as a basis for automation of business processes of an organization]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2022, vol. 16, no. 6, pp. 2201–2220.
 11. Bepalova A. N. Vnedrenie ERP: razbor vseh etapov [ERP implementation: analysis of all stages]. Available at: <https://www.1ab.ru/blog/detail/vnedrenie-erp/>. (accessed 20.02.2023)
 12. Babenchuk S. P. Metodologiya vnedreniya ERP-sistem i upravleniya proektami. Podhody k ocenke effektivnosti vnedreniya ERP [Methodology of implementation of ERP systems and project management. Approaches to assessing the effectiveness of ERP implementation]. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*, 2011, no. 6, pp. 51–59.
 13. Bobrovnikov E. A. Vvedenie v upravlenie proektami vnedreniya ERP-sistem [Introduction to ERP System Implementation Project Management]. Moscow, IS Publishing Publ., 2021. 321 p.
 14. Luchshie praktiki vnedreniya ERP dlya snizheniya riskov i zatrat [Best practices of ERP implementation to reduce risks and costs]. Available at: <https://www.sap.com/cis/insights/erp-implementation-best-practices.html>. (accessed 20.02.2023)
 15. Il'in V. V. Vnedrenie ERP-sistem: upravlenie ekonomicheskoy effektivnost'yu [Implementation of ERP systems: economic efficiency management]. Moscow, Intermediator Publ., 2018. 296 p.
 16. Primenenie principov Agile v proektah implementacii ERP-sistem na osnove kaskadnoj metodologii vnedreniya [Application of Agile principles in ERP system implementation projects based on cas-
- Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 64–80

cade implementation methodology]. Available at: <https://stepanovd.com/science/article/109-2021-1-agileinerp>. (accessed 20.02.2023)

17. Majkl Nad'e. Ot uluchsheniya strategii k usovershenstvovannoj gibridnoj ERP [From strategy improvement to advanced hybrid ERP]. Available at: <https://www.osp.ru/cio/2017/04/13052158>. (accessed 20.02.2023)

18. Mitrofanova YA. S. Gibridnyj podhod k upravleniyu proektami cifrovoj transformacii biznesa [Hybrid approach to digital business transformation project management]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Vector of Science of Togliatti State University. Series: Economics and Management*, 2020, no. 3, pp. 42–48.

19. Oshchepkov V. M., Lohmatova V. A. Problemy vnedreniya ERP na predpriyatiyah [Problems of ERP implementation in enterprises]. *Nauchnoe obozrenie. Ekonomicheskie nauki = Scientific Review. Economic Sciences*, 2019, no. 2, pp. 44–48.

20. Lorencova E. Tipovye riski pri vnedrenii ERP-sistemy [Typical risks when implementing an ERP system]. Available at: <https://sitec-it.ru/blog/v-pomoshch-biznesu/tipovye-riski-pri-vnedrenii-erp-sistemy/>. (accessed 20.02.2023)

21. Klochkova A. V., Orlova O. P. ERP-sistemy kak instrument strategicheskogo menedzhmenta [ERP-systems as a tool of strategic management]. *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya "Ekonomika i ekologicheskij menedzhment" = Scientific Journal of NIU ITMO. The Series "Economics and Environmental Management"*, 2021, no. 2, pp. 134–142.

Информация об авторах / Information about the Authors

Трoнина Ирина Алексеевна, доктор экономических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация, e-mail: irina-tronina@yandex.ru, Researcher ID: Я-8039-2016, ORCID: 0000-0002-9593-5129

Irina A. Tronina, Dr. of Sci. (Economics), Associate Professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation, e-mail: irina-tronina@yandex.ru, Researcher ID: Я-8039-2016, ORCID: 0000-0002-9593-5129

Семенихина Анна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация, e-mail: an-semenikhina@rambler.ru, Researcher ID: I-7950-2016, ORCID: 0000-0002-5349-2657

Anna V. Semenikhina, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation, e-mail: an-semenikhina@rambler.ru, Researcher ID: I-7950-2016, ORCID: 0000-0002-5349-2657

Татенко Галина Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация, e-mail: galinatatenko@yandex.ru, Researcher ID: M-1293-2016, ORCID: 0000-0002-6491-2370

Galina I. Tatenko, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation, e-mail: galinatatenko@yandex.ru, Researcher ID: M-1293-2016, ORCID: 0000-0002-6491-2370

Морозова Ольга Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, Московский финансово-юридический университет МФЮА, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: 777olia09@mail.ru, Researcher ID: Ф-3525-2018, ORCID: 0000-0002-5294-7656

Ol'ga I. Morozova, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor, Moscow University of Finance and Law MFUA, Moscow, Russian Federation, e-mail: 777olia09@mail.ru, Researcher ID: Ф-3525-2018, ORCID: 0000-0002-5294-7656

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-81-92>

Индустриальные парки как инструмент формирования качественной инвестиционной среды региона

Е. А. Бессонова¹✉, Н. Д. Лопатина¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: Bessonowa_new@mail.ru

Резюме

Актуальность. Формирование высокого инвестиционного потенциала региона представляет собой одно из приоритетных направлений развития Российской Федерации, и индустриальные парки на сегодняшний день получают распространение как инструмент реализации инвестиционной политики субъектов. В Российской Федерации индустриальные парки появились относительно недавно, но уже зарекомендовали себя как эффективный инструмент не только привлечения инвестиций, но и развития бизнеса. Индустриальные парки позволяют сконцентрировать предприятия одной производственной направленности на одной территории и использовать синергию и масштабирование в качестве инструментов снижения издержек для резидентов индустриальных парков с целью развития их инфраструктуры.

Цель – рассмотреть индустриальные парки в качестве инструмента формирования качественной институциональной среды развития регионов в Российской Федерации, обобщить представления о точках роста инвестиционной стратегии, реализуемой через индустриальные парки.

Задачи: сформировать представление об индустриальных парках, расположенных в Курской области, и обосновать предложения по их дальнейшему развитию.

Методология. При рассмотрении данной темы были использованы следующие методы: анализ, синтез, обобщение, логические, а также графические приемы обработки информации.

Результаты. Внутренний потенциал регионов должен раскрываться в зависимости от индивидуальных особенностей, связанных с социально-экономическим положением. Привлечение инвестиций в регион – приоритетная задача, которая обеспечивается различными средствами и методами. Для Курской области формирование кластера индустриальных парков создает стабильный поток инвестиций не только в краткосрочной, но и долгосрочной перспективе. Индустриальные парки позволяют объединить частный сектор экономики, связанный с точки зрения производственного цикла, тем самым решая задачи оптимизации экономических процессов и производства.

Выводы. Развитие инвестиционного потенциала Курской области на сегодняшний день находится в стадии становления, и индустриальные парки представляют собой эффективную часть инвестиционной стратегии региона, позволяющую взамен на льготы и создание комфортных условий ведения бизнеса для инвесторов обеспечить стабильный приток капитала в регион.

Ключевые слова: эффективность производства; инвестиционные проекты Курской области; индустриальные парки; инвестиции в основной капитал; меры государственной поддержки регионов.

© Бессонова Е. А., Лопатина Н. Д., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 81–92

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Бессонова Е. А., Лопатина Н. Д. Индустриальные парки как инструмент формирования качественной инвестиционной среды региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 81–92. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-81-92>.

Поступила в редакцию 29.01.2023

Принята к публикации 18.02.2023

Опубликована 28.04.2023

Industrial Parks as a Tool for Creating a High-Quality Investment Environment for the Development of the Region

Elena A. Bessonova¹ ✉, Natalia D. Lopatina¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Bessonowa_new@mail.ru

Abstract

Relevance. The formation of a high investment potential of the region is one of the priority areas for the development of the Russian Federation, and today industrial parks are becoming widespread as a tool for implementing the investment policy of the subjects. In the Kursk region, industrial parks were formed relatively recently, but have already established themselves as an effective tool not only for attracting investment, but also for business development. Industrial parks make it possible to concentrate enterprises of the same production line in one area and use synergy and scaling as a tool to reduce costs for residents of industrial parks in order to develop their infrastructure.

The purpose to consider industrial parks as a tool for creating a high-quality institutional environment for the development of regions in the Russian Federation, to generalize ideas about the growth points of the investment strategy implemented through industrial parks.

Objectives: form an idea of industrial parks located in the Kursk region, and substantiate proposals for their further development.

Methodology. When considering this topic, the following methods were used: analysis, synthesis, generalization, logical, as well as graphical methods of information processing, etc.

Results. The internal potential of the regions should be revealed depending on the individual characteristics associated with the socio-economic situation. Attracting investments to the region is a priority task, which is provided by various means and methods. For the Kursk region, the formation of a cluster of industrial parks provides a stable flow of investments not only in the short term, but also in the long term.

Conclusions. Industrial parks make it possible to unite the private sector of the economy, connected in terms of the production cycle, thereby solving the problems of optimizing economic processes and production.

Keywords: production efficiency; investment projects of the Kursk region; industrial parks; investments in fixed assets; state support measures for the regions.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Bessonova E. A., Lopatina N. D. Industrial Parks as a Tool for Creating a High-Quality Investment Environment for the Development of the Region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 81–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-81-92>.

Received 29.01.2023

Accepted 18.02.2023

Published 28.04.2023

Введение

Индустриальные парки представляют собой серьезный институциональный инструмент регионального развития, направленный на качественное отделение экономики региона от экономики страны. Он может показать свою эффективность при снижении административных барьеров, четко выстроенного правового регулирования экономических отношений между субъектами Российской Федерации и резидентами индустриальных парков [1].

Инвестиционный климат региона оказывает влияние на привлечение инвесторов в индустриальные парки [2], поэтому формирование благоприятных условий для них является приоритетной задачей разработки стратегий регионального развития.

Создание индустриальных парков в региональном развитии представляет собой ключевой элемент региональной политики, который направлен на формирование новой модели экономического роста, на создание современной институциональной среды и делового климата [3]. Выбор этих направлений в качестве приоритетных неслучаен – именно он обуславливает направленность экономического развития Российской Федерации в целом, определяет ее приоритетные цели и задачи.

Развитие регионов должно осуществляться сбалансированно, с учетом их сильных сторон и индивидуальных особенностей [4]. В зависимости от специализации региона создание индустриальных парков представляется эффективным инструментом, имеющим большой потенциал и позволяющим реализовать инвестиционные возможности региона в полной мере.

Региональное развитие Российской Федерации должно строиться на основе высококонкурентной экономики, использующей человеческий капитал и инновации в качестве основного ресурса для выполнения общей задачи – отставание

сокращения от лидеров по уровню доходов, создание технологической вооруженности [5].

Формирование качественной среды регионального развития в Курской области через создание индустриальных парков обеспечивает качественное выполнение показателей экономического роста [6]. Индустриальные парки представляют собой новый и современный формат организации промышленного производства на основании объединения резидентов по экономическому и технологическому принципу при предоставлении льготных условий осуществления деятельности [7].

Сущность деятельности индустриального парка состоит в том, что на определенной территории располагаются предприятия, осуществляющие свою хозяйственную деятельность в большинстве случаев в сфере легкой промышленности и логистики. За счет концентрации на одной территории предприятия получают выгоду и конкурентные преимущества за счет снижения издержек и масштабирования инфраструктуры [8].

Индустриальный парк в наиболее общем виде можно характеризовать как территорию, которая создана, организована для производств и обеспечена энергоресурсами, транспортной доступностью, административным ресурсом [9; 10].

Предприятия, которые располагаются в индустриальном парке, наиболее часто связаны общими цепочками создания добавленной стоимости и совместным использованием инфраструктуры парка и услугами, которые предоставляет администратор процесса [11].

Источники финансирования развития индустриальных парков представляют собой один из ключевых элементов его деятельности [12; 13]. Статистические данные говорят о том, что чаще всего в качестве источников финансирования могут выступать: грантовая поддержка, осуществление коммерческой деятельно-

сти (продажа готовой продукции, результатов интеллектуальной собственности), государственное софинансирование [14].

Индустриальные парки в развитии региона можно рассматривать в качестве результата государственно-частного партнерства [15]. Оно возникает в том случае, когда муниципалитет предоставляет земельный участок, а частный инвестор готов предоставить средства для создания индустриального парка. Регионы Российской Федерации должны стремиться к такому формату сотрудничества, так как он зарекомендовал себя с положительной стороны в развитых странах.

Материалы и методы

При изучении данной темы были использованы методы: анализ, синтез, обобщение, логические, а также графические приемы обработки информации и др. В качестве информационной базы написания материалов научной публикации послужили труды отечественных исследователей в области регионального развития, нормативные акты регионального уровня, материалы научных экономических журналов, прогнозные и фактические данные.

Результаты и их обсуждение

Важнейшим показателем развития экономики государства, в т. ч. и региона, является эффективность производства. Он выражается в рентабельности, а прибыль в региональной экономике, в свою очередь, может быть получена за счет инвестиций. Развитие инвестиционного потенциала регионов Российской Федерации обеспечивает реализацию их развития в долгосрочной перспективе [7].

На сегодняшний день для экономики государства актуальной является задача, состоящая в развитии собственного, внутреннего рынка, в обеспечении высокого уровня жизни населения, в создании рабочих мест. Без инвестиционного вкла-

да эта задача представляется амбициозной и труднодостижимой, так как инвестиции в региональной экономике осуществляют стимулирующую функцию и способствуют увеличению темпов развития экономики отдельных регионов и государства в целом.

Кроме того, инвестиционный вклад в развитие экономики предполагает обеспечение равномерного экономического роста регионов страны. Еще несколько лет назад для регионального развития была характерна концентрация рабочей силы и производств вокруг крупных промышленных городов. На сегодняшний день взят курс на выравнивание экономического потенциала регионов, которые ранее были менее привлекательны с точки зрения экономики.

Курская область – аграрно-индустриальный регион, имеющий большой инвестиционный потенциал. Представим основные показатели экономического развития региона (рис. 1).

Анализ данных рисунка 1 позволяет сделать вывод о том, что в 2022 г. отмечается рост большинства показателей, что говорит о положительной динамике развития Курской области.

В первую очередь это связано с тем, что климатическая зона, в которой расположен регион, благоприятствует для роста промышленности и сельского хозяйства. Имеющиеся природные ресурсы, транспортное положение, высокий энергоресурс в перспективе обеспечивают представителям сферы бизнеса стабильное развитие, долгосрочное и перспективное сотрудничество. Представим в таблице 1 конкурентные преимущества Курской области с точки зрения инвестиционного потенциала.

Администрация региона оказывает меры поддержки инвесторам, реализующим проекты в Курской области. В регионе было учреждено АО «Корпорация развития Курской области» [14], которое осуществляет всестороннюю помощь в реализации инвестиционных проектов и

создании условий для формирования благоприятного инвестиционного климата.

Согласно Инвестиционной декларации Курской области, которая выступает в качестве инструмента системы мер поддержки новых инвестиционных

проектов на территории региона, плановые показатели темпа роста физического объема инвестиций в основной капитал к 2030 г. должны составить 170% от плановых показателей 2020 г. (рис. 2).

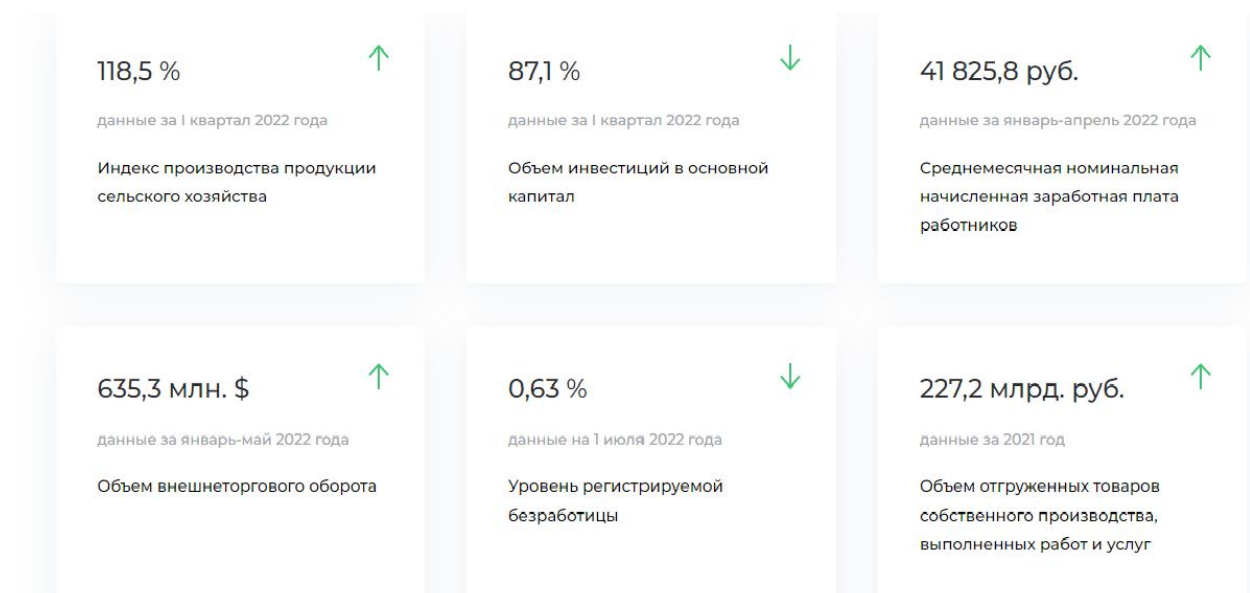

Рис. 1. Основные показатели экономического развития Курской области [16]

Таблица 1. Конкурентные преимущества Курской области с точки зрения инвестиционного потенциала

Наименование преимущества	Краткая характеристика преимущества
Географическое положение	Курская область находится в Центральном федеральном округе, на западе Российской Федерации граничит с Украиной. Регион находится в 536 километрах от крупнейшего рынка России – Московский агломерации и в 700 километрах от Черного моря. Природно-климатические условия представляются благоприятными для проживания населения и сельскохозяйственного производства [17]
Природные ресурсы	В Курской области имеется ряд крупных месторождений. Железные руды сконцентрированы в более чем 30 месторождениях, основное месторождение – Михайловское. На территории области также установлены рудопроявления, геохимические аномалии благородных, редких и цветных металлов. Добывается мел и известь, песок, мергель
Энергообеспеченность	В г. Курчатове Курской области находится Курская АЭС, представляющая собой важнейший узел Единой энергетической системы Российской Федерации. Доля Курской АЭС в установленной мощности всех электростанций Черноземья составляет более 50%. Она обеспечивает электроэнергией промышленные предприятия Курской области
Экологическая ситуация	В соответствии с Национальным экологическим рейтингом субъектов Российской Федерации по состоянию на лето 2019 г. Курская область занимает 6-е место в России, что говорит о высоком экологическом потенциале региона [17]

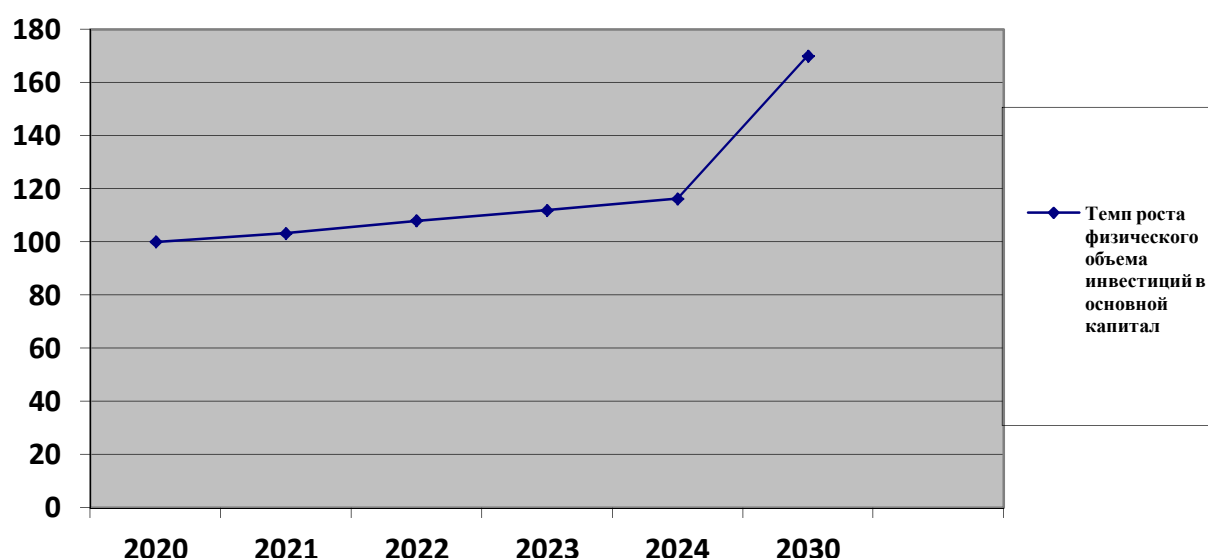

Рис. 2. Темп роста (индекс роста) физического объема инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета в Курской области до 2030 г. [18]

Можно говорить о том, что физический объем инвестиций в основной капитал в Курской области до 2030 г. должен показывать стабильный рост, при этом наиболее интенсивно он должен показать свое развитие в период 2024–2030 гг.

Инвесторов в Курскую область привлекают меры государственной поддержки, которые выражаются в обслуживании инвесторов по принципу «единого окна», в предоставлении налоговых льгот, в возмещении части их затрат, в создании индустриальных парков.

Трудовой потенциал Курской области является важнейшим ресурсом, который способен обеспечить экономическое благополучие региона. Осуществление инвестиционной деятельности позволяет остановить «отток» высококвалифицированных кадров из региона, обеспечив их достойной заработной платой. Размещение крупных предприятий в области материально стимулирует местное население, т. е. способствует развитию экономики не только городов, но и поселков, деревень.

Обратной стороной инвестиций является то, что конечные вложения осу-

ществляет потребитель товаров, работ или услуг, т. е. для того, чтобы инвестиционный потенциал региона был высоким, необходимо обеспечить равномерное потребление продукта инвестора. В свою очередь, такое потребление может быть обеспечено путем создания достойного уровня жизни населения в регионе, в который осуществляют инвестиции, и в близлежащих регионах.

В качестве высокоприоритетных для инвестирования отраслей в Курской области определены следующие (рис. 3).

На наш взгляд, наиболее эффективной формой инвестиций в Курской области является резиденство в индустриальных парках, которое предусмотрено Постановлением Администрации Курской области от 27 мая 2014 г. № 338-па «Об утверждении положения об условиях и порядке создания индустриальных (промышленных) парков» [19].

Индустриальные парки на территории региона были созданы для стимулирования инвестиционной деятельности в сфере промышленности. Участки, на которых располагается индустриальный парк, могут быть в государственной соб-

ственности Курской области, в муниципальной собственности, а также в собственности юридических лиц. Земельные участки, на которых он расположен, должны быть связаны между собой технологически [20], т. е. можно говорить о

том, что индустриальный парк представляет собой промышленный комплекс, элементы которого находятся в тесном взаимодействии и их коммуникация является продуктивной с экономической точки зрения.

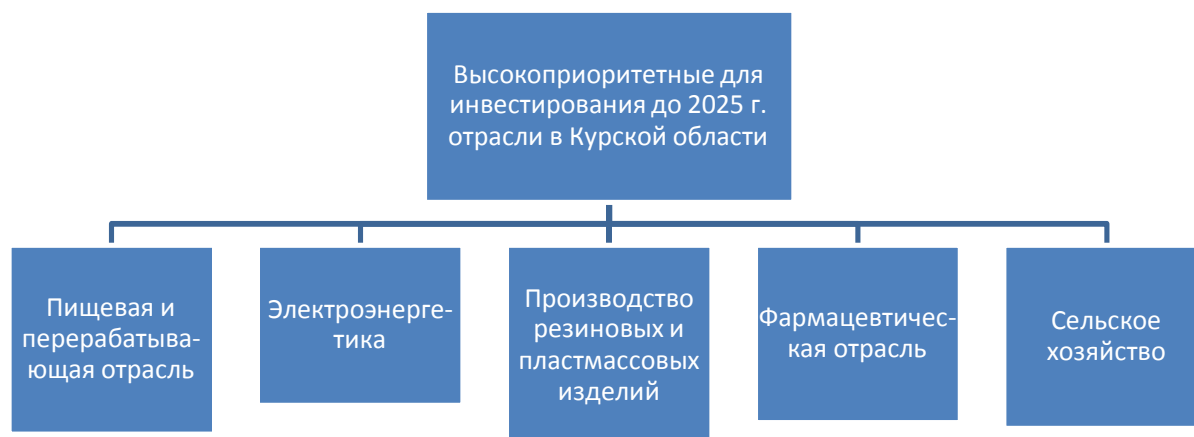

Рис. 3. Высокоприоритетные для инвестирования отрасли Курской области [18]

Важной характеристикой индустриального парка является наличие инфраструктуры, которая обеспечивает его инвестиционную привлекательность, а именно индустриальный парк, расположенный на территории Курской области, должен иметь подключенный источник энергопотребления, иметь технические условия на подключение к сетям газоснабжения, водоснабжения и водоотведения.

Наличие подключенных коммуникаций или технической возможности их подключения стратегически важно для потенциальных инвесторов, так как обеспечение коммуникациями предполагает не только значительные финансовые затраты, но и временные, что может отложить запуск инвестиционного проекта на неопределенный срок.

Создание индустриальных парков на территории Курской области решает не только основную задачу – привлечение инвесторов в регион, но и способствует развитию транспортных и инженерных сетей Курской области, доступной ин-

фраструктуры для размещения производственных объектов инвесторов на территории региона.

На сегодняшний день в Курской области действуют четыре индустриальных парка (рис. 4): «Юбилейный» – государственный индустриальный парк, «Агрегат» и «Союз» – частные индустриальные парки. На территории муниципального образования города Щигры Курской области располагается муниципальный индустриальный (промышленный) парк.

С точки зрения производственных площадей индустриальный (промышленный) парк «Юбилейный» представляет собой наиболее крупный объект.

Резидентами индустриального (промышленного) парка «Юбилейный» являются:

- X5 Retail Group;
- ООО «Медовые напитки»;
- ИП Яковлев А. Ю.;
- ИП Хызев А. А.;
- ООО «Терра»;
- ИП Никифоров О. Э. [21]

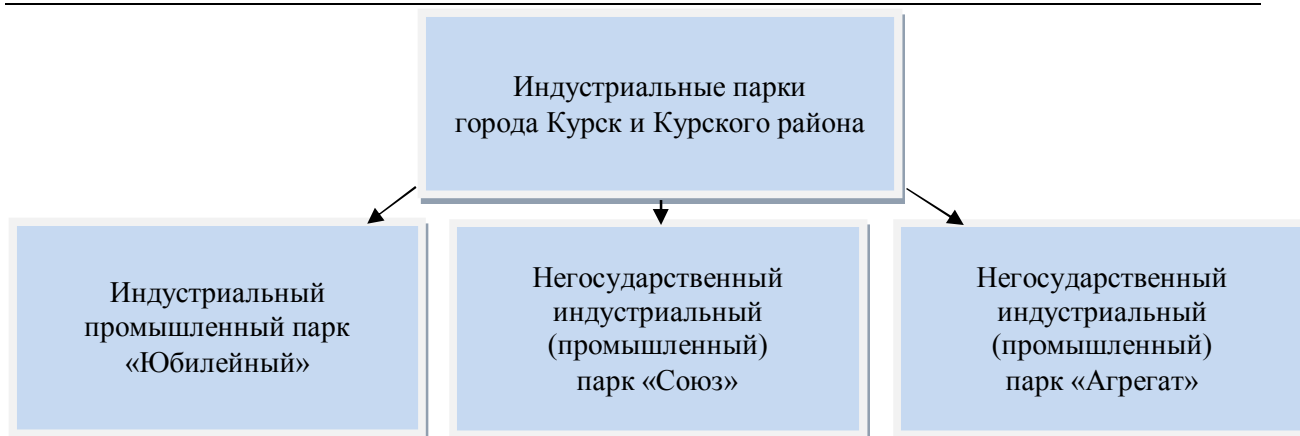

Рис. 4. Индустриальные парки Курской области и Курского района [21; 22; 23]

Рассматривая частные индустриальные (промышленные) парки, следует отметить, что с экономической точки зрения они привлекательны тем, что находятся в административном центре региона, в Железнодорожном округе. Представим конкурентные преимущества негосударственного индустриального (промышленного) парка «Союз» Курской области [21; 22; 23]:

- удобное местоположение;
- полная обеспеченность резидентов энергетическими ресурсами, наличие водоснабжения и водоотведения;
- централизованное обслуживание инженерных сетей и имущественного комплекса индустриального (промышленного) парка и его резидентов;
- осуществление охраны территории и наличие пропускного режима;
- содействие резидентам индустриального парка при размещении принадлежащих им (создаваемых ими) предприятий (подразделений) на территории, в т. ч. при разработке, экспертизе и согласовании необходимой для этих целей документации, выборе подрядчиков и заключении договоров строительного подряда, производстве строительно-монтажных и пусконаладочных работ, обеспечении необходимыми трудовыми, энергетическими, природными и иными ресурсами.

Негосударственный индустриальный (промышленный) парк «Агрегат», в свою очередь, имеет следующие преимущества:

- наличие действующей инфраструктуры, что обеспечивает возможность установки и монтажа оборудования в кратчайшие сроки;
- высокая степень готовности производственных помещений (до 80%);
- наличие заведенных линий коммуникаций в производственный корпус;
- удобное территориальное расположение;
- развитая инфраструктура поддержки бизнеса;
- предоставление поддержки со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, в т. ч. в виде предоставления налоговых льгот и преференций;
- наличие разноплановых функциональных зон, позволяющих осуществить инвестиции по различным направлениям (производственная, логистическая, административно-деловая, коммунально-бытовая).

Индустриальные (промышленные) парки Курской области должны развиваться в направлении расширения мер государственной поддержки. На сегодняшний день для инвесторов предусмотрено предоставление пониженных налоговых ставок на прибыль организации в следующих размерах: 10% зачисляется в областной бюджет, 0% – в федеральный бюджет, при этом пониженные налоговые ставки на прибыль организации применяются в сроки, установ-

ленные Налоговым кодексом Российской Федерации (три налоговых периода для проектов с объемом инвестиций не менее 100 млн руб., пять налоговых периодов для проектов с объемом инвестиций не менее 500 млн руб.). Льготы по налогу на имущество организаций предусмотрены в следующих размерах:

0% на три налоговых периода для проектов с объемом инвестиций не менее 100 млн руб. и на пять налоговых периодов для проектов с объемом инвестиций не менее 2 млрд руб.

Мы считаем, что необходимой является дифференциация налоговых льгот в соответствии с данными таблицы 2.

Таблица 2. Дифференциация налоговых льгот для резидентов индустриальных (промышленных) парков Курской области, %

Объем инвестиций не менее 100 млн руб.	Снижение ставки по налогу на прибыль до 8% на 7 лет								
	Льготная ставка по налогу на имущество организаций на 8 лет								
	0	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	1,5	1,5	1,5
Объем инвестиций не менее 500 млн руб.	Снижение ставки по налогу на прибыль до 8% на 7 лет								
	Льготная ставка по налогу на имущество организаций на 8 лет								
	0	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	1	1	1
Научные исследования и разработки, высокотехнологичный сектор									
Объем инвестиций не менее 100 млн руб.	Снижение ставки по налогу на прибыль до 6% на 7 лет								
	Льготная ставка по налогу на имущество организаций на 8 лет								
	0	0	0	0,5	0,5	0,5	1	1	1
Объем инвестиций не менее 500 млн руб.	Снижение ставки по налогу на прибыль до 6% на 7 лет								
	Льготная ставка по налогу на имущество организаций на 8 лет								
	0	0	0	0	0,5	0,5	1	1	1

Увеличение срока льготного налогообложения позволит развивать инвестиционный климат в Курской области и сделать акцент на формировании высокотехнологичного сектора и секторы научных исследований, которые являются движущей силой инноваций.

Выводы

На сегодняшний день производственный и промышленный потенциал индустриального (промышленного) парка «Юбилейный» не задействован в полной мере. Несмотря на создание всех условий для инвестирования, часть площадей остается невостребованной. Мы считаем, что необходимо привлекать субъекты малого и среднего предпринимательства, предоставляя более выгодные условия резидентства, а также совершенствовать транспортную доступность объекта, в частности, общественным транспортом.

Негосударственный индустриальный (промышленный) парк «Агрегат» имеет

более обширные направления реализации инвестиционного потенциала в связи с возможностями осуществления различных направлений деятельности. Негосударственный индустриальный (промышленный) парк «Союз» предполагает узконаправленную инвестиционную деятельность.

Мы считаем, что для сбалансированного развития инвестиционного потенциала Курской области необходимо создавать государственные и негосударственные индустриальные парки равномерно на всей территории области. Муниципальные индустриальные парки могут создаваться в поселках городского типа и городах области для продвижения промышленного потенциала региона и для одновременной работы цехов и предприятий в различных отраслях экономики.

Объединение производственных комплексов позволит снизить издержки инвесторов и сократить временные и логистические потери. Помимо этого, города и поселки городского типа Курской

области имеют большой трудовой и налоговый потенциал, что позволит обеспечить индустриальные парки стабильной рабочей силой, а область – налоговыми поступлениями.

Подытоживая сказанное, можно говорить о том, что привлечение инвестиций в экономику Курской области нахо-

дится в стадии роста и развития. Создание индустриальных парков на частной и государственной основе как фактор развития региона является одним из условий развития промышленности Курской области, его неотъемлемой частью, без которой быстрый и стабильный экономический рост невозможен.

Список литературы

1. Рожков Ю. В., Черная И. П. Новая парадигма конкуренции регионов // Современная конкуренция. 2009. № 3. С. 51–63.
2. Рисич И. Е., Чичерина А. С. Оценка российских и зарубежных практик разработки стратегий развития крупных городов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 3. С. 19–29. <https://doi.org/10.17308/econ.2022.3/9989>.
3. Меленькина С. А. Исследование уровня благосостояния населения: сравнительный анализ в региональном аспекте // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2022. № 5 (96). С. 92–101. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2022-5-92-101>.
4. Сандлер Д. Г., Кузнецов П. Д. Индустриальные парки в России: концептуальная проработка проектов // Экономика региона. 2015. № 1. С. 76–88.
5. Плеслов А. А. Организационно-экономические факторы создания и развития индустриальных парков // Российское предпринимательство. 2017. № 5. С. 749–759.
6. Рыбкина А. С., Джуха В. М. Индустриальные парки как инструмент формирования качественной институциональной среды регионов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 6. С. 2–16.
7. Руденко И. Р., Бессонова Е. А. Механизм взаимодействия власти и бизнес-структур в развитии инновационного потенциала региона // Вопросы региональной экономики. 2018. № 4(37). С. 90–95.
8. Никитаева А. Ю., Андрищенко О. Г. Индустриальные парки как опорные точки формирования экономического каркаса инновационного развития территорий // Сибирский журнал экономики и менеджмента. 2018. № 4. С. 78–99. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2018-4-78-99>.
9. Фролова Е. А., Родионова Е. А. Комплексная оценка эффективности государства // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 20, № 1. С. 125–136. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(1\).125-136](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(1).125-136).
10. Diagnostics of Regional Economic Security Problems during the 2020 Crisis / E. Korolyuk, I. Rustamova, N. Kuzmenko, B. Khashir, E. Karpunina // Proceeding of the 37th IBIMA Conference, 1-2 April 2021. Cordoba, 2021. P. 5248–5257.
11. Плотников В. А. Риски реализации кластерной политики // Вопросы безопасности. 2015. № 2. С. 8–24.
12. Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1(59). С. 40–45.
13. Положенцева Ю. С., Фоменко В. В., Литвинова О. В. Обоснование стратегических ориентиров развития промышленности региона // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 2(53). С. 60–70.
14. Корпорация развития Курской области. URL: <http://kursk.in/> (дата обращения: 06.02.2023).
15. Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С., Леонтьев Е. Д. Ранговая оценка инновационной активности промышленных комплексов региона: отечественный и зарубежный опыт // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 4(17). С. 15–23.
16. Инвестиционный портал Курской области. URL: <https://kurskoblinvest.ru/agentstvo-po-privlecheniju-investicij-kurskoj-oblasti/> (дата обращения: 20.02.2023).

17. Стратегия социально-экономического развития Курской области до 2030 года «Регион, в котором хочется жить». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/66d3db83b4dc2f7b479e74f34e371086/proekt_strategii_KO.pdf (дата обращения: 20.02.2023).
18. Об утверждении инвестиционной декларации Курской области: Распоряжение Губернатора Курской области от 19.05.2022 г. № 153-пр. URL: <https://kurskoblinvest.ru/wp-content/uploads/Investicionnaya-deklaraciya-Kurskoj-oblasti.pdf/> (дата обращения: 06.02.2023).
19. Об утверждении положения об условиях и порядке создания индустриальных (промышленных) парков: Постановление Администрации Курской области от 27 мая 2014 г. № 338-па. URL: <https://oblexpert.ru/doc-zayavitel/20-dokumenty-po-338-mu-postanovleniyu-administratsii-kurskoj-oblasti/48-338-pa/> (дата обращения: 06.02.2023).
20. Индустриальные парки Курской области. URL: <http://kurskinvest.ru/proekty-i-ploshchadki/ipark/> (дата обращения: 06.02.2023).
21. Индустриальный парк и технопарки России. Индустриальный парк «Юбилейный». URL: <https://russiaindustrialpark.ru/industrialnyu-park-yubileyny-0/> (дата обращения: 06.02.2023).
22. Индустриальный парк «Агрегат». URL: <https://agregat-kursk.ru/> (дата обращения: 04.02.2023).
23. Индустриальный парк «Союз». URL: <https://ip-soyuz.ru/> (дата обращения: 28.02.2023).

References

1. Rozkov Y. V., Chernaya I. P. Novaya paradigm konkurencii regionov [A new paradigm of regional competition]. *Sovremennaya konkurencia = Modern Competition*, 2009, no. 3, pp. 51–63.
2. Risich I. E., Chicherina A. S. Otsenka rossiiskich i zarubeznich praktik razrabotki strategii razvitiya krupnich gorodov [Evaluation of Russian and foreign practices in the development of strategies for the development of large cities]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2022, no. 3, pp. 19–29. <https://doi.org/10.17308/econ.2022.3/9989>
3. Melenkina S. A. Issledovanie urovnya blagosostoyaniya naselenia: sravnitel'nyi analiz v regional'nom aspekte [The study of the level of well-being of the population: a comparative analysis in the regional aspect]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 2022, no. 5 (96), pp. 92–101. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2022-5-92-101>
4. Sandler D. G., Kuznetsov P. D. Industrialnie parki v Rossii: konceptualnaya prorabotka proektov [Industrial parks in Russia: conceptual study of projects]. *Ekonomika regiona = Economy of the Region*, 2015, no. 1, pp. 76–88.
5. Pleslov A. A. Organizatsionno-ekonomicheskiye faktory sozdaniya i razvitiya industrialnykh parkov [Organizational and economic factors of creation and development of industrial parks]. *Rossiiskoye predprinimatel'stvo = Russian Entrepreneurship*, 2017, no. 5, pp. 749–759.
6. Ribkina A. S., Dzukha V. M. Industrialnii parki kak instrument formirovaniya kachestvennoi institutsionalnoi sredi regionov [Industrial parks as a tool for the formation of a high-quality institutional environment of the regions]. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy jurnal = Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal*, 2014, no. 6, pp. 2–16.
7. Rudenko I. R., Bessonova Ye. A. Mekhanizm vzaimodeystviya vlasti i biznes-struktury v razvitiy innovatsionnogo regiona [The mechanism of interaction between government and business structures in the development of innovative potential of the region]. *Voprosy povtoryayushchey ekonomiki = Issues of Regional Economy*, 2018, no. 4(37), pp. 90–95.
8. Nikitaeva A. Ju., Andrushenko O. G. Industrialniye parki kak opornyye tochki formirovaniya ekonomicheskogo karkasa innovatsionnogo razvitiya territorii [Industrial parks as reference points for the formation of the economic framework for the innovative development of territories]. *Sibirskii jurnal ekonomiki i menedzhmenta = Siberian Journal of Economics and Management*, 2018, no. 4, pp. 78–99. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2018-4-78-99>
9. Frolova E. A., Rodionova E. A. Kompleksnaya otsenka effektivnosti gosudarstva [Comprehensive assessment of the effectiveness of the state]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: ekonomika = Bulletin of Omsk University. Series: Economics*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 125–136. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(1\).125-136](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(1).125-136)

10. Korolyuk E., Rustamova I., Kuzmenko N., Khashir B., Karpunina E. Diagnostics of Regional Economic Security Problems during the 2020 Crisis. Proceeding of the 37th IBIMA Conference, 1-2 April 2021. Cordoba, 2021, pp. 5248–5257.
11. Plotnikova V. A. Riski realizatsii klasternoi politiki [Risks of implementing cluster policy]. *Vo-prosi bezopasnosti = Security Issues*, 2015, no. 2, pp. 8–24.
12. Kleiner G. B. Ekonomika ecosystem: shag v budushee [Ecosystem economics: step into the future]. *Economicheskoye vozrozhdeniye Rossii = Economic Revival of Russia*, 2019, no. 1(59), pp. 40–45.
13. Polozhentseva Yu. S., Fomenko V. V., Litvinova O. V. Obosnovanie strategicheskikh orientirov razvitiya promyshlennosti regiona [Substantiation of strategic guidelines for the development of the region's industry]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2014, no. 2(53), pp. 60–70.
14. Korporatsiya razvitiya Kurskoi oblasti [Kursk Region Development Corporation]. Available at: <http://kursk.in/>. (accessed 06.02.2023)
15. Klevtsova M. G., Polozhentseva Yu. S., Leontyev E. D. Rangovaya otsenka innovatsionnoi aktivnosti promishlennikh kompleksov regiona: otechestvennii i zarubezhnyi opit [Rank assessment of innovative activity of industrial complexes of the region: domestic and foreign experience]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2015, no. 4(17), pp. 15–23.
16. Investitsionnyi portak Kurskoi oblasti [Investment portal of the Kursk region]. Available at: <https://kurskoblinvest.ru/agentstvo-po-privlecheniju-investitsij-kurskoj-oblasti/>. (accessed 20.02.2023)
17. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Kurskoj oblasti do 2030 goda "Region, v kotorom hochetsya zhit" [Strategy of socio-economic development of the Kursk region until 2030 "The region in which you want to live"]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/66d3db83b4dc2f7b479e74f34e371086/proekt_strategii_KO.pdf. (accessed 20.02.2023)
18. Ob utverzhdenii investitsionnoi deklaratsii Kurskoy oblasti [On the approval of the investment declaration of the Kursk region]. Decree Governor of the Kursk region of May 19, 2022 № 153-rg. Available at: <https://kurskoblinvest.ru/wp-content/uploads/Investicionnaya-deklaratsiya-Kurskoj-oblasti.pdf>. (accessed 06.02.2023)
19. Ob utverzhdenii polozheniya ob usloviyach i poryadke sozdaniya industrialnykh (promishlennikh parkov) [On approval of the regulations on the conditions and procedure for the creation of industrial (industrial) parks]. Decree Administration of the Kursk region of May 27, 2014 № 338-pa. Available at: <https://oblexpert.ru/doc-zayavitel/20-dokumenty-po-338-mu-postanovleniyu-administratsii-kurskoj-oblasti/48-338-pa/>. (accessed 06.02.2023)
20. Industrialnii parki Kurskoi oblasti [Industrial parks of the Kursk region]. Available at: <http://kurskinvest.ru/proekty-i-ploshchadki/ipark/>. (accessed 06.02.2023)
21. Industrialnii parki i technoparki Rossii. Industrialnii park "Jubileinii" [Industrial parks and technoparks of Russia. Industrial Park "Jubileinii"]. Available at: <https://russiaindustrialpark.ru/industrialnyy-park-yubileyyny-0/>. (accessed 06.02.2023)
22. Industrialnii park "Agregat" [Industrial Park "Agregate"]. Available at: <https://agregat-kursk.ru/>. (accessed 04.02.2023)
23. Industrialnii park "Sojus" [Industrial Park "Sojus"]. Available at: <https://ip-soyuz.ru/>. (accessed 28.02.2022)

Информация об авторах / Information about the Authors

Бессонова Елена Анатольевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: Bessonowa_new@mail.ru

Elena A. Bessonova, Dr. of Sci. (Economics), Professor of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: Bessonowa_new@mail.ru

Лопатина Наталья Дмитриевна, студент кафедры экономики управления и аудита, Юго-Западный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: rhtlbnjh46@rambler.ru

Natalia D. Lopatina, Student of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: rhtlbnjh46@rambler.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-93-106>

Направления регионального экономического развития в малом бизнесе

Ю. В. Келеш¹ ✉, А. В. Пылайкина¹, Е. М. Агаркова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: yu.kelesh@ya.ru

Резюме

Актуальность. Трудности малого бизнеса, вызванные пандемией и ее экономическими последствиями, актуализируют изучение вопросов регионального экономического развития в малом бизнесе, поскольку эффективное его функционирование предоставляет возможности для экономического роста региона.

Цель – установление мер поддержки малого бизнеса на основе тенденций его развития в регионах, которые в перспективе позволят сформировать направления регионального экономического развития в малом бизнесе, способствующие повышению эффективности функционирования региональной экономики.

Задачи: определение тенденций развития субъектов малого предпринимательства в России и ЦФО; оценка показателей состояния, деятельности и развития сектора малого предпринимательства в региональном экономическом развитии в разрезе регионов ЦФО; анализ численной динамики, а также динамики развития ИКТ и антикризисной поддержки в детализации по финансовой, имущественной и инновационной поддержке субъектов малого предпринимательства; установление мер поддержки в отношении сектора малого предпринимательства, направленных на повышение эффективности регионального экономического развития.

Методология. Методы, применяемые при проведении исследования: статистическая обработка информации; статистический анализ и синтез; графический метод визуализации данных.

Результаты. С 2019 года число предприятий малого бизнеса и их численность снижаются из-за пандемии. В 2020 году регионы ЦФО характеризуют сокращение числа малых предприятий и численности их сотрудников, рост уровня цифровизации малого бизнеса, снижение числа новых частных высокотехнологичных фирм с ненулевой выручкой, а также увеличение антикризисной поддержки. Оказываемая поддержка не привела пока что к нормализации ситуации. Обозначенный комплекс мер позволит создать определенный уровень привлекательности для населения в сектор малого бизнеса, а также стимулировать развитие действующих субъектов малого предпринимательства.

Выводы. Представленный комплекс мер позволит определить перспективные направления регионального экономического развития в секторе малого бизнеса, которые будут способствовать экономическому росту в регионе и повышению эффективности функционирования региональной экономики.

Ключевые слова: региональное экономическое развитие; малый бизнес; антикризисная поддержка; малое предпринимательство; региональная экономика.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2023 год № 0851-2020-0034.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Келеш Ю. В., Пылайкина А. В., Агаркова Е. М. Направления регионального экономического развития в малом бизнесе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 93–106. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-93-106>.

Поступила в редакцию 10.02.2023

Принята к публикации 05.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Келеш Ю. В., Пылайкина А. В., Агаркова Е. М., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 93–106

Directions of Regional Economic Development in Small Business

Yuliya V. Kelesh¹ ✉, Anastasia V. Pylaykina¹, Ekaterina M. Agarkova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: yu.kelesh@ya.ru

Abstract

Relevance. The difficulties of small business caused by the pandemic and its economic consequences actualize the study of issues of regional economic development in small business, since its effective functioning provides opportunities for economic growth in the region.

The purpose is establishment of measures to support small business based on the trends of its development in the regions, which in the future will allow to form the directions of regional economic development in small business, contributing to improving the efficiency of the regional economy.

Objectives: Determination of trends in the development of small businesses in Russia and the Central Federal District. Assessment of indicators of the state, activity and development of the small business sector in regional economic development in the context of the Central Federal District regions. Analysis of numerical dynamics, as well as the dynamics of ICT development and anti-crisis support in detail on financial, property and innovation support for small businesses. Establishment of support measures for the small business sector aimed at improving the efficiency of regional economic development.

Methodology. Methods used in the research: statistical information processing; statistical analysis and synthesis; graphical method of data visualization.

Results. Since 2019, the number of small businesses and their number has been declining due to the pandemic. In 2020, the regions of the Central Federal District are characterized by a reduction in the number of small enterprises and the number of their employees, an increase in the level of digitalization of small businesses, a decrease in the number of new private high-tech firms with non-zero revenue, as well as an increase in anti-crisis support. The support provided has not yet led to normalization of the situation. The designated set of measures will create a certain level of attractiveness for the population in the small business sector, as well as stimulate the development of existing small businesses.

Conclusions. The presented set of measures will make it possible to identify promising areas of regional economic development in the small business sector, which will contribute to economic growth in the region and increase the efficiency of the regional economy.

Keywords: regional economic development; small business; anti-crisis support; small entrepreneurship; regional economy.

Funding: The publication was carried out within the framework of the state task for 2023 No. 0851-2020-0034.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kelesh Yu. V., Pylaykina A. V., Agarkova E. M. Directions of Regional Economic Development in Small Business. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 93–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-93-106>.

Received 10.02.2023

Accepted 05.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

В экономике региона сектор малого бизнеса занимает особое место. Успешное предпринимательство выделено в качестве одной из составляющих в перечне национальных целей развития РФ на период до 2030 г. [1]. Малый бизнес дает возможность региону двигаться в

направлении ускоренного экономического роста, способствует приращению валового регионального продукта, задает тренды в диверсификации и насыщении рынков, способствуя тем самым сокращению безработицы [2] и в целом улучшению регионального экономического развития.

Серьезные трудности у малого бизнеса были вызваны пандемией COVID-19 и ее экономическими последствиями. Не все предприятия сектора малого бизнеса справились с этим испытанием, о чем свидетельствует динамика сокращения их количества, а также динамика снижения численности сотрудников в пандемийный и постковидный периоды. Государством был предпринят ряд важнейших мер, способствующих недопущению катастрофического снижения сектора малого предпринимательства в экономике. Однако на сегодняшний день ситуация в малом бизнесе во многих регионах РФ еще не нормализовалась, что требует разработки и внедрения определенных мер поддержки данного сектора экономики, комплексное применение которых, в свою очередь, поможет определить направления регионального экономического развития в малом бизнесе. В данной статье предпринята попытка оценки состояния, деятельности и развития субъектов малого бизнеса, определения текущей оказываемой поддержки с целью установления комплекса мер, способствующих развитию малого предпринимательства в регионе, которые будут формировать основополагающие направления регионального экономического развития в малом бизнесе.

Материалы и методы

Исследование особенностей и проблем развития малого бизнеса в регионах России, выявление факторов, оказывающих влияние на развитие малого бизнеса, экономико-правовые вопросы анализа малого бизнес отражались в работах следующих исследователей: Е. Г. Борисова [3], А. А. Нагаева [4], В. В. Шлычков, П. А. Батайкин, Д. Р. Нестулаева [5], Е. А. Мазиллов, А. Е. Кремин [6], Э. Р. Галиуллина, Е. С. Дубровская [7], Д. А. Романов [8], Т. Л. Сергеева, Ю. В. Лазич [9], Р. Т. Латыпов, Д. В. Резниченко [10], В. В. Шлычков, П. А. Батайкин, Д. Р. Не-

стулаева [11], М. К. Гонежук [12], А. К. Штакал, Е. Г. Флик [13], Н. А. Осадчая, А. С. Близнюк [14], В. А. Поколявина, П. Д. Старцева [15], Э. Н. К. Алиева, Л. Н. Липатова [16], Л. Н. Руднева, О. В. Руденок [17], Е. А. Переверзева, Е. Ю. Сахарова [18], А. П. Гарнов, Н. П. Тишкина, В. Ю. Гарнова [19], А. А. Алхазов [20], Н. В. Петрухина [21], А. Г. Тимофеев, О. Г. Лебединская, Л. Н. Демидова [22].

Проанализировав данные публикации можно сделать вывод о том, что разные исследователи [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22] имеют схожие точки зрения, которые касаются вопросов в области необходимости оценки вклада малого бизнеса в социально-экономическое развитие региона, управления развитием малого бизнеса. Таким образом, текущие тенденции и перспективные направления регионального экономического развития в малом бизнесе требуют особого внимания и являются важным направлением исследований региональной экономики.

Информационная база исследования одновременно с работами ученых, исследующих данную проблематику, представлена национальным докладом «Малый и средний бизнес в регионах России: тренды, драйверы и антикризисная политика России» за 2020–2021 гг. [23], специальным докладом Президенту РФ «Малое и среднее предпринимательство / Постковид: Время для системных решений» за 2021 г. [24], а также Единым реестром субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки [25].

При проведении исследования были использованы методы, которые содержат в себе: статистическую обработку информации; статистический анализ и синтез; графический метод визуализации данных.

Результаты и их обсуждение

Малые и средние предприятия зачастую признаются движущей силой эко-

номического роста, так как они оказывают значительное влияние на экономическую деятельность. Нами были рассмотрены такие статистические данные за период 2011–2020 гг., как: численность работников малых предприятий, выручка

малых предприятий и производительность труда малых предприятий в целом по России, а также по Центральному федеральному округу, в котором располагается преимущественное количество всех малых предприятий (рис. 1).

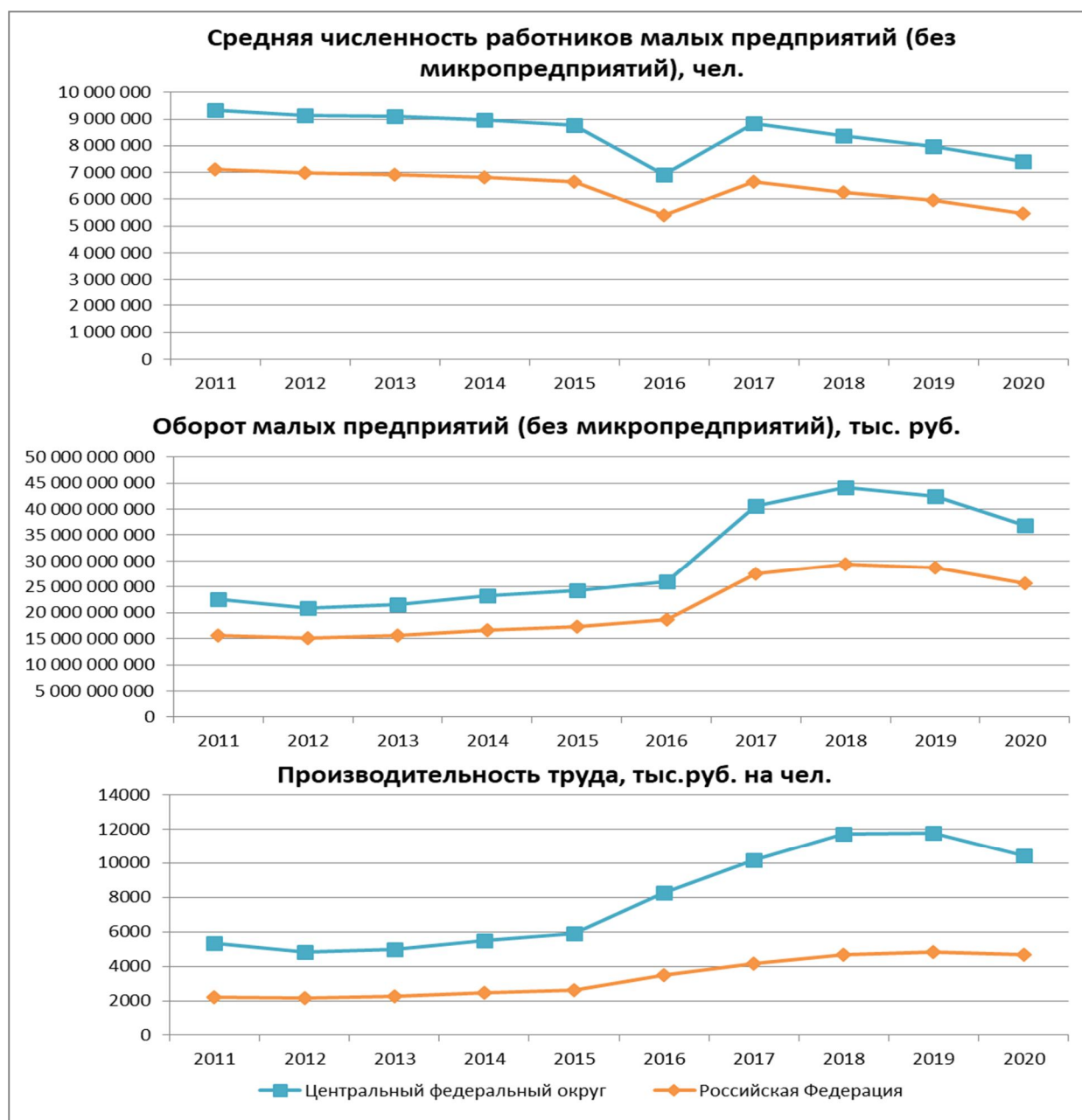

Рис. 1. Численность работников, выручка и производительность труда малых предприятий (за исключением микропредприятий) в 2011–2020 гг. [26]

Анализ динамики средней численности работников малых предприятий за 2011–2020 гг. в целом по России показал отрицательную тенденцию. За рассмат-

риваемый период количество работающих на малых предприятиях сократилось на 1656796 человек (темп роста составил 76,75%), что означает сокращение чис-

ленности на 23,25%. Заметно, что до 2017 г. наблюдалась нисходящая динамика показателя, в 2017 г. показатель вырос и приобрел значение в 6671832 чел., однако к 2018 г. и дальше показатель вновь отражает снижение.

Центральный федеральный округ (ЦФО) содержит более 30% всех работников малых предприятий по России. По сравнению с показателем 2011 г., число работников к 2020 г. уменьшилось на 251406 чел., т. е. сократилось на 11,45%. В 2016 г. также произошло значительное уменьшение численности работников малых предприятий на 574961 чел. (темп роста составил 27,5%).

При этом распределение количества работников на малых предприятиях по регионам ЦФО показывает следующее соотношение: по состоянию на 2011 г. наибольший удельный вес принадлежит г. Москве (около 35% численности рабочих всего округа), на втором месте – Московская область со значением в 332409 чел., что соответствует 15% численности работников малых предприятий округа). Курская область находится на 17 месте со значением в 41543 чел. В 2020 г. Курская область занимала 14 место с показателем в 30898 работников малых предприятий.

Проанализировав оборот малых предприятий за десять лет, были сделаны следующие выводы: за рассмотренный период значение по России увеличилось на 10037924951 тыс. руб. (темп роста составил 64,42%). Показатель имеет преимущественно восходящую динамику (за исключением 2012 г.), и к 2019 г. он пошел на спад, сократившись на 2%. Наблюдается аналогичная ситуация с показателем по Центральному федеральному округу, за рассматриваемый период значение оборота малых предприятий увеличилось на 4211759991 тыс. руб., что соответствует увеличению на 60,55%. Наибольшее значение среди регионов

ЦФО принадлежит Москве (в пределах 60-68% всего оборота округа). По состоянию на 2020 г. на втором месте находится Московская область (16%), на третьем – Воронежская область (4%). Курская область занимает 16 позицию со значением в 110590638 тыс. руб. (около 1% оборота округа).

Исследование производительности труда за период 2011–2020 гг. показало общее увеличение показателя на 2497,8 тыс. руб. на человека, больше чем в два раза, в значительной степени благодаря увеличению выручки и параллельному сокращению численности работников малых предприятий. Показатель производительности труда имеет преимущественно восходящую динамику, за исключением 2020 г., в котором произошло сокращение показателя на 2,5%. Значение по Центральному федеральному округу также увеличилось 2576,5 тыс. руб. на человека (или на 81,3%).

Таким образом, в целом показатели количества предприятий малого бизнеса, численности их сотрудников и производительности труда как в общем по России, так и в частности по ЦФО демонстрируют снижение с 2019 г., основной причиной которого явилась пандемия COVID-19.

Для рассмотрения тенденций регионального экономического развития в секторе малого предпринимательства нами были проанализированы данные по регионам, входящим в Центральный федеральный округ, в частности и по Курской области. Основные показатели регионального экономического развития, отражающие состояние, деятельность и развитие субъектов малого предпринимательства, включают в себя: количество действующих предприятий, среднюю численность работников, выручку от реализации товаров, работ, услуг, наличие основных фондов и инвестиций в основной капитал (рис. 2).

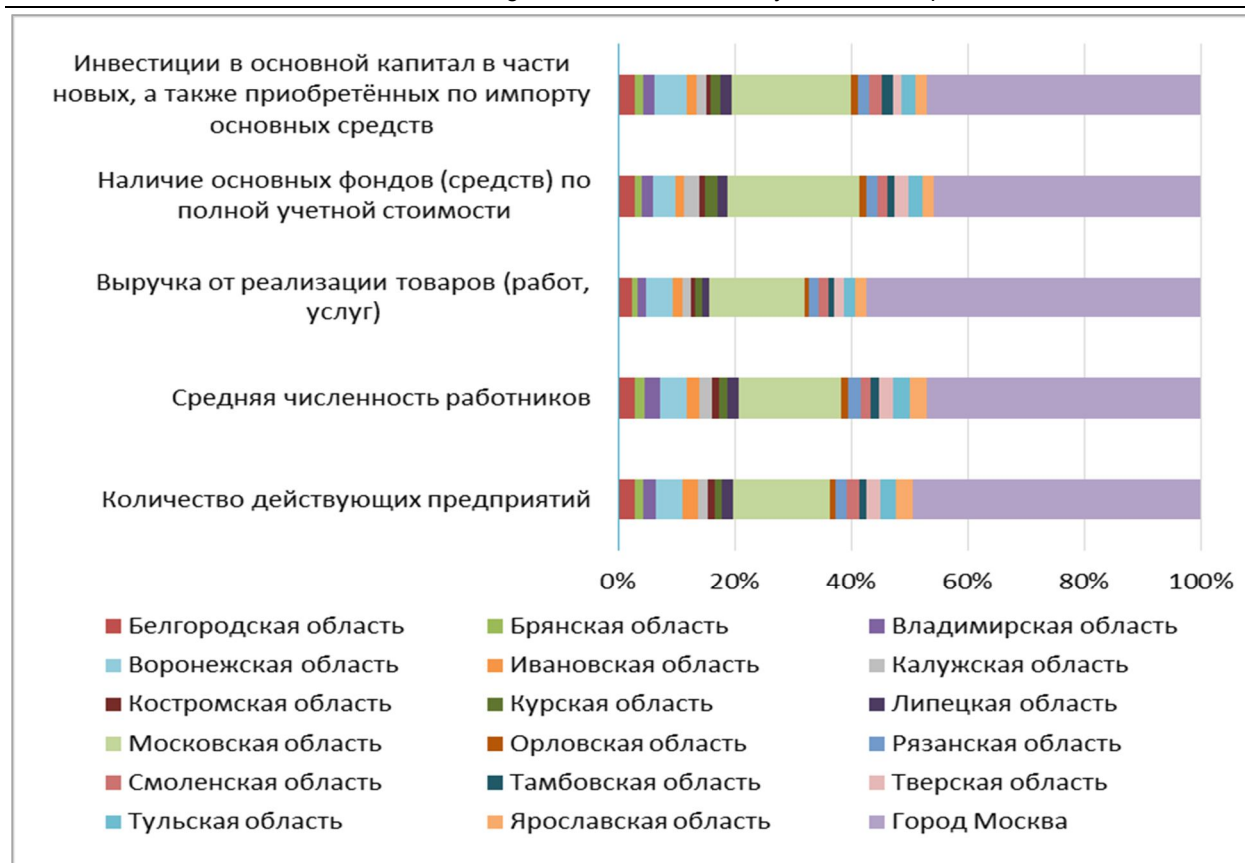

Рис. 2. Основные показатели деятельности субъектов малого предпринимательства (включая микропредприятия) по регионам ЦФО за 2020 г. [26]

Анализ вышеуказанных показателей в разрезе регионов Центрального федерального округа за 2020 г. позволил сделать следующие выводы: наибольший удельный вес в отношении количества действующих малых предприятий наблюдается у г. Москвы, почти 50% от общего значения по округу. Второе место занимает Московская область со значением в 16,6%, третье – Воронежская область – 4,5%. Курская область занимает всего лишь 15 место из 18 среди областей ЦФО со значением в 1,31%.

По показателю средней численности работников также выигрывает Москва и Московская область, затем Воронежская область – 47%, 17,7% и 4,6% соответственно. На четвертом месте в рейтинге расположилась Ярославская область с удельным весом в 2,86%. Курская область, как и в ситуации с количеством действующих малых предприятий, занимает 15 место с удельным весом в составе

Центрального федерального округа в 1,44%. Подобный результат может быть следствием незначительного количества малых предприятий в регионе.

Аналогичная ситуация наблюдается с показателем выручки от реализации товаров (работ, услуг): наибольшая доля в составе регионов ЦФО принадлежит Москве (57,5%), Московской области (16,33%) и Воронежской области. Курская область также занимает относительно низкую позицию в рейтинге; с удельным весом в 1% она находится на 14 месте.

Удельный вес Курской области в отношении наличия основных фондов по полной учетной стоимости составляет всего лишь 2,07% от общего значения показателя регионов Центрального федерального округа. Среди регионов Курская область занимает 8 место, что означает относительно неплохую обеспеченность области основными фондами.

В части инвестиций в основные средства Курская область занимает 13 место в рейтинге регионов ЦФО с удельным весом инвестиций в 1,68%, что указывает на недостаточность инвестирования малым бизнесом в основные фонды.

Необходимо отметить, что рассматриваемые показатели деятельности субъектов малого предпринимательства по каждому региону неразрывно связаны друг с другом – количество предприятий в регионе влияет на численность сотрудников, а эти факторы, в свою очередь, обу-

словливают в большей степени наличие основных фондов, инвестирование в основной капитал, а также размер выручки от реализации. На рисунке 2 наглядно отображена прямая пропорциональная зависимость представленных показателей.

Для более детального анализа положения Курской области в области деятельности малого предпринимательства нами было проведено сравнение прироста показателей состояния малых предприятий регионов ЦФО. Результаты представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Прирост показателей состояния малых предприятий (включая индивидуальных предпринимателей) регионов ЦФО в 2020 г. по сравнению с 2019 г., % [23]

Регион ЦФО	Число субъектов МСП, включая ИП	Численность занятых в секторе МСП (без самозанятых)	Доля организаций, использующих высокоскоростной доступ к сети Интернет	Доля продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли	Число новых частных высокотехнологичных фирм с ненулевой выручкой	Объем антикризисной финансовой поддержки МСП (без учета гарантий и поручительств)
Белгородская область	-2	0,06	42	110	-34,2	393
Брянская область	-0,7	-2,83	23	160	-23,8	127
Владимирская область	-0,5	-0,25	21	67	-34,5	1 655
Воронежская область	0,6	-0,23	18	60	-11,7	174
Ивановская область	-0,3	-1,87	38	150	-29,9	85
Калужская область	2,5	0,6	33	33	-43	39
Костромская область	0,2	-3,86	31	110	-41,9	269
Курская область	-0,2	1,62	45	100	4,8	119
Липецкая область	0,4	-0,5	27	188	-43,8	78
Московская область	9,1	3,2	20	32	-20,6	225
Орловская область	-0,2	-3,09	40	91	-46,8	113
Рязанская область	0,1	-0,76	31	63	-8,6	31
Смоленская область	1	-0,88	38	333	11,6	186
Тамбовская область	-1,8	0,58	18	130	67,7	81
Тверская область	0,7	-2,56	38	100	-24,4	134
Тульская область	-0,1	0,32	12	140	-34	282
Ярославская область	1	2,89	15	160	-13,1	80
Город Москва	6,6	2,73	-9	116	-23,7	153

Анализ прироста показателей за 2019–2020 гг. дает возможность определить, какие регионы являются лидирующими или,

напротив, отстающими, и на основании сложившихся тенденций определить, какие меры поддержки малого бизнеса могут

быть применены. Для наглядности в таблице 1 сиреневым цветом отмечены наименьшие значения прироста показателей, зеленым цветом – наибольшие значения прироста показателей.

За 2020 г., в сравнении с 2019 г., значительное изменение количества субъектов малого предпринимательства среди регионов ЦФО прослеживается в Московской области – их число увеличилось на 9%, что говорит о развитии малых предприятий в регионе. Наибольшее сокращение данного показателя среди регионов ЦФО претерпела Белгородская область, где количество предприятий уменьшилось на 2%. В Курской области отмечается незначительное уменьшение числа субъектов МСП – на 0,2%.

В рейтинге изменения численности занятых в области малого предпринимательства Московская область заняла лидирующую позицию. Значение показателя в 2020 г., по сравнению с 2019 г., увеличилось на 3,2%. В Костромской области, напротив, число занятых сократилось на 3,86%, что является наибольшим сокращением данного показателя среди регионов ЦФО. Курская область по изменению численности занятых в области малого предпринимательства показала положительный результат прироста на 1,62%.

Также Курская область в 2020 г., по сравнению с 2019 г., показала среди регионов ЦФО наибольший прирост количества организаций, использующих высокоскоростной доступ к сети Интернет; он увеличился на 45%. Москва же, напротив, показала сокращение числа показателя на 9%.

При увеличении числа компаний, использующих высокоскоростной Интернет, в Курской области доля продаж малых предприятий через Интернет также увеличилась на 100%, т. е. вдвое. По данному показателю максимальное увеличение среди регионов ЦФО показала Смоленская область, где доля интернет-продаж увеличилась в четыре раза. Московская

область среди регионов ЦФО показала наименьший результат – увеличение показателя продаж через Интернет на 32%.

Число новых частных высокотехнологичных фирм в период с 2019 по 2020 гг. сократилось почти в половину в Орловской области (на 46,8%). В Тамбовской области же, наоборот, значение увеличилось на 67,7%, что говорит о хорошем развитии высокотехнологичных компаний в области. Курская область среди регионов ЦФО показала незначительное увеличение количества новых частных высокотехнологичных фирм на 4,8%.

Объем антикризисной финансовой поддержки МСП за 2019-2020 гг. увеличился в Курской области на 119% (более чем вдвое). Наибольшее увеличение объема антикризисной финансовой поддержки наблюдалось во Владимирской области – в 16,5 раза, наименьшее – в Рязанской (показатель вырос на 31%).

Таким образом, в целом по приросту показателей состояния малых предприятий в регионах ЦФО за 2020 г. среди общих тенденций отмечается сокращение числа предприятий и численности их сотрудников, увеличение уровня цифровизации малого бизнеса, снижение числа новых частных высокотехнологичных фирм с ненулевой выручкой, а также увеличение антикризисной поддержки. Рост коронакризисной поддержки малого бизнеса предопределило сокращение числа предприятий и их персонала.

Рассмотрим оказание поддержки малому бизнесу по ее видам в Курской области за 2019–2021 гг. (табл. 2).

По результатам анализа можно отметить, что на протяжении трех лет наблюдается увеличение размера финансовой поддержки. Так, в 2019 г. величина финансовой поддержки составила 1566511712 руб., к 2020 г. она увеличилась на 46,67%, или на 731106276 руб., а в 2021 г. величина данной поддержки составила 2405930634 руб., что на 4,71% больше, чем в 2020 г.

Таблица 2. Величина оказанной поддержки МСП в Курской области, руб. [25]

Вид поддержки	2019	2020	2021	Динамика показателя
Финансовая поддержка	1566511712	2297617988	2405930634	
Имущественная поддержка	13306286	8302119	6656364	
Инновационная поддержка	20814696	14784768	41184	

Динамика имущественной поддержки МСП в Курской области в период с 2019 по 2021 гг. – отрицательная. В 2019 г. величина данной поддержки МСП составила 13306286 руб., в 2020 г. поддержка снизилась на 37,61% и составила 8302119 руб., а к 2021 г. снизилась еще на 19,82% (1645755 руб.) по сравнению с 2020 г. и стала составлять 6656364 рубля. Таким образом, анализ имущественной поддержки МСП показал отрицательную динамику, что является негативным моментом.

Динамику инновационной поддержки МСП в Курской области на протяжении 2019–2021 гг. также была отрицательной. В 2020 г. размер инновационной поддержки МСП снизился до 14784768 руб., что на 28,97% (6029928 руб.) меньше по сравнению с 2019 г., а к 2021 г. размер поддержки снизился еще на 99,72% и составил 41184 руб.

Таким образом, в период с 2019 г. по 2021 г. наблюдается увеличение финансовой поддержки и снижение имущественной и инновационной поддержки МСП в Курской области. При этом стоит отметить факт наличия поддержки как таковой, что является положительным моментом.

Коронавирус внес определенные коррективы в динамику развития МСП, однако для поддержания этого сектора экономика были предприняты различные меры. В частности, в Курской области, например, Курской областной думой бы-

ло направлено обращение в Правительство РФ с просьбой расширения перечня видов экономической деятельности пострадавших отраслей региональной экономики, а также произошло образование экспертного совета по вопросам развития предпринимательства и инновациям в Курском регионе [27].

Однако ситуация в данной среде еще не нормализовалась, и это требует определенных мер, способствующих созданию определенного уровня привлекательности для населения в сектор малого бизнеса, а также стимулированию развития действующих субъектов малого предпринимательства. Рассмотрим комплекс мер, способствующих развитию малого предпринимательства в регионе (рис. 3).

Таким образом, основными мерами, способствующими развитию малого предпринимательства в регионе, являются меры налогового планирования и точечного характера, а также системные и административные меры. Применение обозначенного комплекса мер позволит стимулировать не только развитие малого бизнеса, но и, как следствие, региональное экономическое развитие, что определит в целом основополагающие направления регионального экономического развития в секторе малого предпринимательства, способствующие экономическому росту в регионе и повышению эффективности функционирования региональной экономики.

Рис. 3. Комплекс мер, способствующих развитию малого предпринимательства в регионе [24; 25]

Выводы

Роль малого бизнеса в экономике региона велика. По России, как и по ЦФО, начиная с 2019 г. количество предприятий малого бизнеса и численность их сотрудников снижается, причина – пандемия COVID-19. Было установлено, что показатели регионального экономического развития, отражающие состояние, деятельность и развитие субъектов малого предпринимательства: количество действующих предприятий, среднюю численность работников, выручку от реализации товаров, работ, услуг, наличие основных фондов и инвестиций в основной капитал, неразрывно связаны друг с другом, отображается прямая пропорциональная зависимость представленных показателей. В регионах ЦФО за 2020 г. отмечается сокращение числа малых предпри-

ятий и численности их сотрудников, увеличение уровня цифровизации малого бизнеса, снижение числа новых частных высокотехнологичных фирм с ненулевой выручкой, а также увеличение антикризисной поддержки. Однако оказываемая поддержка не в полной мере нормализовала ситуацию в региональном малом бизнесе. Обозначенный комплекс мер позволит создать определенный уровень привлекательности для населения в сектор малого бизнеса, а также стимулировать развитие действующих субъектов малого предпринимательства, что определит основополагающие перспективные направления регионального экономического развития в секторе малого предпринимательства, способствующие экономическому росту в регионе и повышению эффективности функционирования региональной экономики.

Список литературы

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 26.02.2023).
2. Петрук Г. В., Устич И. С. Обеспечение устойчивого развития малого предпринимательства на материалах предприятий Амурской области // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 6-7. С. 1464–1468.
3. Борисова Е. Г. Вклад малого бизнеса в экономику России // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2019. № 14-1. С. 260–263.
4. Нагаева А. А. Сравнительный анализ малого и среднего бизнеса России и зарубежных стран // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2018. № 4. С. 169–172.
5. Шлычков В. В., Батайкин П. А., Нестулаева Д. Р. Риски и вызовы российского малого предпринимательства в условиях пандемии COVID-19: обратная связь из региона // *Вестник экономики, права и социологии*. 2021. № 1. С. 44–50.
6. Мазилев Е. А., Кремин А. Е. Роль малого бизнеса в социально-экономическом развитии российских регионов: проблемы и тенденции // *Проблемы развития территории*. 2018. № 2 (94). С. 7–18. <https://doi.org/10.15838/ptd/2018.2.94.1>.
7. Галиуллина Э. Р., Дубровская Е. С. Развитие малых предприятий в Российской Федерации // *Скиф*. 2020. № 4 (44). С. 737–740.
8. Романов Д. А. Анализ малого бизнеса в России: проблемы и возможные пути их решения // *StudNet*. 2019. № 4. С. 26–30.
9. Сергеева Т. Л., Лазич Ю. В. Оценка влияния малого бизнеса на развитие регионов // *Beneficium*. 2020. № 1 (34). С. 13–20. [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.1\(34\).13-20](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.1(34).13-20).
10. Латыпов Р. Т., Резниченко Д. В. К вопросу о конкурентоспособности малого и среднего предпринимательства в условиях рыночной экономики (на примере Российской Федерации и мировой практики) // *Вестник Академии знаний*. 2018. № 2 (25). С. 148–152.
11. Шлычков В. В., Батайкин П. А., Нестулаева Д. Р. Российский малый и средний бизнес в условиях пандемии COVID-19 // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 6 (452). С. 2017–216. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10623>.
12. Гонезжук М. К. Сравнительный анализ роли и места малого бизнеса в регионе // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2019. № 26 (4). С. 71–78.
13. Штакал А. К., Флик Е. Г. Анализ вклада субъектов малого бизнеса в развитие экономики Приморского края // *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд*. 2014. № 30. С. 98–104.
14. Осадчая Н. А., Близнюк А. С. Проблемы привлечения инвестиций в малый бизнес региона // *Молодой исследователь Дона*. 2018. № 4 (13). С. 184–186.
15. Поколявина В. А., Старцева П. Д. Роль малого и среднего бизнеса в экономике региона // *Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего*. 2021. № 4. С. 44–50.
16. Алиева Э. Н. К., Липатова Л. Н. Малый бизнес как фактор устойчивого развития региона // *Научное обозрение*. 2020. № 1. С. 1–9.
17. Руднева Л. Н., Руденок О. В. Развитие малого и среднего бизнеса в регионах Российской Федерации // *Московский экономический журнал*. 2019. № 10. С. 1–14.
18. Переверзева Е. А., Сахарова Е. Ю. Развитие малого бизнеса в курской области и центральном федеральном округе: пространственная конфигурация // *Научные записки молодых исследователей*. 2021. № 6. С. 5–13.
19. Гарнов А. П., Тишкина Н. П., Гарнова В. Ю. Современное состояние и проблемы развития малого бизнеса // *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*. 2019. № 1 (103). С. 135–144. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-1-135-144>.
20. Алхазов А. А. Предприятия малого и среднего бизнеса как элемент структуры экономического потенциала региона // *Финансовые рынки и банки*. 2020. № 4. С. 75–77.

21. Петрухина Н. В. Роль субъектов малого и среднего бизнеса в региональном развитии // Московский экономический журнал. 2021. № 8. С. 179–189. <https://doi.org/10.24412/2413-046X-2021-10468>.
22. Тимофеев А. Г., Лебединская О. Г., Демидова Л. Н. Социально-экономические проблемы развития малого бизнеса // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-1. С. 485–487.
23. Малый и средний бизнес в регионах России: тренды, драйверы и антикризисная политика. Национальный доклад. М.: РАНХиГС, АИРР, 2022. С. 1–67.
24. Специальный доклад Президенту РФ «Малое и Среднее предпринимательство. Постковид: Время для системных решений» за 2021 год. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (дата обращения: 26.01.2023).
25. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки. URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru/> (дата обращения 26.01.2023).
26. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 26.01.2023).
27. Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Курской области (по итогам дней Курской области в Совете Федерации) // Аналитический вестник. 2021. № 13(773). С. 1–53.

References

1. O nacional'ny'x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030]. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 № 474. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/45726>. (accessed 26.02.2022)
2. Petruk G. V., Ustich I. S. Obespechenie ustojchivogo razvitiya malogo predprinimatel'stva na materialax predpriyatij Amurskoj oblasti [Ensuring the sustainable development of small entrepreneurship on the materials of enterprises of the Amur region]. *Fundamental'ny'e issledovaniya = Fundamental Research*, 2014, no. 6-7, pp. 1464–1468.
3. Borisova E. G. Vklad malogo biznesa v ekonomiku Rossii [Contribution of small business to the Russian economy]. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya = Russia: Trends and Prospects of Development*, 2019, no. 14-1, pp. 260–263.
4. Nagaeva A. A. Sravnitel'nyj analiz malogo i srednego biznesa Rossii i zarubezhnyh stran [Comparative analysis of small and medium-sized businesses in Russia and foreign countries]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*, 2018, no. 4, pp. 169–172.
5. Shlychkov V. V., Batajkin P. A., Nestulaeva D. R. Riski i vyzovy rossijskogo malogo predprinimatel'stva v usloviyah pandemii covid-19: obratnaya svyaz' iz regiona [Risks and challenges of Russian small business in the context of the covid-19 pandemic: feedback from the region]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2021, no. 1, pp. 44–50.
6. Mazilov E. A., Kremin A. E. Rol' malogo biznesa v social'no-ekonomicheskom razvitii rossijskih regionov: problemy i tendencii [The role of small business in the socio-economic development of Russian regions: problems and trends]. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territorial Development*, 2018, no. 2 (94), pp. 7–18. <https://doi.org/10.15838/ptd/2018.2.94.1>
7. Galiullina E. R., Dubrovskaya E. S. Razvitie malyh predpriyatij v Rossijskoj Federacii [Development of small enterprises in the Russian Federation]. *Skif = Skif*, 2020, no. 4 (44), pp. 737–740.
8. Romanov D. A. Analiz malogo biznesa v Rossii: problemy i vozmozhnye puti ih resheniya [Analysis of small business in Russia: problems and possible solutions]. *StudNet*, 2019, no. 4, pp. 26–30.
9. Sergeeva T. L., Lazich Yu. V. Ocenka vliyaniya malogo biznesa na razvitie regionov [Assessment of the impact of small business on the development of regions]. *Beneficium*, 2020, no. 1 (34), pp. 13–20. [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.1\(34\).13-20](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.1(34).13-20)
10. Latypov R. T., Reznichenko D. V. K voprosu o konkurentosposobnosti malogo i srednego predprinimatel'stva v usloviyah rynochnoj ekonomiki (na primere rossijskoj federacii i mirovoj praktiki) [On the issue of competitiveness of small and medium-sized enterprises in a market economy (on the ex-

ample of the Russian Federation and world practice)]. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2018, no. 2 (25), pp. 148–152.

11. Shlychkov V. V., Batajkin P. A., Nestulaeva D. R. Rossijskij malyy i srednij biznes v usloviyah pandemii covid-19 [Russian small and medium-sized businesses in the context of the covid-19 pandemic]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2021, no. 6 (452), pp. 2017–216. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10623>

12. Gonezhuk M. K. Sravnitel'nyy analiz roli i mesta malogo biznesa v regione [Comparative analysis of the role and place of small business in the region]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*, 2019, no. 26 (4), pp. 71–78.

13. Shtakal A. K., Flik E. G. Analiz vkladov sub"ektov malogo biznesa v razvitie ekonomiki Primorskogo kraja [Analysis of the contribution of small businesses to the development of the economy of Primorsky Krai]. *Sovremennye tendencii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad = Modern Trends in Economics and Management: a New Look*, 2014, no. 30, pp. 88–104.

14. Osadchaya N. A., Bliznyuk A. S. Problemy privlecheniya investitsiy v malyy biznes regiona [Problems of attracting investments in small business in the region]. *Molodoj issledovatel' Dona = Young Researcher of the Don*, 2018, no. 4 (13), pp. 184–186.

15. Pokolyavina V. A., Starceva P. D. Rol' malogo i srednego biznesa v ekonomike regiona [The role of small and medium-sized businesses in the region's economy]. *Mezhdisciplinarnye issledovaniya: opyt proshlogo, vozmozhnosti nastoyashchego, strategii budushchego = Interdisciplinary Research: Past Experience, Present Opportunities, Future Strategies*, 2021, no. 4, pp. 44–50.

16. Alieva E. N. K., Lipatova L. N. Malyy biznes kak faktor ustojchivogo razvitiya regiona [Small business as a factor of sustainable development of the region]. *Nauchnoe obozrenie = Scientific Review*, 2020, no. 1, pp. 1–9.

17. Rudneva L. N., Rudenok O. V. Razvitie malogo i srednego biznesa v regionah Rossijskoj Federacii [Development of small and medium-sized businesses in the regions of the Russian Federation]. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*, 2019, no. 10, pp. 1–14.

18. Pereverzeva E. A., Saharova E. Yu. Razvitie malogo biznesa v kurskoj oblasti i central'nom federal'nom okruge: prostranstvennaya konfiguraciya [Small business development in the Kursk Region and the Central Federal District: spatial configuration]. *Nauchnye zapiski molodyh issledovatelej = Scientific Notes of Young Researchers*, 2021, no. 6, pp. 5–13.

19. Garnov A. P., Tishkina N. P., Garnova V. Yu. Sovremennoe sostoyanie i problemy razvitiya malogo biznesa [Current state and problems of small business development]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2019, no. 1 (103), pp. 135–144. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-1-135-144>

20. Alhazov A. A. Predpriyatiya malogo i srednego biznesa kak element struktury ekonomicheskogo potentsiala regiona [Small and medium-sized businesses as an element of the structure of the economic potential of the region]. *Finansovye rynki i banki = Financial Markets and Banks*, 2020, no. 4, pp. 75–77.

21. Petruhina N. V. Rol' sub"ektov malogo i srednego biznesa v regional'nom razviti [The role of small and medium-sized businesses in regional development]. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*, 2021, no. 8, pp. 179–189. <https://doi.org/10.24412/2413-046X-2021-10468>

22. Timofeev A. G., Lebedinskaya O. G., Demidova L. N. Social'no-ekonomicheskie problemy razvitiya malogo biznesa [Socio-economic problems of small business development]. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya = Russia: Trends and Prospects of Development*, 2021, no. 16-1, pp. 485–487.

23. Malyy i srednij biznes v regionah Rossii: trendy, drajvery i antikrizisnaya politika. Nacional'nyj doklad [Small and medium-sized businesses in the regions of Russia: trends, drivers and anti-crisis policy. National Report]. Moscow, RANEP, AIRR Publ., 2022, pp. 1–67.

24. Spetsial'nyi doklad Prezidentu RF "Maloe i Srednee predprinimatel'stvo. Postkovid: Vremya dlya sistemnykh reshenii" za 2021 god [Special report to the President of the Russian Federation "Small and medium-sized entrepreneurship. Postcovid: Time for System solutions" for 2021]. Available at: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf>. (accessed 26.01.2023)

25. Edinyy reyestr sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva – poluchateley podderzhki [Unified Register of small and medium-sized businesses – recipients of support]. Available at: <https://rmssp.pp.nalog.ru/>. (accessed 26.01.2023)

26. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/>. (accessed 26.01.2023)

27. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kurskoi oblasti (po itogam dnei Kurskoi oblasti v Sovete Federatsii) [The current state and prospects of socio-economic development of the Kursk region (based on the results of the days of the Kursk region in the Federation Council)]. *Analiticheskii vestnik = Analytical Bulletin*, 2021, no. 13(773), pp. 1–53.

Информация об авторах / Information about the Authors

Келеш Юлия Вадимовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: yu.kelesh@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-2592-7868

Yuliya V. Kelesh, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Economics of Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: yu.kelesh@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-2592-7868

Пылайкина Анастасия Викторовна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: anastasiya.pylaykina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8893-3582

Anastasia V. Pylaykina, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: anastasiya.pylaykina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8893-3582

Агаркова Екатерина Михайловна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: taldykina64@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-8449-579X

Ekaterina M. Agarkova, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: taldykina64@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-8449-579X

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-107-122>**Оценка влияния регионов Арктической зоны Российской Федерации на экономическую безопасность государства****В. Ю. Циклаури¹ ✉, Л. В. Афанасьева¹, Ю. А. Брусенцева¹**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: vika-ts@mail.ru

Резюме

Актуальность. Арктическая зона Российской Федерации имеет огромное значение для государства. Деятельность России в Арктике носит исключительно открытый характер. Россия не нарушает международных обязательств, защищает национальные интересы, решает задачи по защите и охране государственной границы Российской Федерации, охране месторождений, беспрепятственного функционирования Северного морского пути, способствует сохранению баланса сил в регионе, противодействует вместе с правоохранительными органами и спецслужбами новым вызовам и угрозам экономической безопасности. Реализация национальных программ по ускорению социально-экономического развития Арктики, достижению стратегических интересов и обеспечению национальной безопасности способствует укреплению экономической безопасности.

Цель исследования заключается в оценке основных социально-экономических показателей регионов Арктической зоны Российской Федерации и их влияния на экономическую безопасность государства.

Задачами исследования являлись: исследование направлений социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации; анализ и оценка социально-экономических показателей регионов: ВРП, основные фонды, инвестиции в основной капитал, индекс промышленного производства; оценка эффективности человеческого капитала регионов; оценка эффективности внедрения и использования современных технологий; обобщение угроз и рисков.

Методология исследования основана на общенаучных методах, сравнительном анализе. Источниками стали научные работы ученых-специалистов в области обеспечения экономической безопасности, нормативные и информационные материалы Росстата, документы стратегического характера.

Результаты. Основным результатом исследования стала оценка влияния Арктической зоны Российской Федерации на экономическое развитие государства.

Выводы. Арктическая зона – важная и неотъемлемая часть социально-экономической системы Российской Федерации. Позволяющая обеспечить стабильность экономики за счёт создания условий для занятости населения, она обеспечивает высокую производительность труда, способствует развитию нововведений в предпринимательстве, всё это благотворно влияет на экономический рост национальной экономики. Но эффективное развитие Арктической зоны возможно только при всесторонней помощи от государства и реализации программ по поддержке.

Ключевые слова: экономическая безопасность; Арктическая зона Российской Федерации; социально-экономическое развитие.

Финансирование: Выполнено в рамках государственного задания Юго-Западного государственного университета, код проекта 0851-2020-0034.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Циклаури В. Ю., Афанасьева Л. В., Брусенцева Ю. А. Оценка влияния регионов Арктической зоны Российской Федерации на экономическую безопасность государства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 107–122. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-107-122>.

Поступила в редакцию 07.02.2023

Принята к публикации 02.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Циклаури В. Ю., Афанасьева Л. В., Брусенцева Ю. А., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 107–122

Assessment of the Influence of the Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation on the Economic Security of the State

Victoria Yu. Tsiklauri¹ ✉, Lubov V. Afanasieva¹, Yu. Julia A. Brusentseva¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: vika-ts@mail.ru

Abstract

Relevance. The Arctic zone of the Russian Federation is of great importance for the state. Russian activities in the Arctic are extremely open. Russia does not violate international obligations, protects national interests, solves the tasks of protecting and protecting the state border of the Russian Federation, protecting deposits, the unimpeded functioning of the Northern Sea Route, contributes to maintaining the balance of power in the region, counteracts, together with law enforcement agencies and special services, new challenges and threats to economic security. Strengthening economic security is facilitated by the implementation of the state program for the accelerated socio-economic development of the Arctic zone, the achievement of strategic interests and ensuring national security.

The purpose of the study is to assess the main socio-economic indicators of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation and their impact on the economic security of the state

The objectives of the study were: to study the directions of socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation; analysis and evaluation of socio-economic indicators of the regions: GRP, fixed assets, investments in fixed capital, industrial production index; assessment of the effectiveness of the human capital of the regions; assessment of the effectiveness of the introduction and use of modern technologies; generalization of threats and risks.

Methodology. The research methodology is based on general scientific methods, comparative analysis. The sources were scientific works of scientists-specialists in the field of ensuring economic security, regulatory and information materials of Rosstat, documents of a strategic nature.

Results. The main result of the study was an assessment of the impact of the Arctic zone of the Russian Federation on the economic development of the state.

Conclusions. The Arctic zone is an important and integral part of the socio-economic system of the Russian Federation. It allows to ensure the stability of the economy by creating conditions for employment of the population, ensures high labor productivity, promotes the development of innovations in entrepreneurship, all this has a beneficial effect on the economic growth of the national economy. But the effective development of the Arctic zone is possible only with comprehensive assistance from the state and the implementation of support programs.

Keywords: economic security; the Arctic zone of the Russian Federation; socio-economic development.

Funding: Completed as part of the state task of the Southwestern State University, project code 0851-2020-0034.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Tsiklauri V. Yu., Afanasieva L. V., Brusentseva Yu. A. Assessment of the Influence of the Regions of the Arctic Zone of the Russian Federation on the Economic Security of the State. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 107–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-107-122>.

Received 07.02.2023

Accepted 02.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

В настоящее время политической и социально-экономической нестабильности приходится адаптироваться к изменяющимся условиям, ища способы минимизации угроз безопасности государства. Важность Арктического региона обуславливается тем, что богатая природно-сырьевая база страны является

нашим объективным конкурентным преимуществом. Ресурсы Российской Арктики, в первую очередь природный газ, выступают стратегическим фактором обеспечения не только региональной, но и национальной экономической безопасности [1, с. 9]. Арктическая зона является одним из важных направлений социальной политики государства, так как обес-

печивает новыми рабочими местами население, способствует демографическому подъему и сглаживанию социального неравенства. Транспортная инфраструктура обеспечивает сообщение не только между отдельными субъектами РФ, но и между приграничными государствами.

Таким образом, значение Арктической зоны для обеспечения экономической безопасности Российской Федерации обуславливается высокими показателями добычи полезных ископаемых, что обеспечивает довольно высокую долю как внутренних, так и внешних доходов государства. Кроме того, благосостояние населения Арктики также положительно влияет на экономическую ситуацию государства за счет высокого дохода «северян» и сглаживающегося социального неравенства. В целом Арктическая зона представляет большую возможность для развития и расширения России, увеличения ее конкурентоспособности и способствует подъему Российской Федерации на международной арене в целом.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составили данные Росстата [2], аналитические материалы Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [3], научные публикации, статистические данные.

Исследование базируется на использовании как различных методов познания (наблюдение, анализ и синтез, сбор и изучение данных), так и сравнительного и иллюстративно-графического метода.

Результаты и их обсуждение

В Российской Федерации общепринятым является понимание экономической безопасности как состояния защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [4]. Достижение устойчивого экономического

развития государства и улучшения благосостояния населения является важнейшими целями экономической безопасности России, которые способствуют достижению остальных целей, таких как укрепление экономического суверенитета, достижение устойчивости экономики к внешним и внутренним вызовам и угрозам, экономический рост и др. Для достижения данных целей государственные органы Российской Федерации вырабатывают направления государственной политики, к которым относится и обеспечение экономической безопасности Арктической зоны Российской Федерации [5, с. 55–56].

Структуру важнейших направлений социально-экономического развития Российской Арктики можно представить в виде следующей схемы (рис.).

Арктическая зона своими природно-экономическими, демографическими и иными условиями значительно отличается от других регионов Российской Федерации и имеет свои отличительные черты.

Что касается доли ресурсов Арктики, то на ее территории расположено около 22% мировых неразведанных ресурсов углеводородов, а это: 13% нефти, 30% природного газа, 20% газоконденсата. При этом 84% ресурсов находится на шельфе Северного Ледовитого океана и 16% – на сухопутной территории арктических государств [6, с. 90–91].

Структура российского экспорта более чем на 60% состоит из экспорта ресурсов Арктической зоны. Жителей Арктики в России насчитывается 2,4 млн человек, при этом их деятельность дает почти десятую долю ВВП страны, что говорит о высоком потенциале данной зоны. Кроме того, добыча полезных ископаемых обеспечивает высокую долю налога на добычу полезных ископаемых в доходах государства.

Необходимо отметить, что Арктическая зона Российской Федерации уже сейчас по ряду статистических показателей является целевым примером для страны в целом [7]. Так, здесь выше доля населения, являющегося активным пользователем сети Интернет почти на 10%

по сравнению со средним показателей по России. Несмотря на исключительно суровые условия жизни, ожидаемая ее продолжительность при рождении здесь немалого ниже, чем в России в целом. Прослеживается относительно более низ-

кая имущественная дифференциация. При этом здесь высоки не только средние доходы, но и потребительские расходы домашних хозяйств, структура которых не имеет существенных отличий от средней российской [8, с. 204].

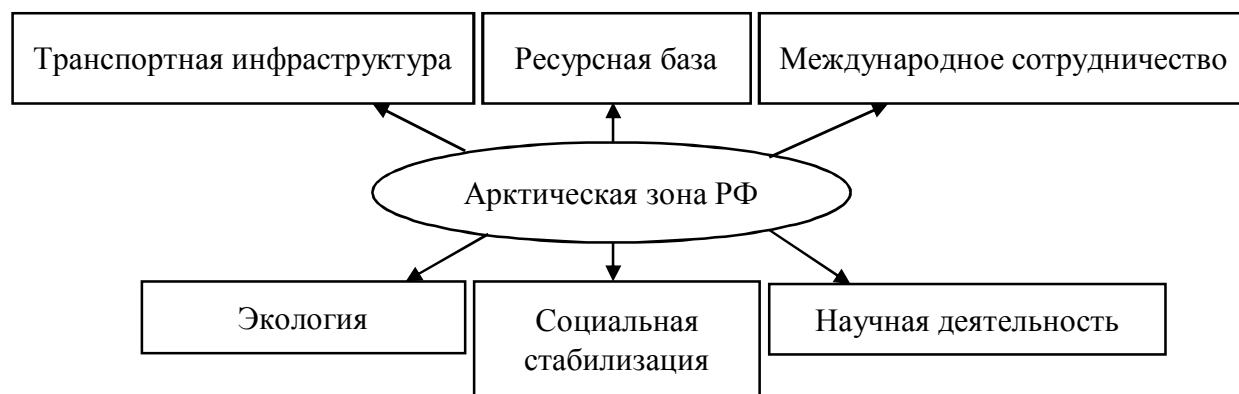

Рис. 1. Направления социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации

В состав АЗРФ включены территории восьми субъектов РФ: Мурманская область, семь МО Архангельской области, Ненецкий автономный округ, ГО «Воркута» Республики Коми, Ямало-Ненецкий автономный округ, ГО Норильск, Таймыр и Туруханский район Красноярского края, пять улусов (районов) Республики Саха (Якутия), Чукотский автономный округ [9].

Человеческий капитал играет главную роль в развитии страны, экономики и обеспечения ее безопасности. Стабильный прирост населения и рабочей силы обеспечивает сокращение безработицы и улучшение качества жизни населения, а значит, и страны в целом. Российская Арктика обеспечивает стабильной и высокой статистикой данных показателей в 2016–2020 гг. (табл. 1). Кроме того, проследим за динамикой данных показателей в течение последних пяти лет в таблице 2.

По сравнению с общероссийскими показателями заработная плата ЯНАО и Чукотского АО выше более чем 2 раза при численности рабочей силы в 0,5% от российской. Арктическая зона РФ, относящаяся к Северо-Западному ФО, по уровню безработицы превышает общероссийский. Однако уровень безработи-

цы по остальным субъектам Арктики ниже российского в 1,5 раза, а индекс производительности труда выше в среднем на 3-5%. Несмотря на падение численности рабочей силы в субъектах Арктики, растет среднемесячная заработная плата. Так, заработная плата по ЯНАО выросла на 30%, а индекс производительности труда растет до 12% в год. Уровень безработицы большинства регионов падает, за исключением Чукотского АО, рост безработицы в котором за год на 22,58%.

Благодаря основным социально-экономическим показателям возможно проанализировать ситуацию в регионах и их вклад в российскую экономику. Среди большого перечня показателей арктических регионов большое значение имеет вклад ВРП, стоимость основных фондов и инвестиции в основной капитал. Данные показатели являются основой для совершенствования экономики регионов и страны в целом [10]. Кроме того, индекс промышленного производства показывает темпы роста промышленности. Данные показатели тесно взаимосвязаны.

Основные социально-экономические показатели регионов российской Арктики и их динамика представлены в таблице 3 и 4 соответственно.

Таблица 1. Показатели эффективности человеческого капитала регионов Арктической зоны РФ в 2016–2020 гг. [2]

Регион	Численность рабочей силы, тыс. чел.					Среднемесячная з/п, руб.					Индекс производительности труда, %					Уровень безработицы, %				
	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020
РФ	76636	76285	76190	75398	74923	36709	39167	43724	47867	51344	100,1	102,1	102,8	103,1	102,4	5,5	5,2	4,8	4,6	5,8
Архангель- ская обл.	570	567	553	535	523	38118	40325	45427	49435	52779	100,1	106,2	105,4	105,2	100,4	7,1	6,4	6,3	6,2	7,3
Мурманская обл.	445	439	420	421	411	48986	51932	58045	63715	69135	101,6	103,8	101,8	102,1	101,3	7,7	7,0	6,8	5,4	7,7
Республика Коми	466	444	441	428	415	43662	45689	50412	53416	57156	100,6	99,6	100	101	114,5	8,7	7,8	7,3	6,8	7,7
Ненецкий АО	23	22	22	23	22	71850	74173	82786	88027	92237	108,8	99,2	94	95	86,2	8,5	8	8,1	7,9	8,8
ЯНАО	321	313	315	315	309	83238	89938	97204	101012	11216	105,3	102,4	115,2	116,7	98,1	2,6	3,2	2,1	1,9	2,4
Краснояр- ский край	1482	1497	1494	1481	1461	38474	41117	45635	49932	54426	103,3	103,1	103,2	103,5	97,6	6,1	5,7	4,9	4,5	6,0
Чукотский АО	32	31	30	31	31	86647	91995	98864	107107	120641	98,5	96,5	104,5	104,9	100,5	3,5	2,9	3,1	3,8	4,4
Якутия	490	499	500	501	502	59000	62206	68871	73402	77178	103,2	99,4	102,9	103	92,4	7,2	7,1	6,9	6,9	7,4

Таблица 2. Динамика показателей эффективности человеческого капитала регионов Арктической зоны РФ в 2016–2020 гг. [2]

Регион	Численность рабочей силы, тыс. чел.				Среднемесячная з/п, руб.				Индекс производительности труда, %				Уровень безработицы, %			
	2017/ 2016	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2017/ 2016	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2017/ 2016	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2017/ 2016	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019
РФ	99,54	99,88	98,96	99,37	106,70	111,63	109,48	107,26	102,00	100,69	100,29	99,32	94,55	92,31	95,83	126,09
Архангель- ская обл.	99,47	97,53	96,75	97,76	105,79	112,65	108,82	106,76	106,09	99,25	99,81	95,44	90,14	98,44	98,41	117,74
Мурманская обл.	98,65	95,67	100,24	97,62	106,01	111,77	109,77	108,51	102,17	98,07	100,29	99,22	90,91	97,14	79,41	142,59
Республика Коми	95,28	99,32	97,05	96,96	104,64	110,34	105,96	107,00	99,01	100,40	101,00	113,37	89,66	93,59	93,15	113,24
Ненецкий АО	95,65	100,00	104,55	95,65	103,23	111,61	106,33	104,78	91,18	94,76	101,06	90,74	94,12	101,25	97,53	111,39
ЯНАО	97,51	100,64	100,00	98,10	108,05	108,08	103,92	11,10	97,25	112,50	101,30	84,06	123,08	65,63	90,48	126,32
Краснояр- ский край	101,01	99,80	99,13	98,65	106,87	110,99	109,42	109,00	99,81	100,10	100,29	94,30	93,44	85,96	91,84	133,33
Чукотский АО	96,88	96,77	103,33	100,00	106,17	107,47	108,34	112,64	97,9	108,3	100,38	95,81	82,86	106,90	122,58	115,79
Якутия	101,84	100,20	100,20	100,20	105,43	110,71	106,58	105,14	96,32	103,52	100,10	89,71	98,61	97,18	100,00	107,25

Таблица 3. Основные социально-экономические показатели регионов Арктической зоны РФ в 2016–2020 гг. [2]

Регион	ВРП, млрд руб.					Основные фонды, млрд руб.					Инвестиции в основной капитал, млрд руб.					Индекс промышленного производства, %				
	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020
Архангельская обл.	425	467	545	559	559	1202	1287	1392	2287	2343	83	108	107	96	108	100,6	99,8	100	102,1	99,1
Мурманская обл.	432	442	521	616	790	1891	1970	2043	2541	2708	85	113	155	170	191	106,6	105,4	106,1	102,5	101,0
Республика Коми	547	575	696	720	612	3051	3207	3359	4141	4239	200	134	136	121	140	96	100	101,2	99,1	91,2
Ненецкий АО	254	258	320	331	230	755	887	944	1079	1132	85	106	91	97	90	115,3	114,9	110,2	113,9	88,9
ЯНАО	2025	2453	3051	3100	2768	10219	11279	12640	13937	14666	1093	1069	1021	943	1075	105,5	104,9	104,45	111,7	100,5
Красноярский край	1745	1899	2374	2692	2722	3227	3604	3949	4856	6591	425	420	421	436	478	100,7	105,4	104,1	100,6	91,2
Чукотский АО	67	68	83	94	119	141	170	190	212	248	12	12	17	27	31	97,7	102,1	104,9	143,6	101,0
Якутия	862	916	1126	1220	1141	2025	2208	2443	3588	3956	275	386	403	420	221	103,4	104,5	102,4	105,8	95,3

Таблица 4. Динамика основных социально-экономических показателей регионов Арктической зоны РФ [2]

Регион	ВРП, млрд руб.				Основные фонды, млрд руб.				Инвестиции в основной капитал, млрд руб.				Индекс промышленного производства, %			
	2017/ 2016	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2017/ 2016	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2017/ 2016	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2017/ 2016	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019
Архангель- ская обл.	109,88	116,70	102,57	100,00	107,07	108,16	164,30	102,45	130,12	99,07	89,72	112,50	99,20	100,20	102,10	97,06
Мурманская обл.	102,31	117,87	118,23	128,25	104,18	103,71	124,38	106,57	132,94	137,17	109,68	112,35	98,87	100,66	96,61	98,54
Республика Коми	105,12	121,04	103,45	85,00	105,11	104,74	123,28	102,37	67,00	101,49	88,97	115,70	104,17	101,20	97,92	92,03
Ненецкий АО	101,57	124,03	103,44	69,49	117,48	106,43	114,30	104,91	124,71	85,85	106,59	92,78	99,65	95,91	103,36	78,05
ЯНАО	121,14	124,38	101,61	89,29	110,37	112,07	110,26	105,23	97,80	95,51	92,36	114,00	99,43	99,57	106,94	89,97
Краснояр- ский край	108,83	125,01	113,40	101,11	111,68	109,57	122,97	135,73	98,82	100,24	103,56	109,63	104,67	98,77	96,64	90,66
Чукотский АО	101,49	122,06	113,25	126,60	120,57	111,76	11,58	116,98	100,00	141,67	158,82	114,81	104,50	102,74	136,89	70,33
Якутия	106,26	122,93	108,35	93,52	109,04	110,64	146,87	110,26	140,36	104,40	104,22	52,62	101,06	97,99	103,32	90,08

Благодаря данным показателям возможно проанализировать, во-первых, вклад каждого региона Арктической территории Российской Федерации в общий уровень социально-экономических показателей Арктической зоны, во-вторых, выявить проблемные места и регионы, следовательно, направить усилия на поддержание и повышение экономической безопасности отдельных территорий. Кроме того, возможно отследить развитие регионов, а также их влияние на экономику [11].

Несмотря на скромную территорию и немалочисленное население, валовый региональный продукт Арктики огромен. В частности, ВРП ЯНАО и Красноярского края составляет 3% от общероссийского, стоимость основных фондов – 4%, а

индекс промышленного производства превышает на 10% в основном за счет нефтегазодобывающей промышленности. В целом индекс промышленного производства российской Арктики превышает 100%. Стремительный прирост инвестиций в основной капитал обеспечивает еще больший прирост [12].

На протяжении всего рассматриваемого периода основные социально-экономические показатели стремительно растут [13]. Исключение составляет Республика Коми, инвестиции в основной капитал и индекс промышленного производства которой падают на 11% и 2% соответственно. Наибольший прирост по показателям – ВРП и основные фонды.

Рассмотрим вклад Арктической зоны в экономику России (табл. 5).

Таблица 5. Вклад Арктической зоны в экономику России в 2016–2020 гг. [2]

Показатель	2016		2017		2018		2019		2020	
	знач.	% к РФ	знач.	% к РФ	знач.	% к РФ	знач.	% к РФ	знач.	% к РФ
Численность рабочей силы, тыс. чел.	3829	5,00	3812	5,00	3775	4,95	3735	4,95	3674	4,90
ВРП, млрд руб.	6357	9,18	7078	14,90	8716	9,66	9332	9,84	8941	6,21
Основные фонды, млрд руб.	22511	12,27	24612	12,64	26960	12,78	32641	9,33	35883	9,91
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	2258	15,31	2348	14,65	2351	13,22	2310	11,95	2334	11,6

Численность рабочей силы Арктической зоны РФ составляет почти 5% от общероссийской. Почти половину данного показателя составляет Красноярский край. Изменения структуры численности рабочей силы незначительные, однако сама численность по каждому региону растет ежегодно, следовательно, все больше российских граждан стремится и желает работать и жить в Арктике.

Российская Арктика обеспечивает в среднем 10% всего ВРП России, а в 2017 г. доля ВРП Арктики составляет почти 15% общероссийского. Стоимость основных фондов почти 13% общей стоимости, однако в 2019 г. этот показатель значительно падает, однако это связано с большим увеличением стоимости основных фондов России, а не с сокращением

арктической доли [14]. Инвестиции в основной капитал как показатель, характеризующий совершенствование экономики, в 2016–2017 г. равен 15% от суммы общероссийских инвестиций, к сожалению, в 2019 г. сокращается. В целом вклад Арктики в экономику России достаточно велик, учитывая то, что лишь 8 регионов России обеспечивают 10-15% основных социально-экономических показателей.

Арктическая зона России богата и разнообразна. Большинство показателей Арктики в разы превышают общероссийские каждый год. Благодаря высоким темпам добывающей и перерабатывающей промышленности повышается уровень жизни населения, развитие экономики переходит на новый уровень. Рос-

сийская экономика частично зависит от экономики Арктической зоны [15, с. 21].

Поступательное развитие современного общества неразрывно связано с дальнейшим развитием информационных технологий и повышением эффективности их использования в различных сферах деятельности. Технологические достижения открывают новые возможности для применения информационных технологий, что порождают новые задачи в сфере передачи и обработки информации. В частично освоенных и проблемных

территориях Арктики, которые играют важную роль в формировании и развитии экономики страны, развитие технологий стоит главной передовой задачей развития региона в целом и поддержания экономической и информационной безопасности [16, с. 333].

Показатели использования и развития информационных, коммуникационных и телекоммуникационных технологий организациями и населением в Арктической зоне РФ представлены ниже (табл. 6, 7).

Таблица 6. Показатели использования информационных и коммуникационных технологий в Арктической зоне Российской Федерации в 2016–2020 гг. [2]

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2017/ 2016,%	2018/ 2017,%	2019/ 2018,%	2020/ 2019,%
Затраты на информационные и коммуникационные технологии, млрд руб.	29,9	27,2	23,5	24,3	36,4	91,0	86,4	103,4	149,79
Доля организаций, использовавших широкополосный доступ к сети Интернет, %	89,9	89,1	89,4	90,6	62,6	99,1	100,3	101,3	69,09
Доля организаций, имевших веб-сайт в сети Интернет, %	46,3	47,0	49,9	58,7	41,3	101,5	106,2	117,6	70,36
Доля организаций, использовавших сеть Интернет для размещения заказов на товары (работы, услуги), %	46,2	43,8	44,5	47,5	38,7	94,8	101,6	106,7	81,47

Таблица 7. Показатели использования телекоммуникаций в Арктической зоне Российской Федерации в 2016–2020 гг. [2]

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2017/ 2016,%	2018/ 2017,%	2019/ 2018,%	2020/ 2019,%
Монтированная емкость телефонных станций, млн номеров	3,4	3,7	3,6	3,6	3,6	108,8	97,3	100,0	100,00
Число абонентских устройств подвижной радиотелефонной (сотовой) связи на 1000 чел., тыс. шт.	13,4	13,1	12,8	13,3	11,7	97,8	97,7	103,9	87,97
Число квартирных телефонных аппаратов сети общего пользования на 1000 чел., тыс. шт.	1,04	0,9	0,8	0,7	0,6	86,5	88,9	87,5	85,71
Объем услуг связи, млрд руб.	78,2	81,4	84,6	89,5	92,1	104,1	103,9	105,8	102,91

В течение рассматриваемого периода наблюдается рост организаций, использовавших доступ к сети Интернет с целью привлечения большего количества клиентов, работников и внимания к своей деятельности. Однако затраты на технологии уменьшаются в 2015–2018 г., однако в

2020 г. выросли на 49,79% по сравнению с предыдущим. Следовательно, организации, использовавшие информационные технологии, совершенствуются, одновременно сокращая свои затраты [17]. Сокращается рост организаций в отчетном году, имевших веб-сайт в сети Интернет,

на 29,64%, а также организаций, использовавших сеть для размещения заказов на свою продукцию, на 18,53%.

Рассмотрим показатели использования телекоммуникаций в Арктической зоне Российской Федерации в 2015–2020 гг. и их динамика (табл. 7). Анализ производится по всей арктической территории в целом.

Количество абонентских устройств мобильной связи увеличивается в 2019 г. практически на 4%, однако в отчётном периоде данный показатель уменьшается по сравнению с предыдущим годом. Однако количество номеров, используемых населением, растет регулярно. Объем услуг связи, оказанных населению и организациям Арктики, в 2019 г. составляет почти 90 млрд руб., что больше, чем в 2018 г. на 5,8% и в 2015 г. на 13,9 млрд руб. А в отчётном 2020 г. увеличивается до 92,1 млрд руб., что превышает значение 2019 г. на 2,91%. Устаревшие телекоммуникационные технологии, такие как квартирные те-

лефонные аппараты общего пользования, значительно уменьшаются более чем на 10% каждый год. Население чаще использует новые и упрощенные технологии.

Следует отметить, что освоение и переработка арктических месторождений полезных ископаемых, особенно нефтегазовых, является одной из высокотехнологических отраслей промышленной деятельности в Арктике, имеющей в своей основе постоянный процесс поиска, подготовки и коммерциализации научных разработок. В этой связи важным инструментарием совершенствования технологического развития является инновационная инфраструктура [18, с. 126]. В этой связи необходимо совершенствовать разработку и использование научно-исследовательских и инновационных работ.

Показатели эффективности НИОКР и инновационной деятельности в Арктической зоне РФ представлены в таблицах 8, 9.

Таблица 8. Показатели эффективности НИОКР в Арктической зоне России в 2016–2020 гг. [2]

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2017/ 2016,%	2018/ 2017,%	2019/ 2018,%	2020/ 2019,%
Внутренние текущие затраты на НИОКР, млрд руб.	4,3	3,5	4,6	5,1	4,9	81,4	131,4	110,9	96,08
Внутренние затраты на НИОКР, млрд руб.	4,4	3,5	4,7	4,8	5,0	79,5	134,3	102,1	104,17
Численность работников, выполнявших НИОКР, тыс. чел.	3,6	3,0	3,3	3,5	3,3	83,3	110,0	106,1	94,29
Численность исследователей, имеющих ученую степень, тыс. чел.	3,8	3,7	3,7	3,6	3,4	97,4	100,0	97,3	94,44

Таблица 9. Показатели инновационной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации [2]

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2017/ 2016,%	2018/ 2017,%	2019/ 2018,%	2020/ 2019,%
Число разработанных передовых производственных технологий, ед.	15	16	18	20	23	106,7	112,5	111,1	115,00
Число используемых передовых производственных технологий, тыс. ед.	7,1	7,6	7,7	8,0	8,2	107,0	101,3	103,9	102,50
Затраты на технологические инновации, млрд руб.	6,8	7,9	20,8	22,3	23,7	116,2	263,3	107,2	106,28
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.	10,7	11,4	52,3	129,8	237,1	106,5	458,8	248,2	182,67

Научно-технический потенциал Арктики огромен, но еще не развит. Постепенно увеличивается как численность работников, выполнявших научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, так и затраты на них, означающие совершенствование на предприятиях науки и исследований [19]. Однако численность исследователей, имеющих ученую степень, уменьшается на 2,6-2,7%, отток профессиональных кадров может повлиять на эффективность работ. В целом эффективность развития и использования НИОКР в Арктике постепенно растет в соответствии с развитием науки в мире [20].

Значительный рост затрат на инновации и их объем увеличивается в 2018 г. более чем в 1,5 и 4,5 раза. В отчетном периоде положительная тенденция сохраняется. Однако разработанных передовых технологий – единицы, увеличившись всего на 2-3 в год, а используемых значительно больше, и их число растет в течение 6 лет на 1,4 тыс. ед. Инновации в Арктике необходимы, однако, как видно из таблицы 9, при росте технологических инноваций и объема инновационных товаров не наблюдается значительного роста передовых производственных технологий предприятий, которые влияют на уровень и качество продукции [7].

Таким образом, наблюдается развитие новых современных технологий в Арктической зоне России, постепенно совершенствуются и разрабатываются новые технологии, однако, все еще на низком уровне. В особенности это касается инноваций и науки, которые способствуют созданию новой, качественной продукции, а также улучшению условий труда в условиях Крайнего Севера [21, с. 46].

Выводы

Угрозы и риски экономической безопасности Арктической зоны России огромны и включают в себя все виды угроз национальной безопасности. Снижение угроз и рисков становится первоочередной задачей обеспечения экономической безопасности Арктики.

Первостепенно стоит отметить, что снижение угроз никак не должно влиять на дальнейшее освоение Арктики или отказ от арктических территорий вовсе, так как помимо экономических последствий в виде потери огромного капитала страны военная нестабильность может привести к новым боевым действиям и серьезной борьбе за данные территории.

Незавершенность правовых основ освоения Арктической зоны Российской Федерации и системы управления создают угрозы в формировании экономической политики и ее составляющих. Предполагалось, что результатом создания правовой базы для развития АСРФ станет базовый закон «О развитии Арктической зоны Российской Федерации», который будет решать текущие, актуальные проблемы, стоящие перед российской Арктикой. Противоречивость и комплексность проблем, которые возникают в процессе освоения Арктики, делают необходимым введение новых качественных механизмов управления данным регионом. Преимущественно важным для решения многоплановой проблемы развития АЗРФ выступает программно-целевой метод государственного управления. В случае если данная система будет реализована, её создание станет адекватным ответом на вызовы, связанные с отсутствием эффективной и современной системы управления Арктической зоной Российской Федерации.

Развитие российских регионов Арктики зависит от того, насколько быстро будут проводиться работы на этих территориях. Ответом на эти угрозы является активная государственная политика, которая действительно заинтересована в поддержании и укреплении своего присутствия в этом стратегически важном сегменте и привлекает все необходимые средства для сохранения его естественной конкурентоспособности. Необходимыми ответами на эти угрозы являются создание новых технологий и техники, активное совершенствование инновационных процессов и развитие комплекс-

ных фундаментальных и прикладных научных исследований в области охраны окружающей среды. Также обязательно соответствующее государственное регулирование для обеспечения того, чтобы пользователи ресурсов отдавали предпочтение отечественным производителям, выпускающим самое современное оборудование и материалы. На самом деле, такие механизмы уже существуют, например ФЗ «О соглашениях о разделе продукции». Преодоление последствий «деиндустриализации» отечественной экономики предоставило возможности для создания инновационных предпосылок для освоения арктического шельфа в среднесрочной перспективе, даже в условиях ограничительных мер воздействия со стороны Запада.

Снижение социальных угроз и рисков – это главным образом признание того, что человеческий потенциал имеет все большее глобальное значение и является основным фактором конкурентоспособности стран, регионов и сообществ. Следует отметить, что только система расселения, развивающаяся на основе проживающего населения, может «скрепить» огромную арктическую территорию России и стать твёрдой основой для сохранения населения на территории – важнейшем стратегическом и геополитическом ресурсе государства. При эксплуатации потенциальных природных ресурсов региона необходимо изменить принципы экономической политики, стремясь не просто к увеличению физического производства и финансовых показателей, но и к повышению социальной ценности использования этого ресурса.

Обеспечение экологической безопасности в Арктике является важным условием развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности России. Крупномасштабные экологические инциденты также могут иметь весьма негативные последствия с точки зрения внешних геополитических вызовов и угроз. Ответ на экологические проблемы

заключается, прежде всего, в усилении государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды, а именно разработка государством стандартов и правил специального назначения для обеспечения экологической безопасности всех видов деятельности в Арктике.

Государству необходимо проводить экологические экспертизы и оценки воздействия на окружающую среду, создавать механизмы привлечения отечественных и иностранных компаний к ответственности за несоблюдение установленных норм и стандартов, а также поощрять и поддерживать развитие современных конкурентоспособных и экологически чистых технологий.

С точки зрения экологической безопасности сотрудничество стран – членов Арктического совета, включая Россию, имеет первостепенное значение. Одним из ключевых документов, которые были приняты Арктическим советом, выступает Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике. Соглашение чётко разграничивает «зоны ответственности» между восемью государствами-членами Арктического совета и предусматривает исключительный надзор за выполнением требований и рекомендаций данного документа и прямую ответственность за любое невыполнение. Необходимо также реализовать на практике стандарты, установленные в Кодексе, включая строгий запрет на сброс опасных веществ и материалов в полярные воды, равно как ряд других инструментов и механизмов для управления экологической ситуацией в Арктическом секторе.

Таким образом, перечисленные меры снижения угроз и рисков экономической безопасности Арктической зоны России – лишь малая часть необходимых мероприятий по совершенствованию и поддержанию экономической безопасности макро-региона на высоком уровне. Первоочередной задачей стоит создание и усовершенствование нормативно-правового регулирования Арктики, в дальнейшем

необходимо проводить регулирование отдельных отраслей, а также хозяйствующих субъектов. Благодаря важности Арктической зоны для политической и

экономической стабильности России возможно быстрое реагирование и снижение как постоянных, так и новых угроз экономической безопасности.

Список литературы

1. Экономическая безопасность Российской Арктики: особенности и проблемы обеспечения / под ред. В. С. Селина, Т. П. Скуфьиной, Е. П. Башмаковой, М. В. Ульченко. Апатиты: КНЦ РАН, 2018. 103 с.
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).
3. Эксперты НИУ ВШЭ отметили новые возможности для российского сектора ИКТ. URL: <https://issek.hse.ru/news/392498475.html> (дата обращения: 10.02.2023).
4. Афанасьева Л. В., Ткачева Т. Ю. Экономическая безопасность / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2015. 210 с.
5. Филиппова И. А., Филиппов А. С. Основные направления системы государственного обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Основы экономики, управления и права. 2020. № 4(23). С. 53–57.
6. Быковский В. К. Арктическая зона Российской Федерации: правовой режим развития, обеспечения безопасности, охраны природы, защиты национальных интересов // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 1. С. 88–96.
7. Экономическая безопасность российской Арктики: особенности и проблемы обеспечения / под ред. В. С. Селина, Т. П. Скуфьиной, Е. П. Башмаковой, М. В. Ульченко. Апатиты: КНЦ РАН, 2018. 103 с.
8. Гамукин В. В. Экономическая трансформация регионов арктической зоны Российской Федерации // Контуры глобальных трансформаций. 2019. № 5 (12). С. 201–212.
9. Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года: государственная программа Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 21.04.2014 г. № 366. URL: http://www.consultant.ru/Документы>cons_doc_LAW_162195... (дата обращения: 25.02.2023).
10. Циклаури В. Ю., Девятилова А. И., Белоусова Л. С. Разработка методики оценки угроз и рисков экономической безопасности в социальной сфере // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. № 5. С. 148–158.
11. Ткачева Т. Ю. Региональные особенности формирования бюджетного потенциала в современной бюджетно-налоговой политике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 3. С. 67–74.
12. Лаженцев В. Н. Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 2. С. 353–365.
13. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу Федерации: Приказ Президента РФ от 18.09.2008 г. № Пр-1969. URL: http://www.consultant.ru/Документы>cons_doc_LAW_1194421 (дата обращения: 20.02.2023).
14. Методология научно-технологического прогнозирования Российской Федерации в современных условиях / С. С. Голубев, С. С. Чеботарев, А. М. Чибинев, Р. М. Юсупов. М.: Креативная экономика, 2018. 82 с.
15. Чижиков Э. Н., Лукин В. Н. Экономическая безопасность российской Арктики: проблемы и решения // Интелрос. 2016. № 4. С. 18–28.
16. Поршкевич Н. Ю., Стребков Н. Е., Чинчукова Е. П. Информационно-телекоммуникационные технологии в вопросе освоения Арктики // Проблемы транспорта Дальнего Востока. 2017. № 2(2). С. 333–342.
17. Победоносцева В. В., Победоносцева Г. М. О базовых принципах и приоритетах развития российской Арктики с учётом фактора глобализации // Наука Красноярья. 2019. Т. 8, № 5-3. С. 116–123.
18. Цукерман В. А., Козлов А. А. Направления совершенствования инновационной инфраструктуры поддержки промышленной деятельности Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. № 2(64). С. 124–134.

19. Павленко В. И. Арктическая зона Российской Федерации в системе обеспечения национальных интересов страны // Арктика: экология и экономика. 2013. № 4 (12). С.16–25.
20. Смиренникова Е. В., Уханова А. В., Воронина Л. В. Система моделей для прогнозирования социально-экономического развития регионов Арктической зоны Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2019. № 12. С. 142–157.
21. Вызовы и угрозы национальной безопасности в российской Арктике. Научно-аналитический доклад / под ред. В. С. Селина, Т. П. Скуфьиной, Е. П. Башмаковой. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 53 с.

References

1. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossiiskoi Arktiki: osobennosti i problemy obespecheniya [Economic security of the Russian Arctic: features and problems of ensuring]; ed. by V. S. Selina, T. P. Skufina, E. P. Bashmakova, M. V. Ulchenko. Apatity, KSC RAS Publ., 2018. 103 p.
2. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/>. (accessed 10.02.2023)
3. Eksperty NIU VShE otmetili novye vozmozhnosti dlya rossiiskogo sektora IKT [HSE experts noted new opportunities for the Russian ICT sector]. Available at: <https://issek.hse.ru/news/392498475.html>. (accessed 10.02.2023)
4. Afanasyeva L. V., Tkacheva T. Yu. Ekonomicheskaya bezopasnost' [Economic security]. Kursk, Southwest State University Publ., 2015. 210 p.
5. Filippova I. A., Filippov A. S. Osnovnye napravleniya sistemy gosudarstvennogo obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [The main directions of the system of state provision of economic security of the Russian Federation]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava = Fundamentals of Economics, Management and Law*, 2020, no. 4(23), pp. 53–57.
6. Bykovsky V. K. Arkticheskaya zona Rossiiskoi Federatsii: pravovoi rezhim razvitiya, obespecheniya bezopasnosti, okhrany prirody, zashchity natsional'nykh interesov [The Arctic zone of the Russian Federation: the legal regime of development, security, nature protection, protection of national interests]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo = International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law*, 2019, no. 1, pp. 88–96.
7. Ekonomicheskaya bezopasnost' rossiiskoi Arktiki: osobennosti i problemy obespecheniya [Economic security of the Russian Arctic: features and problems of ensuring]; ed. by V. S. Selina, T. P. Skufina, E. P. Bashmakova, M. V. Ulchenko. Apatity, KSC RAS Publ., 2018. 103 p.
8. Gamukin V. V. Ekonomicheskaya transformatsiya regionov arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [Economic transformation of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Kontury global'nykh transformatsii = Contours of Global Transformations*, 2019, no. 5 (12), pp. 201–212.
9. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federatsii [Socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation for the period up to 2020: the state program of the Russian Federation]. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of April 21, 2014 № 366. Available at: http://www.consultant.ru/Documents/cons_doc_LAW_162195... (accessed 25.02.2023)
10. Tsiklauri V. Yu., Devyatilova A. I., Belousova L. S. Razrabotka metodiki otsenki ugroz i riskov ekonomicheskoi bezopasnosti v sotsial'noi sfere [Development of a methodology for assessing threats and risks of economic security in the social sphere]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2017, no. 5, pp. 148–158.
11. Tkacheva T. Y. Regional'nye osobennosti formirovaniya byudzhetnogo potentsiala v sovremennoi byudzhetno-nalogovoi politike [Regional features of budget potential formation in modern budget and tax policy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2014, no. 3, pp. 67–74.
12. Lazhentsev V. N. Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo i territorial'noe razvitie Severa i Arktiki Rossii [Socio-economic space and territorial development of the North and the Arctic of Russia]. *Ekonomika regiona = The Economy of the Region*, 2018, vol. 14, is. 2, pp. 353–365.

13. Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dal'neishuyu perspektivu Federatsii [Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2020 and the further perspective of the Federation]. Order of the President of the Russian Federation of September 18, 2008 № Pr-1969. Available at: [http://www.consultant.ru>Documents>cons_doc_LAW_1194421](http://www.consultant.ru/Documents>cons_doc_LAW_1194421). (accessed 20.02.2023)
14. Golubev S. S., Chebotarev S. S., Chibinev A. M., Yusupov R. M. Metodologiya nauchno-tekhnologicheskogo prognozirovaniya Rossiiskoi Federatsii v sovremennykh usloviyakh [Methodology of scientific and technological forecasting of the Russian Federation in modern conditions]. Moscow, Creative Economy Publ., 2018. 82 p.
15. Chizhikov E. N., Lukin V. N. Ekonomicheskaya bezopasnost' rossiiskoi Arktiki: problemy i resheniya [Economic security of the Russian Arctic: problems and solutions]. *Intelros = Intelros*, 2016, no. 4, pp. 18–28.
16. Porshkevich N. Yu., Strebkov N. E., Chinchukova E. P. Informatsionno-telekommunikatsionnye tekhnologii v voprose osvoeniya Arktiki [Information and telecommunication technologies in the development of the Arctic]. *Problemy transporta dal'nego vostoka. doklady nauchno-prakticheskoi konferentsii = Problems of Transport of the Far East*, 2017, no. 2(2), pp. 333–342.
17. Pobedonostseva V. V., Pobedonostseva G. M. O bazovykh printsipakh i prioritetakh razvitiya rossiiskoi Arktiki s uchetom faktora globalizatsii [On the basic principles and priorities of the development of the Russian Arctic taking into account the factor of globalization]. *Nauka Krasnoyarsk*, 2019, vol. 8, no. 5-3, pp. 116–123.
18. Zukerman V. A., Kozlov A. A. Napravleniya sovershenstvovaniya innovatsionnoi infrastruktury podderzhki promyshlennoi deyatel'nosti Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [Directions for improving the innovation infrastructure to support industrial activity in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka = The North and the Market: the Formation of an Economic Order*, 2019, no. 2(64), pp. 124–134.
19. Pavlenko V. I. Arkticheskaya zona Rossiiskoi Federatsii v sisteme obespecheniya natsional'nykh interesov strany [The Arctic zone of the Russian Federation in the system of ensuring the national interests of the country]. *Arktika: ekologiya i ekonomika = Arctic: Ecology and Economics*, 2013, no. 4 (12), pp. 16–25.
20. Smirennikova E. V., Ukhanova A. V., Voronina L. V. Sistema modelei dlya prognozirovaniya sotsial'noekonomicheskogo razvitiya regionov Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [System of models for forecasting socio-economic development of the regions of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Managerial Consulting*, 2019, no. 12, pp. 142–157.
21. Vyzovy i ugrozy natsional'noi bezopasnosti v rossiiskoi Arktike. Nauchno-analiticheskii doklad [Challenges and threats to national security in the Russian Arctic. Scientific and analytical report]; ed. by V. S. Selina, T. P. Skufina, E. P. Bashmakova. Apatity, KSC RAS Publ., 2017. 53 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Циклаури Виктория Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: vika-ts@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6021-595X

Victoria Yu. Tsiklauri, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: vika-ts@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6021-595X

Афанасьева Любовь Викторовна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: lv_af@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2880-8872

Lubov V. Afanasyeva, Cand. of Sci. (Economics), Head of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: lv_af@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2880-8872

Брусенцева Юлия Алексеевна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: brusentsevajulia@gmail.com

Julia A. Brusentseva, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: brusentsevajulia@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-123-133>**Инструменты управления промышленными предприятиями
на основе принципов бережливого производства и ESG****Е. А. Сысоева¹, Т. И. Хорошилова² ✉**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»
Ленинский пр-т, д. 4/1, г. Москва 119049, Российская Федерация

✉ e-mail: khoroshilova71@gmail.com

Резюме

Актуальность. На сегодняшний день большинство предприятий промышленной направленности ориентируются на зелёные и экологические стандарты. Движимые ужесточением правил, давлением со стороны инвесторов и изменением предпочтений клиентов компании вынуждены использовать такие технологии, которые являются либо совсем безвредными, либо наименее вредными в сопоставлении с традиционными способами производства. Подобные действия предполагают изменения во многих направлениях, включая изменения в сетях поставок, производственных процессах и бизнес-моделях. Компании также переосмысливают и то, как разрабатываются, проектируются и используются их продукты, ищут способы соответствовать требованиям к производительности и качеству при одновременном использовании меньшего количества ресурсов на протяжении жизненного цикла всего того, что они производят.

Цель исследования – изучение процесса управления промышленными предприятиями на основе принципов бережливого производства и ESG.

Задачи: сравнить сходства и различия принципов бережливого производства и ESG; оценить современное состояние их имплементации на промышленных предприятиях; рассмотреть критерии присвоения рейтингов.

Методология. В данной работе использованы теоретические (например, аналитический, описательный, исторический, др.) и эмпирические (например, сравнительный; прогнозирование и измерение) методы исследования.

Результаты. Выявлена актуальность таких инструментов управления промышленными предприятиями, которые основываются на принципах бережливого производства и ESG, – на сегодняшний день они являются приоритетными для экономики.

Выводы. Если предприятие желает иметь высокую конкурентоспособность, ему следует придерживаться постоянного развития и усовершенствования оборудования, которое могло бы снизить выбросы в окружающую среду. Достичь подобного показателя можно при внедрении на предприятии инструментов бережливого производства и ESG. Таким образом, становится ясно, что забота об экологии тесно связана с успехом фирм.

Ключевые слова: lean-концепция; инструменты бережливого производства; ESG; управление; устойчивое развитие.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Сысоева Е. А., Хорошилова Т. И. Инструменты управления промышленными предприятиями на основе принципов бережливого производства и ESG // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 123–133. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-123-133>.

Поступила в редакцию 10.02.2023

Принята к публикации 03.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Сысоева Е. А., Хорошилова Т. И., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 123–133

Tools for Industrial Enterprises Management Based on the Principles of Lean Manufacturing and ESG

Elena A. Sysoeva¹, Tatiana I. Khoroshilova² ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² National Research Technological University "MISIS"
4/1 Leninsky Ave., Moscow 119049, Russian Federation

✉ e-mail: khoroshilova71@gmail.com

Abstract

Relevance. To date, most industrial enterprises focus on "green" and environmental standards. Driven by stricter regulations, pressure from investors and changing customer preferences, companies are forced to use technologies that are either completely harmless or the least harmful in comparison with traditional production methods. Such actions involve modifications in many directions, including changes in supply chains, production processes and business models. Companies are also rethinking how their products are developed, designed and used, looking for ways to meet performance and quality requirements while using fewer resources throughout the life cycle of everything they produce.

The purpose – the study of the management process of industrial enterprises based on the principles of lean manufacturing and ESG.

Objectives: compare the similarities and differences between the principles of lean manufacturing and ESG; assess the current state of their implementation at industrial enterprises; as well as consider the criteria for assigning ratings.

Methodology. In this research, theoretical (for example, analytical, descriptive, historical, etc.) and empirical (for example, comparative; forecasting and measurement) research methods are used.

Results. The relevance of such industrial enterprise management tools, which are based on the principles of lean manufacturing and ESG, is revealed – today they are a priority for the economy.

Conclusions. If an enterprise wants to be highly competitive, it should adhere to the continuous development and improvement of equipment that could reduce emissions into the environment. Such an indicator can be achieved with the introduction of lean manufacturing and ESG tools at the enterprise. Thus, it becomes clear that concern for the environment is closely linked to the success of firms.

Keywords: lean production; lean concept; lean manufacturing tools; ESG; management; sustainable development.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Sysoeva E. A., Khoroshilova T. I. Tools for Industrial Enterprises Management Based on the Principles of Lean Manufacturing and ESG. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2023; 13(2): 123–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-123-133>.

Received 10.02.2023

Accepted 03.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Многие компании являются инвестиционными платформами, а количество инвесторов на текущий момент с каждым днём значительно возрастает. Ранее основная цель инвесторов заключалась в максимизации краткосрочной прибыли, при этом в меньшей степени учитывался такой фактор, как влияние на экологию.

Однако теперь социальная ответственность растёт, а подход ESG (Environmental, Social, Corporate Governance – с английского языка «экологическое, социальное и корпоративное управление») набирает популярность на финансовом рынке. Ответственное инвестирование, или ESG-инвестирование, приобретает все большее значение как

среди институциональных, так и среди розничных инвесторов. Инвестирование становится более осознанным, и новыми критериями для выбора инвестирования компании стало следование эмитента так называемым принципам ESG.

Материалы и методы

Методологическую базу данной работы составляют как теоретические, так и эмпирические методы исследования.

В ходе исследования применялись следующие теоретические методы:

- аналитический (посредством данного метода был осуществлен анализ теоретических положений и принципов бережливого производства и ESG, анализ основных инструментов, их достоинств и недостатков);

- посредством описательного метода были представлены понятийный аппарат и особенности принципов бережливого производства и ESG;

- исторический метод (некоторые теоретические аспекты основных понятий изучались в хронологическом порядке);

- статистический метод использовался для определения динамики улучшения производственных процессов промышленных предприятий в результате применения соответствующих инструментов (либо бережливого производства, либо ESG);

- метод экспертных оценок;

- графический метод использовался для построения графиков;

- экономические методы.

В данной работе среди общенаучных методов отдельно выделяются и практические (эмпирические) методы исследования:

- сравнительный анализ различных инструментов бережливого производства и ESG, их предпочтений;

- измерение;

- прогнозирование.

Все исследование осуществлено через системный подход и анализ данных.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время деятельность компаний, имеющих в своём основании заботу об экологии, является приоритетной для экономики. Подтверждением этому служат набирающие популярность принципы ESG – это принципы деятельности компании, основанные на защите окружающей среды, создании благоприятных социальных условий, добросовестном отношении к сотрудникам и клиентам при надлежащем корпоративном управлении.

Принципы ESG (экологический, социальный и управленческий), которые учитываются при инвестировании в компанию, являются набором стандартов деятельности компании, которые социально ответственные инвесторы используют при формировании своих портфелей. ESG – это три параметра, в соответствии с которыми компания обеспечивает управление этими критериями, которые также помогают лучше определить будущие финансовые показатели компании.

Далее представляется уместным более подробно рассмотреть принципы ESG (табл. 1).

Следует внести ясность в основные три критерия ESG:

1. Ответственное отношение к окружающей среде (экологические принципы корпорации) – забота компании об окружающей среде и степень ущерба, который наносится флоре и фауне.

2. Высокая социальная ответственность – показатель отношения компании к своим сотрудникам, условиям труда, поставщикам, партнерам, клиентам, социуму.

3. Корпоративное управление – качество управления компанией; здоровое и сбалансированное управление (сюда можно отнести отношение к акционерам, зарплаты, антикоррупционные меры).

Основной задачей фирм, выбирающих следовать принципам ESG, является модернизация своих предприятий с целью сокращения выброса негативных веществ в окружающую среду [2].

Таблица 1. Принципы ESG [1]

Принцип	Сущность
1. Экологический	1. Выбросы парниковых газов. 2. Загрязнение окружающей среды. 3. Надлежащее использование природных ресурсов. 4. Соблюдение экологических законов; операционные расходы, такие как потребление сырья, воды или углеродов. Экологические принципы определяют, насколько компания заботится об окружающей среде
2. Социальный	1. Отражает отношение компании к персоналу, поставщикам, клиентам и партнерам. 2. Помогает компании в привлечении и удержании компетентных сотрудников. 3. Помогает компании в повышении мотивации персонала и производительности труда
3. Управленческий (или корпоративного управления)	1. Эффективность руководства, полная и достоверная финансовая отчетность эмитента. 2. Обоснованность оплаты труда. 3. Права акционеров. 4. Качество аудита. 5. Мошенничество и коррупция. 6. Финансовая и бухгалтерская прозрачность

ESG подразумевает под собой экологически чистое производство. В наше время это – необходимое условие функционирования компаний из-за проблем с экологией.

В современном виде ESG-принципы впервые сформулировал бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Он предложил управленцам крупных мировых компаний включить эти принципы в свои стратегии, в первую очередь для борьбы с изменением климата [3].

Компании-инвесторы должны постепенно сократить инвестирование в производства, которые игнорируют принципы устойчивого развития для безопасности общества [4]. Хотя инвесторы и могут заявить, что подобный фактор повлечёт за собой потерю прибыли, это не так, поскольку подобная позиция характеризуется консерватизмом и неготовностью смотреть в будущее [5]. Посмотрев на данный аспект с аналитической точки зрения, можно сделать заключение о том, что приостановка инвестирования в игнорирующие производства лишь повлечет за собой инвестирование в модернизированные, экологически чистые производства.

Модернизация производственных линий, замена старого оборудования новым потребует немалого финансирования, однако это необходимо не только социуму, но и фирме. Новое модернизированное оборудование сократит время на производство и позволит компании быть более конкурентоспособной на мировом рынке [6; 7].

Проблемы в законодательном регулировании должны привести к тому, что всем предприятиями необходимо следовать ГОСТу [8; 9; 10], по которому будут прописаны все необходимые меры, положения и стандарты, относительно которых выброс негативных веществ будет нивелирован либо совсем исчезнет. Подобные меры необходимы, так как каждый день современное общество и атмосфера страдают из-за того, что производящие предприятия не задумываются о чистоте природы.

Далее представляется уместным провести сравнение между инвестиционной деятельностью компании (а именно модернизацией старого оборудования) и выбросами в окружающую среду.

Так, например, одна крупная обувная компания использовала этот подход для

изменения дизайна упаковки для всего ассортимента своей продукции. Работа над дизайном коробок, переход на перерабатываемый картон, а также уменьшение объемов печати и количества используемых цветов помогли компании сократить углеродный след почти вдвое. Такие изменения

также привели к снижению затрат почти на 20%. Решение реинвестировать часть этих сбережений при переходе с печатных красок на масляной основе на альтернативу – на биологической основе – привело бы к дальнейшему сокращению выбросов углекислого газа на 9 % (рис. 1).

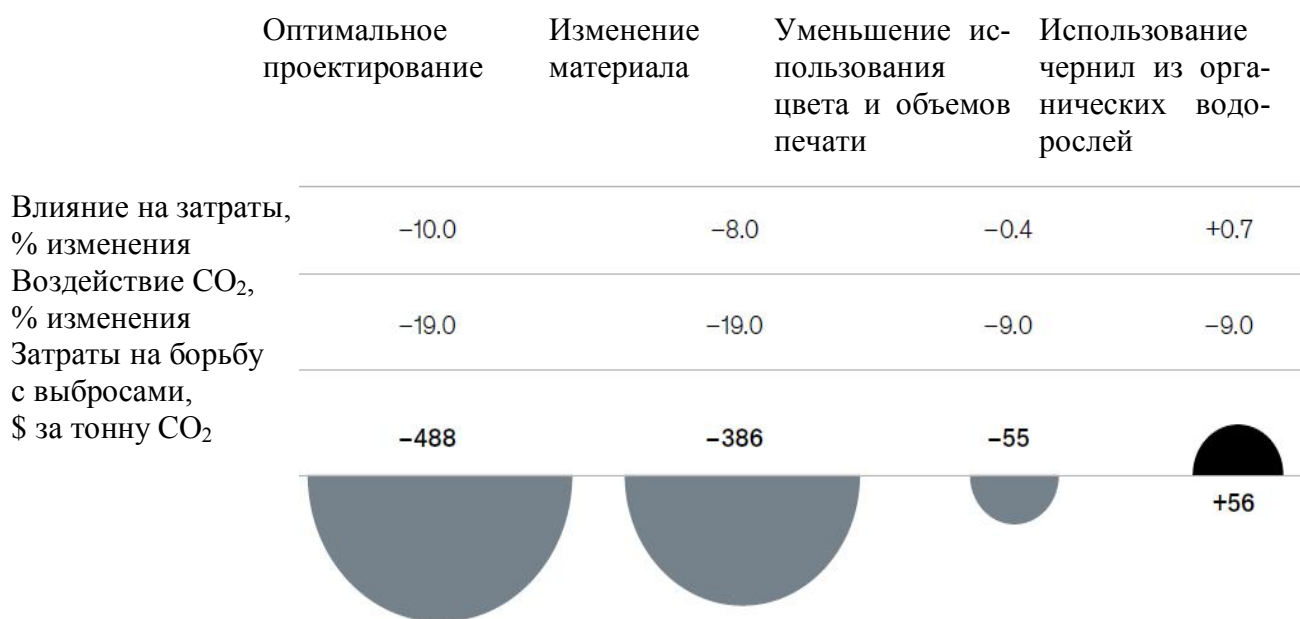

Рис. 1. Базовая аналитика и новая стратегия изменения дизайна помогли обувной компании сократить углеродный след своей упаковки [3]

Исследование также показало, что подобная политика оказала реальное влияние на выбросы, которые тесно связаны с упаковкой продукта. Специальное оборудование, используемое для изготовления некоторых видов упаковки, тесно сопряжено с процентом углеродного следа, а частые изменения в дизайне упаковки означали, что данное оборудование часто было утилизировано задолго до истечения срока его службы. Базовое сохранение одних и тех же конструкций в течение длительного времени привело к значительному сокращению как затрат, так и выбросов углекислого газа.

Таким образом, сочетание тщательного, детального анализа и творческого мышления способствует появлению инновационных решений, наилучшим образом обеспечивающих сочетание лучших экологических показателей с более низ-

кими затратами и большей ценностью для потребителя. Переход к данному виду управления компанией повлечет за собой не только переход к экологически чистому производству, но и позволит создавать промышленность, которая перейдет на новый и правильный производственный цикл [11]. Метод управления компанией с ориентацией на принципы ESG благоприятно сказывается как на окружающей среде, так и на самой компании с точки зрения удобства работы управленческого состава и персонала [12].

Существует такое понятие, как ESG-рейтинг. Он формируется независимыми исследовательскими агентствами Bloomberg, S&P Dow Jones Indices, JUST Capital, MSCI, Refinitiv и др. Каждое агентство осуществляет оценку по своему, поэтому показатели могут разниться в зависимости от агентства [13].

Рассмотрим ключевые аспекты оценки при присвоении рейтинга (рис. 2).

В начале XXI в. в США было около 20 компаний с ESG-рейтингом. Обращаясь к графику (рис. 3), можно заметить,

что к 2020 г. количество таких компаний выросло почти до 800. Средний рейтинг ESG за 20 лет удвоился: исследователи связывают этот показатель с ростом объема, качества и доступности данных [1].

Е-факторы	S-факторы	G-факторы
<ul style="list-style-type: none"> • Экологическая политика • Влияние на атмосферу • Влияние на водную среду • Влияние на землю • Обращение с отходами • Учет показателей, влияющих на окружающую среду • План по снижению негативного влияния на окружающую среду • «Зеленые» проекты в кредитном портфеле (только для банков) 	<ul style="list-style-type: none"> • Политика в области корпоративной социальной ответственности • Оплата труда сотрудников • Социальная защищенность и профессиональное развитие сотрудников • Текучесть кадров • Охрана труда и производственная безопасность • Работа с клиентами • План по улучшению социально значимых показателей 	<ul style="list-style-type: none"> • Деловая репутация • Стратегия развития • Эффективность Совета директоров • Деятельность исполнительных органов • Система управления рисками • Степень транспарентности информации • Защита прав собственников

Рис. 2. Аспекты оценки при присвоении рейтинга ESG [13]

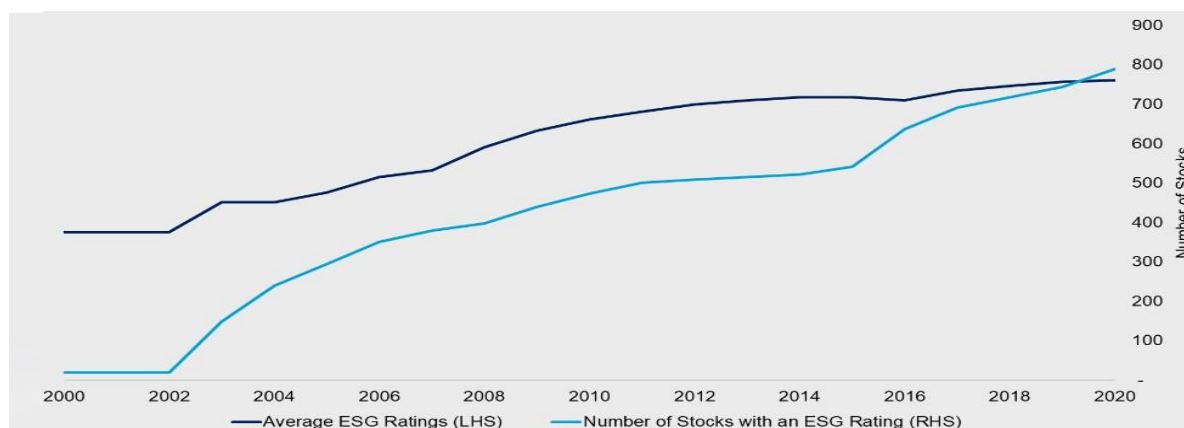

Рис. 3. ESG-рейтинг компаний США [1]

Для сравнения: исходя из отчетности RAEX за 2021 г., представляется уместным привести ESG-рейтинг российских компаний (рис. 4).

Существуют компании, курс которых основывается на ведении дел на базе концепции бережливого производства. Бережливое производство – концепция

управления производственным предприятием, которая ориентирована на постоянное стремление предприятия к устранению всех видов потерь [15]. Данный вид производства предполагает вовлечение в процесс оптимизации каждого сотрудника и максимальную ориентацию на потребителя [16; 17].

Бережливое производство пользуется колоссальным спросом среди управленцев, которые держат курс на устойчивое развитие промышленности и смотрят в будущее во благо своей компании [18; 19]. Таким образом, можно заметить, что ESG и бережливое производство имеют некое сходство

(табл. 2). Оба вида ведения дел основываются на постоянной модернизации производства и производимой продукции, а это, в свою очередь, обязует компанию обновлять производственную линию, что улучшает качество заводов и уменьшает выброс реагентов в атмосферу [14; 20].

Место	Название	Код МОЕХ	Подотрасль	E Rank	S Rank	G Rank	ESG-рейтинг	Последний оцененный отчетный период
1	НЛМК	NLMK	Чёрная металлургия	2	2	23	AA	2 021
2	«Полюс»	PLZL	Драгоценные металлы	1	14	29	AA	2 021
3	«Уралкалий»	-	Агрохимикаты	6	1	6	A	2 021
4	«Энел Россия»	ENRU	Электроэнергетика	9	9	2	A	2 021
5	«Полиметалл»	POLY	Драгоценные металлы	4	5	13	A	2 021
6	«ФосАгро», группа	PHOR	Агрохимикаты	8	11	5	A	2 021
7	«МОСКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ БАНК»	CBOM	Банки	5	16	8	A	2 021
8	«Норильский никель», горно-металлургическая компания	GMKN	Добыча прочих полезных ископаемых	12	19	4	A	2 021
9	«Северсталь»	CHMF	Чёрная металлургия	7	10	21	A	2 021
10	«ЛУКОЙЛ»	LKOH	Интегрированные нефтегазовые компании	11	13	11	A	2 021
11	ПАО «МТС»	MTSS	Беспроводные телекоммуникационные услуги	39	4	3	A	2 021
12	АФК «Система»	AFKS	Финансовые услуги	14	35	1	A	2 021
13	«Татнефть», группа	TATN	Интегрированные нефтегазовые компании	17	12	7	A	2 021
14	«Транснефть»	TRNFP	Транспортировка нефти	19	15	12	A	2 021
15	«Яндекс»	YNDX	Программное обеспечение и услуги	23	6	19	A	2 021

Рис. 4. ESG-рейтинг российских компаний [14]

Таблица 2. Сходства ESG и бережливого производства

Отличительные аспекты	ESG	Бережливое производство
Основной фокус	Улучшение качества жизни и условий труда	Сосредоточение на снижении потерь в целях повышения общей потребительской ценности
Основная политика	Альтруистические действия для обеспечения устойчивости планеты, которая медленно приближается к переломному моменту	Основным значением эффективности является интерес клиента; основным стимулом к внутренней оптимизации является мотивация каждого сотрудника предприятия или организации; основным постулатом является следующее: делать только то, что необходимо для потребителя (рынка сбыта), в то же время избавляясь от всего того, что не имеет ценности

Отличительные аспекты	ESG	Бережливое производство
Соответствие ожиданиям клиентов, партнеров, общества в целом	Необходимый фактор развития и выживания бренда	Нет единого понимания основных целей внедрения инструментов бережливого производства
Влияние	Становится всё более актуальным за последние десятилетия	Повышает производительность труда до 70%, а рост качества продукции и услуг доходит до 40%, намного сокращается время производственного цикла, высвобождаются производственные площади
Отношение инвесторов	Находят актуальность в ESG-принципах, считают их приоритетными, отдают предпочтение ESG-продуктам	Многие инвесторы не готовы вкладывать средства из-за отсутствия единого механизма имплементирования инструментов бережливого производства в российских реалиях, так как для каждого предприятия механизм уникален

Выводы

Таким образом, долгое время социально ответственное инвестирование считалось не более чем красивой идеей. Однако в последние десятилетия ситуация радикально изменилась: появились фонды, инвестирующие только в социально ответственные предприятия, а также новое поколение инвесторов склонно выбирать акции современных технологических компаний, которые, как правило, соответствуют большинству требований ESG.

Принципы ESG только начинают работать на российском рынке: в развитии этого вопроса активно участвуют не только заинтересованные компании и банки, но и правительство. Однако тенденция в российских условиях пока только набирает обороты, и для ее укрепления необходим стимул со стороны государства.

Чтобы помочь сотрудникам эффективно использовать новые инструменты и процессы, компаниям, вероятно, потребуется инвестировать в наращивание потенциала, начиная от ознакомления с темами устойчивого развития, ESG и бережливого производства для старших менеджеров и заканчивая углубленным обучением анализу жизненного цикла и

составлению отчетов о ресурсах для проектного и инженерного персонала.

Наконец, организациям необходимо отслеживать прогресс в сфере обеспечения устойчивого развития и внедрять набирающие популярность инструменты бережливого производства и ESG в свои системы управления эффективностью. Это требует изменения целевых показателей и систем стимулирования.

Переход к устойчивой экономике требует выпуска продукции, которая выпускается с помощью использования таких технологий и производственных процессов, которые являются либо совсем безвредными, либо наименее вредными в сопоставлении с традиционными способами производства. Команды, разрабатывающие такие продукты, также должны быть настроены по-другому – ориентироваться на зелёные и экологические стандарты. Ведущие организации уже начинают подобную трансформацию, повышая свой уровень в области исследований и разработок с помощью новых навыков, процессов, инструментов и мировоззрения.

Исходя из вышеизложенной информации можно сделать следующий вывод: если предприятие желает иметь высокую конкурентоспособность, ему следует

придерживаться постоянного развития и усовершенствования оборудования, которое могло бы снизить выбросы в окру-

жающую среду. Таким образом, становится ясно, что забота об экологии тесно связана с успехом фирм.

Список литературы

1. ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их сообщать // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения: 21.02.2023).
2. Дорожкина Е. Е., Пирогова Т. В. Страхование в ESG: критерии выбора объектов инвестиций и отнесение страхователей к ESG // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2022. № 3. С. 175–178.
3. Insights on Operations // McKinsey Company. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/product-sustainability-back-to-the-drawing-board#/> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Шишова Ж. А. Возрастание роли социального фактора в рамках применения концепции ESG в кризисных условиях // Государственная служба. 2022. № 4. С. 47–52.
5. Камалова А. О., Таибова Р. А. ESG-критерии и ESG-факторы в инвестиционной политике // Бизнес, образование, право. 2022. № 4 (61). С. 208–212.
6. Марьин Е. В. ESG – модная формулировка или новый вектор будущего? // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 6-1. С. 17–19.
7. Кутенев С. Н. Региональные перспективы реновации управленческих процессов промышленных предприятий по принципам ESG // Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики: материалы IV Национальной (всероссийской) научно-практической конференции. Орел: Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2022. С. 113–119.
8. ГОСТ Р 56020 – 2014. Бережливое производство. Основные положения и словарь. М.: Стандартинформ, 2014. 33 с.
9. ГОСТ Р 56404 – 2015. Бережливое производство. Требования к системам менеджмента. М.: Стандартинформ, 2015. 42 с.
10. ГОСТ Р 56405 – 2015. Бережливое производство. Процесс сертификации систем менеджмента. Процедура оценки. М.: Стандартинформ, 2015. 23 с.
11. Пузикова Ю. М., Иванченко И. С. Стратегии ESG. Переход к зеленой экономике // Финатлон форум: Международная научно-практическая конференция молодых учёных и специалистов по устойчивому развитию, инвестициям и финансовым рискам. М.: Московский политехнический университет, 2022. С. 60–63.
12. Кожухова В. А. Оценка ESG-рисков в контексте обеспечения экономической безопасности предприятий // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 2. С. 185–188.
13. О рейтингах ESG // Рейтинговое агентство «Эксперт». URL: <https://raexpert.ru/ratings/esg/about/> (дата обращения: 21.02.2023).
14. Апрельское обновление ESG-рэнкинга российских компаний. URL: https://raex-rr.com/esg/ESG_rating#table (дата обращения: 24.02.2023).
15. Алпеева Е. А., Хорошилова Т. И. Демаркация научной категории «Концепция бережливое производство» // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 2. С. 133–141.
16. Джоргеску Д. Д. Бережливое мышление и передача бережливого управления – лучшая защита от экономического спада? // Европейский журнал междисциплинарных исследований. 2011. Т. 3.
17. Вэйдер М. Т. Как оценить бережливость вашей компании. М.: ДЕАН, 2012. 120 с.
18. Масааки Имаи. Кайдзен: Ключ к успеху японских компаний. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 317 с.
19. Бельш К. В. Классификация основных методов и инструментов бережливого производства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2016. С. 70–77.

20. Вумек Дж. П., Джонс Д. Т. Бережливое производство: как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. М.: Альпина паблишер, 2018. 472 с.

References

1. ESG-printsipy: chto eto takoe i zachem kompaniyam ikh soobshchat' [ESG principles: what are they and why should companies report them]. RBK [RBC]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435>. (accessed 21.02.2023)
2. Dorozhkina E. E., Pirogova T. V. Strakhovanie v ESG: kriterii vybora ob"ektov investitsii i otnesenie strakhovatelei k ESG [Insurance in ESG: criteria for selecting investment objects and assigning policyholders to ESG]. *Risk: resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsia* = *Risk: Resources, Information, Supply, Competition*, 2022, no. 3, pp. 175–178.
3. Insights on Operations. McKinsey Company. Available at: https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/product-sustainability-back-to-the-drawing-board#/. (accessed 20.02.2023)
4. Shishova Zh. A. Vozrastanie roli sotsial'nogo faktora v ramkakh primeneniya kontseptsii ESG v krizisnykh usloviyakh [The increasing role of the social factor in the application of the ESG concept in crisis conditions]. *Gosudarstvennaya sluzhba* = *Public Service*, 2022, no. 4, pp. 47–52.
5. Kamalova A. O., Taibova R. A. ESG-kriterii i ESG-faktory v investitsionnoi politike [ESG criteria and ESG factors in investment policy]. *Biznes, obrazovanie, pravo* = *Business, Education, Law*, 2022, no. 4 (61), pp. 208–212.
6. Maryin E. V. ESG – modnaya formulirovka ili novyi vektor budushchego? [ESG – a fashionable formulation or a new vector of the future?]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 6-1, pp. 17–19.
7. Kootenev S. N. [Regional prospects of renovation of management processes of industrial enterprises according to the principles of ESG]. *Kompleksnoe razvitie territorial'nykh sistem i povyshenie effektivnosti regional'nogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki. Materialy IV Natsional'noi (vserossiiskoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Integrated development of territorial systems and improving the efficiency of regional management in the conditions of digitalization of the economy. Materials of the IV National (All-Russian) scientific and practical conference]. Orel, I. S. Turgenev Orel State University Publ., 2022, pp. 113–119. (In Russ.)
8. GOST R 56020 – 2014. Berezhlivoe proizvodstvo. Osnovnye polozheniya i slovar' [State Standard R 56020 – 2014. Lean manufacturing. Basic provisions and dictionary]. Moscow, Standartinform Publ., 2014. 33 p.
9. GOST R 56404 – 2015. Berezhlivoe proizvodstvo. Trebovaniya k sistemam menedzhmenta [State Standard R 56404 – 2015. Lean manufacturing. Requirements for management systems]. Moscow, Standartinform Publ., 2015. 42 p.
10. GOST R 56405 – 2015. Berezhlivoe proizvodstvo. Protsess sertifikatsii sistem menedzhmenta. Protsedura otsenki [State Standard R 56405 – 2015. Lean manufacturing. The process of certification of management systems. Evaluation procedure]. Moscow, Standartinform Publ., 2015. 23 p.
11. Puzikova Yu. M., Ivanchenko I. S. [ESG strategies. Transition to a green economy]. *Finatlon forum. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya molodykh uchenykh i spetsialistov po ustoychivomu razvitiyu, investitsiyam i finansovym riskam* [Finathlon Forum. International scientific and practical conference of young scientists and specialists on sustainable development, investment and financial risks]. Moscow, Moscow Polytechnic University Publ., 2022, pp. 60–63. (In Russ.)
12. Kozhukhova V. A. Otsenka ESG-riskov v kontekste obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatii [Assessment of ESG risks in the context of ensuring the economic security of enterprises]. *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya* = *Science of the XXI Century: Current Directions of Development*, 2021, no. 2, pp. 185–188.
13. O reitingakh ESG [About ESG ratings]. Reitingovoe agentstvo "Ekspert" [Rating Agency "Expert"]. Available at: <https://raexpert.ru/ratings/esg/about/>. (accessed 21.02.2023)
14. Aprel'skoe obnovlenie ESG-renkinga rossiiskikh kompanii [April update of the ESG ranking of Russian companies]. Available at: https://raex-rr.com/esg/ESG_rating#table. (accessed 24.02.2023)

15. Alpeeva E. A., Khoroshilova T. I. Demarkatsiya nauchnoi kategorii "Kontseptsiya berezhlivoe proizvodstvo" [Demarcation of the scientific category "Lean production concept"]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, 2022, no. 2, pp. 133–141.
16. Georgescu D. D. Berezhlivoe myshlenie i peredacha berezhlivogo upravleniya – luchshaya zashchita ot ekonomicheskogo spada? [Lean Thinking and Transferring Lean Management – The Best Defence against an Economic Recession?]. *Evropeiskii zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy = European Journal of Interdisciplinary Studies*, 2011, vol. 3.
17. Vader M. T. Kak otsenit' berezhlivost' vashei kompanii [How to evaluate the thrift of your company]. Moscow, DEAN Publ., 2012, 120 p.
18. Masaaki Imai. Kaizen: Klyuch k uspekhu yaponskikh kompanii [Kaizen: The key to the success of Japanese companies]. Moscow, Alpina Business Books Publ., 2007. 317 p.
19. Belysh K. V. Klassifikatsiya osnovnykh metodov i instrumentov berezhlivogo proizvodstva [Classification of the main methods and tools of lean production]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta друzhby narodov. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*, 2016, pp. 70–77.
20. Wumek J. P., Jones D. T. Berezhlivoe proizvodstvo: kak izbavit'sya ot poter' i dobit'sya protsvetaniya vashei kompanii [Lean manufacturing. How to get rid of losses and achieve prosperity of your company]. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2018. 472 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сысоева Елена Александровна, кандидат экономических наук, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: alpeevael@yandex.ru

Elena A. Sysoeva, Cand. of Sci. (Economics), Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: alpeevael@yandex.ru

Хорошилова Татьяна Игоревна, аспирант, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: khoroshilova71@gmail.com

Tatiana I. Khoroshilova, Post-Graduate Student, National Research Technological University "MISIS", Moscow, Russian Federation,
e-mail: khoroshilova71@gmail.com

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ

ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-134-146>

Специфика развития органического сельского хозяйства в новых условиях

Г. К. Джанчарова¹ ✉, Н. Л. Адаев^{2,3}, И. В. Церенов⁴

¹ Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева
ул. Тимирязевская, д. 49, г. Москва 127434, Российская Федерация

² Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова
ул. Шерипова, д. 32, г. Грозный 364024, Российская Федерация

³ Чеченский научно-исследовательский институт сельского хозяйства
ул. Ленина, д. 1, г. Грозный 366021, Российская Федерация

⁴ Поволжский научно-исследовательский институт производства и переработки мясомолочной продукции
ул. Рокоссовского, д. 6, г. Волгоград 400131, Российская Федерация

✉ e-mail: goollin@mail.ru

Резюме

Актуальность. Органическое сельское хозяйство является динамично развивающимся направлением мирового АПК. Глобальные проблемы климатического плана и истощение природных ресурсов на всей планете диктуют необходимость пересмотра используемых технологий продовольственного производства. Чрезмерная интенсификация сельскохозяйственного производства за счет минерализации и удобрения почв, гормонального стимулирования роста животных и растений привело к ухудшению качества воды, почвы, воздуха и в целом здоровья населения. Поэтому проблема сокращения антропогенного воздействия на окружающую среду выступает главным трендом реализации принципов органического производства.

Цель настоящего исследования направлена на оценку потенциала органического сельскохозяйственного производства на примере стран лидеров и проблем, связанных с развитием данного направления в России.

Задачи: оценить объемы мирового органического рынка и динамику его развития за 10 лет; рассмотреть последние изменения в организации российского органического производства после вступления в силу N-208 ФЗ; проанализировать площади органического сельского хозяйства по регионам и выявить страны-лидеры органического производства; обратиться к опыту государственной поддержки стран-лидеров по органическому производству, оценить потенциалы российского органического производства; определить будущие направления реализации принципов органики.

Методология. В работе были использованы методы научного познания теоретического и методического характера, для иллюстративности статистических данных были использованы графики, для формулирования выводов использован метод обобщения и синтеза.

Результаты. Были разработаны рекомендации стратегического развития российского рынка органического производства в рамках действующий соглашения ЕАЭС.

Выводы. Сделаны выводы о расширении инструментов государственного стимулирования развития органического сельскохозяйственного производства у условиях меняющихся мирохозяйственных связей и интеграций.

Ключевые слова: органическое производство; сельское хозяйство; производитель; сертификат; государственная поддержка.

© Джанчарова Г. К., Адаев Н. Л., Церенов И. В., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 134–146

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Джанчарова Г. К., Адаев Н. Л., Церенов И. В. Специфика развития органического сельского хозяйства в новых условиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 134–146. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-134-146>.

Поступила в редакцию 18.02.2023

Принята к публикации 15.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Specifics of Development of Organic Agriculture in New Conditions

Gulnara K. Dzhancharova¹ ✉, Nurbek L. Adaev^{2,3}, Igor V. Tserenov⁴

¹ Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev
49 Timiryazevskaya Str., Moscow 127434, Russian Federation

² Kadyrov Chechen State University
32 Sheripova Str., Grozny 364024, Russian Federation

³ Chechen Research Institute of Agriculture
1 Lenina Str., Grozny 366021, Russian Federation

⁴ Povolzhsky Research Institute of Production and Processing of Meat and Dairy Products
6 Rokossovskogo Str., Volgograd 400131, Russian Federation

✉ e-mail: goollin@mail.ru

Abstract

Relevance. Organic agriculture is a dynamically developing area of the global agro-industrial complex. The global problems of the climate plan and the depletion of natural resources throughout the planet dictate the need to revise the technologies used in food production. Excessive intensification of agricultural production due to mineralization and fertilization of soils, hormonal stimulation of the growth of animals and plants has led to a deterioration in the quality of water, soil, air and, in general, the health of the population. Therefore, the problem of reducing the anthropogenic impact on the environment is the main trend in the implementation of the principles of organic production.

The purpose of this study is aimed at assessing the potential of organic agricultural production on the example of the leading countries and the problems associated with the development of this area in Russia.

Objectives: to assess the volume of the world organic market and the dynamics of its development over 10 years; to consider the latest changes in the organization of Russian organic production after the entry into force of the N-208 Federal Law; to analyze the areas of organic agriculture by region and to identify countries leaders of organic production; refer to the experience of state support of the leading countries in organic production; assess the potential of Russian organic production; determine the future direction for the implementation of organic principles.

Methodology. In the work, methods of scientific knowledge of a theoretical and methodological nature were used, graphs were used to illustrate the statistical data, and the method of generalization and synthesis was used to formulate conclusions.

Results. Recommendations for the strategic development of the Russian market of organic production were developed within the framework of the current EAEU agreement.

Conclusions. Conclusions are drawn about the expansion of state tools for stimulating the development of organic agricultural production in the context of changing world economic relations and integrations.

Keywords: organic production; agriculture; producer; certificate; state support.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Dzhancharova G. K., Adaev N. L., Tserenov I. V. Specifics of Development of Organic Agriculture in New Conditions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya.*

Введение

В 1972 г. в Германии появилась Международная федерация движений за органическое сельское хозяйство (ИФО-АМ), направленная на поддержку производителей экологически чистой сельскохозяйственной продукции. С данного момента это направление приобрело официальный статус и продолжало развиваться в рамках реализации Концепции устойчивого развития и Доктрины продовольственной безопасности. С начала 2000-х годов органическая продукция начинает поступать на российский продовольственный рынок, но высокая стоимость продукции ограничивала ее продажи и не позволила выйти за пределы рынков крупных мегаполисов.

Российский рынок органической продукции на начало 2023 г. все еще находится на стадии своего становления. Отправным моментом его развития можно считать вступление в силу с 1 января 2020 г. ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 280-ФЗ, который определяет основные понятия, термины, требования к производству органической сельскохозяйственной продукции на территории России [1]. При этом законодатель не раскрывает механизмы поддержки производителей органической продукции, делая отсылку на ФЗ «О развитии сельского хозяйства» № 264-ФЗ, предусматривающий общие меры поддержки всех сельхозпроизводителей [2]. Фактически сегодня нет специализированных механизмов поддержки органического производства, так как в № 264-ФЗ будут внесены определенные изменения, но которые вступят в силу только с 1 января 2025 г. Можно отметить, что сегодня рынок органической сельскохозяйственной про-

дукции развивается на общих основаниях, но при этом демонстрирует устойчивый рост. Российский рынок подвержен влиянию мирового рынка органической продукции, росту популярности здорового образа жизни среди населения, возрастающих требований к правильному питанию, росту обеспокоенности мирового сообщества ухудшающейся экологией [3; 4]. Динамика продаж на мировом рынке органической продукции растет на протяжении последних 20 лет, темпы роста при этом колеблются между периодами (5 лет) от 42,4% до 83,3%. Согласно представленным статистическим данным Международной федерации органического сельскохозяйственного движения (IFOAM), объем рынка в 2020 г. достиг уровня 129 млрд долл. в совокупности по 190 странам мира (рис. 1).

За рассматриваемый период 2000–2020 гг. общий рост мирового рынка органической продукции достиг 111 млрд долл., или 86,05%. Основной рост приходился на страны Северной Америки и Европы, которые потребляли до 80% всей производимой органической продукции в мире. Доля стран Азии составила не более 12,6% всего рынка. На Россию приходилось около 0,15% всего рынка.

Таким образом, рынок органической продукции продолжит расширяться за счет развития данного тренда в странах с обширными сельскохозяйственными территориями. Россия обладает большим потенциалом для развития органического производства на своей территории. Вступление в силу специализированного закона № 280-ФЗ открывает возможности для отечественных аграриев выйти на новый качественный уровень сельскохозяйственного производства в рамках реализации целей устойчивого развития [5].

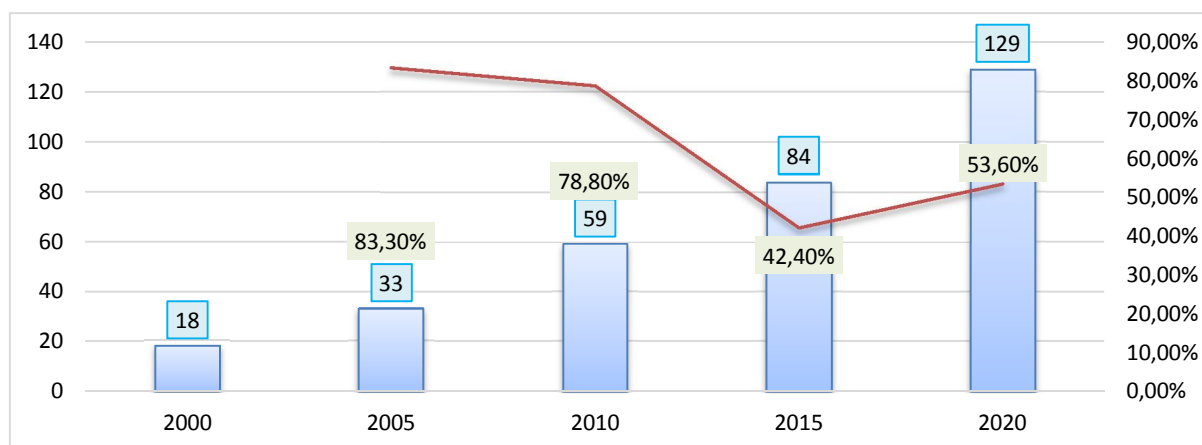

Рис. 1. Динамика мирового рынка органической продукции на период 2000-2020 гг., млрд долл. [3]

Материалы и методы

В статье были использованы данные международной статистики реализации практики органического сельского хозяйства на протяжении последних 20 лет. Эмпирический материал был обработан посредством методов графического и статистического анализа данных, на основе которого были сделаны соответствующие выводы и обобщения тенденций развития органического производства в мире и в России. В качестве обоснования критериев органического перехода производителей были использованы нормативно-правовые акты, действующие в данной отрасли. Для выявления основных тенденций расширения рынка органической продукции были исследованы применяемые механизмы государственного стимулирования данного рынка в странах-лидерах по площади органических земель сельскохозяйственного назначения.

Вопросами развития данной сферы АПК в мире занимаются многие ученые и практические работники. Можно отметить следующих авторов по исследованию развития рынка органической продукции: И. А. Волкова, В. В. Леушкина, О. В. Мироненко, Е. А. Погребцова. Проблемами регулирования рынков органической продукции занимались следую-

щие российские и зарубежные ученые: А. С. Бабаев, М. Л. Климова, Г. В. Федотова, Л. В. Омаријева, Cooper J., Baranski M., Stewart G., Roos E., Mie A., Wivstad M. и др.

Дальнейшее развитие мирового и российского рынков органической продукции продуцирует нарастание новых исследований, направленных на поиски возможности интеграции и сближения локальных национальных рынков в единое международное пространство.

Результаты и их обсуждение

По итогам 2022 г. доказано, что российский рынок органической продукции растет с темпом 10-12% в год. Предварительные отчетные данные за 2022 г. показали, что объем рынка составил около 14 млрд руб. Сегодня по инициативе Министерства сельского хозяйства составлен Единый государственный реестр производителей органической продукции, в который на начало 2023 г. включены 146 сельхозпроизводителей России. Реестр будет расширяться в 2023 г. посредством добровольного сертифицирования производителей и получения статуса «органического производства». Механизмы получения сертификата и требования к производителям четко определены законодательством. Рассмотрим основные критерии сертификации (рис. 2).

Рис. 2. Механизм перехода от индустриального производства к органическому [6; 7; 8]

Представленный на рисунке 2 механизм перехода от индустриального типа производства к органическому достаточно прозрачен. Закон № 280-ФЗ четко определяет критерии органического производства, выполнение которых должно соблюдаться при производстве продукции. Если данные критерии выдерживаются, производитель имеет право направить свою заявку на получение сертификата на органическую продукцию в сертификационный центр или компании-сертификатору [1; 9]. На территории РФ действуют 2 стандарта: ГОСТ 33980-2016, ГОСТ Р 57022-2016, в соответствии с ними готовятся документы на сертификацию [10; 11; 12]. Сертификация 2-этапная: 1 этап – предварительная заочная оценка документов; 2 этап – выезд

специалиста на производство. Для компании, впервые подавшей заявку, устанавливается переходный период, в течение которого осуществляется мониторинг со стороны сертифицирующего. При положительной оценке производства выдается сертификат производителя органической продукции, и он вносится в государственный реестр Минсельхоза РФ. После получения статуса органического производства компания имеет право наносить специальную маркировку на свою продукцию и пользоваться мерами государственной поддержки для производителей органики. Сроки действия сертификата зависят от специфики производства.

На начало 2023 г. законом определены только основные меры государственной поддержки, в т. ч. льготная стои-

мость сертификации. Но регионы устанавливают дополнительные меры поддержки производителей органики. К примеру, Томская область выделяет 1000 руб. на 1 га органического земледелия; Воронежская область – 100%-ное возмещение затрат на сертификацию, 50%-ное возмещение затрат на биологические средства защиты, препараты, добавки для животных, разрешенные в органическом производстве. Помимо прочего, на базе Россельхозбанка создан фонд «Органика» в 2021 г., который выделяет льготное финансирование проектам в данной сфере, проводит поиск инвесторов, популяризирует движение за

органическое производство. Но очевидно, что данных точечных решений недостаточно для расширения российского рынка органики. Поэтому необходимо обратиться к опыту государственной поддержки наиболее передовых стран в области органического производства. С этой целью рассмотрим, в каких регионах наиболее обширные площади органических сельскохозяйственных земель.

Итак, на начало 2021 г. общая доля зарегистрированных органических сельскохозяйственных площадей составляла 74,9 млн га. Рассмотрим, в каких регионах мира эти площади сосредоточены (рис. 3).

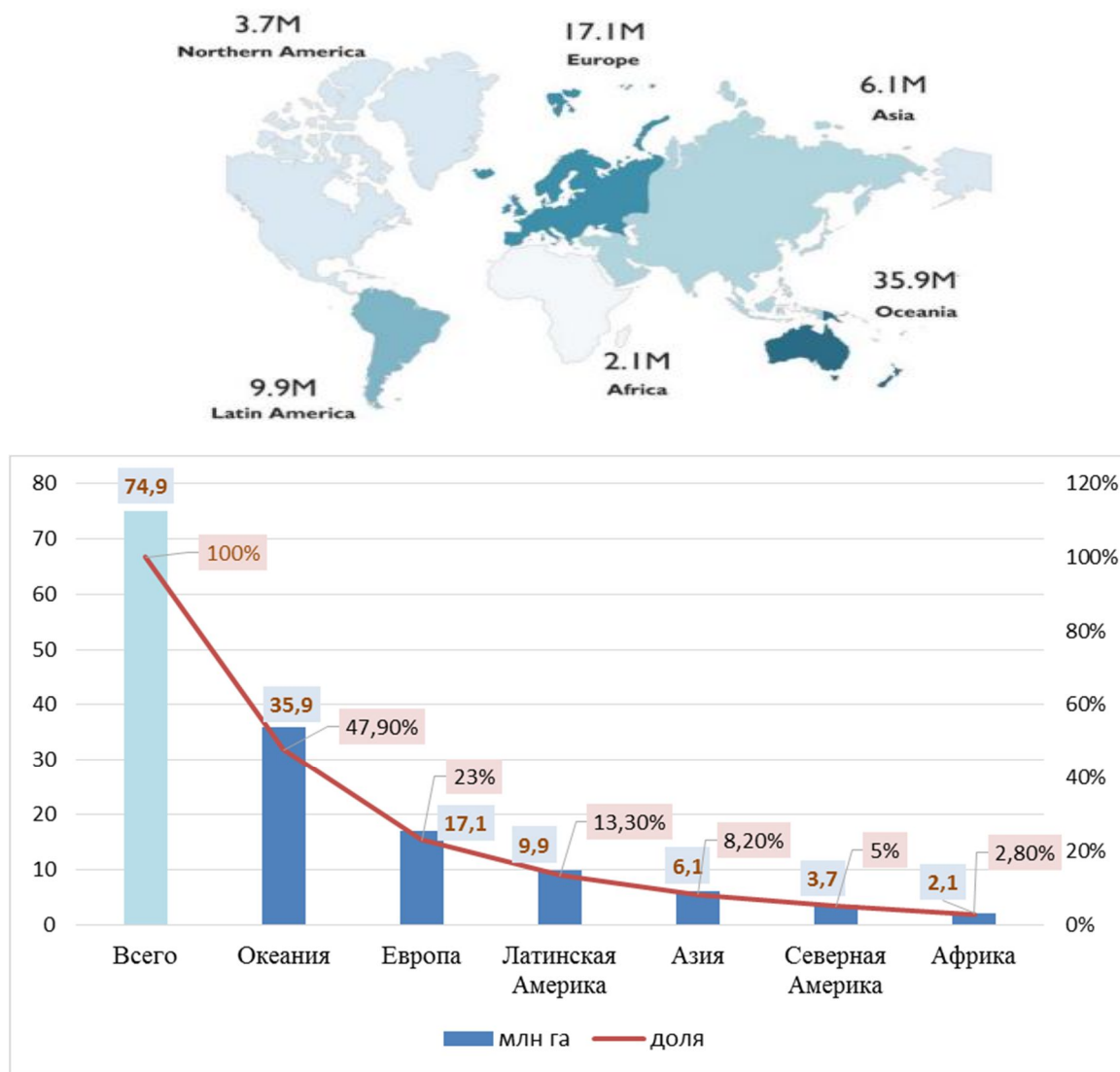

Рис. 3. Распределение мировых площадей органических сельскохозяйственных земель [13]

Согласно представленному графику и карте, видим, что основная доля органических земель сосредоточена в Океании – 47,9%, на втором месте – Европа 23%, на третьем – Латинская Америка (13,3%). Необходимо отметить, что не все

страны подают информацию о площадях органических земель, поэтому общая площадь – более 74,9 млн га [3; 14]. Рассмотрим, какие страны обладают наиболее обширными территориями органических земель (рис. 4).

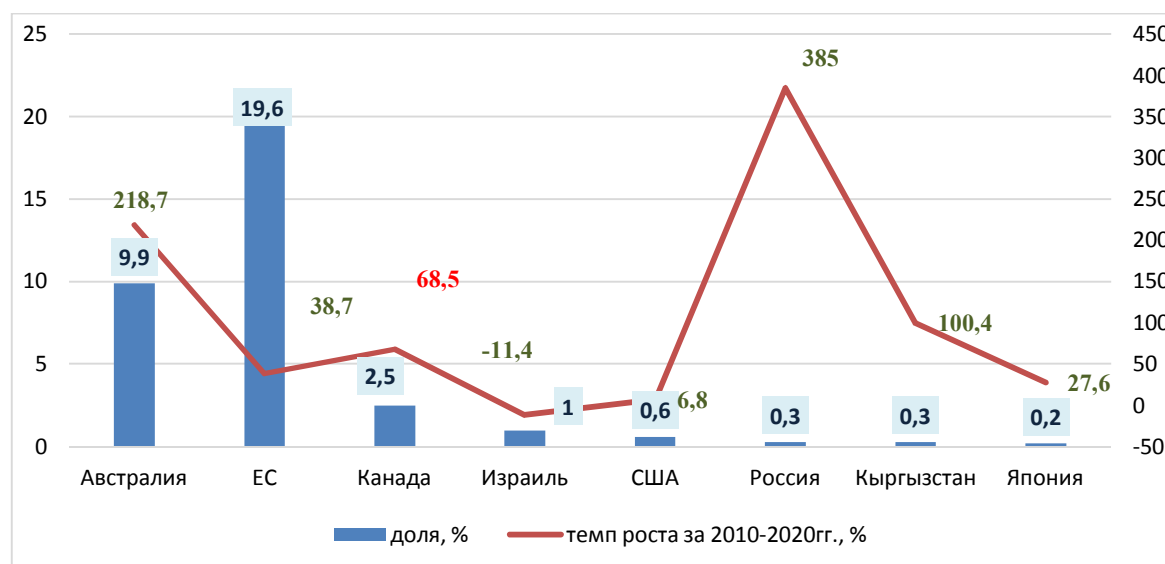

Рис. 4. Страны с наибольшими площадями органических земель, темпы роста площадей за период 2010–2020 гг., % [13]

Динамика роста органических сельскохозяйственных земель по итогам 10-летнего периода свидетельствует о скрытом потенциале этого направления развития АПК и его популярности по всему миру. Сегодня лидером по площади земель органического назначения выступает ЕС – 19,6%, затем идет Австралия – 9,9%, на третьем месте стоит Канада – 2,5%, на четвертом – Израиль – 1%. Лидером по темпам роста органических площадей выступает Россия – 385%. Израиль демонстрирует сокращение площадей на 11,4%. Поэтому необходимо более целенаправленно изучить особенности реализации и поддержки аграрной политики в странах-лидерах по производству органической продукции и оценить возможности применения данных механизмов в России [13; 15].

Опыт Европейского союза. На территории стран-членов ЕС действует единая климатическая программа European Green Deal, в рамках которой разработана

продовольственная стратегия F2F, направленная к 2030 г. на 50%-ное сокращение применения пестицидов, 20%-ное сокращение применения удобрений, 50%-ное сокращение продаж противомикробных препаратов для сельскохозяйственных животных и аквакультур, увеличение до 25% доли органических земель в общей площади фермерских земель.

Финансовая поддержка органического движения будет реализовываться за счет основных программ стимулирования развития сельских регионов, а также дополнительных инвестиционных «экосхем» (точечное финансирование отдельных практик и программ). Консультационная и научная поддержка органического сельского хозяйства осуществляется за счет реализации программы Horizon Europe (селекция сельскохозяйственных культур, методы борьбы с фальсификацией продукции, сценарии исследований и разработок) [16].

Опыт Австралии. Данное государство сегодня обладает наиболее большими площадями органических угодий, при этом основная часть представлена пастбищами. Основное органическое производство направлено на производство мясного и молочного сырья, а также кормов для сельскохозяйственных животных. Все австралийские штаты вовлечены в данный процесс.

Для регулирования рынка органической продукции создана Национальная ассоциация устойчивого сельского хозяйства Австралии в 1986 г. Организация занимается популяризацией органики, а также сертифицирует производителей продукции. Все вырученные финансовые средства направляются на реинвестирование в движение за органическое сельское хозяйство.

Опыт Канады. В стране создана Канадская ассоциация органической торговли (COTA), реализующая принципы органического производства. В стране работает Программа поддержки перехода фермеров на новый формат, в рамках которой осуществляется компенсация затрат фермеров на переход до 800 долл. США. Для развития рынка и продвижения национального органического бренда на мировые продовольственные рынки государство в 2022 г. выделило 600 тыс. долл. США.

Опыт Израиля. Особенности реализации принципов органического сельского хозяйства в Израиле связаны со спецификой засушливого климата основной территории этого государства. Данное направление имеет статус государственного приоритета, что дает возможность на обширное финансирование таких проектов. Основные площади земель заняты растениеводством (полевые культуры, овощи, фрукты, специи, цветы, лекарственные травы).

Министерство сельского хозяйство Израиля ведет реестр органических про-

изводителей страны. В стране создана Израильская ассоциация биоорганического сельского хозяйства (ИВОАА), деятельность которой направлена на сохранение баланса и равновесия между всеми природными экосистемами. В рамках ИВОАА реализуются образовательные проекты, профессиональная поддержка, социальная поддержка, исследовательская работа, работа со СМИ.

Опыт США. США обладает наиболее широкой программой государственной поддержки органического сельского хозяйства. Финансовая помощь разбита на несколько направлений:

- компенсация затрат на сертификацию от 50% до 75%;
- финансирование образования в области органического производства и техническая поддержка производителей;
- финансовая и техническая поддержка работ по улучшению природных ресурсов (качество воды, воздуха, сохранение почв, снижение эрозии поверхности, компенсация ущерба от климатических изменений);
- грантовая поддержка исследовательских программ университетов по развитию органического сельского хозяйства.

Опыт Кыргызстана. В сельском хозяйстве страны почти не применяются технологии интенсивного производства, земли не обрабатываются минеральными удобрениями и химическими веществами. В рамках принятого в 2019 г. закона «Об органическом сельскохозяйственном производстве в Кыргызской Республике» [17] государственная поддержка осуществляется по следующим направлениям:

- информационная и консультационная поддержка;
- продвижение органической продукции на рынки и международная сертификация национальных производителей;

- поддержка научно-исследовательских разработок;
- государственная программы льготного кредитования сельскохозяйственных производителей;
- образовательная и методическая поддержка;
- льготное налогообложение.

Опыт Японии. Расширение рынка органического сельского хозяйства предусмотрено планами развития АПК Японии до 2030 г. В стране созданы центры органического сельского хозяйства,

продвигающие местную фермерскую органическую продукцию и популяризирующие принципы органики среди населения.

Государство направляет следующие виды финансовой поддержки местным производителям органики:

- поддержка государственной сертификации;
- прямая финансовая поддержка производителей органики на проведение сельскохозяйственных работ по сохранению природных ресурсов.

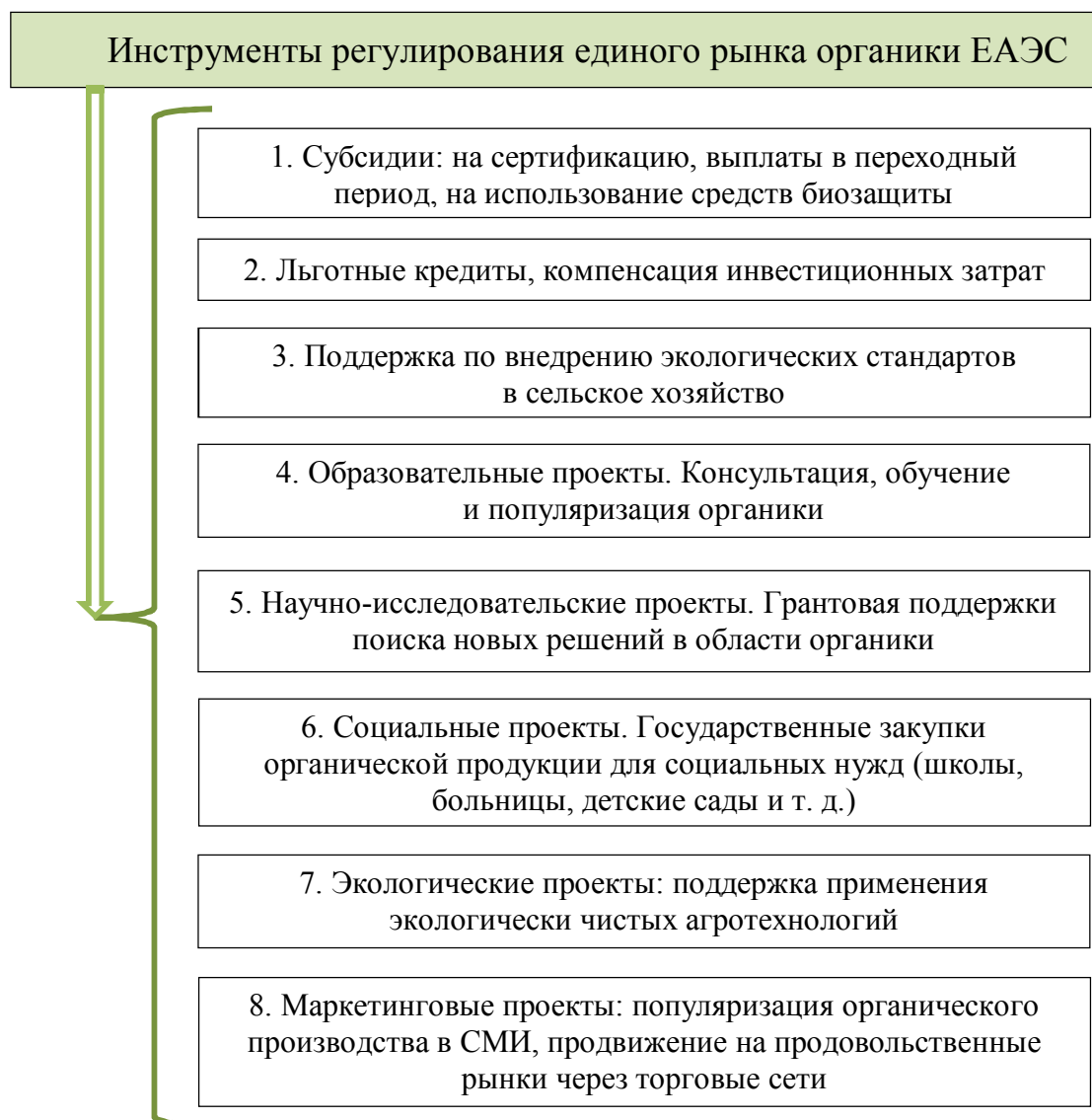

Рис. 5. Инструменты стимулирования развития единого рынка органической продукции ЕАЭС

Резюмируя обзор практик внедрения и поддержки стран-лидеров по производству органической сельскохозяйственной продукции, отметим, что государства субсидируют сертификацию производителей, оказывают им консультационную, информационную и образовательную поддержку. Особенности применяемых дополнительных механизмов стимулирования органического зависят от природно-климатических условий стран, местной культуры и обычаев делового оборота [13].

События 2022 г. резко изменили мирохозяйственные связи между странами, привели к переориентации российских производителей на рынки Азии и Латинской Америки. В этой связи необходимо учитывать существующие логистические цепочки поставок и направления импорта-экспорта продукции, в т. ч. органической, из России для планирования работы в 2023 и последующих годах [18; 19].

Очевидно, что национальный рынок органической продукции продолжит свое развитие, но в рамках существующего пространства ЕАЭС, в котором состоят страны-партнеры России. В 2021 г. на заседании Евразийского межправительственного совета была утверждена дорожная карта по формированию общего рынка органической сельскохозяйственной продукции [20]. Страны-участницы ЕАЭС в данном документе собрали успешную практику реализации движения в поддержку органического производства в своих национальных юрисдик-

циях и перенесли этот опыт на межгосударственный уровень (рис. 5).

Таким образом, утвержденная дорожная карта ЕАЭС позволит странам-членам соглашения максимально сблизить собственные национальные рынки и расширить границы для товарооборота органической продукции на территории союза. Кроме того, расширенный инструментарий поддержки и стимулирования органического направления АПК данных стран ускорит процессы международной сертификации и перенесет лучшие практики и механизмы стимулирования на внутренние рынки органической продукции.

Выводы

Основные направления развития российского рынка органической продукции тесно связаны с развитием рынка ЕАЭС, в рамках которого сформирована дорожная карта интеграции и глобализации национальных рынков стран-участниц соглашения. Поэтому на ближайшие несколько лет развитие национального рынка органической продукции будет направлено на расширение мер государственной поддержки органических сельскохозяйственных товаропроизводителей, работу на экспорт в страны Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки, Африки, интеграцию национальных систем сертификации на территории единого рынка стран-участниц ЕАЭС.

Список литературы

1. Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 280-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/9057d5999725c6ca079fbaefc3e7aeab893ef8c6/ (дата обращения: 07.02.2023).
2. О развитии сельского хозяйства: Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 264-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (дата обращения: 07.02.2023).
3. Обзор международного опыта государственной поддержки развития органического сельского хозяйства. URL: [https://eec.eaunion.org/comission/departement/dep_agroprom/sensitive_products/Международный%20опыт%20государственной%20поддержки%20развития%20органического%20сельского%20хозяйства%20\(2022\).pdf](https://eec.eaunion.org/comission/departement/dep_agroprom/sensitive_products/Международный%20опыт%20государственной%20поддержки%20развития%20органического%20сельского%20хозяйства%20(2022).pdf) (дата обращения: 07.02.2023).

4. Федотова Г. В. Формирование национальной законодательной базы стратегического управления экономикой // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 1. С. 20–29.
5. Циркулярный подход к реализации региональной политики устойчивого развития / Г. В. Федотова, А. Ф. Баранова, Ю. А. Капустина [и др.]. Курск: Университетская книга, 2022. 245 с.
6. Волкова Т. И. Производство и сертификация органической продукции после принятия № 280-ФЗ // Контроль качества продукции. 2018. № 10. С. 19–21.
7. Климова М. Л. Органическое сельское хозяйство. Международный опыт правового регулирования // Молочная промышленность. 2018. № 10. С. 34–38.
8. Мироненко О. В. Становление рынка органического земледелия в России // Контроль качества продукции. 2018. № 10. С. 5–1.
9. Омариева Л. В., Бабаев А. С. Сертификация органической продукции в России // Органическое сельское хозяйство – перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Махачкала: Дагестанский государственный аграрный университет им. М. М. Джембулатова, 2021. С. 298–303.
10. ГОСТ Р 56508-2015. Продукция органического производства. Правила производства, хранения, транспортирования. М.: Стандартинформ, 2015. 43 с.
11. ГОСТ Р 57022-2016. Продукция органического производства. Порядок проведения добровольной сертификации органического производства. М.: Стандартинформ, 2016. 24 с.
12. ГОСТ 33980-2016. Продукция органического производства. Правила производства, переработка, маркировки и реализации (CAC/GL 32-1999, NEQ). М.: Стандартинформ, 2016. 48 с.
13. The World of Organic Agriculture Statistics and Emerging Trends 2022. URL: <https://www.fibl.org/fileadmin/documents/shop/1344-organic-world-2022.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).
14. Cooper J., Baranski M., Stewart G. Shallow non-inversion tillage in organic farming maintains crop yields and increases soil C stocks: a meta-analysis // Agronomy for Sustainable Development. 2016. N 36(1). P. 22.
15. Roos E., Mie A., Wivstad M. Risks and opportunities of increasing yields in organic farming. A review // Agronomy for Sustainable Development. 2018. N 38(2). P. 14.
16. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/org_cropar/default/table?lang=en (дата обращения: 17.02.2023).
17. Об утверждении Концепции развития органического сельскохозяйственного производства в Кыргызской Республике на 2017–2022 годы: Постановление Правительства Кыргызской Республики от 2 августа 2017 г. № 459. URL: https://base.spinorm.ru/show_doc.fwx?rgn=100089 (дата обращения: 07.02.2023).
18. Ключевые даты 2023 года в растениеводстве. URL: <https://поле.рф/journal/publication/1633> (дата обращения: 17.02.2023).
19. Волкова И. А., Леушкина В. В., Погребцова Е. А. Органическое сельское хозяйство как драйвер развития зеленой экономики // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 6. С. 2381–2394. <https://doi.org/10.18334/ce.16.6.114747>.
20. ЕЭК приступила к реализации дорожной карты по созданию в Союзе единого рынка органической сельхозпродукции. URL: <https://eec.eaunion.org/news/EEK-pristupila-k-realizatsii-dorozhnoj-karty-po-sozdaniyu-v-soyuze-edinogo-rynka-organicheskoy-selhozproduktcii/> (дата обращения: 17.02.2023).

References

1. Ob organicheskoi produktsii i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii [On Organic Products and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. Federal Law of August 3, 2018. № 280-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/9057d5999725c6ca079fbaefc3e7aeab893ef8c6/. (accessed 07.02.2023)
2. O razvitii sel'skogo khozyaistva [On the Development of Agriculture]. Federal Law of December 29, 2006 № 264-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/. (accessed 07.02.2023)

3. Obzor mezhdunarodnogo opyta gosudarstvennoi podderzhki razvitiya organicheskogo sel'skogo khozyaistva [Review of international experience of state support for the development of organic agriculture]. Available at: [https://eec.eaunion.org/comission/departement/dep_agroprom/sensitive_products/International%20experience%20state%20support%20organic%20agricultural%20%20\(2022\).pdf](https://eec.eaunion.org/comission/departement/dep_agroprom/sensitive_products/International%20experience%20state%20support%20organic%20agricultural%20%20(2022).pdf). (accessed 07.02.2023)
4. Fedotova G. V. Formirovanie natsional'noi zakonodatel'noi bazy strategicheskogo upravleniya ekonomikoi [Formation of the National Legislative Framework for Strategic Management of the Economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2014, no. 1, pp. 20–29.
5. Fedotova G. V., Baranova A. F., Kapustin Yu. A., eds. Tsirkulyarnyi podkhod k realizatsii regional'noi politiki ustoichivogo razvitiya [Circular approach to the implementation of the regional policy of sustainable development]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2022. 245 p.
6. Volkova T. I. Proizvodstvo i sertifikatsiya organicheskoi produktsii posle prinyatiya № 280-FZ [Production and certification of organic products after the adoption of No. 280-FZ]. *Kontrol' kachestva produktsii = Product Quality Control*, 2018, no. 10, pp. 19–21.
7. Klimova M. L. Organicheskoe sel'skoe khozyaistvo. Mezhdunarodnyi opyt pravovogo regulirovaniya [Organic farming. International experience of legal regulation]. *Molochnaya promyshlennost' = Dairy Industry*, 2018, no. 10, pp. 34–38.
8. Mironenko O. V. Stanovlenie rynka organicheskogo zemledeliya v Rossii [Formation of the organic farming market in Russia]. *Kontrol' kachestva produktsii = Product Quality Control*, 2018, no. 10, pp. 5–1.
9. Omarieva L. V., Babaev A. S. [Certification of organic products in Russia]. *Organicheskoe sel'skoe khozyaistvo – perspektivy razvitiya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)* [Organic agriculture – prospects for development. Materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation)]. Makhachkala, Dagestan State Agrarian University named after M. M. Dzhambulatov Publ., 2021, pp. 298–303. (In Russ.)
10. GOST R 56508-2015. Produktsiya organicheskogo proizvodstva. Pravila proizvodstva, khraneniya, transportirovaniya [State Standard R 56508-2015. Organic products. Rules of production, storage, transportation]. Moscow, Standartinform Publ., 2015. 43 p.
11. GOST R 57022-2016. Produktsiya organicheskogo proizvodstva. Poryadok provedeniya dobrovol'noi sertifikatsii organicheskogo proizvodstva [State Standard R 57022-2016. Organic products. The procedure for conducting voluntary certification of organic production]. Moscow, Standartinform Publ., 2016. 24 p.
12. GOST 33980-2016. Produktsiya organicheskogo proizvodstva. Pravila proizvodstva, pererabotka, markirovki i realizatsii (CAC/GL 32-1999, NEQ) [State Standard 33980-2016. Organic products. Production, Processing, Labeling and Marketing Rules (CAC/GL 32-1999, NEQ)]. Moscow, Standartinform Publ., 2016. 48 p.
13. The World of Organic Agriculture Statistics and Emerging Trends 2022. Available at: <https://www.fibl.org/fileadmin/documents/shop/1344-organic-world-2022.pdf>. (accessed 17.02.2023)
14. Cooper J., Baranski M., Stewart G. Shallow non-inversion tillage in organic farming maintains crop yields and increases soil C stocks: a meta-analysis. *Agronomy for Sustainable Development*, 2016, no. 36(1), p. 22.
15. Roos E., Mie A., Wivstad M. Risks and opportunities of increasing yields in organic farming. A review. *Agronomy for Sustainable Development*, 2018, no. 38(2), p. 14.
16. Eurostat. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/org_cropar/default/table?lang=en. (accessed 17.02.2023)
17. Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya organicheskogo sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva v Kyrgyzskoi Respublike na 2017–2022 gody [On Approval of the Concept for the Development of Organic Agricultural Production in the Kyrgyz Republic for 2017–2022]. Decree of the Government of the Kyrgyz Republic of August 2, 2017 № 459. Available at: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=100089. (accessed 17.02.2023)

18. Klyuchevye daty 2023 goda v rastenievodstve [Key dates for 2023 in crop production]. Available at: <https://field.rf/journal/publication/1633>. (accessed 17.02.2023)
19. Volkova I. A., Leushkina V. V., Pogrebtsova E. A. Organicheskoe sel'skoe khozyaistvo kak draiver razvitiya zelenoi ekonomiki [Organic agriculture as a driver of green economy development]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2022, vol. 16, no. 6, pp. 2381-2394. <https://doi.org/10.18334/ce.16.6.114747>
20. EEK pristupila k realizatsii dorozhnoi karty po sozdaniyu v Soyuze edinogo rynka organicheskoi sel'khozproduksii [The EEC has started to implement a roadmap to create a single market for organic agricultural products in the Union]. Available at: <https://eec.eaeunion.org/news/EEK-pristupila-k-realizatsii-dorozhnoj-karty-po-sozdaniyu-v-soyuze-edinogo-rynka-organicheskoy-selkhozproduksii/>. (accessed 17.02.2023)

Информация об авторах / Information about the Authors

Джанчарова Гульнара Каримхановна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой политической экономии, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: goollin@mail.ru,
Researcher ID: ABE-5676-2021,
ORCID: 0000-0002-1098-7430

Gulnara K. Dzhancharova, Cand. of Sci. (Economics), Head of the Department of Political Economy, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation,
e-mail: goollin@mail.ru,
Researcher ID: ABE-5676-2021,
ORCID: 0000-0002-1098-7430

Адаев Нурбек Ломалиевич, доктор биологических наук, доцент, заведующий кафедрой агротехнологий, Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова; главный научный сотрудник, Чеченский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, г. Грозный, Российская Федерация,
e-mail: mr.adaev61@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6664-2407

Nurbek L. Adaev, Dr. of Sci. (Biology), Associate Professor, Head of the Department of Agrotechnologies, Kadyrov Chechen State University; Chief Researcher, Chechen Research Institute of Agriculture, Grozny, Russian Federation,
e-mail: mr.adaev61@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6664-2407

Церенов Игорь Васильевич, кандидат сельскохозяйственных наук, соискатель, Поволжский научно-исследовательский институт производства и переработки мясомолочной продукции, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: cbaska@mail.ru,
Researcher ID: ABE-5607-2021,
ORCID: 0000-0002-4592-5168

Igor V. Tserenov, Cand. of Sci. (Agricultural Industry), Applicant, Volga Region Research Institute of Manufacture and Processing of Meat-and-Milk Production, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: cbaska@mail.ru,
Researcher ID: ABE-5607-2021,
ORCID: 0000-0002-4592-5168

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-147-155>**Рецепция гастрономической культуры России современным ресторанным бизнесом в условиях постковидной ситуации****В. В. Волобуев¹ ✉, А. С. Третьяк¹, И. С. Салтынский¹**¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: volobuev.vit98@gmail.com

Резюме

Актуальность. Рассматриваемая в статье сфера ресторанной индустрии плотно контактирует с экономикой того или иного региона, а также экономикой страны в целом. Авторы убеждены, что ресторанный бизнес, как и многие другие, пострадал от условий коронавируса: был введен ряд ограничительных требований в сфере услуг, предприятия были ограничены в объеме предоставления услуг, в способах продвижения услуг на рынке. Сделан вывод, что приведенная стратегия реформирования ресторанного продукта при экономической рецепции гастрономической культуры России придаст стимул к развитию отечественного ресторанного продукта.

Цель статьи состоит в экономическом обосновании рецепции гастрономической культуры России современными предприятиями ресторанной индустрии.

Задачи: изучение теоретических основ гастрономического бренда; рассмотрение исторического аспекта; постановка стратегии реформирования ресторанного продукта при экономической рецепции гастрономической культуры России

Методология. Для анализа трудов отечественных специалистов, освещавших разные стороны ресторанных услуг, данных государственной статистики и документации, авторы опирались на такие методы, как статистико-экономический анализ, сравнительная оценка, причинно-следственный анализ.

Результаты. На основе исследования теоретических основ гастрономического бренда как феномена экономической теории и учета исторического аспекта были сформированы рекомендации по реформированию отечественного ресторанного продукта при рецепции гастрономической культуры России.

Выводы. Экспертная оценка экономической эффективности гастрономической культуры России на предприятиях ресторанного бизнеса раскрывает проблемы отечественного ресторанного бизнеса. Представленные пути рецепции основаны на экономических факторах, учтены определяющие показатели ресторанной деятельности за последние 2 года. По мнению авторов, главными факторами реформирования ресторанного бизнеса в постковидный период являются: культурно-исторический потенциал региона, конкурентоспособность заведений, целевые (потребительские) аудитории, ценовая политика предприятия, государственная поддержка. Приведенное обоснование придаст стимул к развитию отечественного ресторанного продукта и приведет к увеличению туристской привлекательности регионов.

Ключевые слова: гастрономическая культура; COVID-19; бренд; ресторанное предприятие; региональная экономика; развитие бизнеса; сервис.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Волобуев В. В., Третьяк А. С., Салтынский И. С. Рецепция гастрономической культуры России современным ресторанным бизнесом в условиях постковидной ситуации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 147–155. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-147-155>.

Поступила в редакцию 10.02.2023

Принята к публикации 05.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Волобуев В. В., Третьяк А. С., Салтынский И. С., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент / Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 147–155

Reception of the Gastronomic Culture of Russia by Modern Restaurant Business in a Post-Coffee Situation

Vitalii V. Volobuev¹ ✉, Anna S. Tretyak¹, Ivan S. Saltynsky¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: volobuev.vit98@gmail.com

Abstract

Relevance. The sphere of the restaurant industry considered in the article is in close contact with the economy of a particular region, as well as the economy of the country as a whole. The authors are convinced that the restaurant business, like many others, has suffered from the conditions of the coronavirus: a number of restrictive requirements were introduced in the service sector, enterprises were limited in the volume of services provided, in the ways of promoting services on the market. It is concluded that the given strategy of reforming the restaurant product in the economic reception of the gastronomic culture of Russia will give an incentive to the development of the domestic restaurant product.

The purpose of the article is to provide an economic justification for the reception of the gastronomic culture of Russia by modern enterprises of the restaurant industry.

Objectives: study of the theoretical foundations of the gastronomic brand; consideration of the historical aspect; formulation of a strategy for reforming the restaurant product in the economic reception of the gastronomic culture of Russia

Methodology. To analyze the works of domestic specialists who covered various aspects of restaurant services, state statistics and documentation, the authors relied on such methods as statistical and economic analysis, comparative assessment, causal analysis.

Results. Based on the study of the theoretical foundations of the gastronomic brand as a phenomenon of economic theory and taking into account the historical aspect, recommendations were formed on reforming the domestic restaurant product at the reception of the gastronomic culture of Russia.

Conclusions. The expert assessment of the economic efficiency of the gastronomic culture of Russia at the enterprises of the restaurant business reveals the problems of the domestic restaurant business. The presented reception routes are based on economic factors, the determining indicators of restaurant activity over the past 2 years are taken into account. According to the authors, the main factors of reforming the restaurant business in the post-crisis period are: the cultural and historical potential of the region, the conceptuality of institutions, target (consumer) audiences, the pricing policy of the enterprise, state support. The above justification will give an incentive to the development of the domestic restaurant product and will lead to an increase in the tourist attractiveness of the regions.

Keywords: gastronomic culture; COVID-19; brand; restaurant enterprise; regional economy; business development; service.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Volobuev V. V., Tretyak A. S., Saltynsky I. S. Reception of the Gastronomic Culture of Russia by Modern Restaurant Business in a Post-Coffee Situation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 147–155. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-147-155>.

Received 10.02.2023

Accepted 05.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

В настоящее время постковидного режима важно учитывать экономические показатели исследуемой сферы. Ресторанный бизнес, как и многие другие, пострадал от условий коронавируса: был введен ряд ограничительных требований в сфере услуг, предприятия были ограничены в объеме предоставления услуг, в способах продвижения услуг на рынке. В

2020 г. наблюдался интенсивный спад оборота средств, что негативно отразилось на экономике. Но тем не менее предприятия ресторанного бизнеса были вынуждены принять такую реальность и приспособиться к образовавшемуся «посткоронавирусному» рынку услуг. Были приняты кардинальные решения по реформированию предприятий, их продукта, ассортимента услуг, чтобы удер-

жаться на плаву. Конечно, стратегии, принятые владельцами бизнеса, зачастую оказывались неоправданными, не имели экономического обоснования, в связи с чем предприятия были вынуждены закрыться или сменить профиль деятельности, что само по себе несет значительные финансовые затраты.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2021 г. было зарегистрировано наличие 89735 единиц ресторанных предприятий России, это почти в 2 раза больше зарегистрированных столовых и закусочных, а

в 2022 г. – 92793, т. е. рост количества предприятий ресторанного типа за этот период невысок, составляет около 3,5%. По данным все того же реестра, был проанализирован оборот средств, он составил 1,527 трлн руб. за период январь – октябрь 2021 г. Показатели таковы, что в марте 2021 г. определен рост оборота на 3,5%, последующие месяцы оборот увеличивается в 2 раза, а по данным за 2022 г. известно, что оборот составил 2,2829 трлн руб. (рис.).

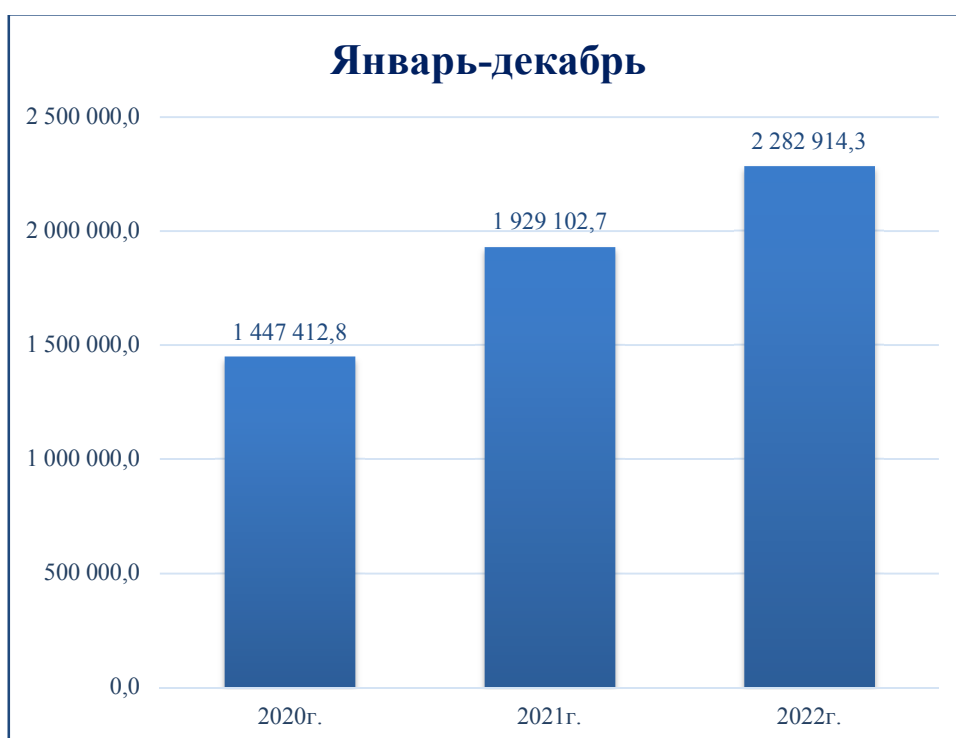

Рис. Оборот общественного питания в Российской Федерации, млн руб. [1]

Поддержка и стимулирование подобных показателей возможны лишь за счет внедрения новых инструментов ресторанного бизнеса, усиления прежних технологий, в т. ч. кейтеринга, инновации ресторанного продукта, ребрендинга, рецепции гастрономической культуры и т. д.

Акцент на гастрономическую культуру и брендинг, в частности, нами сделан в статье не случайно. Дело в том, что сегодня мало ученых исследуют гастрономическую культуру в ракурсе ресторанного бизнеса в России. Но на самом деле га-

строномическая культура уже давно проникла в социально-культурный сервис. Сюда можно отнести гастрономический туризм и гастрономические рестораны.

Материалы и методы

Исследование эффективности реформирования ресторанного продукта посредством гастрономической культуры, т. е. использования факторов рецепции, имеет много общего с исследованием экономики рынка услуг. При подборе методологии и материалов для проведения

исследования учитывались ключевые особенности, преобладающие в сфере услуг общественного питания и индустрии гостеприимства.

Стоит внести ясность в теоретическую основу гастрономического бренда. Гастрономический бренд простым языком – гастрономический продукт региона, обособленный своим функционалом: поддержание историко-культурного достояния, наличие гастрономических характеристик, кастомизация и отношение к конкретной, аутентичной территории. А гастрономическим продуктом может быть как готовое блюдо, так и сырье. Выделим ключевые элементы, которые включает образование гастрономического бренда:

- сырьевая база;
- технология приготовления;
- культурные основы приема пищи;
- кастомизация.

В ходе проведенного исследования экономического обоснования рецепции гастрономической культуры были изучены труды отечественных специалистов, освещавших вопросы состояния и развития ресторанного дела, в том числе: Ю. В. Веселов, Г. И. Чернов [2], В. В. Глущенко, И. И. Глущенко и др. [3], М. А. Поройкова, А. А. Шкунова и др. [4], Т. А. Фетисова, Е. Пономарев [5], Е. Г. Леонидова [6], А. Н. Федотов, С. В. Щепина [7].

В качестве методов были использованы: статистико-экономический анализ, сравнительная оценка, причинно-следственный анализ.

Результаты и их обсуждение

Конечно, при постановке вопроса об использовании гастрономической культуры в качестве бизнес-инструмента невозможно не затронуть такое понятие, как национальная кухня. Национальная кухня – это совокупность гастрономических характеристик страны, кулинарии, преобладающей исключительно той территории, которая исследуется. Многие отечественные специалисты ставят знак равенства между понятиями «национальная кухня» и «русская кухня», а с недавнего времени появилось и «новая русская

кухня», но это верно лишь отчасти. Все дело в том, что понятие «национальная кухня» несколько шире. Наша страна – многонациональное государство, в котором проживает более 190 народов, со своей историей, порядками, культурой, и поэтому под национальной кухней может пониматься кухня каждого из этих народов в отдельности.

Реформирование ресторанной индустрии происходит повсеместно и это связано, в т. ч., с концептуальным образованием. Данное образование подразумевает проектирование и реализацию той концепции заведения, которая будет наиболее выгодной с точки зрения экономики. В начале нулевых лидирующей была так называемая концепция «семи кухонь», использование в одном заведении меню, куда включены блюда более 7 стран. Так как в то время основной целью было создание наибольшего ассортимента блюд, зачастую жертвуя качеством, потребительский рынок банально стал отторгать данную идею. Безусловно, в начале такая новинка была настоящей приманкой для привлечения целевой аудитории, а что произошло потом? Экономическая политика таких ресторанов стала терпеть убытки из-за поддержки необходимых производственных мощностей, банально закупка продуктов стала вводить бизнес в «финансовую яму». Следом стали развиваться «точечные» кухни, рестораны постепенно уходили от идеи мировой кулинарии, активно начали появляться новые рестораны, предлагающие своим гостям меню конкретной кухни. Но даже сейчас, в 2023 г., в России продолжают держаться на плаву рестораны мировой кулинарии. Рестораны или имеют минимальную выручку, или прибегли к сетевому развитию, когда масштаб производства позволяет использовать концепцию мировой кухни, и действительно, в таких заведениях можно отведать блюда многих стран, не опасаясь плохого качества.

В нашей истории есть несколько интересных фактов, касающихся специализации гастрономической культуры. В

начале XVIII в. в царской России главенствовал процесс вестернизации. Вестернизация при Петре I – это постепенное заимствование порядков, положений, стратегий западных стран для улучшения жизни в государстве. Именно после возвращения из Великого посольства Петра Алексеевича в 1698 г. начинается вестернизация индустрии гостеприимства. Издаются указы касательно постоянных дворов, вводятся порядки их содержания, ну и самое главное – появляются трактиры по западному подобию. Но тут стоит отметить: несмотря на постоянные торговые отношения, въезд на территорию государства иностранных послов, вся продукция, предлагаемая гостям, была исключительно местная, царь запрещал продажу иностранных питей и продуктов [8]. Следующим важным моментом является политика после Петра I. Вскоре трактиры открывали по большей части иностранцы, и им было разрешено производство и реализация заграничной кухни. Так, зачастую именно французские повара постепенно замещали русских, французская кухня являлась чем-то новым, интересным, поэтому люди быстро ее полюбили за разнообразие и гастрономические характеристики [9; 10].

По нашему мнению, такая популярность некоторых кухонь формировалась из-за развитой гастрономической культуры и брендинга, а в последующем и рецепции данной культуры ресторанными предприятиями. Одним из факторов стремительного развития гастрономической культуры является территориальное устройство. Наша страна имеет самую большую площадь, поэтому концентрация гастрономических продуктов мала, по сравнению с той же Францией. Следовательно, необходимо учитывать региональное развитие гастрономической культуры, формирование брендов на уровне областей.

Представители экономической науки ежегодно представляют нашему вниманию анализ эффективности ресторанного дела и общественного питания в разных областях Российской Федерации, в том

числе: И. А. Максименко [11], М. Р. Морозова, Е. А. Панфилова [12], И. Н. Феденева, И. Ю. Севрюков и др. [13], А. Д. Чернова, Т. Ю. Токарева [14], И. Н. Леонтьева [15]. Изученные труды в той или иной степени предусматривают предмет присутствия гастрономической культуры в современном ресторанном бизнесе.

Итак, для грамотного внедрения гастрономической культуры в деятельность ресторанных предприятий в России необходимо учитывать следующие экономические факторы, влияющие на эффективность рецепции:

- культурно-исторический потенциал региона;
- концептуальность заведений;
- целевые (потребительские) аудитории;
- ценовая политика предприятия;
- государственная поддержка.

С культурно-историческим потенциалом тут все ясно: при исследовании отдельного региона следует рассматривать региональные гастрономические продукты, преемственные культуре и истории данной области, а также представляющие местное ресторанное хозяйство как элемент индустрии гостеприимства [16]. С остальными факторами все немного сложнее.

Концепция заведений ресторанного бизнеса является определяющим элементом направления деятельности, т. е. задает курс: какой продукт будет формироваться в заведении, производственные характеристики и обслуживание гостей. Сделаем акцент на том, что мы рассматриваем рецепцию гастрономической культуры России, поэтому подходящей будет концепция «русской кухни». Состояние ресторанной индустрии сейчас таково, что наблюдается преобладание иностранных кухонь над русской. В связи с этим требуется создание новых заведений или ребрендинг прежних для увеличения количества ресторанов местной кухни. Отечественная гастрономия состоит из мясных продуктов и блюд, овощей и фруктов, ягод, каш, местных напитков. Га-

строномические бренды присутствуют в каждом регионе, но зачастую они некастомизированны. Самая важная функция кастомизации – изменение вида товара, без замены его качественных характеристик. Это означает, что каждый гастрономический бренд может быть кастомизирован ресторанным предприятием под стандарты новой русской кухни, чтобы повысить его потребительскую привлекательность: упрощение, изменение внешнего вида, активизация цифрового маркетинга [17], использование молекулярной кухни (для ресторанов авторской кухни).

Следующий фактор, т. е. целевые аудитории, зачастую игнорируется владельцами такого рода бизнеса, создается продукт для мнимой аудитории, которая якобы должна стать потребителем продукта. Подобные ошибки возникают при открытии ресторана, бара или кафе на неподходящей территории (неподходящий уровень заведения для местных потребителей, неподходящий график работы заведения), или если бренд заведения не соответствует потребительскому спросу, часто такое происходит при франчайзинге [18]. Эффективность в ресторанном бизнесе состоит не в быстром и краткосрочном получении большой прибыли, а в частоте посещения заведения одной или несколькими целевыми группами. Поэтому к выбору своей, хотя бы одной для начала, целевой аудитории стоит подходить ответственно.

Фактор ценовой политики во много находит соприкосновение с взаимодействием целевой аудитории и ресторана. Поскольку при формировании ценовой политики учитывается и целевая аудитория, под которую будет формироваться ресторанный продукт. Ценовая политика выводится из расчета экономических показателей будущего предприятия: расчета необходимых производственных мощностей, закупки необходимого сырья, аренды помещения, уплаты всех необходимых налогов, заработной платы работников и т. д. Здесь, например, может быть использована кастомизация гастрономического бренда

для упрощения внешнего вида и, в свою очередь, снижения себестоимости.

Концепция гастрономической идентичности может выступать в качестве эффективного инструмента продвижения региона на рынке внутреннего и въездного туризма [19]. Немногие представители ресторанной индустрии пользуются «благами» нашего государственного обеспечения. 20 сентября 2019 г. Правительством Российской Федерации было подписано распоряжение, которым утвердили Стратегию развития туризма в Российской Федерации вплоть до 2035 г. [20]. Стратегия предусматривает планомерный рост востребованности туристского продукта на территории страны как для внутреннего туризма, так и для въездного. Ресторанная индустрия является элементом туристской инфраструктуры, т. е. предприятия данной отрасли активно участвуют в создании туристского продукта и в его реализации. Соответственно в ходе данной стратегии предусматривается поддержка мероприятий, благоприятно влияющих на развитие внутреннего и въездного туризма. Так как рецепция гастрономической культуры ресторанами предусматривает функцию повышения привлекательности продукта гастрономического туризма, то мероприятия, разработанные с участием данного продукта, будут иметь приоритетную поддержку от региональной власти, в т. ч. и финансовую. В ряде таких мероприятий могут быть гастрономические ужины, китчен-шоу, гастрономические фестивали местной кухни.

Выводы

Таким образом, рецепция гастрономической культуры – перспективное направление в развитии ресторанной индустрии. Экспертная оценка экономической эффективности гастрономической культуры России на предприятиях ресторанного бизнеса раскрывает проблемы отечественного ресторанного бизнеса. Представленные пути рецепции основаны на экономических факторах, учтены определяющие показате-

ли ресторанной деятельности за последние 2 года. Историческая отсылка дает нам понять, с какого периода в Российской империи началась вестернизация гастрономии, с преобладанием заграничного продукта над отечественным. По мнению авторов, главными факторами реформирования гастрономического бизнеса в постковидный период являются: культурно-исторический потенциал региона, концептуальность заведений, целевые (потребительские) аудитории, ценовая политика предприятия, государственная поддержка. Последний из представленных факторов является наибо-

лее выгодным, ведь финансирование со стороны государства в рамках выполнения стратегии развития внутреннего туризма – наиболее выгодный инструмент. Сделан вывод, что приведенное обоснование придаст стимул к развитию отечественного ресторанного продукта и увеличению туристской привлекательности регионов. Предложенные рекомендации могут быть использованы для реформирования ресторанного бизнеса в России посредством включения новых инструментов модернизации ресторанного продукта и продвижения его на рынке услуг.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).
2. Веселов Ю. В., Чернов Г. И. Еда и мы: гастрономический портрет Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 1. С. 182–209.
3. Развитие ресторанной сервисологии на основе методологии общей теории сервиса / В. В. Глущенко, И. И. Глущенко, С. К. Кац, К. А. Ольшевская, А. А. Пряхникова, Е. В. Сташкова // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 4. С. 353–371.
4. Поройкова М. А., Шкунова А. А., Прохорова М. П. Особенности организационной культуры ресторанного бизнеса // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 2 (36). С. 378–384.
5. Фетисова Т. А. Пономарев Е. Столичный ресторан как феномен русской жизни fin de siècle (от Тургенева, Достоевского и Толстого к Куприну и Бунину) // Вестник культурологии. 2019. № 3 (90). С. 148–151.
6. Леонидова Е. Г. Туризм в России в условиях COVID-19: оценка экономического эффекта от стимулирования спроса для страны и регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 2. С. 59–74.
7. Федотов А. Н., Щепина С. В. Стратегические вопросы развития ресторанного бизнеса в условиях пандемии и в постпандемический период // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13, № 2.
8. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. IV. 881 с.
9. Горюшкина Н. Е. История гостиничного дела: трактирные заведения в России в XVIII–XIX веках // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: сборник научных статей XIX Международной научно-практической конференции. Курск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Курский филиал, 2020. Т. 1. С. 137–140.
10. Горюшкина Н. Е. История гостиничного дела: постоялые дворы в России XIX века // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: сборник научных статей Всероссийской молодежной научной конференции. Курск: Университетская книга, 2020. Т. 1. С. 324–327.
11. Максименко И. А. Синхронизация стратегических действий ресторанного бизнеса и рынка Красноярского края как фактор обеспечения конкурентной устойчивости // Региональная экономика и управление. 2021. № 4 (68). С. 1–14.
12. Морозова М. Р., Панфилова Е. А. Структурная динамика развития рынка ресторанных услуг в г. Ростове-на-Дону // Символ науки: Международный научный журнал. 2021. № 12-1. С. 36–40.
13. Общественное питание в структуре туристской индустрии (на примере г. Новосибирска) / И. Н. Феденёва, И. Ю. Севрюков, О. В. Леушина, Р. А. Якшигулов // Человек. Спорт. Медицина. 2021. № S1. С. 166–170.
14. Чернова А. Д., Токарева Т. Ю. Анализ современного состояния и перспектив развития организации и технологий предоставления услуг питания в России и за рубежом // Гуманитарный научный журнал. 2021. № 1. С. 173–178.

15. Леонтьева И. Н. Состояние и тенденции развития общественного питания в Архангельской области // Вестник науки. 2022. Т. 2, № 7 (52). С. 185–191.
16. Прокопец Т. Н., Каморная Д. А. Исследование функционирования предприятий общественного питания как структурного элемента развития индустрии гостеприимства // Туризм и гостеприимство. 2022. № 2. С. 3–8.
17. Иванченко О. В., Перепелица А. О. Влияние пандемии COVID-19 на трансформацию цифровой маркетинговой деятельности в сфере ресторанного бизнеса // Вестник Ростовского государственного экономического университета РИНХ. 2021. № 4 (76). С. 64–70.
18. Ищук А. С. Франчайзинг и COVID-19: адаптация, тренды и потенциал в восстановлении экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 4. С. 119–130.
19. Сильчева Л. В., Балынин К. А. Гастрономическая идентичность региона. Сущность и практическое значение // Естественные и математические науки в современном мире. 2015. № 32. С. 86–92.
20. Правительство Российской Федерации. URL: <https://government.ru/> (дата обращения: 20.02.2023).

References

1. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/>. (accessed 18.02.2023)
2. Veselov Yu. V., Chernov G. I. Eda i my: gastronomicheskii portret Peterburga [Food and we: a gastronomic portrait of St. Petersburg]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2018, no. 1, pp. 182–209.
3. Glushchenko V. V., Glushchenko I. I., Katz S. K., Olshevskaya K. A., Pryazhnikova A. A., Stashkova E. V. Razvitie restoranoi servisologii na osnove metodologii obshchei teorii servisa [The development of restaurant servicology based on the methodology of the general theory of service]. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2018, vol. 4, no. 4, pp. 353–371.
4. Poroikova M. A., Shkunova A. A., Prokhorova M. P. Osobennosti organizatsionnoi kul'tury restorannogo biznesa [Features of the organizational culture of the restaurant business]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*, 2019, no. 2 (36), pp. 378–384.
5. Fetisova T. A., Ponomarev E. Stolichnyi restoran kak fenomen russkoi zhizni fin de siècle (ot Turgenyeva, Dostoevskogo i Tolstogo k Kuprinu i Buninu) [Ponomarev E. The capital's restaurant as a phenomenon of Russian life fin de siècle (from Turgenev, Dostoevsky and Tolstoy to Kuprin and Bunin)]. *Vestnik kul'turologii = Bulletin of Cultural Studies*, 2019, no. 3 (90), pp. 148–151.
6. Leonidova E. G. Turizm v Rossii v usloviyakh COVID-19: otsenka ekonomicheskogo effekta ot stimulirovaniya sprosа dlya strany i regionov [Tourism in Russia in the conditions of COVID-19: assessment of the economic effect of stimulating demand for the country and regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, no. 2, pp. 59–74.
7. Fedotov A. N., Shchepina S. V. Strategicheskie voprosy razvitiya restorannogo biznesa v usloviyakh pandemii i v postpandemicheskii period [Strategic issues of restaurant business development in the context of a pandemic and in the post-pandemic period]. *Baikal Research Journal = Baikal Research Journal*, 2022, vol. 13, no. 2.
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The Complete Collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Printing house of the 2nd department of its Own E. I. V. Chancery, 1830, vol. IV. 881 p.
9. Goryushkina N. E. [The history of hotel business: tavern establishments in Russia in the XVIII–XIX centuries]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: problemy, tendentsii, perspektivy. Sbornik nauchnykh statei XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Socio-economic development of Russia: problems, trends, prospects. Collection of scientific articles of the 19th International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Financial University under the Government of the Russian Federation Kursk Branch Publ., 2020, vol. 1, pp. 137–140. (In Russ.)
10. Goryushkina N. E. [The history of hotel business: inns in Russia of the XIX century]. *Za nami budushchee: vzglyad molodykh uchenykh na innovatsionnoe razvitie obshchestva. Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii* [The future is ours: the view of young scientists on the innovative development of society. Collection of scientific articles of the All-Russian Youth Scientific Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020, vol. 1, pp. 324–327. (In Russ.)
11. Maksimenko I. A. Sinkhronizatsiya strategicheskikh deistvii restorannogo biznesa i rynka krasnoyarskogo kraia kak faktor obespecheniya konkurentnoi ustoichivosti [Synchronization of strategic actions of the

restaurant business and the Krasnoyarsk territory market as a factor of ensuring competitive stability]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie = Regional Economics and Management*, 2021, no. 4 (68), pp. 1–14.

12. Morozova M. R., Panfilova E. A. Strukturnaya dinamika razvitiya rynka restorannykh uslug v g. Rostove-na-Donu [Structural dynamics of the restaurant services market development in Rostov-ON-Don]. *Simvol nauki: Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal = Symbol of Science: International Scientific Journal*, 2021, no. 12-1, pp. 36–40.

13. Fedeneva I. N., Sevryukov I. Yu., Leushina O. V., Yakshigulov R. A. Obshchestvennoe pitanie v strukture turistskoi industrii (na primere g. Novosibirsk) [Public catering in the structure of the tourist industry (on the example of Novosibirsk)]. *Chelovek. Sport. Meditsina = Man. Sport. Medicine*, 2021, vol. 21, no. S1, pp. 166–170.

14. Chernova A. D., Tokareva T. Yu. Analiz sovremennogo sostoyaniya i perspektiv razvitiya organizatsii i tekhnologii predostavleniya uslug pitaniya v rossii i za rubezhom [Analysis of the current state and prospects for the development of the organization and technologies of catering services in Russia and abroad]. *Gumanitarnyi nauchnyi zhurnal = Humanitarian Scientific Journal*, 2021, no. 1, pp. 173–178.

15. Leontieva I. N. Sostoyanie i tendentsii razvitiya obshchestvennogo pitaniya v Arkhangel'skoi oblasti [The state and trends in the development of public catering in the Arkhangel'sk region]. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*, 2022, no. 7 (52), pp. 185–191.

16. Prokopets T. N., Kamornaya D. A. Issledovanie funktsionirovaniya predpriyatii obshchestvennogo pitaniya kak strukturnogo elementa razvitiya industrii gostepriimstva [Investigation of the functioning of public catering enterprises as a structural element of the development of the hospitality industry]. *Turizm i gostepriimstvo = Tourism and Hospitality*, 2022, no. 2, pp. 3–8.

17. Ivanchenko O. V., Perepelitsa A. O. Vliyanie pandemii COVID-19 na transformatsiyu tsifrovoy marketingovoy deyatel'nosti v sfere restorannogo biznesa [The impact of the COVID-19 pandemic on the transformation of digital marketing activities in the field of restaurant business]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta RINKh = Bulletin of the Rostov State University of Economics RINH*, 2021, no. 4 (76), pp. 64–70.

18. Ischuk A. S. Franchaizing i COVID-19: adaptatsiya, trendy i potentsial v vosstanovlenii ekonomiki [Franchising and COVID-19: adaptation, trends and potential in economic recovery]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2022, no. 4, pp. 119–130.

19. Silcheva L. V., Balynin K. A. Gastronomicheskaya identichnost' regiona. Sushchnost' i prakticheskoe znachenie [Gastronomic identity of the region. The essence and practical significance]. *Estestvennye i matematicheskie nauki v sovremennom mire = Natural and Mathematical Sciences in the Modern World*, 2015, no. (31), pp. 86–92.

20. Pravitel'stvo Rossiiskoi Federatsii [Government of the Russian Federation]. Available at: <https://government.ru/>. (accessed 20.02.2023)

Информация об авторах / Information about the Authors

Волобуев Виталий Валерьевич, преподаватель кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: volobuev.vit98@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8996-736X

Третьяк Анна Сергеевна, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: anna_tretyak@bk.ru, ORCID: 0000-0001-5204-613X

Салтынский Иван Сергеевич, студент факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: Sontsov.ivan@gmail.com

Vitalii V. Volobuev, Lecturer of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: volobuev.vit98@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8996-736X

Anna S. Tretyak, Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: anna_tretyak@bk.ru, ORCID: 0000-0001-5204-613X

Ivan S. Saltinskii, Student of the Faculty of Linguistics and Intercultural Communication, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: Sontsov.ivan@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-156-166>Инновации в сфере экскурсионного обслуживания
в гостиничной индустрииЖ. Ю. Коптева¹ ✉, А. Р. Федорова¹¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: zhanna.kopteva@inbox.ru

Резюме

Актуальность. Экскурсионные услуги входят в перечень дополнительных гостиничных услуг и сегодня предоставляются практически во всех отелях, независимо от их категории и репутации. На сегодняшний день российская экономика находится под влиянием западных ограничительных мер и кардинальных изменений, которые происходят в международных отношениях и мировой политике. В условиях трансформации экономики России увеличивается спрос на внутренний рекреационный и познавательный туризм, что является толчком для развития и укрепления внутреннего туризма. Статья посвящена изучению применения современных технологий в сфере экскурсионного обслуживания отелей на примере технологий виртуальной реальности.

Цель – обосновать внедрение применения современных технологий в сфере экскурсионного обслуживания гостиничной индустрии.

Задачи: дать характеристику инновации; определить цель создания инновации и ее целевую аудиторию; рассмотреть ресурсы, необходимые для создания данной инновации, и предполагаемый от нее результат.

Методология. Данное исследование организовано на поиске, научном обзоре и анализе материала, размещенного в открытых источниках (ресурсы Интернета) и печатных научных изданиях. В статье также использованы данные из научных публикаций, размещенных в печатных источниках. Исходя из общей логики статьи материал был систематизирован и обработан.

Результаты. В результате дано обоснование применения современных VR-технологий в сфере экскурсионного обслуживания гостиничной индустрии, рассмотрены ресурсы, необходимые для ее создания, определена целевая аудитория и экономическая эффективность. Кроме того, важным итогом является повышение репутации отеля и ее известности на рынке, что приведет к увеличению потока туристов и доходности гостиничного предприятия.

Выводы. Предлагаемые современные VR-технологии направлены на усовершенствование сферы экскурсионного обслуживания отелей, повышение качества экскурсионного обслуживания и удовлетворения познавательных потребностей гостей, увеличение объема экскурсионных услуг и чистой прибыли гостиничного предприятия.

Ключевые слова: инновации; экскурсионное обслуживание; гостиничная индустрия; виртуальная реальность; VR-технология.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Коптева Ж. Ю., Федорова А. Р. Инновации в сфере экскурсионного обслуживания в гостиничной индустрии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 156–166. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-156-166>.

Поступила в редакцию 15.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Коптева Ж. Ю., Федорова А. Р., 2023

Innovations in the Field of Excursion Services in the Hotel Industry

Zhanna Yu. Kopteva¹ ✉, Anastasia R. Fedorova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: zhanna.kopteva@inbox.ru

Abstract

Relevance. Sightseeing services are included in the list of additional hotel services and today are provided in almost all hotels, regardless of their category and reputation. Today, the Russian economy is under the influence of Western restrictive measures and cardinal changes that are taking place in international relations and world politics. In the context of the transformation of the Russian economy, the demand for domestic recreational and educational tourism is increasing, which is an impetus for the development and strengthening of domestic tourism. The article is devoted to the study of the application of modern technologies in the field of excursion service of hotels, using the example of virtual reality technologies.

The purpose is to justify the introduction of modern technologies in the field of excursion services of the hotel industry.

Objectives: to characterize the innovation, to determine the purpose of creating an innovation and its target audience, to consider the resources needed to create this innovation, and the expected result from it.

Methodology. His research is organized on the search, scientific review and analysis of the material published in open sources (Internet resources) and printed scientific publications. The article also uses data from scientific publications published in printed sources. Based on the general logic of the article, the material was systematized and processed.

Results. As a result, the rationale for the use of modern VR technologies in the field of excursion services of the hotel industry is given, the resources necessary for its creation are considered, the target audience and economic efficiency are determined. In addition, an important result is to increase the reputation of the hotel and its popularity in the market, which will lead to an increase in the flow of tourists and the profitability of the hotel enterprise.

Conclusions. The proposed modern VR technologies are aimed at improving the field of excursion services of hotels, improving the quality of excursion services and meeting the cognitive needs of guests, increasing the volume of excursion services and the net profit of the hotel enterprise.

Keywords: innovation; excursion service; hotel industry; virtual reality; VR technology.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kopteva Zh. Yu., Fedorova A. R. Innovations in the Field of Excursion Services in the Hotel Industry. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 156–166. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-156-166>.

Received 15.02.2023

Accepted 10.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

На сегодняшний день российская экономика находится под влиянием западных ограничительных мер и кардинальных изменений, которые происходят в международных отношениях и мировой политике.

В 2022 г. российская туристическая отрасль попала под санкции Запада. Это серьезный риск для предприятий, бизнес-структур и отраслей, которые ориентиро-

ваны на внешние рынки или деятельность которых зависит от иностранных поставщиков. Они оказывают воздействие на деловые связи с зарубежными партнерами, доступ к зарубежным рынкам, отдельным товарам, услугам и технологиям. Многие компании, против которых введены торговые и блокирующие ограничения, несут значительный финансовый и репутационный ущерб.

Одной из отраслей, которая попала под влияние международных санкций и

ограничений, является гостиничная индустрия. Ограничительные меры привели к тому, что такие зарубежные гостиничные сети, как Accor, IHG, Marriot, Hilton, Hyatt, приостановили свою деятельность или покинули российский рынок. Также отечественный рынок покинул крупнейший международный сервис интернет-бронирования Booking.com.

В условиях трансформации экономики России увеличивается спрос на внутренний рекреационный и познавательный туризм, что является толчком для развития и укрепления внутреннего туризма.

В свою очередь, внутренний туризм – основной фактор для прогрессивного подъема гостиничного рынка России. Его расширение способствует созданию новых точек роста для данной индустрии. Уход зарубежных компаний в сочетании с ростом внутреннего спроса является стратегической возможностью для отечественных гостиничных сетей.

Однако сложившаяся ситуация привела также к росту уровня конкуренции на российском рынке гостиничных услуг. Поэтому организациям данного сектора экономики необходимо своевременно адаптироваться к динамично меняющимся условиям, становясь инициатором внутриорганизационных инновационных процессов. Причем данные инновационные процессы должны протекать с обязательным применением современных компьютерных технологий [1].

Именно инновации с использованием современных технологий помогают привлечь новых клиентов, увеличить прибыль гостиничного предприятия и повысить его конкурентоспособность на рынке, а также способствуют процессу развития отечественной гостиничной индустрии.

Исходя из актуальности данной проблемы была выбрана тема исследования. Практическая значимость исследования заключается в предложении по усовершенствованию экскурсионного обслуживания гостиничных предприятий.

Материалы и методы

Экскурсия (от лат. *excursio* – поездка) – это коллективное или индивидуальное посещение достопримечательных чем-либо объектов (памятники культуры, музеи, предприятия, местность и т. д.), поездка куда-либо с образовательной, познавательной целью, а также форма и метод приобретения знаний [2, с. 56].

Экскурсионные услуги входят в перечень дополнительных гостиничных услуг и сегодня предоставляются практически во всех отелях, независимо от их категории и репутации. Экскурсионным обслуживанием на гостиничном предприятии занимаются менеджер по организации экскурсий и экскурсовод. В некоторых крупных гостиницах имеются собственные экскурсионные бюро и специализированные отделы [3; 4, с. 215].

Согласно статистическим данным, количество прибыльных организаций туристической индустрии в стране в 2021 г. увеличилось на 11% по сравнению с 2020 г. и почти на 25% за последние пять лет. Также наблюдается рост инвестиций в основной капитал (табл. 1). Отрасли уделяется особое внимание и системная поддержка со стороны государства, посредством реализации федеральных программ («Развитие туристической инфраструктуры», «Повышение доступности туристических продуктов» и «Совершенствование управления в сфере туризма») и согласно национальному проекту «Туризм и индустрия гостеприимства». Если на поддержку туризма в 2019 г. было направлено 7 млрд руб., то в 2022 г. – 74,5 млрд руб. [5].

Меры государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, которые осуществляют деятельность в сфере гостиничного бизнеса:

- федеральные и региональные меры поддержки;

- финансовая поддержка (программы льготных кредитов, отсрочка по кредитам);

- меры налогового стимулирования и льготное налогообложение (снижение

ставки налогов и страховых взносов, продление срока уплаты налоговых платежей);

- отсрочка и снижение размера арендных платежей;

- гранты;

- государственная поддержка региональных программ;

- поддержка и продвижение событийных мероприятий;

- программа туристического кешбека;

- продвижение внутреннего туризма

[6; 7].

Таким образом, наблюдается положительная динамика показателей деятельности гостиничной индустрии в РФ (табл. 1, рис. 1-4).

Для усиления эмоциональной составляющей и повышения эффективно-

сти предоставления экскурсионных услуг при отелях предлагается в качестве альтернативы классическим экскурсиям VR-экскурсии с применением технологий виртуальной реальности. Технология виртуальной реальности (virtualreality, VR) – это комплексная технология, позволяющая погрузить человека в смоделированный с помощью компьютерных технологий виртуальный мир при использовании специализированных устройств (шлемов и очков виртуальной реальности) [9, с. 23; 10; 11]. Данная технология уже нашла применение не только в игровой индустрии, но и в маркетинге, торговле недвижимостью, дизайне, образовании и медицине.

Таблица 1. Отдельные показатели деятельности организаций туриндустрии в РФ в 2015–2021 гг. [8].

Наименование статистических показателей	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Число организаций	85 115	86 968	114 779	113 009	111 874	113 847	114 041
Число прибыльных организаций	62 592	64 821	87 169	85 870	85 062	76 320	86 096
Число убыточных организаций	22 523	22 147	27 610	27 139	26 812	37 527	27 945
Выручка (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей), млрд руб.	2 815,3	3 103,4	5 584,3	6 207,3	4 879,3	5 212,4	7 130,5
Прибыль, млрд руб.	155,0	302,6	380,2	371,4	353,6	254,6	483,0
Убыток, млрд руб.	325,4	141,7	208,8	168,5	180,1	471,4	233,1
Ввод в действие объектов туризма, мест:							
– гостиницы	11 976	10 822	12 460	12 191	14 489	11 711	13 245
– санатории	395	356	1 287	664	840	188	1 714
– дома отдыха	709	730	850	2 794	1 415	847	1 430
– туристские базы	358	371	817	417	580	804	1 019
– мотели	25	149	99	177	67	404	69
– кемпинги	28	60	3	105	426	107	32
Среднемесячная начисленная заработная плата работников, руб.	40 044	42 947	46 160	51 580	54 185	52 985	59 234
Оборот, млрд руб.	1 754,2	1 755,7	2 416,5	2 785,4	3 041,1	1 950,4	2 960,0
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	370,9	323,8	313,1	348,9	359,5	343,4	388,6
Наличие основных фондов на конец года по остаточной балансовой стоимости, млрд руб.	1 425,6	1 583,4	2 744,2	3 091,7	3 121,8	2 057,9	2 107,2
Ввод новых основных фондов, млрд руб.	189,3	187,4	242,1	385,4	425,9	288,3	288,7

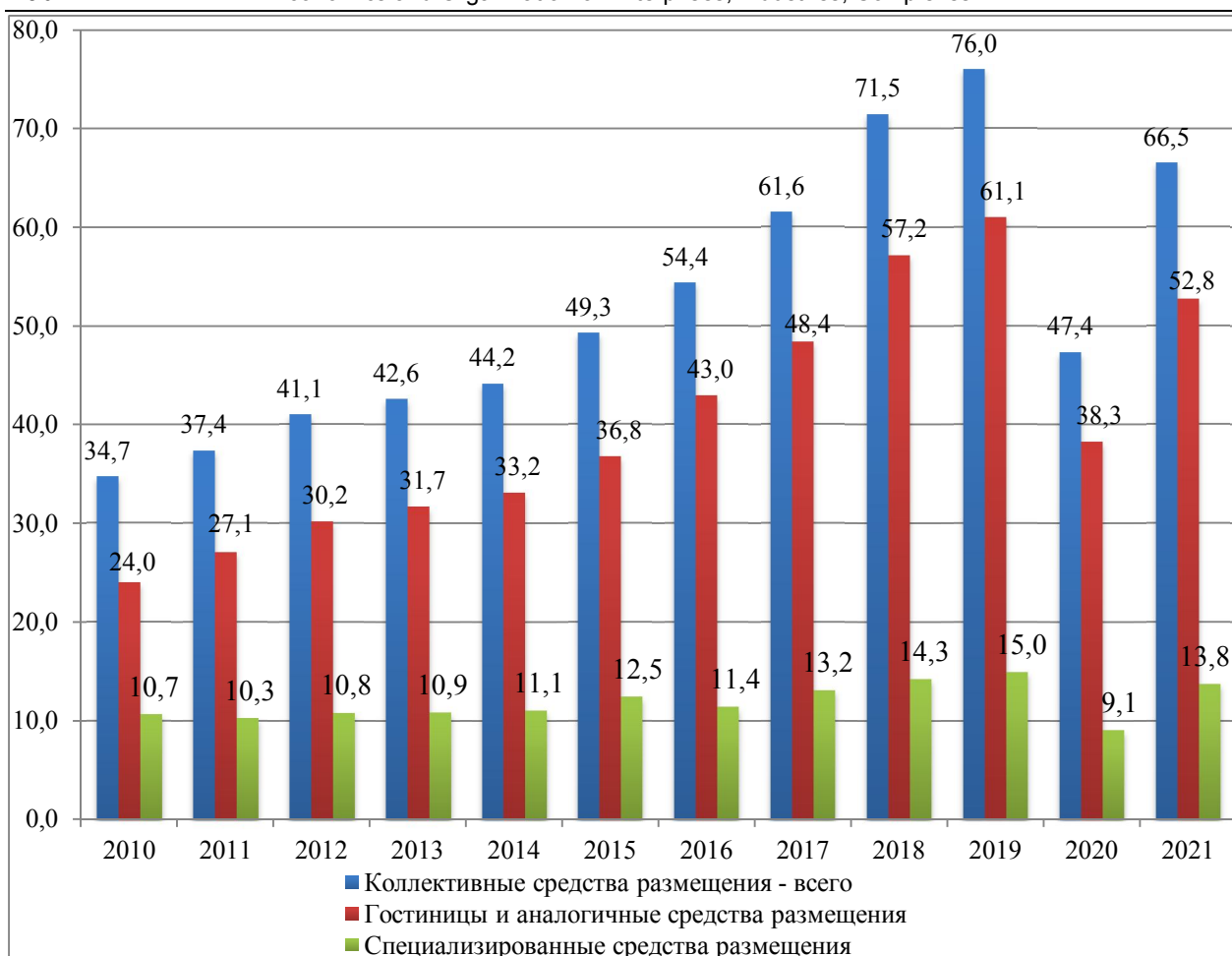

Рис. 1. Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения в 2010–2021 гг., млн чел. [8].

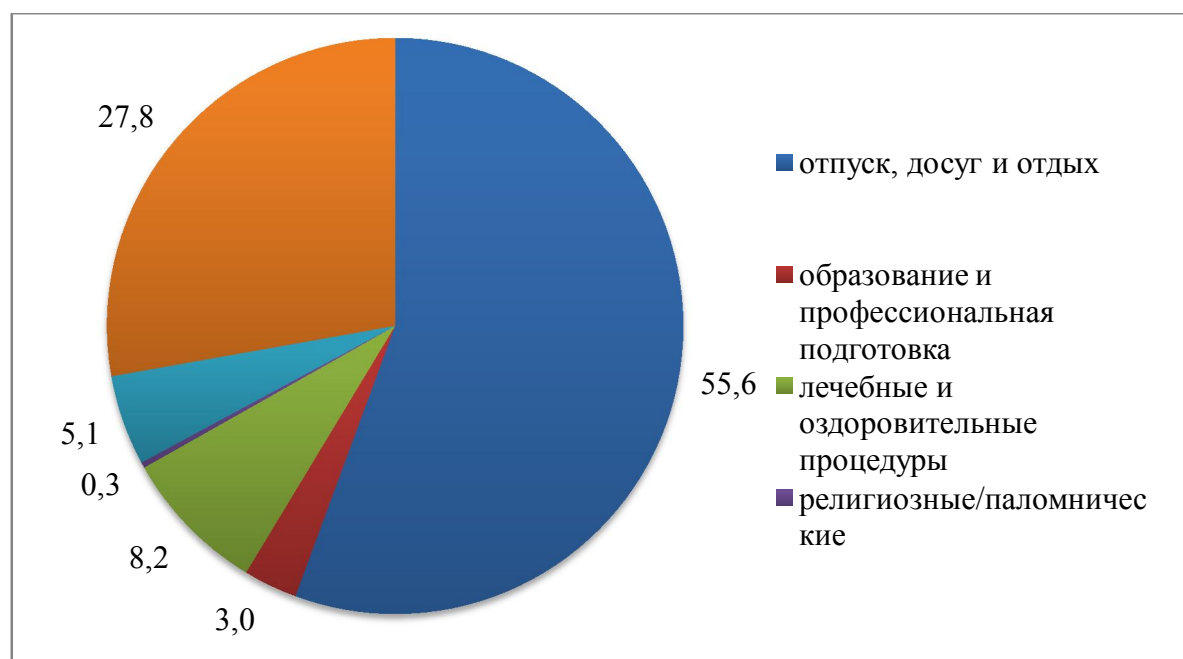

Рис. 2. Распределение численности лиц, размещенных в коллективных средствах размещения, по целям поездок в 2021 г., % [8]

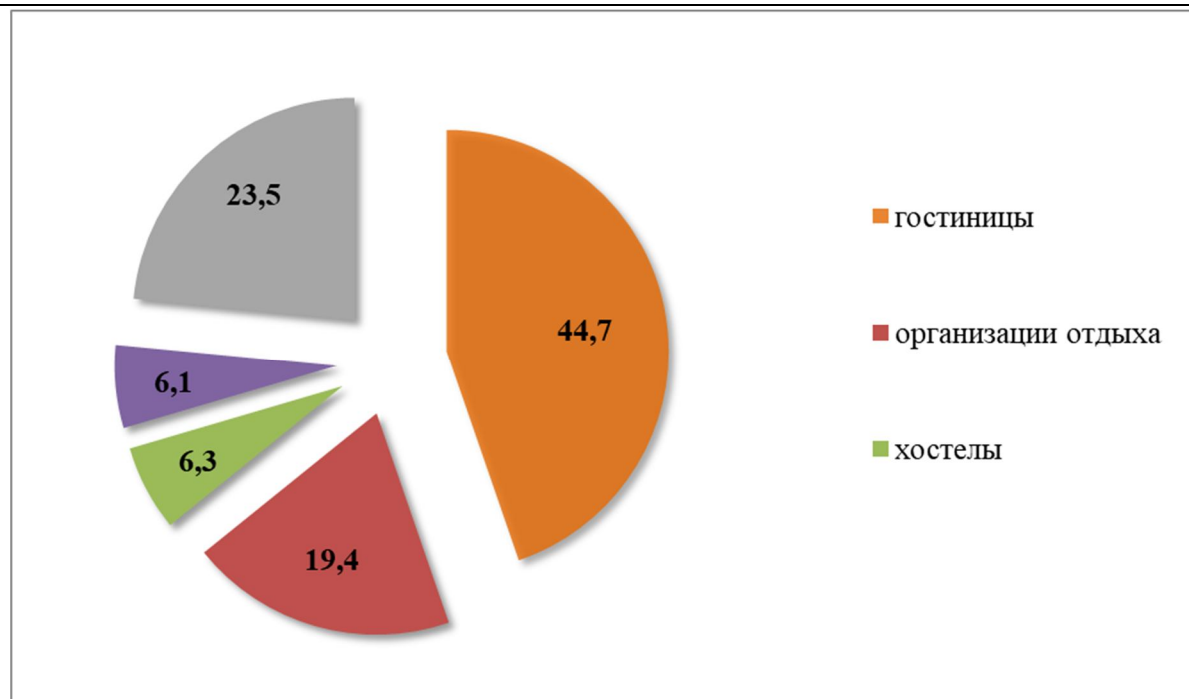

Рис. 3. Распределение числа коллективных средств размещения по типам в 2021 г., % [8].

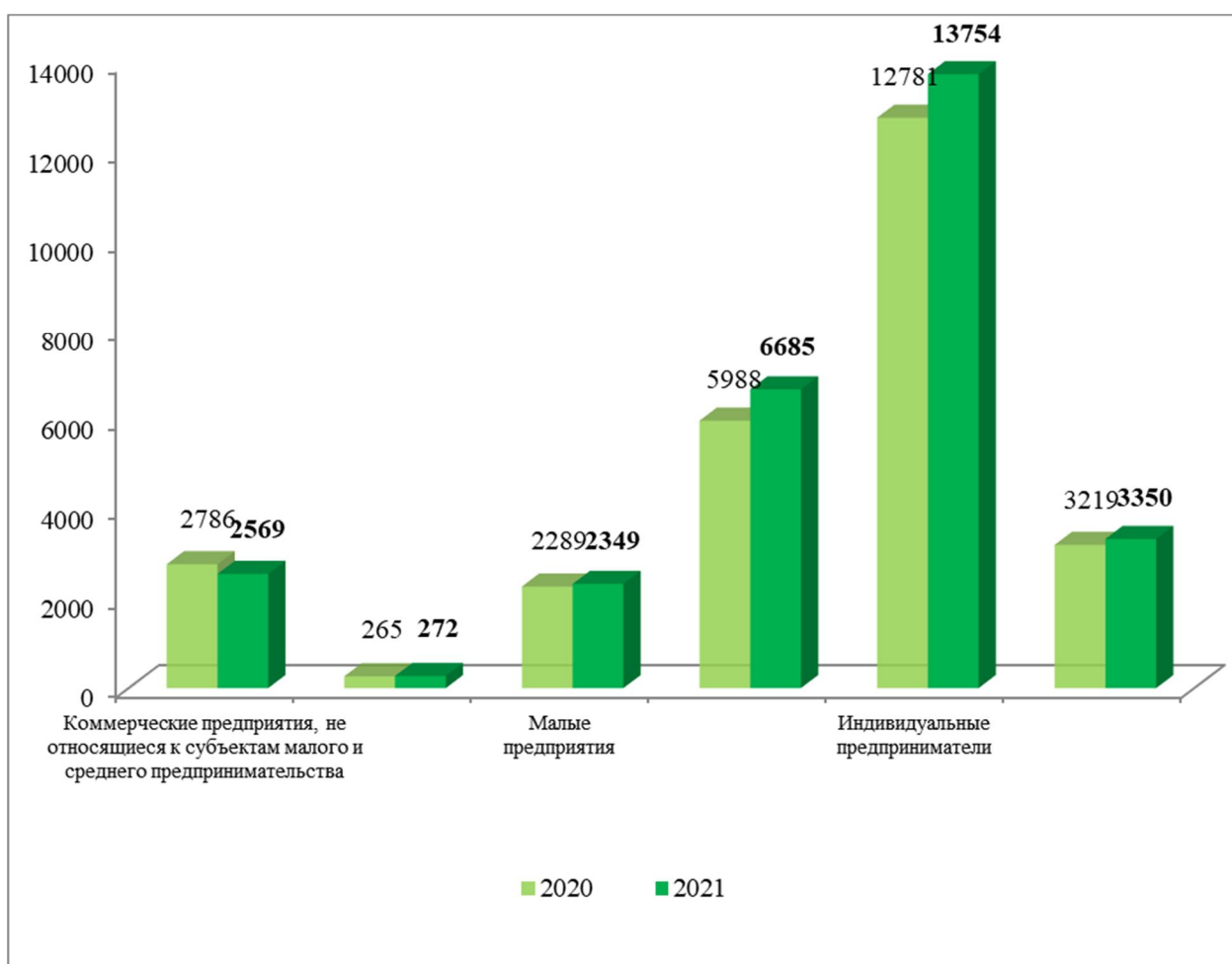

Рис. 4. Число коллективных средств размещения по типам хозяйствующих субъектов 2020–2021 гг. [8].

В современных условиях применение технологий виртуальной реальности в сфере туристической индустрии (виртуальный туризм) достаточно актуально и востребовано. Однако в отечественной науке данная тема недостаточно изучена. В результате границы таких терминов, как «виртуальный туризм», «виртуальный тур», «виртуальное путешествие», «виртуальная экскурсия», остаются размытыми, и их трактовка требует дальнейшей конкретизации. Сложившаяся ситуация объясняется относительной новизной и динамичностью развития технологий виртуальной реальности.

Несмотря на то, что авторов, занимающихся вопросами теоретического осмысления виртуального туризма, небольшое количество, важно отметить весомый вклад в изучение данной темы таких исследователей, как В. А. Шамликашвили, И. А. Латыпов, Ю. П. Воронина, Е. А. Борисов, В. Е. Быкасов, С. А. Вагрян, Ю. М. Елфимова, Н. А. Кинстлер.

Так, например, И. А. Латыпов определил виртуальный туризм как особый вид деятельности физических и юридических лиц, организующих виртуальные туры. Данное определение является недостаточно полным.

Наиболее точно и емко термин «виртуальный туризм» истолковала В. А. Шамликашвили, определив его как деятельность индивида, направленную на реализацию взятой фактической реальной информации без физического перемещения с применением современной компьютерной техники и коммуникационных сетей [12].

Е. А. Кшуманева обозначила понятие «виртуальный тур» (он же – «виртуальная экскурсия») как «новый метод отображения трехмерного пространства на экране, сопровождающийся привязкой дополнительных мультимедийных информационных компонентов: 3D-объекты, видео и фотогалерея, поясняющие надписи, всплывающие окна с до-

полнительной информацией, графически оформленные клавиши управления» [13].

В. А. Кинстлер рассматривал виртуальный тур как «небольшое приложение, размещаемое на сайте компании и включающее в себя сферические фотографии с обзором в 360 градусов, навигацию и интерактивные элементы» [14].

Наиболее полное определение термина «виртуальная экскурсия (тур)» принадлежит С. Е. Юленкову. По его мнению, виртуальная экскурсия – это «способ реалистичного отображения трехмерного многоэлементного пространства на экране» [15].

По мнению Ю. П. Ворониной, виртуальное путешествие представляет собой «тип путешествия, предполагающий физическую дистанцию человека от места желаемого посещения, но сопровождаемый визуализацией присутствия и соответствующим эмоционально-событийным переживанием» [16].

Результаты и их обсуждение

Сегодня в Интернете на сайтах известных мировых музеев можно «посетить» виртуальные панорамные экскурсии. Но VR-экскурсия отличается от подобной экскурсии, которая технически состоит из связанных между собой панорам, т. е. пользователь имеет возможность просматривать на экране монитора набор больших закольцованных фотографий. Взаимодействие с такой системой ограничено – пользователь сможет только видеть вокруг, вращая панораму, и «перемещаться» между ними по заданным точкам.

Виртуальная реальность, в отличие от мультимедийных технологий, обеспечивает полное погружение в искусственно созданный трехмерный мир с помощью VR-очков. Человек воспринимает данный мир максимально естественно за счет воздействия VR на его ощущения и органы чувств: VR заменяет физические

ощущения реального мира на виртуальные [17; 18, с. 4].

Можно сказать, что VR-экскурсия – это компьютерная игра. Виртуальная среда, окружающая пользователя, позволяет ему свободно перемещаться в пределах реализованного пространства и взаимодействовать с любыми предметами. Данная среда определенным образом может реагировать на действия человека.

Экскурсионное обслуживание с применением данной инновации может осуществляться по следующему алгоритму. Гостю предоставляется выбор между классической экскурсией и VR-экскурсией, на которой также можно «посетить» религиозные, культурные, исторические достопримечательности и музеи региона. При выборе виртуальной технологии гостя приглашают в оборудованное помещение, где на него надевают VR-очки с наушниками и запускают интересующую его экскурсию. VR-экскурсия содержит аудиосопровождение: по мере продвижения пользователя по экскурсии воспроизводится заранее записанный рассказ экскурсовода о посещаемой достопримечательности и об объектах, с которыми взаимодействует пользователь. Аудиосопровождение представлено на русском языке и на нескольких иностранных языках.

Данная инновация предназначена для туристов, путешествующих в познавательных целях, и позволит им в короткий срок, не выходя из отеля, «посетить» как можно больше достопримечательностей.

Управление взаимодействием с объектами в виртуальной реальности осуществляется с помощью специальных контроллеров. Некоторые из них позволяют путешествовать в VR без перемещения пользователя в реальном пространстве. Поэтому данная технология также направлена на гостей с ОВЗ, имеющих ограничения в передвижении, неспособных посещать классические экскурсии.

Такая инновация позволит гостиничному предприятию повысить эффективность продаж экскурсионного продукта и увеличить прибыль. Также она будет способствовать привлечению новых клиентов и повышению конкурентоспособности гостиницы на рынке [19; 20].

Для внедрения необходимо приобрести VR-очки с наушниками, а также компьютер с высокой производительностью и накопителем данных большой емкости. Необходимо наличие специальной комнаты, в которой будет установлено данное оборудование. Эта комната должна быть просторной, и в ней не должны присутствовать посторонние и травмоопасные предметы.

VR-экскурсия – это компьютерная программа, для разработки которой необходимо привлечение программистов и 3D-моделлеров. Они совместно с экскурсоводами гостиницы составляют техническое задание, в котором фиксируются все требования к будущему продукту. На основе этого документа ведется разработка и тестирование VR-экскурсии.

Потребность в финансовых ресурсах для реализации проекта «VR-экскурсии» (расходы на мебель, оборудование, компьютер с высокой производительностью (Асер РО3-630), системы датчиков отслеживания движения (VIVATRACKER 3.0) и др.) составит 753787 руб.

Годовые расходы на оказание услуги «Показ фильмов» составят 652 432 руб., а ее себестоимость – 894 руб. Затраты на услугу «Виртуальный тур (индивидуальный)» – 709687 руб. в год, себестоимость услуги составит 972 руб.

При средней загруженности общая годовая выручка составит 2 044 000 руб., а общая чистая прибыль – 681820 руб. С учетом затрат на себестоимость услуг проект окупится примерно в течение одного года (табл. 2).

Финансовый результат от реализации проекта составит 681820 руб. в год.

Таблица 2. Эффективность внедрения VR-экскурсии с применением технологий виртуальной реальности

Показатели	Вид услуги	
	показ фильмов	виртуальный тур (индивидуальный)
Цена за ед. услуги, руб.	1100	1700
Среднее кол-во посещений в день	2	2
Выручка за 1 год, руб.	803000	1241 000
Прямые годовые расходы, руб.	20 400	20 400
Коммерческие годовые расходы, руб.	15 600	15 600
Итого годовых затрат, руб.	652 432	709 687
Себестоимость ед. услуги, руб.	894	972
Чистая прибыль в месяц, руб.	12360	43 680
Чистая прибыль в год, руб.	150380	531 440

Выводы

В условиях трансформации российской экономики неизбежен рост конкуренции на отечественном рынке гостиничных услуг. Поэтому инновации в сфере гостиничных услуг с применением современных технологий – неотъемлемая часть деятельности любого гостиничного предприятия. Современные компьютерные технологии и технологии виртуальной реальности являются важной неотъемлемой частью виртуального туризма, имитируя эффект «присутствия». Таким образом, виртуальные туры дают воз-

можность осматривать и изучать туристические объекты в том виде, в каком они есть на самом деле, аналогично, как и при реальном их посещении.

Важным положительным результатом будет выступать повышение репутации отеля и ее известности на рынке, что приведет к увеличению потока туристов и доходности гостиничного предприятия. Экономический эффект заключается в увеличении объема экскурсионных услуг, а социальный – в повышении качества экскурсионного обслуживания и удовлетворения познавательных потребностей гостей.

Список литературы

1. Современные кадровые технологии как механизм эффективного управления / Л. А. Афанасьева, Ж. Ю. Коптева, Г. И. Тубольцева, А. А. Афанасьева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 2(75). С. 288–297.
2. Организация туристской деятельности / И. С. Кусов, Н. В. Шабалина, Е. С. Каширина, С. В. Поспелова; под ред. Р. Р. Тимиргалеевой. Майкоп: ЭЛИТ, 2021. С. 56.
3. Коптева, Ж. Ю., Евдокимова А. О. Роль государства в регулировании экономики // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции, Курск, 18–19 февраля 2015 года. Курск: Университетская книга, 2015. С. 182–185.
4. Мышьякова Н. М. Гостиничное дело / под ред. Н. М. Мышьяковой, С. Г. Шкуропат. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2013. С. 215.
5. Как новая реальность меняет индустрию гостеприимства в России. URL: <https://welcometimes.ru/opinions/kak-novaya-realnost-menyaet-industriyu-gostepriimstva-v-rossii> (дата обращения: 19.02.2023).
6. Меры поддержки гостиничного бизнеса. URL: <https://fond-msp.ru/podderzhka-gostinici> (дата обращения: 20.02.2023).
7. Меры поддержки в сфере туризма. URL: https://lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2022/08/08/Инфографика_по_мерам_поддержки_в_сфере_туризма.pdf (дата обращения: 20.02.2023).
8. Росстат – туризм. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 18.02.2023).

9. Джонатан Линовес. Виртуальная реальность в Unity. М.: ДМК Пресс, 2016. С. 23.
10. Мамонтова С. В. Диверсификация в деятельности организации: риск или эффективность // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сборник научных статей VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск, 28–29 декабря 2018 года. Курск: Университетская книга, 2018. Т. 2. С. 230–233.
11. Разработка методических аспектов и механизмов по совершенствованию комплекса маркетинговых коммуникаций / Л. А. Афанасьева, Ж. Ю. Коптева, Г. И. Тубольцева, А. А. Афанасьев // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 3(76). С. 252–260.
12. Шамликашвили В. А. Виртуальный туризм как новый вид туризма // Креативная экономика. 2014. № 10 (94). С. 132.
13. Кшуманёва Е. А., Кикин П. М. Создание интерактивных кроссплатформенных панорамных туров // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. № 10. С. 35.
14. Кинстлер Н. А., Скрипка А. А., Городищева А. Н. Виртуальный тур как инструмент повышения имиджа организации // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. № 11. С. 662.
15. Юленков С. Е., Котельникова С. В., Касаткин А. С. Современные виртуальные экскурсии и средства разработки виртуальных экскурсий в музейной деятельности // Решетневские чтения. 2016. № 20. С. 239.
16. Воронина Ю. П. Виртуальное путешествие как актуальная культурная практика // Язык. Культура. Коммуникации. 2018. № 2. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/671/764> (дата обращения: 20.02.2023).
17. Обзор систем виртуальной реальности / А. Ю. Тычков, К. Ю. Волкова, Д. В. Киселева, Е. А. Родионова // Известия вузов. Поволжский регион. Технические науки. 2020. № 2 (54). С. 3–13.
18. Системы виртуальной, дополненной и смешанной реальности / А. А. Смолин, Д. Д. Жданов, И. С. Потемин, А. В. Меженин, В. А. Богатырев. СПб.: Университет ИТМО, 2018. С. 4.
19. Мыльцева О. П. Оценка эффективности инноваций на предприятии // Российское предпринимательство. 2008. № 10-2. С. 86–91.
20. Вертакова Ю. В., Козьева И. А. Прогнозирование и планирование в условиях рынка / Курский государственный технический университет. Курск, 2009. 191 с.

References

1. Afanas'eva L. A., Kopteva Zh. Yu., Tubol'tseva G. I., Afanas'eva A. A. Sovremennye kadrovye tekhnologii kak mekhanizm effektivnogo upravleniya [Modern personnel technologies as a mechanism of effective management]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 2019, no. 2(75), pp. 288–297.
2. Kusov I. S., Shabalina N. V., Kashirina E. S., Pospelova S. V. Organizatsiya turistskoi deyatel'nosti [Organization of tourist activity]; ed. by of R. R. Timirgaleeva. Maykop, Elite Publ., 2021, p. 56.
3. Kopteva Zh. Yu., Evdokimova A. O. [The role of the state in regulating the economy]. *Sovremennye podkhody k transformatsii kontseptsii gosudarstvennogo regulirovaniya i upravleniya v sotsial'no-ekonomicheskikh sistemakh. Sbornik nauchnykh trudov IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kursk, 18–19 fevralya 2015 goda* [Modern approaches to the transformation of concepts of state regulation and management in socio-economic systems. Collection of scientific papers of the 4th International Scientific and Practical Conference, Kursk, February 18-19, 2015]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2015, pp. 182–185. (In Russ.)
4. Mysh'yakova N. M. Gostinichnoe delo [Hotel business]; ed. by N. M. Mysh'yakovoi, S. G. Shkuropat. St. Petersburg, Publishing House of SPbGUSE, 2013, p. 215.
5. Kak novaya real'nost' menyaet industriyu gostepriimstva v Rossii [How the new reality is changing the hospitality industry in Russia]. Available at: <https://welcometimes.ru/opinions/kak-novaya-realnost-menyaet-industriyu-gostepriimstva-v-rossii>. (accessed 19.02.2023)
6. Mery podderzhki gostinichnogo biznesa [Measures to support the hotel business]. Available at: <https://fond-msp.ru/podderzhka-gostinici/>. (accessed 20.02.2023)
7. Mery podderzhki v sfere turizma [Measures of support in the field of tourism]. Available at: https://lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2022/08/08/Инфографика_по_мерам_поддержки_в_сфере_туризма.pdf (accessed 20.02.2023)

8. Rosstat – turizm [Rosstat – tourism]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm>. (accessed 18.02.2023)
9. Jonathan Linoves. Virtual'naya real'nost' v Unity [Virtual Reality in Unity]. Moscow, DMK Press Publ., 2016, p. 23.
10. Mamontova S. V. [Diversification in the organization's activities: risk or efficiency]. *Issledovanie innovatsionnogo potentsiala obshchestva i formirovanie napravlenii ego strategicheskogo razvitiya. Sbornik nauchnykh statei VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Kursk, 28–29 dekabrya 2018 goda* [Research of innovative potential of society and formation of directions of its strategic development. Collection of scientific articles of the 8th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Kursk, December 28–29, 2018]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2018, pp. 230–233. (In Russ.)
11. Afanasyeva L. A., Kopteva Zh. Yu., Tuboltseva G. I., Afanasyev A. A. Razrabotka metodicheskikh aspektov i mekhanizmov po sovershenstvovaniyu kompleksa marketingovykh kommunikatsii [Development of methodological aspects and mechanisms for improving the marketing communications complex]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 2019, no. 3(76), pp. 252–260.
12. Shamlikashvili V. A. Virtual'nyi turizm kak novyi vid turizma [Virtual tourism as a new type of tourism]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2014, no. 10 (94), p. 132.
13. Kshumaneva E. A., Kikin P. M. Sozdanie interaktivnykh krossplatformennykh panoramnykh turov [Creation of interactive cross-platform panoramic tours]. *Interekspo Geo-Sibir' = Interexpo Geo-Siberia*, 2017, no. 10, p. 35.
14. Kinstler N. A., Skripka A. A., Gorodishcheva A. N. Virtual'nyi tur kak instrument povysheniya imidzha organizatsii [Virtual tour as a tool for improving the image of an organization]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики = Actual Problems of Aviation and Cosmonautics*, 2015, no. 11, p. 662.
15. Yulenkova S. E., Kotelnikova S. V., Kasatkin A. S. Sovremennye virtual'nye ekskursii i sredstva razrabotki virtual'nykh ekskursii v muzeinoi deyatel'nosti [Modern virtual excursions and tools for developing virtual excursions in museum activities]. *Reshetnevskie chteniya = Reshetnev Readings*, 2016, no. 20, p. 239.
16. Voronina Yu. P. Virtual'noe putestestvie kak aktual'naya kul'turnaya praktika [Virtual travel as an actual cultural practice]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii = Language. Culture. Communications*, 2018, no. 2. Available at: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/671/764>. (accessed 20.02.2023)
17. Tychkov A. Yu., Volkova K. Yu., Kiseleva D. V., Rodionova E. A. Obzor sistem virtual'noi real'nosti [Overview of the Virtual Reality system]. *Izvestiya vuzov. Povolzhskii region. Tekhnicheskie nauki = News of Universities. Volga Region. Technical Sciences*, 2020, no. 2 (54), pp. 3–13.
19. Myltseva O. P. Otsenka effektivnosti innovatsii na predpriyatii [Evaluation of the effectiveness of innovations at the enterprise]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Entrepreneurship*, 2008, no. 10–2, pp. 86–91.
20. Vertakova Yu. V., Kozyeva I. A. Prognozirovanie i planirovanie v usloviyakh rynka [Forecasting and planning in market conditions]. Kursk, Kursk State Technical University Publ., 2009. 191 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Коптева Жанна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: zhanna.kopteva@inbox.ru,
ORCID: 0000-0003-1198-6357

Zhanna Yu. Kopteva, Cand. of Sci. (Economics), Associate of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: zhanna.kopteva@inbox.ru,
ORCID: 0000-0003-1198-6357

Федорова Анастасия Романовна, магистрант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: fedorowa.ana99@yandex.ru

Anastasia R. Fedorova, Undergraduate, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: fedorowa.ana99@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-167-178>

Характеристика занятости населения России в неформальном секторе экономики

Е. Ю. Меркулова¹ ✉, А. А. Фатхутдинов^{1,2}

¹ Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
ул. Интернациональная, д. 33, г. Тамбов 392000, Российская Федерация

² Межрайонная ИФНС России № 13 по Московской области
ул. Панфилова, д. 31, Московская область, г. Химки 141407, Российская Федерация

✉ e-mail: merkatmb@mail.ru

Резюме

Актуальность. Теневая экономика существует во всех странах мира, однако масштабы занятости в ней свидетельствуют о степени развитости институтов государства. Наличие теневых отношений в экономике приводит к снижению доходов бюджетной системы на разных уровнях управления, поэтому необходимо создание правовых и экономических условий по снижению доли неформального сектора экономики. Неблагоприятные социально-экономические условия развития, как правило, связаны с уходом занятости населения в неформальный сектор экономики, поэтому необходимо выявить портретные характеристики населения занятого в нем.

Цель данного исследования состоит в разработке инструментария противодействия занятости населения в неформальном секторе экономики, на основе оценки уровня занятости по видам экономической деятельности и портретным характеристикам.

Задачи: изучить динамику и структуру занятости населения в неформальном секторе экономики; выявить факторы, влияющие на уровень теневой занятости; разработать инструментарий противодействия теневым отношениям и определить условия снижения уровня неформального сектора экономики.

Методология. Методологической основой исследования является сравнительный и корреляционный анализ, в исследовании применены методы расчета абсолютных, относительных показателей, графический и табличный методы отображения информации.

Результаты: проведена оценка теневых отношений в экономике; проанализирована динамика уровня занятости населения в неформальном секторе экономики; выявлены факторы, оказывающие существенное влияние на нее; предложены подходы к снижению угроз разрастания масштабов теневых отношений.

Выводы. Множество стран ведут активную работу по выявлению причин и условий существования теневых отношений, в т. ч. Россия осуществляет активную деятельность в этом направлении. В результате проведенного анализа нами предложен инструментарий по снижению масштабов занятости в неформальном секторе экономики.

Ключевые слова: уровень занятости; теневые отношения; неформальный сектор экономики.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Меркулова Е. Ю., Фатхутдинов А. А. Характеристика занятости населения России в неформальном секторе экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 167–178. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-167-178>.

Поступила в редакцию 17.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Меркулова Е. Ю., Фатхутдинов А. А., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 167–178

Characteristics of the Employment of the Population of Russia in the Informal Sector of the Economy

Elena Yu. Merkulova¹ ✉, Albert A. Fatkhutdinov^{1,2}

¹ Tambov State University named after G. R. Derzhavin
33 International Str., Tambov 392000, Russian Federation

² Interdistrict Federal Tax Service of Russia No. 13 in the Moscow Region
31 Panfilova Str., Moscow Region, Khimki 141407, Russian Federation

✉ e-mail: merkatmb@mail.ru

Abstract

Relevance. The shadow economy exists in all countries of the world, however, the scale of employment in it indicates the degree of development of state institutions. The presence of shadow relations in the economy leads to a decrease in the revenues of the budget system at different levels of government, so it is necessary to create legal and economic conditions to reduce the share of the informal sector of the economy. Unfavorable socio-economic conditions for development, as a rule, are associated with the departure of employment to the informal sector of the economy, so it is necessary to identify the portrait characteristics of the population employed in it.

The purpose of this study is to develop tools to counter the employment of the population in the informal sector of the economy, based on an assessment of the level of employment by type of economic activity and portrait characteristics.

Objectives: to study the dynamics and structure of employment in the informal sector of the economy; identify factors that affect the level of shadow employment; develop tools to counteract shadow relations and determine the conditions for reducing the level of the informal sector of the economy.

Methodology. The methodological basis of the study is a comparative and correlation analysis, the study used methods for calculating absolute, relative indicators, graphical and tabular methods for displaying information.

Results: an assessment of shadow relations in the economy was carried out; the dynamics of the level of employment in the informal sector of the economy is analyzed; the factors that have a significant impact on it are identified; approaches are proposed to reduce the threat of the growth of the scale of shadow relations.

Conclusions. Many countries are actively working to identify the causes and conditions for the existence of shadow relations, including Russia is actively working in this direction. As a result of the analysis, we have proposed a toolkit for reducing the scale of employment in the informal sector of the economy.

Keywords: employment rate; shadow relations; informal sector of the economy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Merkulova E. Yu., Fatkhutdinov A. A. Characteristics of the Employment of the Population of Russia in the Informal Sector of the Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 167–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-167-178>.

Received 17.02.2023

Accepted 10.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Основными угрозами внутренней экономической безопасности для каждой страны являются коррупция и наличие теневой экономики. Переход в конце прошлого века от планово-распределительной экономики в России к рыночным отношениям неподготовленной социально-экономической среде привел к воз-

никновению коррупции теневых отношений в трудовой сфере, массовой утечке капитала за рубеж, нарушениям в налоговой сфере государства.

Проблема возникновения теневого сектора свойственна практически для любой страны, разница лишь в степени выраженности: в каких-то странах это явление выражено в большей степени, в

каких-то — в меньшей. Это зависит от менталитета людей, от уровня жизни населения, от правильной государственной политики и т. д. Основными причинами возникновения теневой экономики являются институциональные факторы, связанные с несовершенством законодательства, несовершенством механизма налогообложения, высоким уровнем безработицы, социальным расслоением общества и другими причинами. Последствиями воздействия теневой экономики являются замедление экономического роста, отток капитала за границу, уменьшение размера инвестиций и ухудшение социального климата в стране, рост занятости в неформальном секторе экономики.

Теневая экономика представляет собой сложное социально-экономическое явление, которое охватывает все сферы экономической деятельности. Главной особенностью является тот факт, что она неконтролируема ни обществом, ни государством, а также не подлежит точному статистическому измерению. На данный момент существует большое количество нелегальной экономической деятельности, которые наносят вред развитию экономики. Обнаружение подобных действий — важнейшая проблема развития экономики.

Методы и материалы

Вопросами исследования теневых отношений занимаются представители разных научных направлений. Юридическая оценка существующего законодательства и перспективы его развития обсуждаются в трудах: В. Н. Анищенко, А. Е. Городецкого [1], М. П. Гурова [2], Г. М. Казиахмедова [3], А. Д. Киселевой [4], С. Н. Ковалева [3], Т. И. Корягиной [5], Ю. П. Курочкина [6], Ю. В. Латова [3; 7], Ю. Г. Наумова [7], А. Д. Никитиной [4], К. В. Привалова [8], С. С. Сулакина [9], А. Г. Хабибулина [1], С. С. Чеботарева [2] и других ученых.

Наилучшее представление о сущности экономического подхода дают труды В. И. Авдийского [10; 11], Г. А. Агаркова [12], В. Е. Багрова [13], В. М. Безденежных [10], В. А. Дадалко [11], А. А. Кукулина [12], Д. Г. Ломсадзе [14], М. И. Маллаева [15], Р. М. Нуреева [16], О. В. Осипенко [17], Н. Г. Синявского [11], В. Л. Тамбовцева [18], А. И. Татаркина [12] и других исследователей.

В процессе исследования использовались методы научного анализа, сравнения и синтеза. Основной методологический подход в этом исследовании сочетает в себе анализ современного состояния и динамики уровня занятости в неформальном секторе экономики. Для визуализации статистических данных использовались табличные и графические методы. С помощью методов прикладной статистики исследованы различные аспекты формирования занятости в неформальном секторе экономики. Для контроля релевантности исследования использовался корреляционный анализ, с помощью которого выявлялась зависимость рассматриваемых показателей. Для проведения расчетов, обработки и оценки используемой в работе информации применялись прикладные программные продукты Excel, IBM SPSS Statistics.

Результаты и их обсуждение

Теневая экономика появилось одновременно с официальной. В теневой экономике используется примерная структура механизмов, что и в легальной хозяйственной системе. Появление теневой экономики в России является вполне закономерным явлением, причиной этому послужила связь с реакцией на пробелы в мерах государственного контроля.

Когда идет речь о смысле теневых экономических отношений в общественной хозяйственной жизни, первым, что у людей приходит на ум, является представление вредного и опасного паразита в системе, не изучая ее разнообразные ви-

ды. В особенности можно ответить «серую» экономическую среду, по итогу деятельность этой среды в большинстве случаев поддерживает прогресс регулируемой части экономической сферы. Теневая экономика является неотъемлемой частью любой экономики. Если в государстве есть аппарат, способный проследить оценочные показатели, то государство сможет контролировать грань деятельности невидимых хозяйств и не будет подвергать национальную экономику различными видами угроз. Будет соблюдаться поддержание экономической безопасности на уровне, который не будет отставать негативных эффектов на всех отраслях деятельности, что будет созидательно воздействовать для самой страны. При условии, если власти Российской Федерации смогут влиять и контролировать тенденции теневой экономики, национальное благо и надежность будут увеличиваться. Понятие теневой экономики иногда смешивается с понятием ненаблюдаемой экономики, которая шире и включает в себя:

- скрытую экономику (производство и реализация продукции, не отражаемые в налогообложении);
- криминальную экономику (криминальная преступность, связанная с торговлей оружием, наркотиков, проституция);
- незарегистрированную экономику (деятельность в сельскохозяйственных подсобных личных хозяйствах по выращиванию и реализации продукции растениеводства и животноводства, оказание ремонтных работ в гаражных мастерских и т. д. без регистрации);
- производство для собственного потребления.

Оценка масштабов неформального сектора экономики давно обсуждается в научной среде, однако единой методики в настоящее время не существует. Официальными данными Росстата о масштабах неформального сектора экономики являются показатели занятости населения в нем. Рассмотрим динамику и структуру представленных показателей (рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности занятых в неформальном секторе экономики за 2008–2021 гг. [19]

В 2021 г. численность населения занятого в неформальном секторе экономики России составила 14,571 млн чел., что

выше уровня 2020 г. на 3,2%. Наибольшая численность занятых в данном секторе экономики наблюдалась в 2015 г.

15,37 млн чел. В целом за период с 2008 г. по 2021 г. численность занятых в неформальном секторе экономики выросла на 734 тыс. чел. Удельный вес занятых в неформальной экономике имеет аналогичную тенденцию изменения с общей численностью занятых в экономике страны. За период с 2008 по 2021 гг. данный показатель вырос с 19,5% до 20,3%.

Рассматривая структуру занятых в 2021 г., следует отметить, что 55,2% – это мужчины, их удельный вес (по сравнению с 2008 г.) вырос на 2,1%. Таким образом, в неформальном секторе экономики преобладает мужская часть населения. Далее рассмотрим распределение занятых по возрастным группам (табл.1). Наиболее подвержены участию в неформальном секторе экономики люди в возрасте от 30 до 45 лет, они составляют почти половину занятых, и их доля возрас-

тает. Отчасти данные процессы связаны с появлением новых профессий, основанных на цифровых технологиях и удаленном режиме работы. За последние 10 лет уменьшилась доля занятых в теневой экономике с 30% до 20% молодых людей в возрасте до 30 лет, при этом доля занятых старше 60 лет остается достаточно стабильной – от 5 до 7% всех занятых в неформальном секторе экономики.

За исследуемый период средний возраст занятых в неформальном секторе экономики существенно не изменился (рис. 2). Если в 2008 г. он в среднем составлял 39 лет, то в 2021 г. 41 год аналогичные изменения наблюдаются в возрастном составе женщин и мужчин.

Рассмотрим структуру занятого населения в неформальном секторе экономики по уровню образования (табл. 2).

Таблица 1. Структура занятого населения в неформальном секторе экономики по возрастам, % [19]

Год	Всего	В том числе в возрасте, лет											
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-64	65-69	70 и старше
2008	100	3,4	11,9	13,2	13,1	12,2	12,1	13,3	10,0	6,1	2,0	1,8	0,9
2010	100	2,4	11,0	13,5	13,0	12,8	11,9	13,2	11,0	6,5	2,6	1,1	0,9
2015	100	1,4	8,5	14,4	13,9	13,0	12,0	11,2	11,9	8,0	3,8	1,6	0,3
2020	100	1,1	6,1	12,5	15,6	14,4	12,9	11,5	10,0	8,9	4,3	1,8	0,8
2021	100	1,0	6,0	11,4	15,5	15,1	13,5	11,9	9,9	8,7	4,4	1,7	0,8

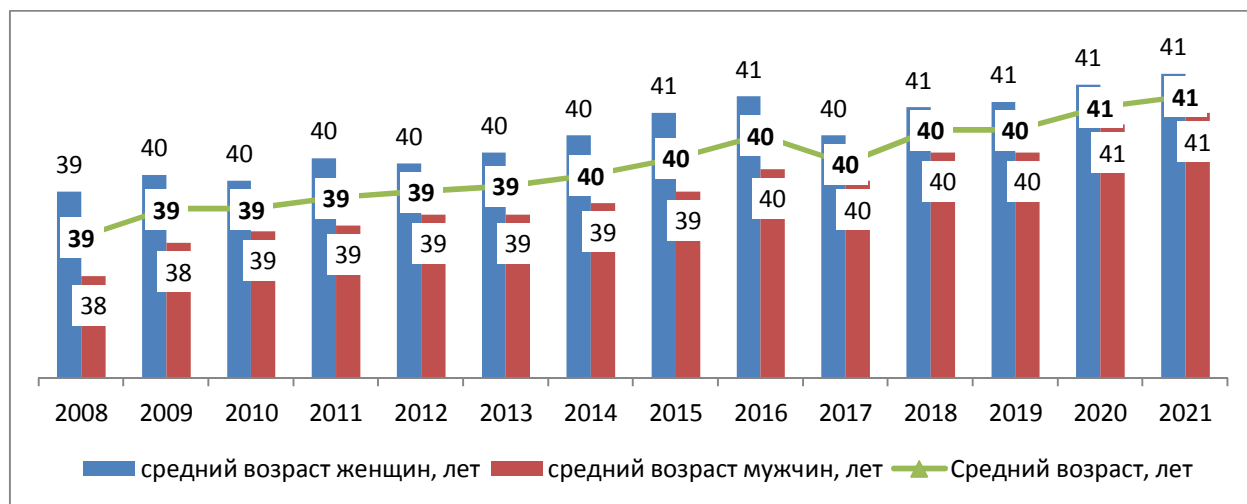

Рис. 2. Динамика среднего возраста занятых в неформальном секторе экономики за 2008–2021 гг. [19]

Таблица 2. Структура занятого населения в неформальном секторе экономики по уровню образования, тыс. чел. [19]

Годы	Всего, тыс. чел.	В том числе имеют образование					
		высшее	среднее профессиональное		среднее общее	основное общее	не имеют основного общего
			по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе под- готовки квалифи- цированных рабо- чих, служащих			
2009	100	14,5	22,9	21,3	31,4	8,9	1,1
2010	100	14,5	22,3	22,1	31,5	8,4	1,1
2015	100	17,1	22,2	23,2	30,1	6,9	0,6
2020	100	19,6	22,8	24,5	25,3	7,1	0,7
2021	100	19,1	23,3	23,9	25,2	8,0	0,6

Изучая портретные характеристики занятых в 2021 г., следует отметить, что преимущественно в неформальном секторе экономики работают люди со средним общим образованием (25,2%) и со среднепрофессиональным образованием (47,2%). Оценивая динамику с 2009 г., видно, что доля занятого населения с высшим образованием выросла с 14,5% до 19,1%. При этом доля населения с основным общим образованием достаточно стабильна и составляет около 8%, доля населения без образования сократилась с 1,1 до 0,6%. Таким образом, изучение рынка неформального сектора экономики указывает на незначительное повышение уровня образованности населения занятого в нем.

Согласно проведенным расчетам, наибольший удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятых по видам экономической деятельности наблюдается в сельском хозяйстве – 55,6% (рис. 3). Это связано с проведением весенне-полевых и уборочных работ, где преобладают сезонные наймы работников, в т. ч. без заключения трудовых договоров по аккордной системе оплаты труда. Следующий вид деятельности, находящийся в тени, – это оптовая и розничная торговля, а также ремонт автотранспортных средств и мотоциклов. Стихийные рынки по-прежнему являются местами притяжения незарегистрированной рабочей

силы. Шиномонтажные и авторемонтные мастерские в гаражах также работают без лицензий и регистрации. Третье место по теневой занятости занимает деятельность гостиниц и предприятий общественного питания 32,2%. Данный вид деятельности преобладает в местах притяжения туристов и курортных зонах отдыха.

По-прежнему большое число незарегистрированной рабочей силы находится в строительстве – 31,1%. Как правило, это небольшие строительные сообщества работников, работающие на строительстве зданий и сооружений в частном секторе населения. Для ряда более крупных компаний возможно привлечение гастарбайтеров и оплата труда работников в конвертах. Еще четверть занятых в транспортной сфере и хранении также оказывает нелегальные трудовые услуги. Если рассматривать не относительную, а абсолютную занятость, то на первое место выходит торговля с теневой численностью – 4,47 млн чел., далее следует сельское хозяйство – 2,3 млн чел., по 1,5 млн чел. работают в обрабатывающих производствах, строительстве, транспортировке и хранении.

В сфере образования нелегальную деятельность можно наблюдать в сфере репетиторства, подготовки школьников к ЕГЭ, в системе высшего и среднепрофессионального образования – это написание

контрольных, курсовых, дипломных работ и диссертаций.

Рассмотрим, какие факторы оказывают существенное воздействие на формирова-

ние занятости в неформальном секторе экономики (табл. 3). На основе данных Росстата проведем корреляционный анализ с использованием программы SPSS Statistica.

Рис. 3. Удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятых по видам экономической деятельности за 2021 г. [19]

Таблица 3. Исходные данные для корреляционно-регрессионного анализа [19]

Год	Численность занятых в неформальном секторе экономики, тыс. чел.	Средний возраст, лет	Уровень безработицы, %	Среднемесячная заработная плата, руб.	Коэффициент фондов, раз	Количество преступлений в расчете на 10000 чел. населения	Численность занятых, тыс. чел.
2008	13837	38,5	6,2	17290	16,6	2248	71003
2009	13382	39,0	8,3	18638	16,6	2099	69410
2010	11482	39,0	7,3	20952	16,6	1840	69934
2011	12922	39,2	6,5	23369	16,2	1683	70857
2012	13600	39,3	5,5	26629	16,4	1610	71545
2013	14096	39,4	5,5	29792	16,1	1540	71391
2014	14387	39,6	5,2	32495	15,8	1524	71539
2015	14827	39,9	5,6	34030	15,5	1633	72324
2016	15370	40,3	5,5	36709	15,5	1474	72393
2017	14324	39,8	5,2	39167	15,4	1402	72316
2018	14581	40,4	4,8	43724	15,8	1356	72532
2019	14800	40,4	4,6	47867	15,6	1379	71933
2020	14122	40,8	5,8	51344	14,9	1393	70601
2021	14571	41,0	4,8	57244	15,2	1371	71719

Из полученных данных (табл. 4) следует, что наибольшее воздействие на формирование численности занятых в неформальном секторе экономики оказывают такие факторы, как общая численность занятых в экономике ($r = 0,77$), следовательно, 59% вариации связаны с данным фактором ($r^2 = 0,59$). Второй по силе воздействия является уровень безработицы ($r = 0,71$). Следует отметить, что связь между ними обратная, на нее приходится 50% вариации признака ($r^2 = 0,5$).

Третий по силе воздействия – коэффициент фондов ($r = -0,672$), между ними также наблюдается обратная связь и на нее приходится 45% вариации признака ($r^2 = 0,45$).

Далее построим с учетом мультиколлинеарности регрессионную множественную модель взаимосвязи исследуемых факторов, применяя программу SPSS Statistica и метод пошагового отбора. Из предложенных моделей наиболее существенной оказалась четырехфакторная модель (табл. 5).

Таблица 4. Корреляционный анализ факторов, влияющих на численность занятых в неформальном секторе экономики [20]

Показатель	y	X1	X2	X3	X4	X5	X6
Численность занятых в неформальном секторе экономики (y), тыс. чел.	1						
Средний возраст (x1), лет	0,627*	1					
Уровень безработицы (x2), %	- 0,710**	-0,653*	1				
Среднемесячная заработная плата (x3), руб.	0,609*	0,972**	-0,728**	1			
Коэффициент фондов, раз (x4)	-0,672**	-0,906**	0,648*	-0,902**	1		
Количество преступлений в расчете на 10000 чел. нас. (x5)	-0,524	-0,844**	0,780**	-0,841**	0,796**	1	
Численность занятых (x6), тыс. чел.	0,770**	0,513	-0,873**	0,523	-0,547*	-0,656*	1

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).
** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

Таблица 5. Модель регрессионной зависимости

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты Бета	t	Знач.
	B	стандартная ошибка			
Константа	-86537,513	43491,365		-1,990	0,078
Средний возраст, лет	2671,027	1144,590	2,048	2,334	0,044
Уровень безработицы	-1019,089	313,485	-1,076	-3,251	0,010
Среднемесячная заработная плата	-0,118	0,069	-1,523	-1,712	0,121
Количество преступлений в расчете на 10000 человек населения	2,663	1,413	0,762	1,885	0,092

$$Y = -86537,513 + 2671,027x_1 - 1019,089x_2 - 0,118x_3 + 2,663x_5$$

Проведенные расчеты показали, что совокупный коэффициент корреляции равен 0,849, т. е. можно сказать, что 72,1% (коэффициент детерминации

$R^2 = 0,721$) вариации занятости населения в неформальном секторе экономики объясняется вариацией представленных в уравнении признаков, что указывает на весьма тесную связь признаков с результатом.

Оценим надежность уравнения регрессии в целом и показателя связи с помощью F-критерия Фишера:

$$F = \frac{R_{xy}^2}{1 - R_{xy}^2} \cdot \frac{n - m - 1}{m} =$$

$$= \frac{0,721}{1 - 0,721} \cdot \frac{14 - 4 - 1}{4} = 5,815.$$

Фактическое значение F-критерия = 5,815, значимость уравнения 0,014 меньше 0,05. Это указывает на то, что в уравнении присутствуют значимые переменные. В полученном уравнении параметры x_1 и x_2 являются типичными, так как t-критерий Стьюдента значим при уровне меньше 0,05. Параметры x_3 и x_5 не являются типичными, поэтому полученную модель можно использовать только в аналитических целях. Таким образом, из шести исходных факторов в модель вошли четыре, проявившие наибольшее влияние на формирование занятости в неформальном секторе экономики. В уравнении регрессии параметр -86537,513 показывает усредненное влияние на результативный признак неучтенных факторов, параметры среднего возраста и уровня преступности вызывают прирост занятости в неформальном секторе экономики, а факторы увеличения уровня безработицы и средней заработной платы вызывают снижение занятости. Рост уровня безработицы может свидетельствовать об отсутствии работы в теневой экономике и поиске ее в территориальных службах занятости.

Выводы

Неоспоримым фактом является то, что в одновременно легальной российской экономике уже на протяжении многих лет неизменно присутствует и действует так сказать теневая экономика, которая, в свою очередь, сопоставима по своим размерам регулируемыми экономическими процессами. Также стоит отметить, что функционал механизмов теневой экономике приближен по своей

схожести с системой официальной хозяйственной структуры. Её функционал также позволяет работать инвестиционным механизмам, имеет необходимые компоненты для соблюдения контрактов, есть определённый нестандартный для регулируемой экономики свод профессий со своими правилами действий, и что самое главное, действуют приближённые к повседневным правилам регламенты ценообразования. Условия работоспособности предприятий, а также жизнедеятельность и понятия миллионов граждан в том числе, поменялись именно из-за подобных и иных механизмов теневой деятельности на территории страны. Появилось понятие «теневой порядок» среди русского общества, которое дали научные деятели в сфере экономики, изучающие проблемы, которые происходят впоследствии воздействия теневой экономики. В настоящий момент нет никаких гарантий, что в ближайшее десятилетие нелегальные механизмы исчезнут или встанут в строй регулируемых экономических связей.

Проведенное исследование показало, что большое влияние на возникновение и процветание теневого сектора в России связано, во-первых, с высоким уровнем безработицы. Люди вынуждены работать нелегально, чтобы иметь хоть какой-то заработок, что провоцирует еще больший рост теневой 29 экономики. Во-вторых, высокий уровень преступности в ряде регионов провоцирует рост неформальной экономики. Теневой бизнес в России затрагивает практически все общественно-производственные структуры, всю систему экономических отношений и все фазы воспроизводства, наносит колоссальный урон экономической безопасности государства. Исходя из вышесказанного следует снизить расходы, для предпринимателей на ведение бизнеса вне тени развить и улучшить законодательства в тех сферах хозяйственной деятельности, где нарушение норм права может значительно уменьшить расходы, необходимо построить правовое социальное

государство, осуществлять поддержку малого и среднего бизнеса со стороны государства, улучшить систему правоохранительных органов МВД в отношении экономических преступлений. Также следует следить за уровнем безработицы, предоставлять больше рабочих мест, чтобы снизить вероятность хода людей в

«тень». В результате применения правильных способов противодействия теневому бизнесу, а также внедрения лучших зарубежных практик велика вероятность существенного снижения объемов теневого сектора и его влияния на экономическое развитие России.

Список литературы

1. Городецкий А. Е., Анищенко В. Н., Хабибулин А. Г. О научно обоснованных подходах к системе борьбы с организованной преступностью экономической направленности: монография / под ред. А. Г. Хабибулина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 296 с.
2. Гуров М. П., Чеботарев С. С. Теневая экономика и экономическая преступность в системе рыночного хозяйства. СПб., 1997. С. 17.
3. Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика / под ред. Г. М. Казиахмедова. М.: Норма, 2006. 335 с.
4. Киселева А. Д., Никитина А. Д. Теневая экономика и коррупция как угрозы экономической безопасности Российской Федерации // Вестник науки. 2021. Т. 2, № 6-1(39). С. 263–268.
5. Корягина Т. И. Услуги теневые и легальные // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. 1989. № 2. С. 60.
6. Курочкин Ю. П. Теневая экономика и ее эволюция. Социально-экономическая природа теневой экономики // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел: сборник научных трудов / под ред. С. Ф. Зыбина. СПб., 1993. Вып. 1. С. 103.
7. Наумов Ю. Г., Латов Ю. В. Экономическая безопасность и теневая экономика. М.: Академия управления МВД России, 2016. 246 с.
8. Привалов К. В. Теневая экономика. Теоретико-правовой аспект. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2012. 160 с.
9. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: монография: в 2 т. / С. С. Сулакшин [и др.]. М.: Научный эксперт, 2008. Т. 1. 462 с.
10. Авдийский В. И., Безденежных В. М. Структура финансовых потоков в теневой экономике и основные способы их оценки // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 11(5). С. 6–15.
11. Авдийский В. И., Дадалко В. А., Синявский Н. Г. Теневая экономика и экономическая безопасность государства. М.: ИНФРА-М, 2018. 538 с.
12. Агарков Г. А. Теневая экономика региона: моделирование, анализ, противодействие / под ред. А. И. Татаркина, А. А. Куклина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 263 с.
13. Багров В. Е. Негативные последствия теневой экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2019.
14. Ломсадзе Д. Г. Концептуальные проблемы методологии научных подходов в исследованиях феномена теневой экономики // Теневая экономика. 2020. Т. 4, № 1. С. 11–22.
15. Маллаева М. И. Неформальная занятость: факторы, последствия, инструменты регулирования // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2018. Т. 33, вып. 4. С. 30–36.
16. Нуреев Р. М. Неформальная занятость: истоки, современное состояние и перспективы развития (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС, 2019. 248 с.
17. Осипенко О. В. Теневая экономика: понятия политико-экономического анализа // Экономические науки. 1989. № 8. С. 47–48.
18. Тамбовцев В. Л. Экономическая теория неформальных институтов. М.: РГ-Пресс, 2014. 174 с.
19. Статистические издания. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 17.02.2023).
20. Меркулова Е. Ю. Общая экономическая. М.: Юрайт, 2021. 525 с.

References

1. Gorodetskiy A. Ye., Anishchenko V. N., Khabibulin A. G. O nauchno obosnovannykh podkhodakh k sisteme bor'by s organizovannoy prestupnost'yu ekonomicheskoy napravlenosti [On scientifically grounded approaches to the system of combating organized crime of economic orientation]; ed. by A. G. Khabibulina. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2010. 296 p.
2. Gurov M. P., Chebotarev S. S. Tenevaya ekonomika i ekonomicheskaya pre-stupnost' v sisteme rynochnogo khozyaystva [Shadow economy and economic crime in the market economy system]. St. Petersburg, 1997, p. 17.
3. Latov Yu. V., Kovalev S. N. Tenevaya ekonomika [Shadow economy]; ed. by G. M. Kaziakhmedova. Moscow, Norma Publ., 2006. 335 p.
4. Kiseleva A. D., Nikitina A. D. Tenevaya ekonomika i korruptsiya kak ugro-zy ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Shadow economy and corruption as threats to economic security of the Russian Federation]. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*, 2021, vol. 2, no. 6-1(39), pp. 263–268.
5. Koryagina T. I. Usługi tenevyie i legal'nyie [Shadow and legal services]. *EKO: Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva = ECO: Economics and organization of industrial production*, 1989, no. 2, p. 60.
6. Kurochkin Yu. P. [Shadow economy and its evolution. Socio-economic nature of the shadow economy]. *Aktual'nyie problemy pravookh-ranitel'noy deyatel'nosti organov vnutrennikh del. Sbornik nauchnykh trudov* [Actual problems of law enforcement activity of internal affairs bodies: collection of scientific papers]; ed. by S. F. Zybina. St. Petersburg, 1993, is. 1, p. 103. (In Russ.)
7. Naumov Yu. G., Latov Yu. V. Ekonomicheskaya bezopasnost' i tenevaya ekonomika [Economic security and shadow economy]. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2016. 246 p.
8. Privalov K. V. Tenevaya ekonomika. Teoretiko-pravovoy aspekt [Shadow economy. Theoretical and legal aspect]. St. Petersburg, Publishing House of the Polytechnic University, 2012. 160 p.
9. Sulakshin S. S., eds. Gosudarstvennaya politika protivodeystviya korruptsii i tenevoy ekonomike v Rossii [State policy of combating corruption and the shadow economy in Russia]. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2008, vol. 1. 462 p.
10. Avdiyskiy V. I., Bezdenzhnykh V. M. Struktura finansovykh potokov v tenevoy ekonomike i osnovnyie sposoby ikh otsenki [The structure of financial flows in the shadow economy and the main ways of their assessment]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right*, 2018, no. 11(5), pp. 6–15.
11. Avdiyskiy V. I., Dadalko V. A., Sinyavskiy N. G. Tenevaya ekonomika i ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva [Shadow economy and economic security of the state]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 538 p.
12. Agarkov G. A. Tenevaya ekonomika regiona: modelirovaniye, analiz, protivodeystviye [Shadow economy of the region: modeling, analysis, counteraction]; ed. by A. I. Tatarkina, A. A. Kuklina. Yekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Publ., 2008. 263 p.
13. Bagrov V. Ye. Negativnyie posledstviya tenevoy ekonomiki [Negative consequences of the shadow economy]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2019.
14. Lomsadze D. G. Kontseptual'nyie problemy metodologii nauchnykh pod-khodov v issledovaniyakh fenomena tenevoy ekonomiki [Conceptual problems of methodology of scientific approaches in the study of the phenomenon of the shadow economy]. *Tenevaya ekonomika = Shadow Economy*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 11–22.
15. Mallayeva M. I. Neformal'naya zanyatost': faktory, posledstviya, inst-rumenty regulirovaniya [Informal employment: factors, consequences, regulatory instruments]. *Vestnik Dagestanskogo gosudar-*

stvennogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennyye nauki = Bulletin of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences, 2018, vol. 33, is. 4, pp. 30–36.

16. Nureyev R. M. Neformal'naya zanyatost': istoki, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya (opyt institutsional'nogo analiza) [Informal employment: origins, current state and prospects of development (experience of institutional analysis)]. Moscow, KNORUS Publ., 2019. 248 p.

17. Osipenko O. V. Tenevaya ekonomika: ponyatiya politiko-ekonomicheskogo analiza [Shadow economy: concepts of political and economic analysis]. *Ekonomicheskiye nauki = Economic Sciences*, 1989, no. 8, pp. 47–48.

18. Tambovtsev V. L. Ekonomicheskaya teoriya neformal'nykh institutov [Economic theory of informal institutions]. Moscow, RG-Press Publ., 2014. 174 p.

19. Statisticheskie izdaniya [Statistical publications]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211>. (accessed 17.02.2023)

20. Merkulova Ye. Yu. Obshchaya ekonomicheskaya bezopasnost' uchebnik i prak-tikum dlya vuzov [General economic security textbook and workshop for universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2021. 525 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Меркулова Елена Юрьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры стратегического развития экономики, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: merkatmb@mail.ru, Researcher ID: AAP-3278-2021, ORCID: 0000-0003-1044-0053

Elena Yu. Merkulova, Dr. of Sci. (Economics), Professor of the Department of Strategic Development of the Economy, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: merkatmb@mail.ru, Researcher ID: AAP-3278-2021, ORCID: 0000-0003-1044-0053

Фатхутдинов Альберт Ахтамович, соискатель, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов; главный государственный налоговый инспектор отдела выездных проверок, Межрайонная ИФНС России № 13 по Московской области, Московская область, г. Химки, Российская Федерация, e-mail: econom@tsutmb.ru

Albert A. Fatkhutdinov, Applicant, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov; Chief State Tax Inspector of the Department of On-site Inspections, Interdistrict Federal Tax Service of Russia No. 13 in the Moscow Region, Moscow Region, Khimki, Russian Federation, e-mail: econom@tsutmb.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-179-190>

Современные подходы развития зеленых инноваций: отраслевые особенности

Т. Н. Бабич¹ ✉, Ю. С. Положенцева¹, И. О. Логвинова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: tanybabich@mail.ru

Резюме

Актуальность. Современные подходы развития отраслей промышленности Российской Федерации связаны с внедрением зеленых инноваций, так как данные технологии в настоящее время являются одним из стимулов формирования новой технoэкономикy.

Цель – обосновать современные подходы развития зеленых инноваций на примере одной из отраслей экономики – строительной.

Задачи: произвести анализ стратегических альтернатив для строительной сферы Российской Федерации; рассмотреть методы экологизации экономики строительного производства за счет концепции зелёного строительства; рассмотреть доступные решения стратегических проблем в виде природостойкой инновации: улучшенного метода производства и внедрения модели организационно-экономического механизма экологизации менеджмента.

Методология. В процессе исследования были использованы общенаучные методы логического и статистического анализа для определения уровня экологизации Российской Федерации с помощью различных показателей, а также качественный и количественный анализ для выявления барьеров на пути увеличения активности в области зеленого строительства.

Результаты. Использование инновационных технологий при строительстве обходится всего на 0,8% дороже, чем строительство стандартного здания, при этом достижение базовых уровней стандартов зеленого здания приводит к росту его стоимости примерно на 2–3%. Обоснованы инновационные методы улучшения строительства, а также подробно разобран способ определения уровня корпоративной и социальной ответственности с учетом экологического фактора.

Выводы. Введение концепции зелёного строительства и экологизации экономики задаст новый вектор в инновационной деятельности страны, тем самым внеся вклад в формирование технoэкономикy Российской Федерации. Законодательная база для продвижения концепции зелёного строительства в РФ установлена, однако этого недостаточно для увеличения количества проектов в этой сфере и их реализации. Используя инновации в строительной сфере, компании поддерживают рынок российский инноваций и делают вклад в будущее не только российской экологии, но и российской экономики.

Ключевые слова: зелёные инновации; строительная отрасль; зеленое строительство; стратегические направления развития; экологизация экономики.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания Юго-Западного государственного университета, код проекта – 0851-2020-0034.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Бабич Т. Н., Положенцева Ю. С., Логвинова И. О. Современные подходы развития зеленых инноваций: отраслевые особенности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 179–190. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-179-190>.

Поступила в редакцию 10.02.2023

Принята к публикации 06.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Бабич Т. Н., Положенцева Ю. С., Логвинова И. О., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 179–190

Modern Approaches to the Development of Green Innovations: Industry-Specific Features

Tatiana N. Babich¹ ✉, Yulia S. Polozhenzeva¹, Irina O. Logvinova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: tanybabich@mail.ru

Abstract

Relevance. Modern approaches to the development of industries in the Russian Federation are associated with the introduction of "green" innovations, since these technologies are currently one of the incentives for the formation of a new techno-economy.

The purpose is to substantiate modern approaches to the development of "green" innovations on the example of one of the sectors of the economy - construction.

Objectives: to analyze strategic alternatives for the construction sector of the Russian Federation; consider methods of greening the economy of construction production through the concept of "green" construction; to consider available solutions to strategic problems in the form of incremental innovation: an improved production method and the introduction of a model of the organizational and economic mechanism of management greening.

Methodology. In the course of the study, general scientific methods of logical and statistical analysis were used to determine the level of greening of the Russian Federation using various indicators, as well as qualitative and quantitative analysis to identify barriers to increasing activity in the field of "green" construction.

Results. The use of innovative technologies in construction costs only 0.8% more than the construction of a standard building, while achieving the basic levels of green building standards leads to an increase in its cost by about 2-3%. Innovative methods for improving construction are substantiated, and a method for determining the level of corporate and social responsibility, taking into account the environmental factor, is analyzed in detail.

Conclusions. The introduction of the concept of "green" construction and ecologization of the economy will set a new vector in the country's innovative activity, thereby contributing to the formation of the techno-economy of the Russian Federation. The legislative framework for promoting the concept of "green" construction in the Russian Federation has been established, but this is not enough to increase the number of projects in this area and their implementation. Using innovations in the construction industry, companies support the Russian innovation market and contribute to the future of not only the Russian environment, but also the Russian economy.

Keywords: green innovations; construction industry; green construction; strategic directions of development; ecologization of the economy.

Funding: The study was carried out within the framework of the state assignment of Southwestern State University, the project code is 0851-2020-0034.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Babich T. N., Polozhenzeva Y. S., Logvinova I. O. Modern Approaches to the Development of Green Innovations: Industry-Specific Features. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 179–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-179-190>.

Received 10.02.2023

Accepted 06.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Растущая доказательная база научных и эмпирических наблюдений демонстрирует, как деятельность человека была прямо или косвенно связана с глубокими изменениями в климатической системе за последние несколько десятилетий [1; 2]. Человеческая цивилизация стала главной

движущей силой глобального изменения окружающей среды – люди быстро меняют физику, химию и биологию всей планеты, и антропогенный фактор уже оказал влияние на биогеофизический мир в большой степени [3, с. 156]. В 2008 г. мир достиг невидимой, но важной вехи – точки, в которой процент мирового населе-

ния, проживающего в городских пространствах, перешагнул отметку в 50%. В 1950 г. этот показатель был ниже 30%, что можно рассматривать как вторую крупную цивилизационную революцию после планетарного оседлого образа жизни, произошедшего 10 000 лет назад [4, с. 53]. За этим фактом последовало и увеличение объема строительных работ по всему миру. По данным Федеральной службы государственной статистики, объем жилищного строительства за последние 100 лет вырос с 129,9 млн м² жилья/год (1920 г.) до 399,3 млн м² жилья/год (2020 г.). При этом из-за строительной деятельности в России происходит 40% загрязнений питьевой воды по всей России, 23% загрязнений воздуха, 39% выбросов углекислого газа в атмосферу, 50% наполнения мусорных свалок, 25% от вырубки лесов для поставок древесины [5]. Актуальность данной работы состоит в том, что в контексте XXI в., широко интегрированного в «экологическую эру» и в эпоху «антропоцена», растет общее мнение о специфике текущего момента изменений и необходимости перехода к реадaptациям [6]. Проблема исследования сформирована из того факта, что все более очевидно: что современные явления глобального изменения климата и происходящий процесс планетарной урбанизации глубоко взаимосвязаны с обострением совокупных экологических, экономических и социальных проблем, объединяющихся в глубокий «экосистемный кризис». Задачей исследования является разработка действий, более совместимых с новой социально-экологической реальностью, которая включает в себя изменение стандартов строительства с помощью внедрения инноваций и изменения менеджмента в строительных организациях.

Материалы и методы

Для того чтобы определить уязвимые места строительной отрасли, оценим её с точки зрения макроэкономических пока-

зателей, отражающих экологическое состояние экономики и государства в целом [7].

Россия унаследовала экологические проблемы от распада Советского Союза в 1991 г. Акцент Советского Союза на промышленном производстве и пренебрежение к окружающей среде привели к тому, что Россия столкнулась с многочисленными экологическими проблемами – от сильного загрязнения воздуха до радиоактивного заражения. Кроме того, Советы завещали России экономику, зависящую от высокоэнергоемкого военно-промышленного комплекса. Хотя многие заводы и тяжелая промышленность были закрыты в результате экономического спада, экономика страны по-прежнему сильно зависит от добывающих отраслей [8]. Кроме того, продолжающийся переход России к рыночной экономике означает, что правительство решительно настроено на содействие экономическому росту в большей степени, нежели на защиту окружающей среды [9]. В таблице 1 показано, в каких рейтингах Россия укрепила свои позиции в экологическом плане, а в каких, наоборот, отделилась от лидеров.

К 2022 г. Россия опустилась еще на три позиции и оказалась в самом низу ССРІ (индекса эффективности действий в области изменения климата) этого года – на 59-м месте, что является достаточно низкими показателями. Как и в ССРІ, за последние два года Россия получила очень низкий рейтинг в категориях «Выбросы парниковых газов», «Возобновляемая энергия» и «Климатическая политика». Он также падает до очень низкого уровня энергопотребления по сравнению с прошлогодним низким рейтингом.

Эксперты ССРІ критикуют стремление российского правительства заменить уголь газом вместо развития возобновляемых источников энергии, а также то, что оно игнорирует актуальность климатического кризиса.

Таблица 1. Основные российские макроиндикаторы, влияющие на уровень развития зеленой экономики [7; 10; 11]

Макроиндикатор	Место России в рейтинге	Всего стран участвовало
1. Индекс экологической эффективности↓	58	120
2. Индекс эффективности действий в области изменения климата↓	59	63
3. Индекс жесткости экологической политики↑	31	33
4. Глобальный индекс инноваций в области экологически чистых технологий↑	39	40
5. Индекс уязвимости окружающей среды	71	234
6. Индекс низкоуглеродной экономики↓	20	34
7. Экологический «след» ↓	28	188
8. Глобальный индекс зеленой экономики↓	105	129

Одной из наиболее эффективных мер по решению экологических проблем на данный момент принято считать зелёное строительство [12]. Оно включает в себя меры, которые являются экологически чистыми и ресурсосберегающими на протяжении всего жизненного цикла здания. Концепция зеленого строительства направлена на комплексную минимизацию негативного воздействия и максимизацию положительного воздействия здания на природную среду и людей, находящихся в нем.

Как минимум, чтобы строительный проект считался экологичным, он должен включать следующее:

- эффективное использование энергии, воды и других ресурсов;
- меры по сокращению загрязнения и отходов, а также возможность повторного использования и переработки;
- хорошее качество воздуха в помещении;
- учет окружающей среды при проектировании, строительстве и эксплуатации.

Также проекты зеленого строительства должны включать:

- использование возобновляемых источников энергии, таких как солнечная энергия;
- использование нетоксичных, этичных и устойчивых материалов;
- учет требований и качество жизни жильцов при проектировании, строительстве и эксплуатации;

- дизайн, позволяющий адаптироваться к изменяющимся условиям среды;
- приверженность нулевым выбросам углерода.

Заключительная часть определения – приверженность нулевым выбросам углерода – стала новым официальным дополнением во многих исследованиях с 2018 г., в то время как до этого данный пункт в строительстве никак не учитывался.

Также для исследования стоит изначально рассмотреть основные факторы, влияющие на архитекторов, инженеров и подрядчиков во время принятия решений по строительству зелёных зданий [13]. Примечательно, что основные факторы для проектировщиков и строителей сильно отличаются от факторов для владельцев зданий и инвесторов. Список основных проблем для работников строительной сферы:

- нормативно-правовая среда оказывает большое влияние на практиков, при этом экологические нормы входят в тройку «проблемных» лидеров согласно статистике. Удивительно, но нормативные акты оказывают меньшее влияние на владельцев зданий и инвесторов, что может свидетельствовать о том, что нормативные требования могут помочь заполнить пробелы, побуждая специалистов-практиков заниматься экологически чистым строительством, когда их клиенты не отдают приоритет устойчивым целям;

– отсутствие спроса на рынке. Экологичные технологии, как и любые высокотехнологичные инновации, по стоимости могут превосходить предшествующие технологии. Исходя из этого потенциальным покупателям проще рассмотреть обычное здание для покупки и сэкономить. Здесь уже стоит рассмотреть социальный фактор неосведомленности населения об экологических проблемах и влияния строительства на окружающую среду.

Также необходимо рассмотреть негативные факторы, влияющие на решения владельцев знаний и инвесторов. Список представляет из себя только один пункт, а именно повышение арендной платы. При этом список положительно влияющих факторов намного больше:

– более высокая рентабельность инвестиций;

– снижение эксплуатационных расходов;

– благотворное влияние на здоровье жильцов и т. д.

Результаты и их обсуждение

Формирование решений экологических проблем экономики строительной отрасли производится в два этапа: 1) внедрение новых инновационных технологий в процесс строительства или замена уже имеющихся технологий новейшими инновациями; 2) внедрение модели организационно-экономического механизма экологизации менеджмента. Оба этапа затрагивают стратегии предприятий и изменения в них [14, с. 21]. В первую очередь рассмотрим доступные инновации и оценим их экологическую и экономическую эффективность (табл. 2).

Таблица 2. Инновации, доступные строительной отрасли в 2022 г. в качестве замены менее экологичных технологий

Инновация	Описание	Экологическая эффективность	Экономическая эффективность
1. Чувствительные к движению датчики освещения и индивидуальный климат-контроль (на 16% дороже устаревшей технологии)	Обеспечивают автоматическое включение освещения и климат-контроля в помещении в зависимости от загруженности помещения	Уменьшение выбросов углекислого газа в атмосферу за счет уменьшения количества задействования электроэнергии	Экономия электроэнергии в долгосрочной перспективе
2. Высокоэффективные системы HVAC (на 16% дороже устаревшей технологии)	Системы отопления, вентиляции и кондиционирования	Не используются хладагенты на основе хлорфторуглеродов, гидрохлорфторуглеродов или галонов, разрушающие озоновый слой и требующие больше энергии, чем экологически чистые хладагенты (например, не содержащие хлора).	Безопасны для человека и экономят электроэнергию
3. Фотогальванические системы для крыши и фонарей (на 6-13% в зависимости от фирмы дороже устаревшей технологии)	Системы освещения и добычи энергии за счет солнечного света	Отсутствие отрицательных выбросов в атмосферу	Экономия электроэнергии в долгосрочной перспективе
4. Ландшафтный дизайн для минимизации тепловых островов	Использование растений в качестве протекторов зданий от перенагрева	Меньшее использование кондиционеров и климат-контроля, а соответственно и меньшее количество выбросов CO ₂ в атмосферу	Экономия электроэнергии в долгосрочной перспективе

Инновация	Описание	Экологическая эффективность	Экономическая эффективность
5. Краски с низким и нулевым содержанием летучих органических соединений	Используются по назначению, как и обычные строительные краски	За счет отсутствия летучих соединений безопасны для окружающей среды, не имеют испарений	Безопасны для человека, не превышают среднерыночной стоимости
6. Соломенная доска из пшеницы (а не ДСП с добавлением формальдегида)	Используется в строительстве для сооружения разнообразных конструкций	За счет отсутствия формальдегидов безопасна для окружающей среды, не имеет испарений	Безопасны для человека, не превышают среднерыночной стоимости
7. Линолеум, изготовленный из джута и льняного масла (вместо стандартного винила, который содержит токсины)	Используется в декорировании помещений, не требует особого ухода при использовании	За счет отсутствия токсинов безопасен для окружающей среды, не имеет испарений	Безопасны для человека, не превышают среднерыночной стоимости

Согласно таблице 2, технологии зеленого строительства помогают экономить и даже генерировать энергию. Компании, например, могут устанавливать в офисах и на рабочих местах чувствительные к движению датчики освещения и индивидуальный климат-контроль. Они также могут приобрести высокоэффективные системы HVAC, в которых не используются хладагенты на основе хлорфторуглеродов, гидрохлорфторуглеродов или галонов, разрушающие озоновый слой и требующие больше энергии, чем экологически чистые хладагенты (например, не содержащие хлора). Опять же, такие технологии стоят дороже, чем стандартные строительные системы, но компании и застройщики могут оставаться в рамках основного бюджета, используя в своих интересах растущее число стимулов и возможностей финансирования, предлагаемых компаниям, устанавливающим строительные системы, которые экономят энергию в долгосрочной перспективе.

Говоря о более бюджетных инновациях в сфере строительства, необходимо также упомянуть ландшафтный дизайн. Он особенно эффективен для минимизации тепловых островов – накопления тепла от солнечного света, льющегося на темные неотражающие поверхности.

Стены зданий, выходящие на запад и юг, например, часто становятся островами тепла. Покрытие их зелеными экранами (металлическими решетками, засаженными виноградными лозами или выющими цветами) значительно уменьшит эффект теплового острова и сведет к минимуму поступление солнечного тепла внутрь. Взрослые деревья могут затенять стены зданий, крыши малоэтажных домов, дороги и парковки. Зеленые крыши могут снизить температуру зданий в летнее время до 70%, что также уменьшит количество CO₂, выбрасываемого в атмосферу из-за кондиционеров и климат-контроля.

Зеленый бизнес-центр LEED-Platinum CII-Sohrabji Godrej в Хайдарабаде (Индия) – самое экологичное здание в мире. Оно было завершено в 2003 г. По данным USGBC, получило круглую форму, которая освещает каждую часть 20 000 квадратных метров солнечным светом. Днем искусственное освещение не используется на 90% территории зеленого бизнес-центра. Благодаря экологическому дизайну и энергоэффективным технологиям оно потребляет на 55% меньше энергии, чем стандартное здание аналогичного размера. При этом компания хотела повысить удовлетворенность и удержание сотрудников, но настаивала

на стандартном бюджете. Одним из способов преодоления этих трудностей проектной группой стал выбор системы кондиционирования воздуха с охлаждающей балкой на водной основе. Хотя ее установка стоила на 30% больше, чем установка стандартной системы, система с водяным охлаждением была на 30% более энергоэффективной и занимала меньше места между потолками и полами, оставляя больше полезного пространства на каждом этаже. Команда пересмотрела и все остальные запланированные элементы. Замена стандартных ламп Т-8, например, более энергоэффективными лампами Т-5 (с меньшими размерами корпуса) была еще одним способом экономии места, что помогло снизить затраты на материалы и строительство [15, с. 119].

Еще одним способом экологизации строительной деятельности является изменение менеджмента организаций в экологическом направлении [16, с. 81]. Внедрение модели организационно-экономического механизма экологизации менеджмента состоит из двух этапов:

1. Оценка деловой этики и социальной ответственности организации, которая включает в себя экологический аспект.

Оценку деловой этики и социальной ответственности поможет дать анкета западной корпорации WBCSD (анкета WBCSD) (Всемирный деловой совет по устойчивому развитию, Швейцария). Данная анкета опирается на ESG – окружающая среда, социальные вопросы и внутрикорпоративные отношения. В данной работе термин ESG будет принимать форму аббревиатуры ОССВВО. Анкета состоит из 37 вопросов, на которые должны ответить руководящие лица организации [17].

WBCSD разработал инструмент самооценки для корпоративных директоров, призванный дать совету директоров рекомендации по интеграции вопросов

ОССВВО в свою надзорную роль. Это не оценка общей эффективности, профессионализма или влияния совета директоров. Анкета с множественным выбором позволяет оценить интеграцию совета директоров в области устойчивого развития в пяти основных областях:

- 1) цель и бизнес-модель;
- 2) управление рисками;
- 3) взаимодействие с менеджментом;
- 4) взаимодействие с заинтересованными сторонами;
- 5) нефинансовая отчетность.

2. Внедрение корпоративных правил, основанных на постановке экологического мышления [18, с. 85].

Как пример успешного экологического менеджмента рассмотрим историю компании Genzyme Center. Переработка строительных отходов является частью зеленого процесса, который дает ряд преимуществ. Во-первых, отходы не выбрасываются на свалку. Во-вторых, затраты на переработку часто намного ниже, чем плата за захоронение отходов. Наконец, дробя бетон и асфальт со снежного объекта и используя их в качестве структурного наполнителя для нового здания на этом участке, компания может сэкономить крупную часть бюджета, поскольку ей не нужно вывозить эти отходы за пределы площадки и покупать щебень для структурной засыпки. Компания Genzyme Center дает баллы каждому проекту/сотруднику, который перерабатывает не менее 50% строительного мусора. Подрядчик Genzyme Center переработал более 90% строительных отходов проекта, за что получил бонус к заработной плате.

Говоря о развитии зелёного строительства в Российской Федерации, необходимо изначально рассмотреть нормативные документы и всемирно признанные стандарты, по которым происходит создание и реализация проектов зелёных зданий (рис.).

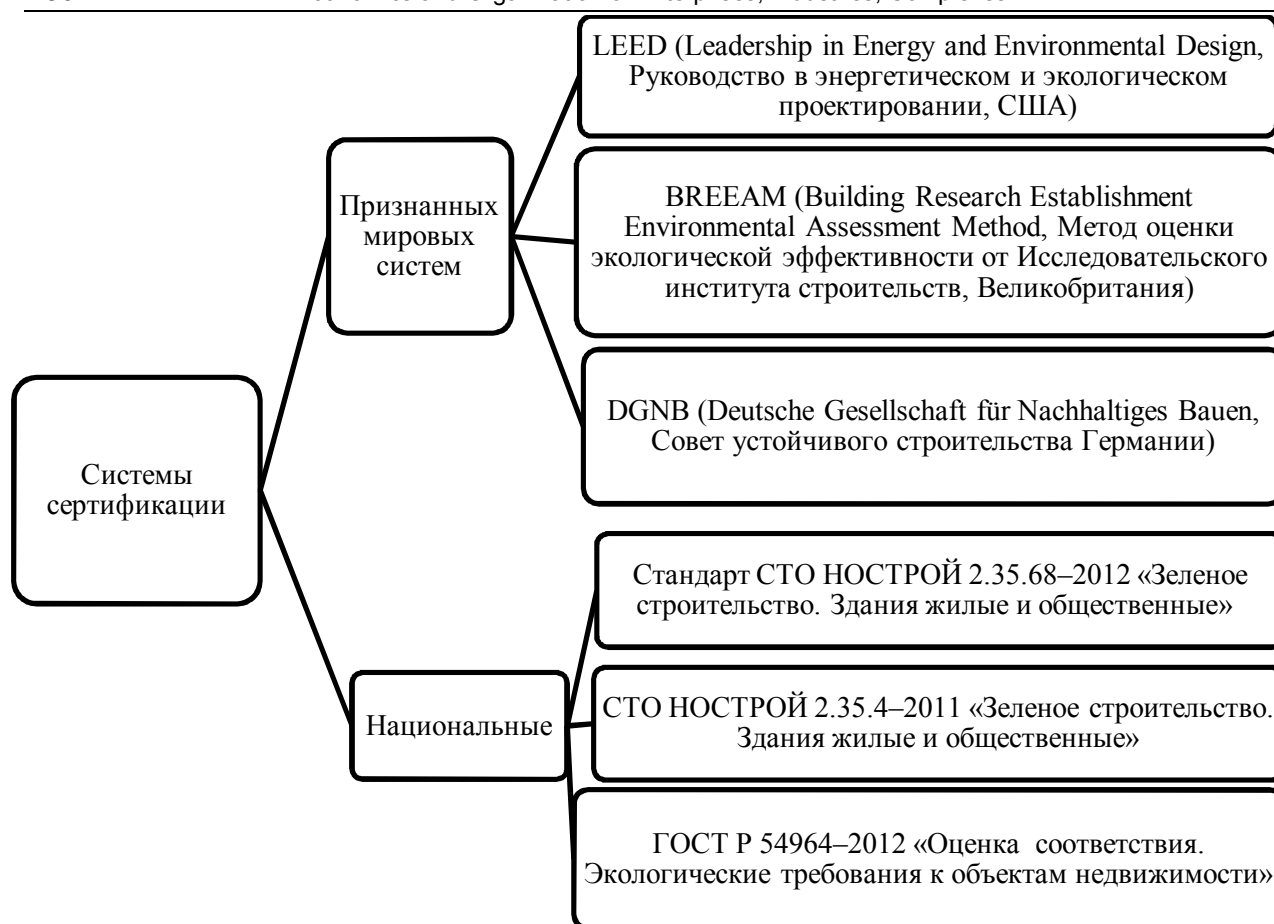

Рис. Системы сертификации зелёного строительства, используемые в России

Таким образом, законодательная база для продвижения концепции зелёного строительства в РФ установлена, однако этого недостаточно для увеличения количества проектов в этой сфере и их реализации. Рассмотрим причины, по которым реализация концепции зелёного строительства в Российской Федерации может быть затруднена:

- более высокие (предполагаемые или фактические) первоначальные затраты;
- отсутствие политической поддержки или стимулов;
- недостаточная осведомленность общественности;
- низкая доступность для потенциальных покупателей;
- отсутствие рыночного спроса и важность финансовой поддержки как главной движущей силы и причины препятствий для компаний по зелёному строительству;

– невозможность доказать экономическую целесообразность;

– нехватка обученных / образованных специалистов по экологическому строительству.

В таблице 3 представлены результаты опроса респондентов по вопросам наличия барьеров на пути увеличения активности в области зеленого строительства в их странах.

Методология данного исследования: были опрошены люди из 100 стран, включая Российскую Федерацию. Всего в опросе приняли участие 1207 специалистов отрасли [20, с. 120]. Распределение ответов выглядит следующим образом:

- архитекторы / дизайнеры – 23%;
- инженеры – 15%;
- специалисты / консультанты – 23%;
- подрядчики / строители – 15%;
- владельцы / разработчики – 20%;
- инвесторы – 3%.

Таблица 3. Основные барьеры на пути увеличения активности в области зеленого строительства (в целом и по странам), % [19]

Показатели	Среднее значение	Значения				
Более высокие (предполагаемые или фактические) первоначальные затраты	52	71	65	64	58	58
		Колумбия	Канада	США	Сингапур	Бразилия
Отсутствие политической поддержки или стимулов	34	67	50	44	44	42
		Камерун	Колумбия	Канада	Мексика	Бразилия
Недостаточная осведомленность общественности	28	49	41	40	36	35
		Саудовская Аравия	Камерун	Мексика	Колумбия	Южная Африка
Доступность (зеленое строительство, предназначенное только для элитных проектов)	27	44	37	37	32	30
		Китай	Индия	Южная Африка	США	Австралия/Новая Зеландия
Отсутствие рыночного спроса	26	37	33	33	26	23
		США	Канада	Камерун	Южная Африка	Мексика
Невозможность доказать экономическую целесообразность	24	40	36	34	32	31
		Сингапур	Китай	Саудовская Аравия	Канада	США
Нехватка обученных / образованных специалистов	24	41	39	37	34	26
		Индия	Бразилия	Саудовская Аравия	Сингапур	Южная Африка

Таким образом, в таблице 3 представлены данные из стран, где наибольшее количество респондентов заявило о наличии определенного барьера в их стране. Данный список барьеров применим и к Российской Федерации.

Учитывая историческую доступность и доступность природных ресурсов в России, требуется время, чтобы выработать привычку к умеренному и рациональному использованию энергии потребителем, что, в свою очередь, способствует более широкому распространению зеленого развития в России. Мы считаем, что текущая ситуация должна измениться в связи с дальнейшим ростом цен на энергоносители, а также ужесточением природоохранного законодательства.

Выводы

Исходя из проведенных исследований можно сделать ряд выводов:

1. Хорошо спроектированные зеленые здания имеют более низкие затраты на коммунальные услуги, что повышает

эффективность использования ресурсов и улучшает показатели экономики.

2. Около 58% людей, проживающих в зеленых зданиях, подтвердили более высокую продуктивность, хорошее самочувствие, меньшее количество больничных отпусков, взятых за прошедший год. Также директора компаний, чьи офисы были оснащены с помощью инновационных строительных технологий подтвердили, что у сотрудников наблюдается повышенный моральный дух и удовлетворенность рабочим местом, что также повышает производительность и экономическую эффективность компаний.

3. Использование инновационных технологий при строительстве обходится всего на 0,8% дороже, чем строительство стандартного здания.

4. Введение концепции зелёного строительства и экологизации экономики задаст новый вектор в инновационной деятельности страны, тем самым внеся вклад в инновационный комплекс Российской Федерации.

5. Существуют определенные способы экологизации строительной деятельности, представляющие собой изменение менеджмента организаций в экологическом направлении. Два этапа внедрения экологического менеджмента можно осуществить с помощью анкеты WBCSD.

Таким образом, используя инновации в строительной сфере, компании смогут поддерживать рынок российский инноваций и сделать вклад в будущее не только российской экологии, но и российской экономики.

Список литературы

1. Плотников В. А., Халил М. Р. А. К вопросу об организационном обеспечении государственной политики развития зеленой экономики // *Beneficium*. 2020. № 1 (34). С. 46–56.
2. Плотников В. А., Халил М. Р. А. Политика регулирования устойчивого развития и формирования зеленой экономики: теоретические подходы // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 6 (35). С. 57–66.
3. Бейтсон Г. Шаги к экологии разума. Чикаго: University of Chicago Press, 2000. 569 с.
4. Сейшас П. *The Urban Planet: Инструкция по эксплуатации и несколько схем сборки* // Издание Universidade Фернандо Пессоа. 2008. № 8. С. 53–70.
5. Строительство // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458> (дата обращения: 17.01.2023).
6. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Направления государственной политики развития зеленой экономики // *Байкальские экономические чтения. Социально-экономическое развитие регионов: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции*. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2016. Т. 1. С. 23–27.
7. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г., Логвинова И. О. Индикативная оценка уровня экологизации как инструмент управления дифференциацией экономического пространства // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 6. С. 22–37.
8. Вертакова Ю. В., Бабич Т. Н., Брагина А. В. Стратегические ориентиры модернизации промышленных предприятий России // *Экономика промышленности*. 2021. Т. 14, № 3. С. 288–297.
9. Крыжановская О. А. Стратегические приоритеты развития регионов: компаративный анализ стратегий цифровой трансформации // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 5. С. 120–131.
10. Индекс жесткости экологической политики. URL: <https://stats.oecd.org/index.aspx?DatasetCode=EPS> (дата обращения: 17.01.2023).
11. Индекс эффективности действий в области изменения климата Russia – Climate Performance Ranking 2023. URL: <https://ccpi.org/country/rus/> (дата обращения: 17.01.2023).
12. Логвинова И. О., Бабич Т. Н. Особенности составления бизнес-плана для предприятия строительной отрасли в трансформационных условиях // *Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XVI Международной научно-практической конференции*. Курск: Университетская книга, 2021. С. 303–307.
13. Сухинина Е. А. Влияние «зеленых» зданий на человека, природу и экономику // *Архитектура, градостроительство и дизайн*. 2016. № 4 (10). С. 14–22.
14. Скворцов В. О. Модели и алгоритмы управления экологическими аспектами в строительных организациях: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Воронеж, 2012. 21 с.
15. Мортон Т. Экология: без природы. Переосмысление окружающей среды. Эстетика. Кембридж: Массачусетс Харова, 2007. С. 249.
16. Мишелон Дж., Бессо Дж., Кумар К. Изучение связи между стратегической корпоративной социальной ответственностью и эффективностью компании: анализ лучших корпоративных граждан // *Корпоративная социальная ответственность и экологический менеджмент*. 2013. № 20. С. 81–94.

17. Self-assessment // WBCSD. URL: <https://wbcsdpublications.org/board-director-resources/self-assessment/> (дата обращения: 17.01.2023).
18. Эззин Х., Оливеро Б. Эволюция корпоративного управления во время недавних финансовых кризисов // Международный журнал деловых и финансовых исследований. 2013. Т. 7, № 1. С. 85–100.
19. World Green Building Trends 2021. URL: <https://proddrupalcontent.construction.com/s3fs-public/WorldGreen-2021-SMR-29Oct.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).
20. Этические проблемы в строительной отрасли: взгляд подрядчика / Х. Аднан, Н. Хашим, Н. Мохд, Юсуван, Н. Ахмад // Процедуры – социальные и поведенческие науки. 2012. № 35. С. 719–727.

References

1. Plotnikov V. A., Khalil M. R. A. K voprosu ob organizatsionnom obespechenii gosudar-stvennoi politiki razvitiya zelenoi ekonomiki [On the issue of organizational support of the state policy for the development of green economy]. *Beneficium*, 2020, no. 1 (34), pp. 46–56.
2. Plotnikov V. A., Khalil M. R. A. Politika regulirovaniya ustoichivogo razvitiya i formirovaniya zelenoi ekonomiki: teoreticheskie podkhody [The policy of regulation of sustainable development and the formation of a green economy: theoretical approaches]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 6 (35), pp. 57–66.
3. Bateson G. Shagi k ekologii razuma [Steps towards an ecology of the mind]. Chicago, University of Chicago Press Publ., 2000, 569 p.
4. Seixas P. The Urban Planet: Instruksiya po ekspluatatsii i neskol'ko skhem sborki [The Urban Planet: Instruction manual and several assembly diagrams]. *Izdanie Universidade Fernando Pessoa = Edition Universidade Fernando Pessoa*, 2008, no. 8, pp. 53–70.
5. Stroitel'stvo [Construction]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458>. (accessed 17.01.2023)
6. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. [Directions of the state policy for the development of the "green" economy]. *Baikal'skie ekonomicheskie chteniya. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov: problemy i perspektivy. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Baikal Economic Readings. Socio-economic development of regions: problems and prospects. Materials of the international scientific and practical conference]. Ulan-Ude, East Siberian State University of Technology and Management Publ., 2016, vol. 1, pp. 23–27. (In Russ.)
7. Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G., Logvinova I. O. Indikativnaya otsenka urovnya ekologizatsii kak instrument upravleniya differentsiatsiei ekonomicheskogo prostranstva [Indicative assessment of the level of ecologization as a tool for managing the differentiation of economic space]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 22–37.
8. Vertakova Yu. V., Babich T. N., Bragina A. V. Strategicheskie orientiry modernizatsii promyshlennykh predpriyatii Rossii [Strategic guidelines for the modernization of industrial enterprises in Russia]. *Ekonomika promyshlennosti = Economics of Industry*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 288–297.
9. Kryzhanovskaya O. A. Strategicheskie priority razvitiya regionov: komparativnyi analiz strategii tsifrovoi transformatsii [Strategic priorities for the development of regions: a comparative analysis of digital transformation strategies]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, vol. 12, no. 5, pp. 120–131.
10. Indeks zhestkosti ekologicheskoi politiki [Index of environmental policy rigidity]. Available at: <https://stats.oecd.org/index.aspx?DatasetCode=EPS>. (accessed 17.01.2023)
11. Indeks effektivnosti deistvii v oblasti izmeneniya klimata Russia – Climate Performance Ranking 2023 [Climate Performance Index Russia – Climate Performance Ranking 2023]. Available at: <https://ccpi.org/country/rus/>. (accessed 17.01.2023)
12. Logvinova I. O., Babich T. N. [Features of drawing up a business plan for a construction industry enterprise in transformational conditions]. *Aktual'nye problemy razvitiya khozyaistvuyushchikh*

sub"ektiv, territorii i sistem regional'nogo i munitsipal'nogo upravleniya. Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Actual problems of development of economic entities, territories and systems of regional and municipal government. Materials of the 16th International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2021, pp. 303–307. (In Russ.)

13. Sukhinina E. A. Vliyanie "zelenykh" zdaniy na cheloveka, prirodu i ekonomiku [Influence of "green" buildings on a person, nature and economy]. *Arkhitectura, gradostroitel'stvo i dizain = Architecture, Urban Planning and Design*, 2016, no. 4 (10), pp. 14–22.

14. Skvortsov V. O. Modeli i algoritmy upravleniya ekologicheskimi aspektami v stroitel'nykh organizatsiyakh. Avtoref. diss. kand. tekhn. nauk [Models and algorithms for managing environmental aspects in construction organizations. Cand. techn. sci. abstract diss.]. Voronezh, 2012. 21 p.

15. Morton T. Ekologiya: bez prirody. Pereosmyslenie okruzhayushchei sredy. Estetika [Ecology without nature. Rethinking the environment. Aesthetics]. Cambridge, Massachusetts Harova Publ., 2007, p. 249.

16. Michelin J., Besso J., Kumar K. Izuchenie svyazi mezhdu strategicheskoi korporativnoi sotsial'noi otvetstvennost'yu i effektivnost'yu kompanii: analiz luchshikh korporativnykh grazhdan [Exploring the relationship between strategic corporate social responsibility and company performance: an analysis of the best corporate citizens]. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' i ekologicheskii menedzhment = Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2013, no. 20, pp. 81–94.

17. Self-assessment. WBCSD. Available at: <https://wbcsdpublications.org/board-director-resources/self-assessment/>. (accessed 17.01.2023)

18. Ezzin H., Olivero B. Evolyutsiya korporativnogo upravleniya vo vremya nedavnykh finansovykh krizisov [The evolution of corporate governance during the recent financial crises. International]. *Mezhdunarodnyi zhurnal delovykh i finansovykh issledovaniy = Journal of Business and Financial Studies*, 2013, vol. 7, no. 1, pp. 85–100.

19. World Green Building Trends 2021. Available at: <https://proddrupalcontent.construction.com/s3fs-public/WorldGreen-2021-SMR-29Oct.pdf>. (accessed 17.01.2023)

20. Adnan H., Hashim N., Mohd N., Yusuwan, Ahmad N. Eticheskie problemy v stroitel'noi otrasli: vzglyad podryadchika [Ethical issues in the construction industry: a contractor's perspective]. *Protsedury – sotsial'nye i povedencheskie nauki = Procedures – Social and Behavioral Sciences*, 2012, no. 35, pp. 719–727.

Информация об авторах / Information about the Authors

Бабич Татьяна Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: tanybabich@mail.ru, Researcher ID: AAB-8488-2019, ORCID: 0000-0002-6598-9054

Tatiana N. Babich, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: tanybabich@mail.ru, Researcher ID: AAB-8488-2019, ORCID: 0000-0002-6598-9054

Положенцева Юлия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: polojenceva84@mail.ru, Researcher ID: O-2864-2015, ORCID: 0000-0002-8296-0878

Yulia S. Polozhentseva, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: polojenceva84@mail.ru, Researcher ID: O-2864-2015, ORCID: 0000-0002-8296-0878

Логвинова Ирина Олеговна, магистрант кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: iralog11@yandex.ru

Irina O. Logvinova, Undergraduate of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: iralog11@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

SOCIO-ECONOMIC FORECASTING AND MODELLING

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-191-205>

Регионально-отраслевой дисбаланс регионов: оценка дифференциации по социо-эколого-экономическим показателям с помощью 3D-призмы

Е. А. Боркова¹ ✉

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет
ул. Садовая, д. 21, г. Санкт-Петербург 191023, Российская Федерация

✉ e-mail: e.borkova@mail.ru

Резюме

Актуальность. Проблемы устойчивого и сбалансированного социо-эколого-экономического развития регионов России, особенно под воздействием экзогенных шоков, представляют необходимость уделить особое внимание вопросам оценки дифференциации регионов, в основе которой легла триединая концепция устойчивого развития. Разработка научно-методического аппарата изучения и моделирования социо-эколого-экономических взаимосвязей для оценки устойчивого развития регионов на сегодняшний день представляется актуальным. В статье автором выделяется роль моделирования, позволяющего с помощью использования комплексных индексов оценить дифференциацию регионов.

Цель – исследование и анализ воздействия на экономику экзогенных шоков в региональном разрезе, ранее – пандемии COVID-19, а далее – усугубление геополитической напряженности.

Задачи: провести анализ индикативных показателей, отражающих сбалансированное развитие социально-экономических и экологических взаимосвязей, и оценить влияние экзогенных шоков на их изменение; разработка 3D- и 4D-моделей, отражающих положения субъектов РФ с отдельным отражением экологической нагрузки на регионы.

Методология. Методологический подход к исследованию положения регионов РФ с помощью 3D- и 4D-моделирования в рамках триединой социо-эколого-экономической концепции с помощью индикаторов включил применение экономико-статистического и компаративного анализа изучения динамики изменения показателей в области экономических, социальных и экологических индикаторов в разрезе субъектов РФ; методы классификации, анализа и синтеза для выявления дифференциации регионов и уровня их разбалансированности.

Результаты. Научная новизна результатов исследования состоит в разработке научно-методического аппарата изучения и моделирования социо-эколого-экономических взаимосвязей для оценки устойчивого развития региона под воздействием макроэкономических шоков.

Выводы. На основе проведенного анализа положения регионов по всем трем направлениям (экономическом, социальном и экологическом) в рамках триединой концепции устойчивого развития, по трехгранной призме можно констатировать, что вопросам экологии в регионах не уделяется должного внимания и что приоритет отдается краткосрочному урегулированию «чрезвычайных» ситуаций.

Ключевые слова: триада социо-эколого-экономических взаимосвязей; экзогенные шоки; трансформация системы; разбалансированность взаимосвязей; устойчивое развитие; государственное управление.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Боркова Е. А. Регионально-отраслевой дисбаланс регионов: оценка дифференциации по социо-эколого-экономическим показателям с помощью 3D-призмы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 191–205. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-191-205>.

Поступила в редакцию 17.02.2023

Принята к публикации 14.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Regional-Sectoral Imbalance of Regions: Assessment of Differentiation in Terms of Socio-Ecological and Economic Indicators Using a 3D Prism

Elena A. Borkova¹ ✉

¹ St. Petersburg State University of Economics

2 Sadovaya Str., St. Petersburg 191023, Russian Federation

✉ e-mail: e.borkova@mail.ru

Abstract

Relevance. The problems of sustainable and balanced socio-ecological and economic development of the regions of Russia, especially under the influence of exogenous shocks, it is necessary to pay special attention to the issues of assessing the differentiation of regions, which is based on the triune concept of sustainable development. The development of a scientific and methodological apparatus for studying and modeling socio-ecological and economic relationships for assessing the sustainable development of regions today seems relevant. In the article, the author highlights the role of modeling, which allows using complex indices to assess the differentiation of regions.

The purpose is to study and analyze the impact on the economy of exogenous shocks in the regional context, previously – the COVID–19 pandemic, and then – the aggravation of geopolitical tensions.

Objectives: to analyze indicative indicators reflecting the balanced development of socio-economic and environmental relationships, and to assess the impact of exogenous shocks on their change; to develop 3D and 4D models reflecting the situation of the subjects of the Russian Federation with a separate reflection of the environmental burden on the regions.

Methodology. The methodological approach to the study of the situation of the regions of the Russian Federation using 3D and 4D modeling within the framework of the triune socio-ecological-economic concept using indicators included the use of economic-statistical and comparative analysis of the study of the dynamics of changes in indicators in the field of economic, social and environmental indicators in the context of the subjects of the Russian Federation; methods of classification, analysis and synthesis to identify differentiation of regions and the level of their imbalance.

Results. The scientific novelty of the research results consists in the development of a scientific and methodological apparatus for studying and modeling socio-ecological and economic relationships to assess the sustainable development of the region under the influence of macroeconomic shocks.

Conclusions. Based on the analysis of the situation of the regions in all three directions (economic, social and environmental) within the framework of the three-pronged concept of sustainable development, according to the three-sided prism, it can be stated that environmental issues in the regions are not given due attention and that priority is given to the short-term settlement of "emergency" situations.

Keywords: triad of socio-ecological-economic interrelations; exogenous shocks; transformation of the system; imbalance of interrelations; sustainable development; public administration.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Borkova E. A. Regional-Sectoral Imbalance of Regions: Assessment of Differentiation in Terms of Socio-Ecological and Economic Indicators Using a 3D Prism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 191–205. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-191-205>.

Received 17.02.2023

Accepted 14.03.2023

Published 28.04.2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент / *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 191–205

Введение

В настоящее время развитие экономики России происходит в условиях обострения внешних и внутренних вызовов, которые выливаются в экономическом, социальном и экологическом региональном дисбалансе [1]. Межрегиональная дифференциация и дисбаланс развития регионов РФ стали все сильнее и имеют под собой различные причины. Важно, что в российской и зарубежной региональной науке и практике не абсолютизируется задача выравнивания развития территорий и снижения дифференциации до какого-то уровня. Принципиально важное значение имеет обеспечение равных условий и относительно равных возможностей развития территорий, достижение необходимых социальных стандартов и качества жизни населения [2; 3, с. 57]. При этом остаются нерешенными вопросы, связанные с комплексной оценкой устойчивого социо-эколого-экономического развития.

Определение дисбаланса является важным направлением социально-экономического развития. Выявление региональных различий и дисбаланс развития внутри субъекта по экономическим, социальным и экологическим направлениям может позволить сократить уровень пространственной неоднородности. Экзогенные шоки привели к непреднамеренным и радикальным изменениям социально-экономических процессов хозяйственной жизни населения, серьезно изменили стратегию и бизнес-процессы. На российских предприятиях происходят негативные изменения не только в отношении их внутренних операций, но и их взаимодействия с окружающей деловой средой. Выходом из сложившейся ситуации может стать в рамках триединой концепции устойчивого развития обеспечение сбалансированного и гармоничного развития на основе регулирования экономических взаимосвязей внутри региональной системы (экономических, социальных, эко-

логических и др.) в долгосрочной перспективе. В этой связи требуется научный анализ и оценка разбалансированности социо-эколого-экономических взаимосвязей с целью оценки перспектив и вероятных направлений трансформации социально-экономической системы под воздействием экзогенных шоков.

Под устойчивым развитием следует понимать создание особой социо-эколого-экономической территориальной системы, которая уменьшает воздействие разрушения ландшафта и антропогенной перегрузки. Самостоятельно развиваясь, она обеспечивает сохранение культурных ценностей, продолжительное использование всех природных ресурсов, местное производство, туризм, рекреацию и другие отрасли экономической деятельности, формирующей благоприятные условия для жизни населения. Объединение экономических, экологической, социальной сфер деятельности в одну общую самоорганизующуюся структуру обусловлено длительными глобальными изменениями, поэтому в устойчивом развитии в первую очередь следует выделять экономическую эффективность, экологическую безопасность и социальную справедливость.

Материалы и методы

Актуальность рассмотрения проблем социо-эколого-экономической дифференциации российских регионов обусловливает необходимость выявления причин дисбаланса. Каждый субъект Российской Федерации обладает присущими только ему особенностями и определенным набором ресурсов: наличием природных ископаемых, территориально-географическим преимуществом, количеством экономических, трудовых, финансовых ресурсов и т. д. Регионы по своей сути уникальны с имеющимся набором конкурентных преимуществ и инвестиционным потенциалом. И с точки зрения М. Портера, конкурентные преимущества могут обеспечить высокую внешнюю

конкурентоспособность региона, а далее – и страны. Опираясь на его стратегию, конкурентное преимущество формируется и поддерживается благодаря территориальным особенностям и отличиям, таким как: исторические предпосылки развития, национальные ценности, бизнес-культура, общая инфраструктура, поддержание длительных контактов с поставщиками и потребителями, уникальные природные ресурсы, наличие квалифицированной рабочей силы [4, с. 21].

Результаты и их обсуждение

Рассматривая территориальные особенности России, в её экономическом развитии следует отметить высокий уровень неравномерности, обусловленной особой исторически сложившейся инфраструктурой, природно-климатическими условиями, наличием разнообразных природных ресурсов и другими объективными аспектами. На региональном уровне дисбаланс огромен, его объясняют тремя факторами (рис. 1).

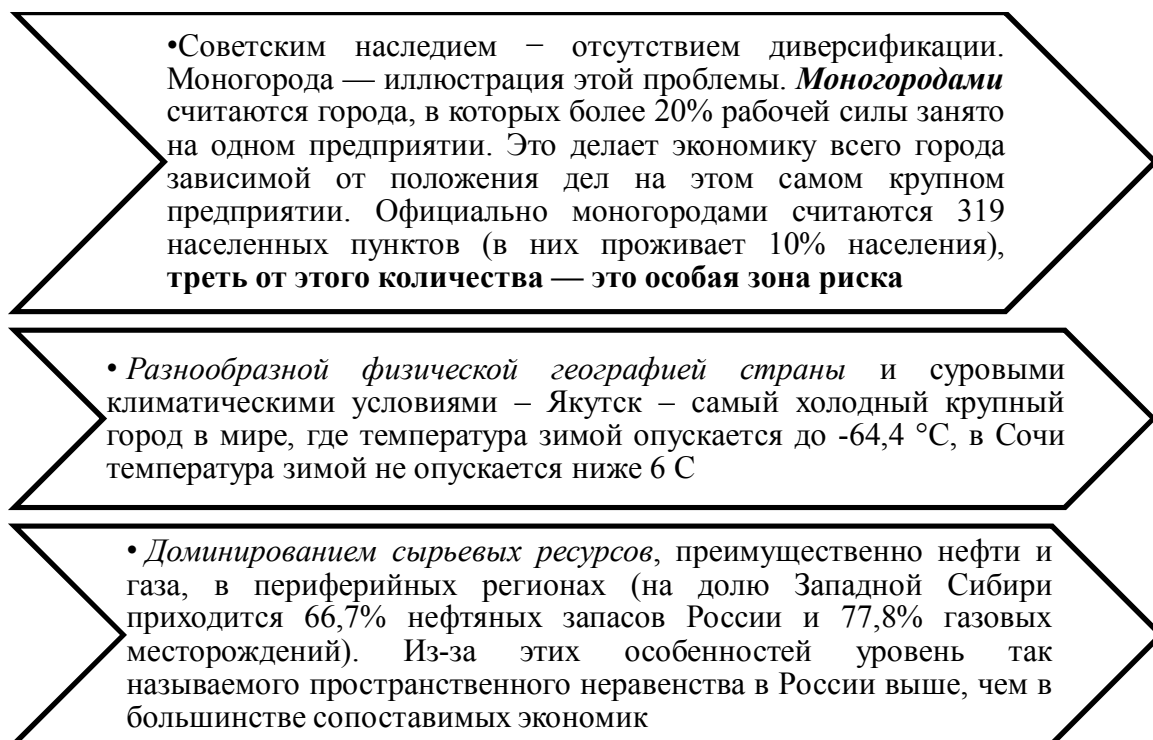

Рис. 1. Факторы, объясняющие межрегиональный дисбаланс

Неравномерность распределения ресурсов обусловило возрастание не только межрегионального, но и внутри регионального неравенства, что приводит к снижению связности единого экономического пространства [5]. Степень регионального дисбаланса между некоторыми регионами огромна. Так, например, по показателю валового регионального продукта (ВРП) на душу населения богатейший (Сахалинская обл.) и беднейший (Ингушетия) различаются в 17 раз [6].

Эксперты РИА «Рейтинг» по заказу РИА «Новости» на основе официальной

статистики провели исследование и составили рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2021 г. [7].

Согласно рейтинговому агентству, Москва и Санкт-Петербург занимают лидирующие позиции первых десяти регионов. Их интегральный рейтинг составил более 85 баллов. Республика Ингушетия, Алтай, Республика Тыва, Еврейская автономная область и Республика Калмыкия имеют самые низкие показатели. Более того, различие между наивысшей оценкой (Москва) и наименьшей (Калмыкия) рассчитано в 75,571 балла.

По данным рейтинга «Качество жизни», как и ранее первое место по региональному уровню занимает г. Москва, далее – г. Санкт-Петербург и Московская область. Их сводный рейтинговый балл (превышающий 75 баллов) был рассчитан с учетом таких условий, как развитость инфраструктуры, степень качественного изменения экономики и социальной сферы. Именно эти аспекты хозяйственной деятельности в совокупности со значитель-

ным потенциалом совершенствования в будущем позволяют лидирующим регионам закрепиться в топе рейтинга на длительный срок. Рассматривая состав нижней части списка, необходимо отметить Забайкальский край, Республику Ингушетию, Еврейскую автономную область, Карачаево-Черкесскую Республику и Республику Тыва. Значения показателей Москвы и Республики Тыва существенно различаются, из разрыв составляет 62 балла (табл. 1).

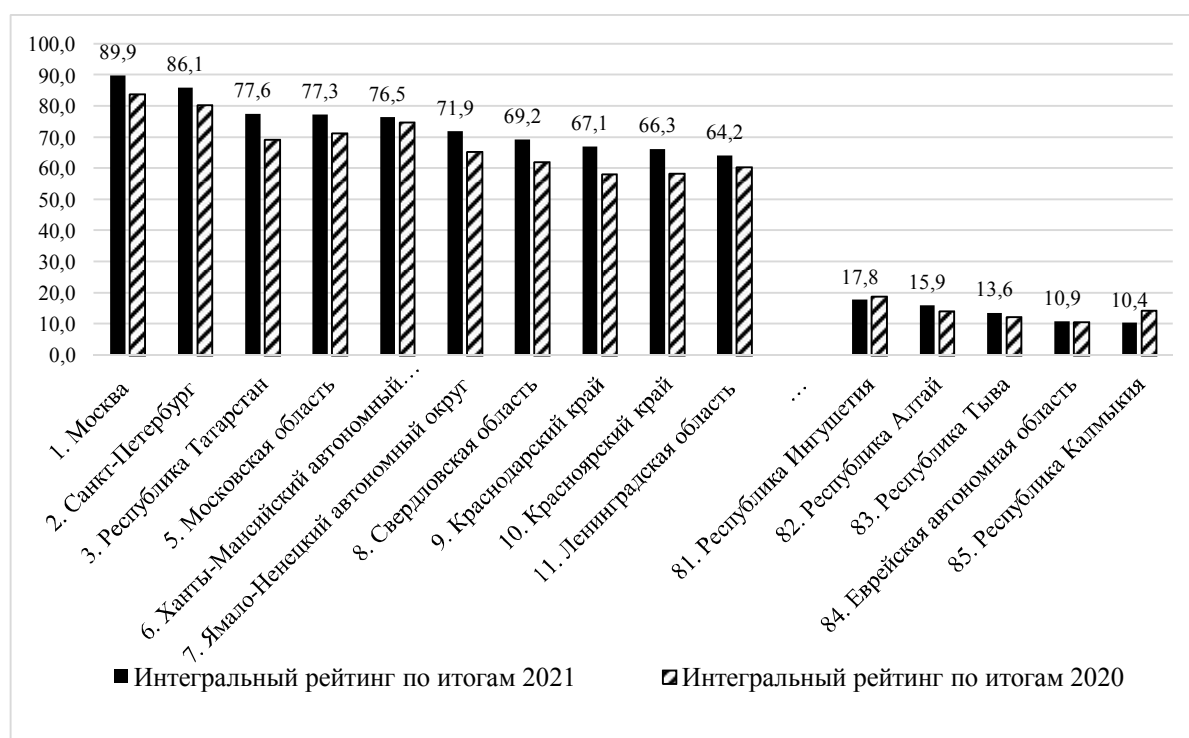

Рис. 2. Рейтинг социально-экономического положения регионов в 2020–2021 гг. [7]

Таблица 1. Рейтинг регионов по качеству жизни в 2021 г.

Место по итогам 2021	Регионы	Интегральный рейтинг по итогам 2021	Место по итогам 2021	Регионы	Интегральный рейтинг по итогам 2021
1	Москва	81,352	78	Республика Бурятия	33,024
2	Санкт-Петербург	80,241	79	Республика Калмыкия	32,504
3	Московская область	75,858	80	Республика Алтай	30,547
4	Республика Татарстан	69,361	81	Забайкальский край	30,070
5	Краснодарский край	67,327	82	Республика Ингушетия	29,741
6	Белгородская область	64,149	83	Еврейская автономная область	28,940
7	Ленинградская область	62,698	84	Карачаево-Черкесская Республика	25,542
8	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	62,002	85	Республика Тыва	19,105

Уровень зарплат является одним из самых главных мерил уровня жизни населения, так как она составляет порядка 60% всех доходов людей. В России наблюдается достаточно большая дифференциация по размеру зарплат. В основе самых больших различий в уровне оплаты труда в нашей стране лежат региональные особенности (рис. 3).

Наибольшей долей высокооплачиваемых работников стали северные и дальневосточные регионы, а также Москва. Чукотский автономный округ, почти половина работников которого получает заработную плату более 100 тыс. руб., занимает первое место в рейтинге регионов по уровню зарплат в 2021 г. Далее в списке Ямало-Ненецкий автономный округ, его доля занятых с зарплатой выше 100 тыс. руб. составила 43,8%. Третье место принадлежит Магаданской области (33,6%), четвертое – Ненецкому автономному округу (33,4%), пятая позиция по доле высоких заработанных плат – Москва, её показатель 32,6%.

Доля расходов на продукты питания в системе семейных бюджетов является значительным экономическим и социальным показателем, на основе которого

можно сделать определенные выводы об условиях жизни граждан в стране (рис. 4). В странах с обеспеченным населением и достойным уровнем жизни чаще всего процент расходов на продукты питания низкий. А в странах, не отличающихся высоким размером заработанных плат, где обычно цены на товары и услуги достаточно высокие, ситуация сильно отличается. В этом случае на еду уходит весомая часть бюджета семьи, а остальные расходы являются второстепенными. Так, в России расходы на продукты питания составляют около 1/3 всех затрат граждан.

По данным рейтинга стран по доле расходов семей на продукты питания, можно сделать вывод, что граждане Люксембурга обладают достойным уровнем жизни, так как их траты на еду составляют 8,4% от их расходов, и поэтому страна занимает лидирующую позицию. На втором месте – Нидерланды (8,7%), на третьем – Великобритания (10,5%). По итогам 2021 г. расходы на продукты питания граждан России составляют 32,2%, и страна располагается на 31 строчке рейтинга. Завершают список Молдавия и Казахстан, значения показателей которых 41,9% и 53% соответственно.

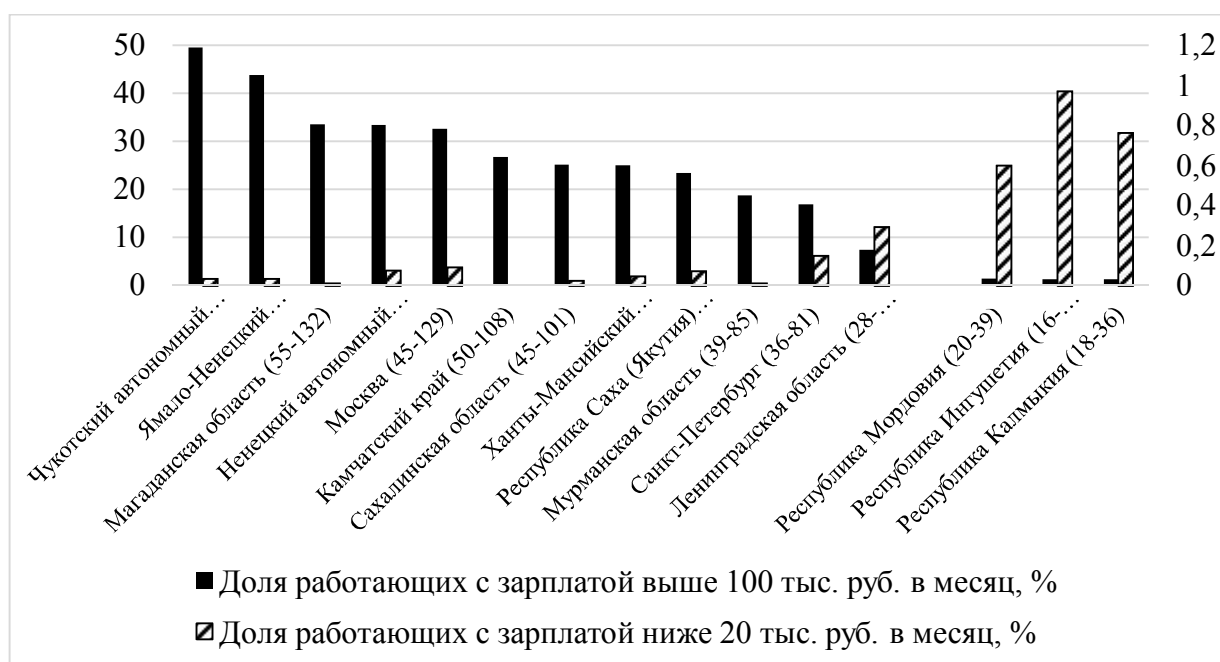

Рис. 3. Рейтинг регионов по уровню зарплат в 2021 г. [7]

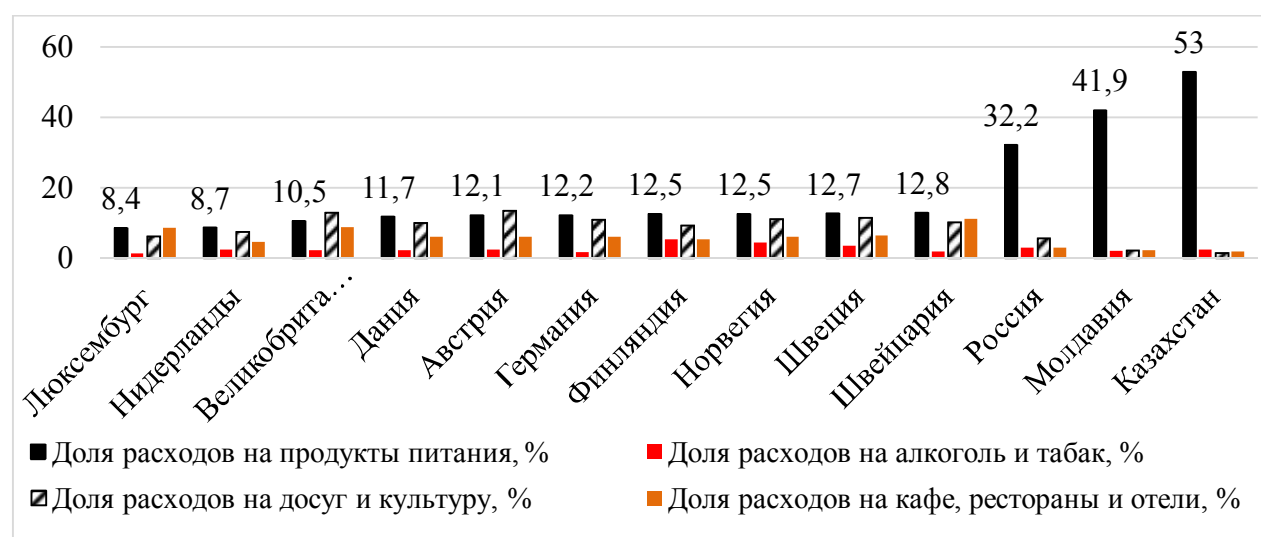

Рис. 4. Рейтинг стран по доле расходов семей на продукты питания в 2022 г. [5]

Таким образом, из приведенных данных видно, насколько не только страны, но и регионы внутри страны дифференцированы, они, по сути, находятся в состоянии постоянной конкурентной борьбы за рынки сбыта продукции и инвестициями, а также дотационной помощи со стороны государства. По словам главы Чечни Рамзана Кадырова, трансферты в годовом выражении в регион на «федеральное содержание» в республику оцениваются в 375 млрд руб. [8].

Существуют два типа регионов России – дотационные (нуждающиеся в под-

держке федерального бюджета) и доноры (субъекты с высоким экономическим потенциалом) [9; 10].

Таким образом, обеспеченные «доноры» оказывают поддержку регионам, нуждающимся в их помощи. Перечень субъектов РФ, не являющихся в 2022 г. получателями дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, утвержден Приказом Минфина от 11 ноября 2021 г. № 493. В 2022 г., согласно Приказу Минфина, в этот перечень вошли 23 субъекта РФ, ровно на 10 больше, чем в 2021 г. (рис. 5).

Рис. 5. Перечень субъектов, не получающих дотаций в 2021 г. и 2022 г.

Остальные субъекты соответственно получили дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» от 06.12.2021 г. № 390-ФЗ указаны плановые объемы дотаций на 2022, 2023 и 2024 гг. Согласно этому документу, самыми дотационными регионами в 2022 г. являются Дагестан, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, плановые суммы дотаций соответственно 80, 18 млрд руб., 56,75 млрд руб., 44,17 млрд руб. [11].

Для понимания всей структуры российской системы межбюджетных отношений требуется глубокий анализ всех путей движения денежных средств между бюджетами разных уровней. Наиболее доступным для изучения показателем, характеризующим трансферты из федерального центра субъектам, является

объем средств, направляемых из федерального бюджета и Федерального фонда ОМС в бюджеты регионов и их территориальные фонды обязательного медицинского страхования (ТФОМС). В открытом доступе эти данные представлены на официальном сайте Казначейства России.

На текущий момент доступен отчет за полный 2020 г., из которого следует, что крупнейшим получателем федеральных средств в абсолютном выражении были Москва (381,7 млрд руб.) и Московская область (247,4 млрд руб.). Согласно данным Росстата, в действительности большая доля этих трансфертов была на субвенции ФОМС в ТФОМС Москвы и Московской области – 338 млрд и 143 млрд руб. соответственно. Третье место по объему полученных средств из федерального бюджета и ФОМС занимает Республика Крым (187,6 млрд руб.) (рис. 6).

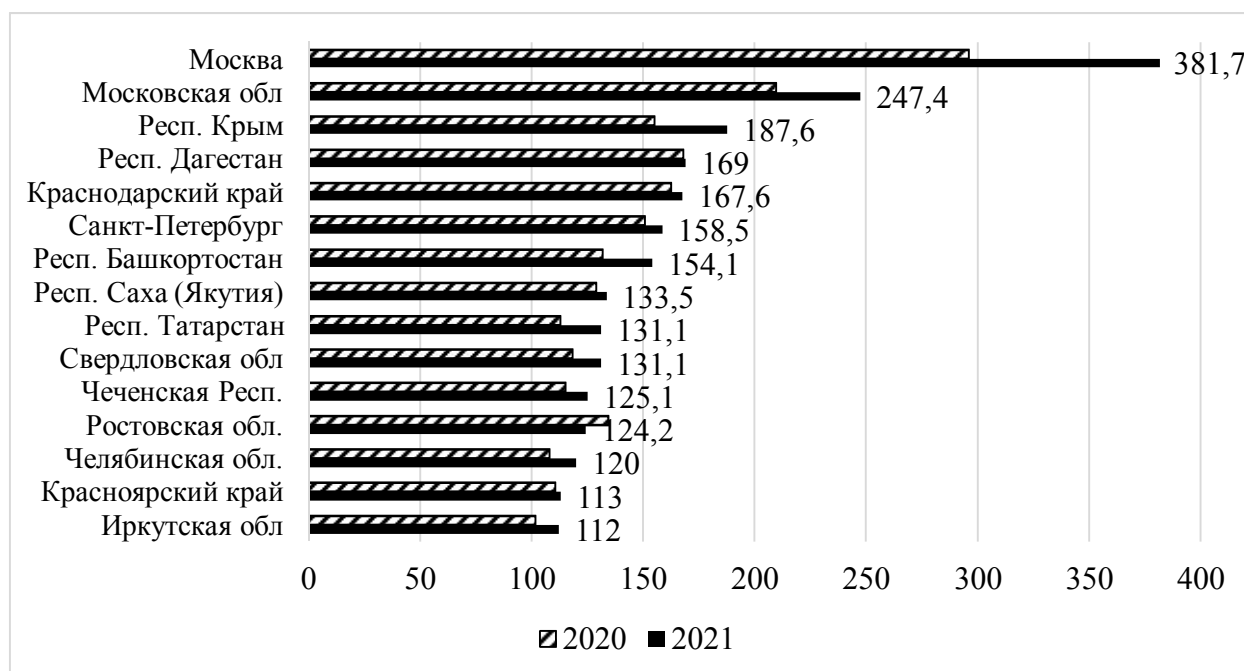

Рис. 6. Поступления из федерального бюджета и бюджета ФОМС в консолидированный бюджет региона и бюджет его территориального фонда ОМС, млрд руб. [12]

Таким образом, получается, что не Москва кормит страну, а наоборот. Накануне в Госсовете РТ были вновь озвучены рекордные цифры поступления нало-

гов в федеральный бюджет из Татарстана. Более 1 трлн руб. Казань перечислила в Москву. Это произошло впервые в истории. При этом собственные доходы

республики составили 330 млрд руб. Понятие справедливости здесь зависит от многих факторов, и централизация может нарастать в зависимости от политической и экономической ситуации. В данный момент 3/4 собранных средств уходит в федеральный бюджет. И примерно 1/4 остается. В основном бюджет перераспределяется между субъектами без стимулирующих факторов [13].

Например, Татарстан отдал в федеральный бюджет почти 70% налогов. Москва оставила себе около 60%. В основном средства от налогов на добычу полезных ископаемых. Все нефтедобывающие регионы – крупные плательщики в федеральный бюджет. Потому что главный их налог – НДС (налог на добычу полезных ископаемых) полностью идет в федеральный бюджет. Если брать налоговые доходы федерального бюджета за 100%, то доля Республики Татарстан во всех налоговых доходах федерального бюджета – 4%.

По мнению политика и депутата парламента Татарстана Марата Галеева, справедливыми были бы пропорции трансферов 50 на 50 [11].

Важно учитывать, что это невозможно сделать в один миг, потому что

так устроена бюджетная система и налоговое законодательство. На сегодняшний день в России существуют только 13 регионов-доноров, т. е. субъектов с высокой бюджетной обеспеченностью, это очень мало для такой большой страны. Остальные субъекты являются реципиентами. Проблемой межбюджетных отношений в настоящее время является отсутствие стимулов для регионов, получающих дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, для развития собственной налоговой базы и привлечения инвестиций.

Хотелось бы, чтобы доля, остающаяся в регионах-донорах, была как можно больше, чтобы у регионов было как можно больше бюджетных полномочий и финансирования при соблюдении принципа бюджетного федерализма. Оптимальной в ближайшие годы была бы пропорция 50/50. Конечно, не каждому российскому региону достался такой подарок – нефть, но должны быть разные условия существования, разная эффективность и изначально заданные данные для развития у регионов.

Рассмотрим индикаторы, используемые для построения 3D-модели (табл. 2).

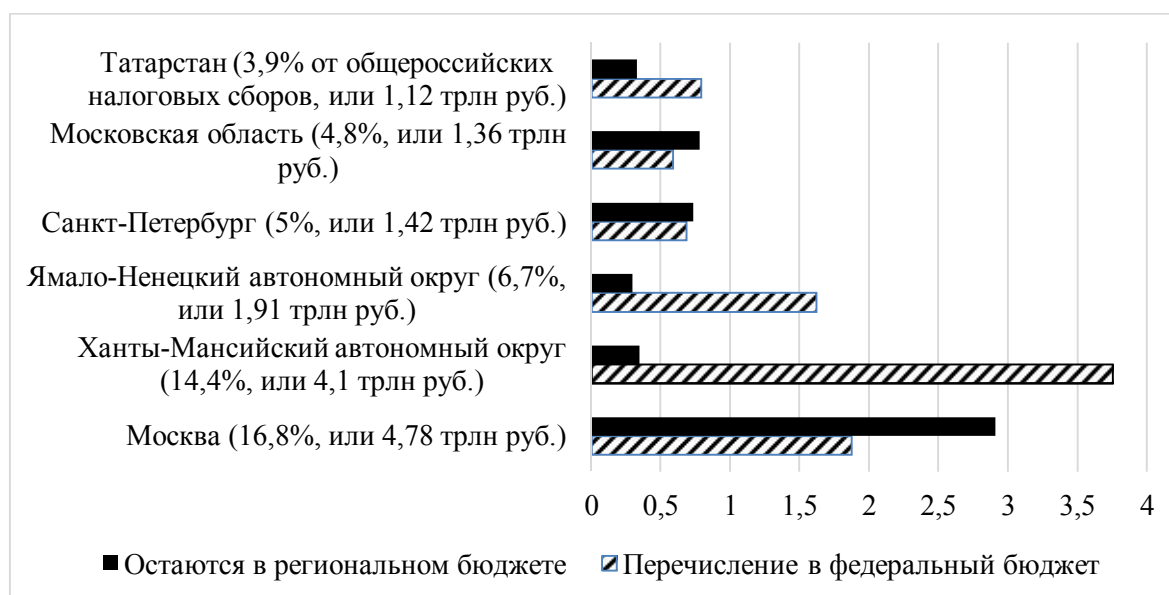

Рис. 7. Перечисление в федеральный бюджет в 2022 г., трлн руб. [11]

Таблица 2. Индикаторы, используемые для построения 3D-модели [14]

Экономика*	Социо**	Экология***
Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2021 г.	Рейтинг регионов по доступности аренды жилья – 2022	Рейтинг регионов РФ по отсутствию вредных привычек – 2022
Рейтинг регионов по научно-технологическому развитию – итоги 2021 г.	Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2021 г.	Национальный экологический рейтинг по итогам лета 2022 г. по данным ООО «Зеленый патруль»
Рейтинг регионов по рынку труда – итоги 2021 г.	Рейтинг регионов по качеству жизни – 2021	
Рейтинг российских регионов по качеству дорог	Рейтинг регионов по зарплатам – 2021	
Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство»	Рейтинг регионов РФ по материальному благополучию населения	
Оборот организаций по видам экономической деятельности в 2020 г.	Рейтинг регионов по приверженности населения ЗОЖ – 2022	
Валовой региональный продукт на душу населения	Рейтинг регионов по доступности покупки семьями жилья в ипотеку	
* Экономические индикаторы (https://riarating.ru/). ** Социальные индикаторы (https://riarating.ru/). *** Экологические индикаторы (https://greenpatrol.ru/ru)		

Для построения модели используют прием, предложенный Гиббсом. Он основан на геометрических свойствах правильного треугольника [15].

Зависимость свойств системы от трех переменных изображают в виде пространственной диаграммы, представляющей собой трехгранную прямоугольную призму. В основании призмы – равносторонний треугольник, характеризующий состав тройной системы (концентрационный треугольник), а высотой служит взаимодействие компонентов [16]. Для данной математической модели составлен авторский рейтинг, который учитывает соотношение экономического, социального и экологического показателей в общем показателе региона. Для региона очень важна сбалансированность, так как без нее невозможно устойчивое и долгосрочное развития, так как развитие одной сферы (например, экономической) не должно идти в ущерб другой. Таким образом, пользуясь диаграммой и правилом Тарасенкова [17; 18], можно оценить,

в каком количестве находятся сопряженные индикаторы, характеризующие субъекты РФ по трем характеристикам в системе (рис. 8).

На основании построенной модели можно сделать следующие выводы:

1. Москва, Санкт-Петербург – регионы, имеющие самые высокие экономические и социальные показатели, и больше других регионов смещены к точке характеризующих экономическое положение.

2. Еврейская автономная область и Забайкальский край по показателям расположились в призме ниже остальных.

3. Если рассматривать призму с боку, то можно увидеть, что большинство регионов разбалансировано по экологическому индикатору, кроме Тамбовской области и Чеченской Республики.

Таким образом, на основе проведенного мониторинга положения регионов по всем трем направлениям (экономическом, социальном и экологическом) в рамках триединой концепции устойчивого развития в нашей трехгранной, про-

зрачной призме можно констатировать, что экологии в регионах не уделяется должного внимания и что приоритет отдается краткосрочному урегулированию «чрезвычайных» ситуаций (рис. 8).

Большая часть регионов, в которых наблюдается сильный дисбаланс, являются экономически и социально успешными регионами, несмотря на успехи государства в этих сферах, очень сильно страдает экология. Конечно, загрязнение окружающей среды в результате производственной деятельности человека неизбежно, но за решением насущных проблем может наступить такой момент, когда загрязнение окружающей

среды нанесет серьезный урон здоровью населения. Обратимся к рейтингу «Зеленый патруль», согласно которому действительно часть регионов по экологическим показателям чувствуют себя гораздо лучше остальных, это: Тамбовская область (сводный индекс 80); Белгородская область (78); Республика Алтай (78); Курская область (индекс 75). А Забайкальский край, Свердловская и Омская область со сводным индексом 51 имеют самые низкие показатели. Такой колоссальный дисбаланс наглядно можно увидеть в 4D-модели, построенной согласно индексам «Зеленый патруль» (рис. 9).

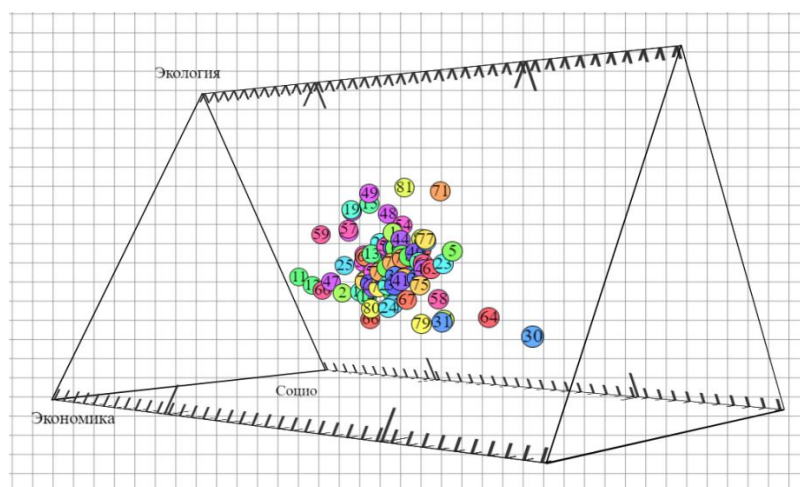
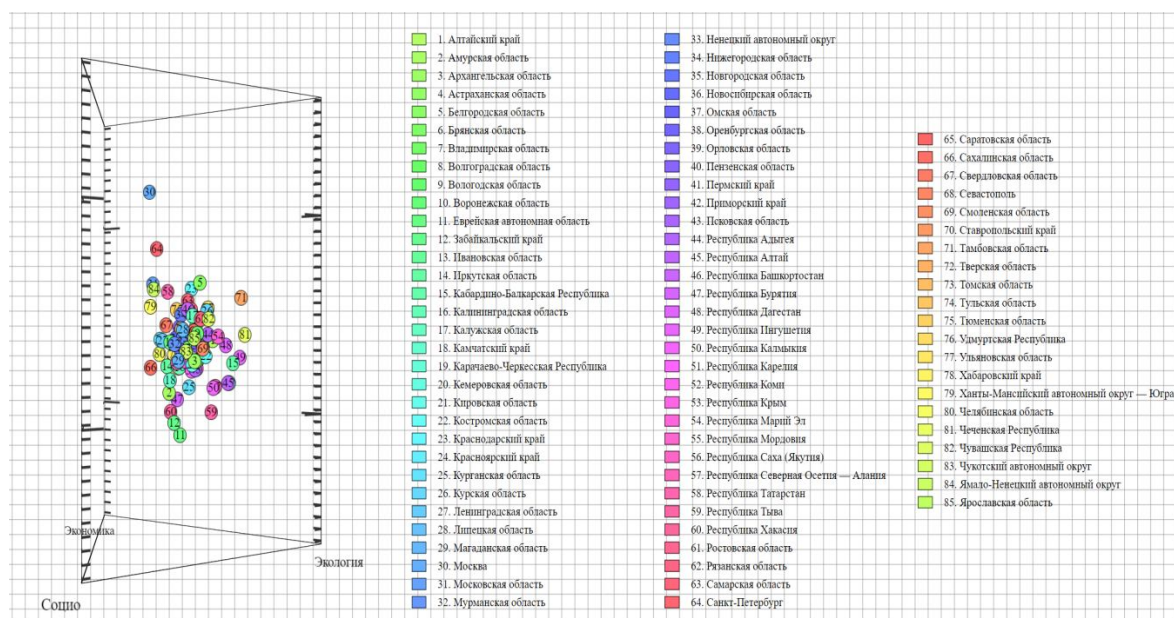

Рис. 8. Положение субъектов РФ в трёхкомпонентной 3D-призме

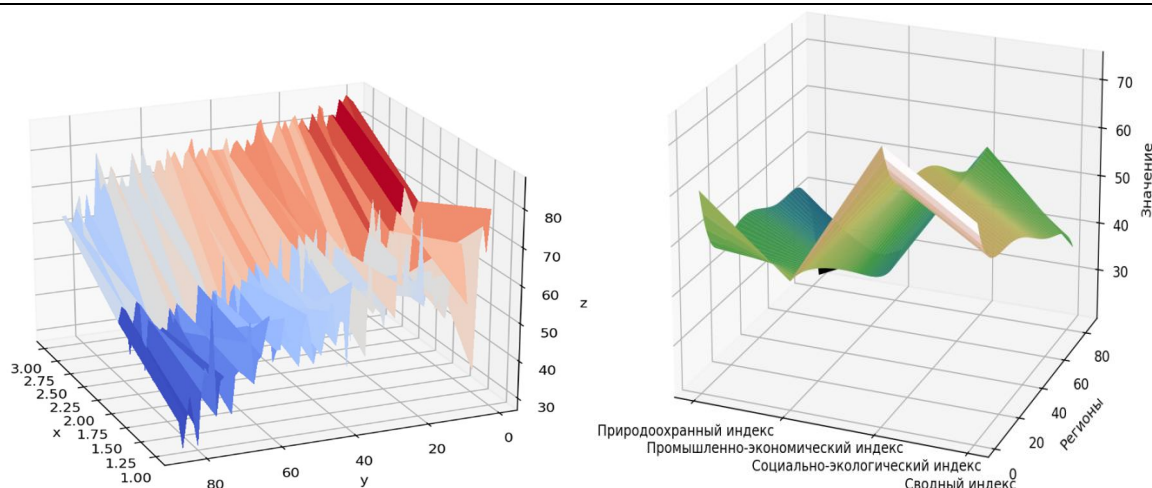

Рис. 9. 4D-модель, построенная на основе индексов «Зеленый патруль»

У каждой медали две стороны, и это продемонстрировали построенные нами модели. С одной стороны, субъекты стремятся к экономическому развитию, а с другой – технологическое развитие приводит к деградации окружающей среды. Сбалансированное устойчивое развитие обозначает концепцию, которая содержит в себе идею удовлетворения наших собственных потребностей без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [19, с. 5]. Устойчивое социальное развитие представляет собой интеграцию социальной справедливости и экономического развития, а не только сохранение и защиту природы. Эти три направления должны существовать в балансе друг с другом. А используя возможности в развитии инноваций, мы можем качественно улучшить нашу жизнь и при этом сохранить природу. Технологические преобразования на основе развития инноваций сложный вопрос, затрагивающий множество факторов, но проработка его может помочь по-другому посмотреть на многие проблемы и способ-

ствовать качественному росту [20, с. 51; 21, с. 205].

Выводы

Россия – страна огромная, с разными регионами в экономическом плане. Отсюда и критерий не локальной, а федеральной справедливости – минимизировать перекосы в развитии регионов, чтобы не было так называемых «ржавых поясов» и «жирующих столиц». Это долгий путь, но в нем залог целостности страны, гарантия социальной стабильности и лучшая защита от распада. Проведенный анализ доказывает, что регионы между собой неоднородны, со своими особенностями и проблемами. Часть из них экономически и социально более стабильна, чем другие, но проблемы с окружающей средой. Наше общество выстрадало путь к устойчивому развитию, и многие начали осознавать, что необходим переход к устойчивым формам развития и рациональному образу жизни, что невозможно без активной поддержки государства.

Список литературы

1. Оценка влияния макроэкономических шоков на устойчивость развития секторов национальной экономики и проблемы экономической безопасности / Е. А. Боркова, Л. В. Ватлина, А. Х. Курбанов, В. А. Плотников. СПб.: Инфо-да, 2022. 248 с.

2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (проект) // Минэкономразвития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/planning/bsd/201817081> (дата обращения: 18.01.2023).
3. Ворошилов Н. В., Губанова Е. С. Дифференциация территорий и механизм ее снижения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 6. С. 57–72. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.6.60.4>
4. Растворцева С. Н., Гринева Н. А. Конкурентоспособность региона в условиях глобализации. Белгород: КОНСТАНТА, 2014. 187 с.
5. Рейтинг инновационных регионов России. URL: <https://www.i.regions.org>reiting/reiting...razvitiya/2016/> (дата обращения: 18.01.2023).
6. Где находится неравенство. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/07/24/776307-nahoditsya-neravenstvo> (дата обращения: 17.01.2023).
7. Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2021. Инфографика // РиаРейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html> (дата обращения: 10.01.2023).
8. Какие регионы России больше всего зависят от денег из центра. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f29f439a79470585f7f0d5> (дата обращения: 10.01.2023).
9. Structural effects of regional reproduction in Russia: impact on market and administrative coordination relationship / D. Iu. Miropolskii, E. A. Borkova, L. V. Vatlina, Z. A. Kapelyuk // Exceling Tech. 2019. Vol. 8, N 4. P. 824–833.
10. Regional Supply Chain Structure and Centralization of the Economy of Russia / D. Iu. Miropolskii, T. A. Selishcheva, S. A. Diatlov, I. B. Lomakina, E. A. Borkova // Exceling Tech. 2018. Vol. 7, N 6. P. 684–692.
11. Татарстан отправил триллион рублей в Москву: выгодно ли быть регионом-донором. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/tatarstan-otpravil-trillion-rublei-v-moskvu-razbiraemsya-mnogoeto-ili-malo-5863622> (дата обращения: 11.01.2023).
12. Инновационная Россия — 2020. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // Минэкономразвития России. URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2023).
13. Меняющийся ландшафт мировой экономики // Перспективы развития мировой экономики. Бюллетень основных прогнозов ППМЭ. URL: <https://www.imf.org>/media/Files...WEO/2017/January...0117r.ashx> (дата обращения: 18.01.2023).
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 14.01.2023).
15. Трехкомпонентные системы. URL: <https://studfile.net/preview/5228494/> (дата обращения: 17.01.2023).
16. Татаркин А. И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. Т. 12, Вып. 1. С. 9–27.
17. Чекмарев В. В. Экономическое развитие регионов России: монография / Костромской государственный университет. Кострома, 2017. С. 332.
18. Фомичев В. Т., Ермакова Т. А., Акатьев В. В. Диаграммы состояния трехкомпонентных систем. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. 36 с.
19. Плотников В. А., Юсуfoва А. М. Устойчивость региональных экономических систем в условиях макроэкономических шоков // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 3 (53). С. 5–9.
20. Боркова Е. А., Кузнецова Д. С., Зирюкова П. А. Цифровые инструменты на пути к устойчивому развитию // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: сборник научных статей XII Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2022. С. 50–54.
21. Луфт К. С., Пирогова Е. Д., Боркова Е. А. Инвестиции как фактор устойчивого развития экономической системы в России // Экономика и предпринимательство. 2022. № 9 (146). С. 205–207.

References

1. Borkova E. A., Vatlina L. V., Kurbanov A. Kh., Plotnikov V. A. Otsenka vliyaniya makroekonomicheskikh shokov na ustoichivost' razvitiya sektorov natsional'noi ekonomiki i problemy ekonomicheskoi bezopasnosti [Assessment of the impact of macroeconomic shocks on the sustainability of the development of sectors of the national economy and problems of economic security]. St. Petersburg, Info-da Publ., 2022. 248 p.
2. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda (proekt) [Strategy for the spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025 (draft)]. Minekonomrazvitiya RF [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/201817081>. (accessed 18.01.2023)
3. Voroshilov N. V., Gubanova E. S. Differentsiatsiya territorii i mekhanizm ee snizheniya [Differentiation of territories and the mechanism of its reduction]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 57–72. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.6.60.4>
4. Rastvortseva S. N., Grinev N. A. Konkurentosposobnost' regiona v usloviyakh globalizatsii [Competitiveness of the region in the context of globalization]. Belgorod, CONSTANT Publ., 2014. 187 p.
5. Reiting innovatsionnykh regionov Rossii [Rating of innovative regions of Russia]. Available at: <https://www.i.regions.org>reiting/reiting...razvitiya/2016/>. (accessed 18.01.2023)
6. Gde nakhoditsya neravenstvo [Where is the inequality]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/07/24/776307-nahoditsya-neravenstvo> (accessed 17.01.2023)
7. Reiting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya regionov – 2021. Infografika [Rating of the socio-economic situation of the regions – 2021. Infographics]. RiaReiting [Ria Rating]. Available at: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html>. (accessed 10.02.2023)
8. Kakie regiony Rossii bol'she vsego zavisyat ot deneg iz tsentra [Which regions of Russia depend most on money from the center]. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f29f439a79470585f7f0d5>. (accessed 10.01.2023)
9. Miropolskii D. Iu., Borkova E. A., Vatlina L. V., Kapelyuk Z. A. Structural effects of regional reproduction in Russia: impact on market and administrative coordination relationship. *Exceling Tech*, 2019, vol. 8, no. 4, pp. 824–833.
10. Miropolskii D. Iu., Selishcheva T. A., Diatlov S. A., Lomakina I. B., Borkova E. A. Regional Supply Chain Structure and Centralization of the Economy of Russia. *Exceling Tech*, 2018, vol. 7, no. 6, pp. 684–692.
11. Tatarstan otpravil trillion rublei v Moskvu: vygodno li byt' regionom-donorom [Tatarstan sent a trillion rubles to Moscow: is it profitable to be a donor region?]. Available at: <https://www.tatar-inform.ru/news/tatarstan-otpravil-trillion-rublei-v-moskvu-razbiraemysya-mnogo-eto-ili-malo-5863622>. (accessed 11.01.2023)
12. Innovatsionnaya Rossiya — 2020. Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda [Innovative Russia // 2020. Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the period up to 2020]. Minekonomrazvitiya Rossii [Ministry of Economic Development of Russia]. Available at: <http://www.economy.gov.ru>. (accessed 21.01.2023)
13. Menyayushchiysya landshaft mirovoi ekonomiki [The changing landscape of the global economy]. Perspektivy razvitiya mirovoi ekonomiki. Byulleten' osnovnykh prognozov PRME [Prospects for the development of the world economy. Bulletin of the main forecasts of the PRME]. Available at: <https://www.imf.org>/media/Files...WEO/2017/January...0117r.ashx>. (accessed 18.01.2023)
14. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156. (accessed 14.01.2023)
15. Trekhkomponentnye sistemy [Three-component systems]. Available at: <https://studfile.net/preview/5228494>. (accessed 17.01.2023)
16. Tatarkin A. I. Regional'naya napravlennost' ekonomicheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii kak instituta prostranstvennogo obustroistva territorii [Regional targeting of the economic policy of the Rus-

sian Federation as an institution of regional spatial development]. *Ekonomika regiona = Economics of the Region*, 2016, vol. 12, is. 1, pp. 9–27.

17. Chekmarev V. V. *Ekonomicheskoe razvitie regionov Rossii* [Economic development of regions of Russia]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2017, p. 332.

18. Fomichev V. T., Ermakova T. A., Akat'ev V. V. *Diagrammy sostoyaniya trekhkomponentnykh sistem* [Akatiev. Diagrams of the state of three-component systems]. Volgograd, Volga Publishing House Publ., 2018. 36 p.

19. Plotnikov V. A., Yusufova A. M. *Ustoichivost' regional'nykh ekonomicheskikh sistem v usloviyakh makroekonomicheskikh shokov* [Sustainability of regional economic systems in the context of macroeconomic shocks]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii = Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technologies*, 2022, no. 3 (53), pp. 5–9.

20. Borkova E. A., Kuznetsova D. S., Ziryukova P. A. [Digital tools on the way to sustainable development]. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: upravlencheskie, pravovye, khozyaistvennye aspekty. Sbornik nauchnykh statei XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The strategy of socio-economic development of society: managerial, legal, economic aspects. Collection of scientific articles of the XII International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2022, pp. 50–54. (In Russ.)

21. Luft K. S., Pirogova E. D., Borkova E. A. *Investitsii kak faktor ustoichivogo razvitiya ekonomicheskoi sistemy v Rossii* [Investments as a factor in the sustainable development of the economic system in Russia]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2022, no. 9 (146), pp. 205–207.

Информация об авторе / Information about the Author

Боркова Елена Аркадьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: e.borkova@mail.ru,
Researcher ID: M-2930-5019,
ORCID: 0000-0001-5754-7195

Elena A. Borkova, Cand. of Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: e.borkova@mail.ru,
Researcher ID: M-2930-5019,
ORCID: 0000-0001-5754-7195

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-206-214>**Анализ качества научных и инновационных трансформаций
на территориях в общеэкономических условиях
прохождения кризиса****Д. Ю. Фраймович¹, К. А. Власенко¹ ✉**

¹ Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
ул. Горького, д. 87, г. Владимир 600000, Российская Федерация

✉ e-mail: via.ksenia@mail.ru

Резюме

Актуальность. В последнее время экономика РФ испытывает ряд серьезных проблем, обусловленных санкционным воздействием западных стран и распространением эпидемии COVID-19. В этой связи особую актуальность получают исследования, позволяющие выявить тренды и характер воспроизводственных процессов в регионах, а также закономерности формирования оптимальных параметров роста при прохождении посткризисной фазы социально-экономической системой.

Цель исследования заключается в количественном анализе качества научных и инновационных трансформаций на территориях РФ в до- и посткризисный периоды функционирования экономики.

Задачи: выявить тенденции развития инновационного потенциала регионов в разрезе двух временных фаз (до и после 2014 года). При этом исследуемые результаты было предложено привязать к курсу евро.

Методология. В статье рассмотрена теоретическая база, раскрывающая особенности возникновения и прохождения территориями кризисов. Работа базируется на количественных методах исследования.

Результаты. Максимальное значение динамики по среднему обороту инновационной продукции в докризисный период и посткризисную фазу достигнуто в г. Москве. По удельным затратам на проведение научно-исследовательских работ ни одна из рассматриваемых территорий не характеризуется положительными трансформациями.

Выводы. Проведенные расчеты подтверждают наличие затяжного кризиса в производственной сфере анализируемых территорий. Кроме того, количественно обоснована сильная связь между состояниями научно-исследовательского и инновационного секторов. В этой связи в целях перехода страны на принципиально другой уровень технологического развития существует необходимость усиления поддержки научной базы, а также постоянного мониторинга достигаемых результатов.

Ключевые слова: кризис; территории РФ; инновационная продукция; научная деятельность; динамика.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Фраймович Д. Ю., Власенко К. А. Анализ качества научных и инновационных трансформаций на территориях в общеэкономических условиях прохождения кризиса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 206–214. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-206-214>.

Поступила в редакцию 11.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Фраймович Д. Ю., Власенко К. А., 2023

Analysis of the Quality of Scientific and Innovative Transformations in the Territories in the General Economic Conditions of the Crisis

Denis Y. Fraymovich¹, Ksenia A. Vlasenko¹ ✉

¹ Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov
87 Gorky Str., Vladimir 600000, Russian Federation

✉ e-mail: vla.ksenia@mail.ru

Abstract

Relevance. Recently, the Russian economy has been experiencing a number of serious problems due to the sanctioning influence of Western countries and the spread of the COVID-19 epidemic. Together, these factors complicate the dynamic development of the country's economic complex in almost all directions, hindering the creation and generation of knowledge-intensive solutions. In this regard, research that helps to identify the trends and nature of reproductive processes in the regions, as well as the regularities of formation of optimal growth parameters when passing through the post-crisis phase of the socio-economic system, is of particular relevance.

The purpose is a quantitative analysis of the quality of scientific and innovative transformations in the territories of the Russian Federation in the pre- and post-crisis periods of functioning of the economy.

Objectives: to identify trends in the development of innovation potential of the regions in the context of two time phases (before and after 2014) according to two indicators: the average per capita turnover of innovative products and specific costs of research work. At the same time, it is proposed to link the studied results to the euro exchange rate.

Methodology. The article considers the theoretical framework that reveals the peculiarities of the emergence and passage of crises by territories. The work is based on quantitative research methods (econometric and correlation and regression analysis). The data are systematized and synthesized thanks to freely available official statistics of the Federal State Statistics Service.

Results. The maximum value of dynamics on the average per capita turnover of innovation products in the pre-crisis period was achieved in Moscow. In the post-crisis phase, the harshest drop in this indicator was also recorded for the Moscow region. In terms of specific R&D expenditures, none of the territories under consideration is characterized by positive transformations in 2014-20120 in relation to 2000-2013.

Conclusions. The calculations confirm the existence of a protracted crisis in the reproductive sphere of the analyzed territories. In addition, a strong correlation between the states of the research and innovation sectors is quantitatively substantiated. In this regard, in order to move the country to a fundamentally different level of technological development there is a need to strengthen the support of the scientific base, as well as continuous monitoring of the achieved results.

Keywords: crisis; territories of the Russian Federation; innovative products; scientific activity; dynamics.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Fraymovich D. Y., Vlasenko K. A. Analysis of the Quality of Scientific and Innovative Transformations in the Territories in the General Economic Conditions of the Crisis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 206–214. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-206-214>.

Received 11.02.2023

Accepted 10.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Вопросы состояния экономики РФ в кризисный и посткризисный периоды (после 2014 г.) широко освещаются в научном сообществе. Сравнение кризисных годов позволило определить схожие тенденции – падение доходов и рост инфляции [1]. При этом тематика кризиса

затрагивается не только в работах экономистов, но и социологов, политологов, философов. Введенные западные санкции, естественно, существенным образом изменили архитектуру многих рынков и результаты воспроизводственных циклов. Страны, опережающие Россию по инновационной активности, «стараясь еще

больше закрыть трансфер своих научно-технических разработок» [2].

Усиливают актуальность данной темы пандемия COVID-19, т. к. «коронакризис показал острую потребность в трансформации во всех бизнес-процессах» [3]. Кризис 2022 г. в связи с текущей геополитической ситуацией исследователи характеризуют «при любых сценариях более масштабным и продолжительным» [4].

Материалы и методы

Кризис стал для социально-экономических систем толчком к трансформации [5]. Под ней понимается переход системы в новое качественное состояние [6]. Анализ качества научных и инновационных трансформаций в регионах РФ в общеэкономических условиях прохождения кризиса и посвящена данная работа.

Расчеты предлагается провести на основе официальных статистических данных Росстата [7]. Опираясь на ранее выполненные на близкую тему исследования [8], в настоящей статье сделана попытка охватить более продолжительный временной период (2000-2020 гг.), а также сопоставить воспроизводственные результаты в докризисный (до 2014 г.) и посткризисный (после 2014 г.) интервалы в пределах каждого региона ЦФО. Это позволит выявить характер происходящих изменений и сделать вывод об эффективности государственной региональной политики в преодолении сложной экономической и политической ситуации.

На результативность компаний в условиях кризиса положительно влияют инновации [9]. Информационной базой для осуществления расчетов представляется целесообразным считать следующие относительные величины:

1. Удельный объем инновационной продукции (I) (на душу населения, тыс. у. е. / чел.) на j -й территории в периоде t , который можно вычислить следующим образом:

$$I_{j,t} = \frac{V_{j,t}}{N_{j,t}}, \quad (1)$$

где V – объем инновационных товаров, работ, услуг, млн у. е.; N – численность населения конкретной территории, тыс. чел.

2. Удельный объем внутренних затрат на исследования и разработки (A) (на одного научного сотрудника, млн у. е. / чел.) рассчитывается по формуле

$$A_{j,t} = \frac{C_{j,t}}{S_{j,t}}, \quad (2)$$

где C – внутренние затраты на исследования и разработки, выполненные собственными силами организаций, включая текущие (на оплату труда и страховые взносы; на приобретение или изготовление специального оборудования; стоимость приобретаемых со стороны сырья, материалов, комплектующих изделий, полуфабрикатов, топлива, энергии и др.) и капитальные затраты в течение отчетного года независимо от источника финансирования, млн у. е.; S – численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.

Наличие существенного динамического ряда, полученного с помощью официальной статистики, с одной стороны, дает возможность более глубокого анализа происходящих воспроизводственных процессов, а с другой – усложняет восприятие информации не только из-за большого объема данных, но и вследствие разноректорности изменений в пределах изучаемой совокупности регионов.

Решение указанной технической проблемы может быть реализовано с помощью неоднократно апробированного способа расчета критерия динамики (D_{jn}). Последний, по сути, аккумулирует данные о тенденциях и сдвигах в разрезе выбранных относительных показателей n (I ; A) на j -й территории на фоне их среднего значения за конкретный период времени [10]:

$$D_{jn} = \frac{\overline{\delta_{jn}}}{\overline{M_{jn}}} 100\% , \quad (3)$$

где $\overline{M_{jn}}$ – средняя арифметическая величина показателя n .

В свою очередь, среднюю абсолютную разность $\overline{\delta_{jn}}$ по n -му показателю целесообразно рассчитать следующим образом:

$$\overline{\delta_{jn}} = \sum_{t=1}^T \frac{n_{j,t} - n_{j,t-1}}{T-1} , \quad (4)$$

где $t = 1 \dots T$ – анализируемые временные интервалы, годы.

Кроме того, объективные процессы инфляции в стране и удешевление рубля

по отношению к основным зарубежным валютам создают предпосылки для перевода полученных показателей на основе официальной статистики к курсу евро.

Результаты и их обсуждение

Фрагмент расчета первого индикатора, привязанного к указанному валютному курсу, а также динамики (D_j) его изменения в докризисный (2000-2013 гг.) и посткризисный (2014-2020 гг.) периоды по территориям РФ, приведен ниже (табл.).

Таблица. Удельный объем инновационных товаров, работ, услуг в докризисный и посткризисный периоды [11; 12]

Территории	Удельный объем инновационных товаров, работ, услуг, тыс. евро / чел.							$D_{j\ 2000-2013\ \text{гг.}}$	$D_{j\ 2014-2020\ \text{гг.}}$	ΔD_j
	докризисный период				посткризисный период					
	2000	2005	2010	2013	2014	2017	2020			
РФ	0,04	0,11	0,22	0,58	0,48	0,43	0,43	20,90	-1,98	-22,88
ЦФО	0,05	0,09	0,19	0,71	0,55	0,43	0,51	25,45	-1,33	-26,78
Белгородская область	0,01	0,04	0,15	0,33	0,29	0,99	1,24	14,44	18,93	4,49
Брянская область	0,01	0,10	0,09	0,13	0,13	0,15	0,33	8,75	14,95	6,20
Владимирская область	0,04	0,07	0,09	0,42	0,32	0,37	0,35	20,00	1,99	-18,01
Воронежская область	0,02	0,08	0,14	0,14	0,21	0,21	0,23	10,07	1,42	-8,65
Ивановская область	0,01	0,01	0,06	0,01	0,02	0,00	0,07	0,17	26,33	26,16
Калужская область	0,07	0,08	0,18	0,37	0,27	0,25	0,26	13,79	-0,28	-14,08
Костромская область	0,01	0,06	0,08	0,08	0,08	0,34	0,20	8,93	11,86	2,93
Курская область	0,02	0,03	0,02	0,18	0,24	0,41	0,34	22,94	4,83	-18,11
Липецкая область	0,03	0,17	0,67	1,12	1,08	0,83	0,58	21,19	-10,31	-31,50
Московская область	0,04	0,17	0,32	0,79	0,73	0,78	0,60	20,06	-3,38	-23,44
Орловская область	0,04	0,05	0,19	0,04	0,02	0,03	0,17	-0,48	42,95	43,43
Рязанская область	0,04	0,04	0,10	0,12	0,13	0,27	0,24	9,20	8,37	-0,83
Смоленская область	0,01	0,01	0,06	0,13	0,21	0,16	0,17	16,96	-5,60	-22,56
Тамбовская область	0,01	0,03	0,05	0,06	0,12	0,19	0,19	8,35	7,18	-1,17
Тверская область	0,06	0,06	0,27	0,33	0,07	0,12	0,32	12,74	23,24	10,50
Тульская область	0,03	0,04	0,13	0,55	0,54	0,82	1,10	21,74	12,74	-9,01
Ярославская область	0,06	0,09	0,41	0,42	0,41	0,56	0,27	12,41	-5,96	-18,37
г. Москва	0,10	0,08	0,14	1,34	0,89	0,30	0,60	37,59	-7,17	-44,75

Полученные результаты расчетов (табл.) показывают, что максимальное значение показателя динамики в докризисный период из совокупности рассмотренных территорий продемонстрировал г. Москва (+37,59 %). Это, по всей видимости, повлияло на формирование хороших индикаторов как по России, так и по ЦФО в целом (+20,9). В то же время посткризисная фаза развития экономики зеркально «перевернула» позиции лидеров и аутсайдеров с точки зрения тенденций наращивания изучаемых результатов. Самыми благополучными регионами оказались Орловская (+43,43%) и Ивановская области (+26,16) на фоне жесткой стагнации по г. Москва (44,75%), РФ (-22,88%) и ЦФО (-26,78%).

В качестве положительного момента стоит признать, что средние значения показателей \bar{M}_j за выбранные временные пределы существенным образом выросли практически по всем территориям, за исключением Орловской области. Наиболее заметное, почти семикратное увеличение зафиксировано в Курском регионе – с 0,05 до 0,34 тыс. евро объема инновационной продукции на человека. «Высокий уровень инновационной активности региона является его конкурентным преимуществом и основой для стабильного экономического роста» [13]. Рассмотрим сопоставление динамики по второму блоку данных (рис. 1.)

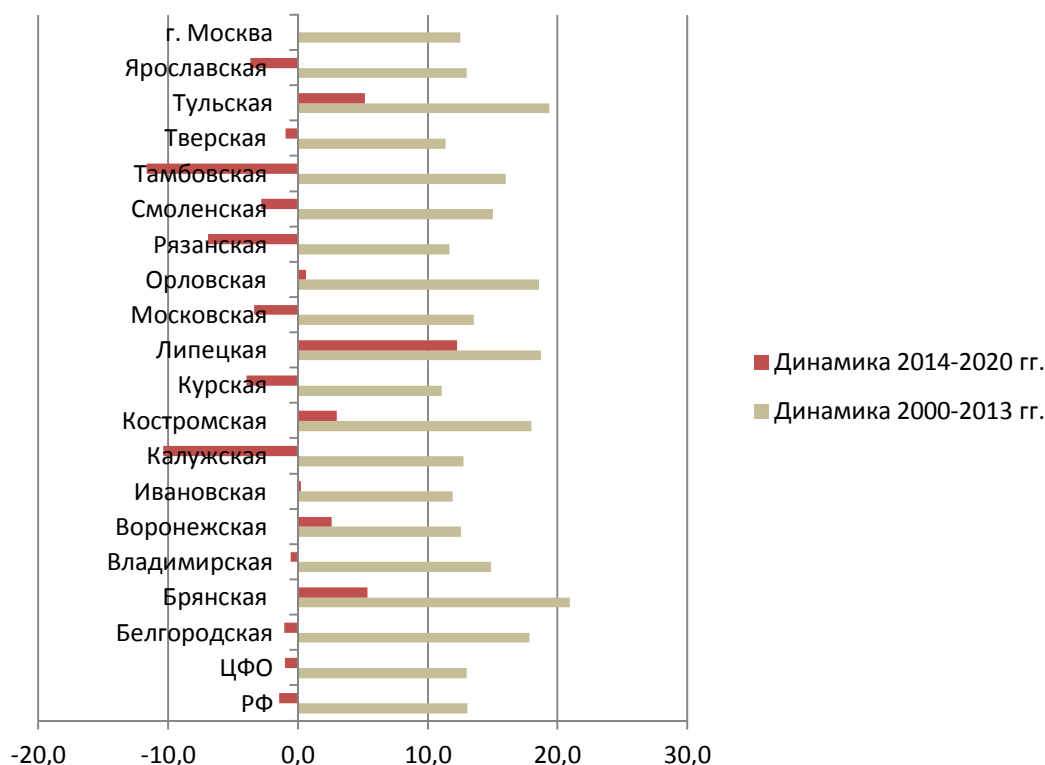

Рис. 1. Сопоставление динамики за 2000-2013 и 2014-2020 гг. по удельному объему внутренних затрат на исследования и разработки, %

Заставляет на себя обратить внимание тот факт, что положительные значения динамики по удельному объему внутренних затрат на исследования и разработки в посткризисный период имеют Брянская (+5,35%), Воронежская (+2,59%), Ивановская (+0,2%), Костромская (+2,97%), Липецкая (+12,26%), Ор-

ловская (+0,62%) и Тульская (+5,16%) области. Ни одна из рассматриваемых территорий не поддерживается положительным изменением D_j по отношению к предкризисному периоду. Естественно, у определенных экспертов могут возникнуть сомнения в отношении значимой роли данного индикатора при оценке эф-

фективности воспроизводственных процессов, поскольку $A_{j,t}$ идентифицирует объем затрат на одного научного работника и не отражает какой-либо отдачи от его непосредственной деятельности. В то же время высокий коэффициент корреляции между первым и вторым индикатором ($r=0,957$), рассчитанный в целом по РФ за 21-летний период, говорит об обратном, т. е. очень сильной связи между

состояниями научно-исследовательского и инновационного секторов. В свою очередь, инновации являются самым важным источником развития в современном мире [14].

Диаграмма рассеяния показателей I от A по РФ приведена на рисунке 2 и задается функцией $I = -0,085 + 23,716 \cdot A$ с хорошим уровнем статистической значимости $p \approx 0$.

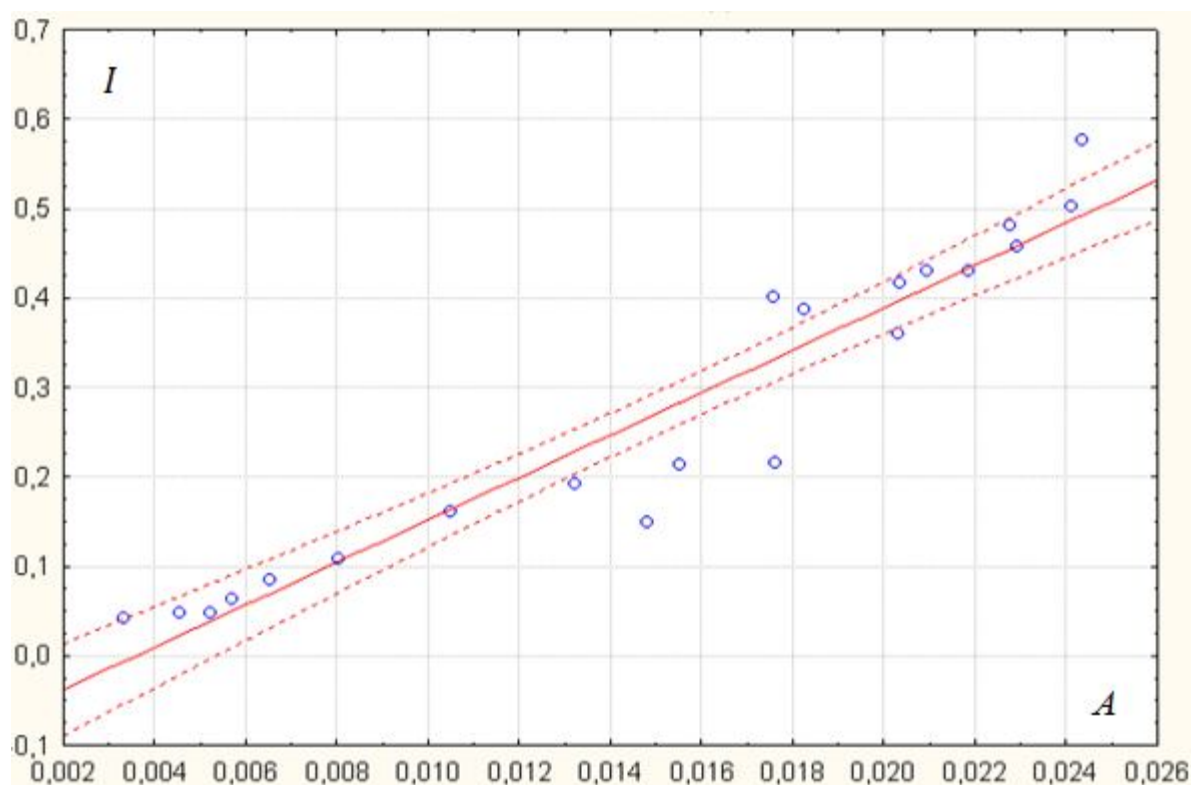

Рис. 2. Диаграмма рассеяния показателей I от A по РФ за 2000-2020 гг.

Преодолеть кризис и обеспечить конкурентоспособность экономики возможно за счет наращивания научно-технического потенциала и реализации инноваций [15]. Соответственно одной из основных задач России является «укрепление глобальных конкурентных позиций за счет ускоренного развития науки и технологий» [16].

В целях перехода страны на принципиально другой уровень технологического развития существует необходимость усиления поддержки научной базы, а также постоянного мониторинга достигаемых результатов. Категория технологического суверенитета занимает законное

место в системе обеспечения национальных экономических интересов [17].

Совершенно верным и обоснованным представляется утверждение Ю. А. Маленкова о том, что в стране медленно осуществляется дебюрократизация, уровень бюрократии в крупных компаниях и госструктурах остаётся высоким; в принятии инвестиционных решений доминируют субъективные механизмы; объективный управленческий контроллинг инвестиций, их целесообразности, эффективности и отдачи не сформирован, хотя механизмы цифровой экономики это позволяют. Эти факторы препятствуют быст-

рому переходу к устойчивой инновационной экономике, для которого прежде всего нужен растущий поток инвестиций и основную часть в нём должны занимать инновационные инвестиции [18].

Экономические кризисы последних лет «показали важность цифровой экономики для преодоления негативных последствий кризисных явлений» [19]. В этой связи особенную актуальность получают исследования, позволяющие выявить тренды и характер воспроизводственных процессов в регионах, а также закономерности формирования оптимальных параметров роста при прохождении посткризисной фазы социально-экономической системой.

Однако в связи с ограничением доступа на рынки высокотехнологичной продукции и уходом ритейлеров цифровых технологий предполагается снижение темпов цифровизации [20].

Выводы

Анализ, проведённый в данной работе, свидетельствует о существенном ухудшении положения рассматриваемых регионов в посткризисный период с точки зрения обеспеченности инновационной продукцией и развития научно-технической базы. Это очевидный факт, поскольку произошло тотальное снижение анализируемых

показателей по большинству субъектов Федерации, ЦФО и РФ в целом.

Имеют место отдельные «всплески» динамики в ряде умеренных по своему хозяйственному потенциалу регионов. Это связано, прежде всего, с невыразительными воспроизводственными результатами докризисной фазы, которые в последние отчетные годы стабилизировались. Еще раз необходимо повторить, что речь идет только о шести регионах ЦФО, которые продемонстрировали тенденции улучшения исключительно по первому показателю.

Если касаться основного вопроса, заявленного в настоящем исследовании, то весьма уместным представляется проведение кластерного анализа по рассматриваемым территориям за временной интервал 2014–2020 гг. по четырем характеристикам – двум средним и двум динамическим величинам.

Кроме того, последствия кризиса ожидаемо нарушают не только механизмы взаимодействия в инновационной сфере, но препятствуют и инвестиционным, институциональным, социальным и демографическим процессам, заставляя государственную систему лихорадочно перестраиваться под новые санкционные вызовы, теряя при этом имеющиеся международные соглашения, многочисленные ресурсы, динамику, эффективность и запас прочности.

Список литературы

1. Захаров Н. Г. Уровень жизни населения региона в кризисные периоды // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 6. С. 134–148.
2. Синов В. В. Инновации как выход из кризиса // Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала: вузовско-академический сборник научных трудов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. Вып. 1 (17). С. 137–142.
3. Фатхутдинова А. М. Трансформация предпринимательской деятельности в период кризиса // Теоретическая экономика. 2021. № 5(77). С. 50–54.
4. Пешкова Г. Ю., Самарина А. Ю. Структурная трансформация российской экономики в результате санкционной политики Запада на примере сферы IT // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6-2. С. 299–302.
5. Ширинкина Е. В. Развитие инноваций в условиях кризиса: стратегии изменений // Конфликтология / nota bene. 2022. № 4. С. 72–79.
6. Ямщикова Т. Н., Журавлева Т. А. Трансформация, циклы, кризисы: взаимосвязи // Образовательная система: вопросы современного этапа развития научной мысли: сборник научных трудов. Казань: СитИвент, 2019. С. 262–269.
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.01.2023).

8. Фраймович Д. Ю., Гундорова М. А., Мищенко З. В. Оценка изменения устойчивости экономических процессов в регионах // Государственная служба. 2020. № 6. С. 28–36.
9. Smara R. Innovation in times of crisis: a systematic literature review // Vestnik of Saint Petersburg University. Management. 2022. Vol. 21, no 3. P. 429–471.
10. Фраймович Д. Ю., Гундорова М. А., Мищенко З. В. Диагностика результатов освоения инновационно-ресурсного потенциала в федеральных округах Российской Федерации // Государственная служба. 2017. Т. 19, № 4(108). С. 49–54.
11. Наука, инновации и технологии. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 10.01.2023).
12. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.01.2023).
13. Власенко К. А. Инновационный потенциал территорий в условиях цифровизации // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2022. Т. 21, № 1. С. 32–36.
14. Батаева П. С., Чаплаев Х. Г. Инновации как инструмент преодоления кризиса и основа экономического развития // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 6. С. 43–48.
15. Гусейнова А., Салифова Т. Механизмы выхода из экономических кризисов и развитие инноваций // Информация и инновации. 2018. Т. 13, № 3. С. 64–74.
16. Пандемическое переосмысление роли науки и инноваций. URL: [https:// issek.hse.ru/news/401692624.html](https://issek.hse.ru/news/401692624.html) (дата обращения: 11.01.2023).
17. Городецкий А. Е. Технологический переход: экономический кризис, санкции и новая технологическая повестка дня // Экономическое возрождение России. 2022. № 3(73). С. 71–88.
18. Маленков Ю. А. Ускорение перехода к инновационной экономике: повышение эффективности и стимулирование инновационных инвестиций в новых условиях // Экономическое возрождение России. 2021. № 4(70). С. 117–127.
19. Кочетков Е. П. Трансформация теории антикризисного управления компаниями в условиях цифровой экономики: вызовы технологической революции и глобальных экономических кризисов // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 911–934.
20. Герасимчук З. В., Турта Д. Э. Риски цифровой трансформации экономики региона в условиях кризиса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 4-1(86). С. 96–101.

References

1. Zakharov N. G. Uroven' zhizni naseleniia regiona v krizisnye periody [Region's standard of living in crisis periods]. *Problemy razvitiia territorii = Problems of Territory's Development*, 2022, vol. 64, no. 6, pp. 134–148.
2. Sinov V. V. [Innovatsii kak vykhod iz krizisa]. *Aktual'nye problemy truda i razvitiia chelovecheskogo potentsiala. Vuzovsko-akademicheskii sbornik nauchnykh trudov* [Actual problems of labor and development of human potential. University-academic collection of scientific works]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2018, vol. 1 (17), pp. 137–142. (In Russ.)
3. Fathutdinova A. M. Transformatsiia predpriatel'skoi deiatel'nosti v period krizisa [Transformation of entrepreneurial activity in times of crisis]. *Teoreticheskaiia ekonomika = Theoretical Economics*, 2021, no. 5(77), pp. 50–54.
4. Peshkova G. Yu., Samarina A. Yu. Strukturnaia transformatsiia rossiiskoi ekonomiki v rezultate sanktsionnoi politiki zapada na primere sfery IT [Structural transformation of the russian economy as a result of the sanctions policy of the western countries on the example of IT sphere]. *Vestnik altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2022, no 6-2, pp. 299–302.
5. Shirinkina E. V. Razvitie innovatsii v usloviakh krizisa: strategii izmenenii [Development of innovations in a crisis: change strategies]. *Konfliktologiiia / nota bene = Conflictology / Nota Bene*, 2022, no. 4, pp. 72–79.
6. Yamshchikova T. N., Zhuravleva T. A. [Transformation, cycles, crises: interrelation]. *Obrazovatelnaia sistema: voprosy sovremennogo etapa razvitiia nauchnoi mysli. Sbornik nauchnykh trudov* [Educational system: issues of the modern stage of scientific thought development. A collection of scientific papers]. Kazan, SitIvent Publ., 2019, pp. 262–269. (In Russ.)
7. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>. (accessed 10.01.2023)
8. Fraimovich D. Y., Gundorova M. A., Mishchenko Z. V. Otsenka izmeneniia ustoichivosti ekonomicheskikh protsessov v regionakh [Assessment of changes in the stability of economic processes in the regions of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaia sluzhba = Public Service*, 2020, no. 6, pp. 28–36.

9. Smara R. Innovation in times of crisis: a systematic literature review. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 429–471.
10. Fraymovich D. Ju., Gundorova M. A., Mischenko Z. V. Diagnostika rezultatov osvoeniia innovatsionno-resursnogo potentsiala v federalnykh okrugakh Rossiiskoi Federatsii [Diagnostics of the results of development of innovation-resource potential in the federal districts]. *Gosudarstvennaia sluzhba = Public Service*, 2017, vol. 19, no. 4 (108), pp. 49–54.
11. Nauka, innovatsii i tekhnologii [Science, innovations and technologies]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>. (accessed 10.01.2023)
12. Demografiia [Demography]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>. (accessed 10.01.2023)
13. Vlasenko K. A. Innovatsionnyi potentsial territorii v usloviakh tsifrovizatsii [Innovative activity of territories in the conditions of digitalization]. *Uchenye zapiski rossiiskoi akademii predprinimatelstva = Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 32–36.
14. Bataeva P. S., Chaplaev H. G. Innovatsii kak instrument preodoleniia krizisa i osnova ekonomicheskogo razvitiia [Theoretical types of innovations and their role in overcoming the crisis]. *Voprosy ustoichivogo razvitiia obshchestva = The Issues of Sustainable Development of Society*, 2022, no. 6, pp. 43–48.
15. Huseynova A., Salifova T. Mekhanizmy vykhoda iz ekonomicheskikh krizisov i razvitie innovatsii [Mechanisms for overcoming economic crises and developing innovations]. *Informatsiia i innovatsii = Information and Innovation*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 64–74.
16. Pandemicheskoe pereosmyslenie roli nauki i innovatsii [Pandemic Rethinking the Role of Science and Innovation]. Available at: <https://issek.hse.ru/news/401692624.html>. (accessed 11.01.2023)
17. Gorodetsky A. E. Tekhnologicheskii perekhod: ekonomicheskii krizis, sanktsii i novaia tekhnologicheskaiia povestka dnia [Technological transition: economic crisis, sanctions and a new technological agenda]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*, 2022, no. 3(73), pp. 71–88.
18. Malenkov Yu. A. Uskorenie perekhoda k innovatsionnoi ekonomike: povyshenie effektivnosti i stimulirovanie innovatsionnykh investitsii v novykh usloviakh [Accelerating the transition to an innovative economy: efficiency increase and innovative investment stimulation under new conditions]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*, 2021, no. 4(70), pp. 117–127.
19. Kochetkov E. P. Transformatsiia teorii antikrizisnogo upravleniia kompaniiami v usloviakh tsifrovoi ekonomiki: vyzovy tekhnologicheskoi revoliutsii i global'nykh ekonomicheskikh krizisov [Transformation of the anti-crisis management theory in the digital economy: challenges of the technological revolution and global economic crises]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Innovative Economy Issues*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 911–934.
20. Gerasimchuk Z. V., Turta D. E. Riski tsifrovoi transformatsii ekonomiki regiona v usloviakh krizisa [Risks of digital transformation of the regional economy in the conditions of the crisis]. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*, 2022, no. 4-1(86), pp. 96–101.

Информация об авторах / Information about the Authors

Фраймович Денис Юрьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики инноваций и финансов, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, e-mail: fdy78@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9702-9093

Власенко Ксения Андреевна, ассистент кафедры экономики инноваций и финансов, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, e-mail: vla.ksenia@mail.ru, Researcher ID: ADK-0292-2022, ORCID: 0000-0002-3207-2653

Denis Yu. Fraymovich, Dr. of Sci. (Economics), Professor Department of Economics of Innovation and Finance, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir, Russian Federation, e-mail: fdy78@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9702-9093

Ksenia A. Vlasenko, Assistant of the Department of Economics of Innovation and Finance, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir, Russian Federation, e-mail: vla.ksenia@mail.ru, Researcher ID: ADK-0292-2022, ORCID: 0000-0002-3207-2653

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-215-223>

Модель «тройной спирали» в оптике экспертных оценок научно-педагогического сообщества российских вузов

Е. Г. Каменский¹ ✉, А. В. Маякова¹, А. Ю. Огурцова¹, А. С. Плякин¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kamensky80@mail.ru

Резюме

Актуальность. Модель «тройной спирали» уже более 10 лет является предметом теоретического осмысления и разработки прикладных методик ее оценки и реализации. Однако культурфилософские и социокультурные аспекты ее функционирования, а также рефлексивные особенности в среде институциональных агентов остаются на периферии научного анализа.

Целью данного исследования является анализ экспертных позиций представителей научно-педагогического сообщества вузов об отдельных аспектах функционирования модели «тройной спирали».

Задачи. Выявить экспертные оценки представителей научно-педагогического сообщества вузов об отдельных аспектах функционирования модели «тройной спирали».

Методология. Исследование выполнено на основании существующих методик оценки инновационного развития субъектов «тройной спирали» и эмпирических методов опроса.

Результаты. Среди барьеров и противоречий в «спиральной» интеграции институтов власти, бизнеса и науки / образования на основании экспертных позиций определены: 1) для власти – вертикальная замкнутость и невысокая плотность горизонтальных кросс-контактов; 2) для бизнеса – научные исследования ориентированы на краткосрочную перспективу, ценности частной собственности; 3) для науки / образования – научные исследования ориентированы на долгосрочную перспективу, принципы универсальности научного знания, объектов интеллектуальной собственности.

Выводы. Итогом ситуации цивилизационного и культурного антагонизма социокодов «традиции и инновации» может выступать функциональная мимикрия «спирализуемых» институтов, фактически реализуясь в морфологии ценностей традиционно российских бюрократии – патернализма – коррупции. Такие имитации можно характеризовать как институциональные мутации, возникающие в условиях аномии, когда происходит деконструкция традиционных ценностей, а императивы инновационного развития существует лишь декларативно.

Ключевые слова: «тройная спираль»; государство; наука; бизнес; общество; инициатива; программа.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00662, <https://rscf.ru/project/22-28-00662/>.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Модель «тройной спирали» в оптике экспертных оценок научно-педагогического сообщества российских вузов / Е. Г. Каменский, А. В. Маякова, А. Ю. Огурцова, А. С. Плякин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 215–223. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-215-223>.

Поступила в редакцию 20.02.2023

Принята к публикации 18.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Каменский Е. Г., Маякова А. В., Огурцова А. Ю., Плякин А. С., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 215–223

Model "Triple Helix" in Optics of Expert Estimates of Scientific and Pedagogical Community of the Russian Higher Education Institutions

Evgeny G. Kamensky¹ ✉, Anna V. Mayakova¹, Albina Y. Ogurtsova¹,
Anton S. Plyakin¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kamensky80@mail.ru

Abstract

Relevance. The model of "triple helix" is more than 10 years a subject of theoretical judgment and development of applied techniques of her assessment and realization. However, philosophical and sociocultural aspects of her functioning, and also reflexive features among institutional agents remain on the periphery of the scientific analysis.

The purpose an objective of this research is the analysis of expert positions of representatives of scientific and pedagogical community of higher education institutions about separate aspects of functioning of model of "triple helix".

Objectives: To reveal expert estimates of representatives of scientific and pedagogical community of higher education institutions about separate aspects of functioning of model of "triple helix".

Methodology. Research is executed on the basis of existing techniques of an assessment of innovative development of subjects of "triple helix" and empirical methods of poll.

Results. Among barriers and contradictions in "spiral" integration of institutes of the power, business and science / education on the basis of expert positions are defined: 1) for the power – vertical isolation and low density of horizontal cross-contacts; 2) for business – scientific researches are focused on short-term prospect, values of a private property; 3) for science / education – scientific researches are focused on long-term prospect, the principles of universality of scientific knowledge, objects of intellectual property.

Conclusions. As a result of a situation of civilization and cultural antagonism of social codes "traditions and innovations" the functional mimicry of institutes can act, is actually realized in morphology of values traditionally Russian bureaucracies – a paternalism – corruption. Such imitations can be characterized as the institutional mutations arising in the conditions of an anomy when there is a deconstruction of traditional values, and imperatives of innovative development exists it is only declarative.

Keywords: "triple helix"; state; science; business; society; initiative; program.

Funding: The research was carried out with the financial support of the RGNF within the framework of scientific project No. 22-28-00662, <https://rscf.ru/project/22-28-00662/>.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kamensky E. G., Mayakova A. V., Ogurtsova A. Y., Plyakin A. S. Model "Triple Helix" in Optics of Expert Estimates of Scientific and Pedagogical Community of the Russian Higher Education Institutions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 215–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-215-223>.

Received 20.02.2023

Accepted 18.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Трехкомпонентная институциональная структура «спиральной» модели достаточно подробно описана в научной периодике. В современный период основная идея претерпевает значительные трансформации, отражающиеся в конкретных предложениях по ее развитию / расширению. Традиционная кластерная

структура «спиральных» отношений находит свое развитие, например, в экосистемном подходе, напрямую коррелирующем к перспективной сетевой стадии «спирали», являющейся онтологически синергетической. В этом случае предлагаемая в современных исследованиях n-Helix models может считаться теоретически оправданной, так как, начинаясь в некой

«точке входа», далее динамически детерминируется гибкими процессами: *модель Machine Learning, технология TRL (technology readiness level), Платформа o9 Solutions* и др. На смену «кластерам» приходят «платформы», поглощая и адаптируя кластерные структуры под новейшие инновационно-технологические задачи. Сам термин «акселерации» технологических инноваций подразумевает опережающее развитие. В условиях инерции догоняющей модернизации данный принцип для России является особо актуальным. В таком контексте платформизация может пониматься не столько как новое понимание / воплощение «спиральной» модели, сколько иллюстрирует ее эволюцию именно к сетевой стадии, когда учитываются синергетические процессы инновационных инициатив, стартапов, их селекции, коммерциализации и т. д., что требует применения так называемых методов мягкого управления, обязательно учитывающих эффекты самоорганизации социоантропотехнических сред. В итоге именно технологический аспект является наиболее динамично и успешно развивающимся в теоретико-методологическом обеспечении функционирования модели «тройной спирали». Мы связываем это с глобальными трендами меж- и трансдисциплинарности, укрепления позиций теории сложности и постнеклассического подхода в целом, позволяющим значительно отодвигать горизонты моделирования наблюдаемости систем, в том числе и «тройной спирали».

В социокультурном же аспекте наблюдается ситуация, когда в теоретическом дискурсе культурфилософский подход к оценке модели «тройной спирали» редуцирован в философско-прагматическому. Увлечение теориями технологизации, в целом коррелирующими к друкеровскому подходу в менеджменте и его критериям экономической эффективности, формируют методологические императивы, нивелирующие важнейшую социокультурную и антропокультурную составляющую «спи-

рализации». Например, императивно формируемая в российском высшем образовании *модель Университета 3.0 – Предпринимательского университета* предполагает, соответственно, и формирование у институциональных агентов предпринимательской культуры.

Анализ современного состояния системы высшего образования и проблем ее реформирования на современном этапе представлен, в частности, в работах, затрагивающих отдельные аспекты функционирования университетской системы в модели «тройной спирали», исследуется в работах Т. И. Суловой, В. В. Орловой, М. Ю. Раитиной, Е. М. Покровской, Д. В. Озеркина [1; 2; 3].

Проблемы трансляции культурных кодов в современной культуре и системе высшего образования представлены в работах И. В. Лесковой, О. Т. Лойко, Т. Л. Михайловой, С. И. Мозжилина, О. С. Петровой, Е. М. Мchedловой, А. Н. Уткиной, О. В. Ромах, Е. С. Ощепковой, Т. А. Рубанцовой, В. Б. Устьянцева, И. К. Черемушниковой [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Материалы и методы

Вопросы поиска критериев картографирования территорий развития инноваций коррелирует к собственно оценке инновационной активности субъектов Российской Федерации, являющихся своего рода стартовыми. Были проанализированы представленные в научном медиапространстве источники, содержащие какие-либо предложения, методики, структуры и критерии подобных показателей. Выявлено, что данный вопрос был поставлен в современном виде еще в начале 2010-х годов. Например, Р. А. Файрушина в 2011 г. говорила о необходимости создания «приемлемых методов оценки инновационной активности» равно как на уровне конкретных предприятий, так и регионов РФ [12]. Этим, по ее мнению, и будет определяться фокус сосредоточения управленческих, финансовых и иных ресурсов в ме-

неджменте инновационного процесса. Также среди общеметодологических можно упомянуть работу того же периода под авторством З. М. Мамаевой [13].

Выявлено, что на протяжении 2010-х годов, в первую очередь в сфере экономических наук, осуществлялись попытки адаптации критериальных подходов для определения показателей инновационного развития конкретных территорий. В качестве примера можно привести работы Ш. М. Магомедгаджиева и Н. К. Гаджиева [14], Ю. О. Плехановой и соавторов [15]. Также информативными являются материалы Ассоциации инновационных регионов России, Рейтинга инновационного развития субъектов РФ (составляется ВШЭ с 2012 г.) [16]. Однако во всех случаях демонстрируется упомянутый эконометрический подход, когда критериями выступает, например, «объем отгруженной инновационной продукции» и аналогичные.

Для уточнения ряда позиций нами были проведены разведывательные исследования эмпирическими социологическими методами:

- анкетный опрос институциональных агентов на предмет их отношения к участию во взаимодействии в рамках «тройной спирали» на примере института высшего образования (102 человека из числа ППС вузов г. Курска);
- экспертный опрос сотрудников ФГБОУ ВО ТУСУР (г. Томск) как специалистов в вопросах функционирования модели «тройной спирали».

Результаты и их обсуждение

Вызовом для системы управления инновационной активностью вузов является и общественная рефлексия в отношении российской высшей школы. Так, по данным РИА «Новости» на 2021 г. с отсылкой к исследованиям Фонда общественного мнения, 37% опрошенных граждан считают, что высшее образование в России не отвечает потребностям национальной экономики, а еще 23% затрудняются с определением своей позиции. Менее половины (40%) дают поло-

жительную оценку [17]. При этом такие результаты получены на фоне перманентного реформирования системы высшего образования и академической науки, начиная с середины 1990-х годов.

По результатам качественных экспертных и количественных анкетных исследований можно утверждать, что модель «тройной спирали» не является типичной для России, но востребована ее социально-экономическими реалиями. С этим согласны более 85% участников количественного опроса и все эксперты ТУСУР. При этом сама формулировка «модель тройной спирали» практически незнакома ППС вузов, представителям власти и бизнеса, но ее когерентная суть всем понятна. Это говорит о том, что не сущностные, а именно теоретически, понятийные аспекты не имеют репрезентаций в профессиональном сознании респондентов.

Так, *реальный уровень* развития институциональных отношений «власть – бизнес – наука / образование» в России на современном этапе оценен экспертами ТУСУР как «Практически достаточный для решения поставленных задач, и сейчас важно усилить влияние межинституционального взаимодействия с целью активизации инновационного процесса и использования человеческого творческого потенциала», а именно:

- «в создании и культивировании в обществе идеологии, направленной на поддержание общечеловеческой системы ценностей, высокой нравственности общества, свободном и гармоничном развитии личности, социально ответственном управлении»;
- «в модернизации образовательной и воспитательной системы с предоставлением возможностей для максимального развития творческого потенциала личности на благо процветания страны»;
- «в развитии психологически комфортной творческой среды, способствующей созданию инноваций, как на макроуровне, страны в целом, так у на микроуровне, в организациях в частности».

В отношении трансформации теоретических ландшафтов модели «тройной

спирали» эксперты полагают, что «расширение звеньевой структуры возможно, трехзвенная структура – это структура, отражающая ядра концепции, но главный акцент в любом случае, даже в *n*-звенном варианте, должен быть сделан на том, что инновационная инфраструктура (бизнес-инкубаторы, технопарки, особые экономические зоны и т. д.), другими словами, “грядки” и “плантации”, та питательная среда, в которой все существуют в условиях постоянного взаимодействия, включенности в рынок, где снижается уровень неопределенности, где участники могут комплементарно соединять и взаимодополнять друг друга для создания нового знания, благ и ценностей, тем самым расширяя их разнообразие».

Следовательно, в экспертном мнении также отражается необходимый синергичный принцип «спирализации», а «рынок» с его запросом и, как мы полагаем, политическими императивами «инноватизации» [18], реализуемыми в конкретных условиях российских регионов, формируют пространства, снижающие риски нестабильности, свойственной развивающимся трансинституциональным средам как состояниям бифуркации.

Дорожная карта и картографирование территорий перспективных исследований также могут быть определены на основании экспертного мнения и рейтингов ВШЭ. Так эксперты, например, утверждают: «Несомненно, Москва и Санкт-Петербург, что закономерно, поскольку крупные города и есть своего рода тропический лес инноваций. Вместе с тем Томск и Томская область были у истоков становления платформы инновационной системы России. Именно у нас построение инновационной инфраструктуры происходило с опорой на вузы и их выпускников, которые создавали свои успешные технологические компании в 1990 годы, когда в условиях, когда в стране рождалась новая экономика, новый социальный контракт».

В более развернутом варианте приводятся конкретные территориальные

примеры для Томска: «Уровень этот достаточно высок на данном этапе. Так, компания “СТК” совместно с Томским государственным университетом систем управления и радиоэлектроники оборудовали лабораторию систем технологической связи в “IT-park Герцен”. “IT-park Герцен” — первый частный IT-парк в Томской области, открытый компанией “СТК”. При создании парка была реализована идея в объединении в одном месте университетов, производителей, разработчиков, интеграторов и заказчиков. В IT-парке предусмотрены пространства для коворкинга, отдыха, лекционных занятий и другие помещения. На данный момент там уже разместились пять резидентов, включая НПФ “Микран”».

Эксперты подчеркивают актуальность сетевого характера «спирали» и преодоление императивно-управленческих детерминаций: «Тесное переплетение элементов спирали не позволяет четко определить центр управления, поскольку инновационная система – это все элементы и аспекты структуры экономики и институционального устройства. Потоки технологий и информации между людьми, предприятиями и институтами играют ключевую роль в инновационном процессе».

Эксперты определяют *показатели*, которые можно было бы считать объективными и адекватными для оценки уровня качественного развития «тройной спирали» в РФ и ее регионах. Обобщенно можно указать, что «Экспертиза инноваций должна и может содержать в себе множество дополняющих друг друга измерений:

- создание трансинституциональной коммуникационной матрицы, центров, которые взяли бы на себя координацию нелинейных по своему характеру, поливариантных и статистически детерминированных процессов инновационного развития, что необходимо для принятия эффективных решений;

- разработка единой методологии и инфраструктуры независимой экспертизы рисков, связанных с принятием и распространением нового».

Среди *барьеров и противоречий* в «спиральной» интеграции институтов власти, бизнеса и науки / образования эксперты называют для:

1) власти: вертикальная замкнутость и невысокая плотность горизонтальных кросс-контактов;

2) бизнеса: научные исследования ориентированы на краткосрочную перспективу, ценности частной собственности;

3) науки / образования: научные исследования ориентированы на долгосрочную перспективу, принципы универсальности научного знания, объекты интеллектуальной собственности.

Тотально в экспертном мнении актуализируется роль высшей школы с акцентуацией сетевой синергии трансинституциональной интеграции «спирали»: «Система образования – фундирующая основа многих социокультурных процессов, ее роль в инновационном процессе по модели “тройной спирали” главная, это ядро концепции, без которого реализация модели невозможна. Приоритеты Стратегии Прорыва будут достижимы и достигаются в настоящий момент. Этому, конечно, способствует наличие инновационной экономики, кластерного взаимодействия и собственно синергетического эффекта инновационного роста».

Эксперты, наряду с другими исследователями [19; 20], определяют и *историко-культурные особенности* России, которые являются препятствием, либо же, наоборот, стимулируют развитие трансинституциональной интеграции власти-бизнеса-науки / образования: «Экономика России отличается высокой монополизацией региональных и локальных рынков, что снижает общую конкурентоспособность экономики. Кроме того, наиболее консервативными факторами культуры в России, сдерживающими инновационную активность, выступают «коррупция», «роль элит», «этический кодекс», «радиус идентификации и доверия». Вместе с тем многие эксперты оптимистично полагают, что «...российская культура – это культура, склонная к прогрессу».

Выводы

В российских реалиях политики модернизации в институциональные пространства интегрируются нетипичные для исторической памяти и социальных практик императивы инноватизации, чем в числе прочего могут объясняться обратные декларируемым стратегией Прорыва результаты. Институты-реципиенты, функционирующие на традиционных историко-культурных основаниях, могут субкультурно отторгать новые нормативные ценности «Прогресса», типичные для техногенной цивилизации, где «инновационность» – онтологический социокод.

Итогом такой ситуации цивилизационного и культурного антагонизма социокодов «традиции и инновации» может выступать функциональная мимикрия «спирализуемых» институтов, фактически реализуясь в морфологии ценностей традиционно российских бюрократии – патернализма – коррупции. В натурфилософской, например органицистской традиции, такие имитации можно характеризовать как институциональные мутации, возникающие в условиях аномии, когда происходит деконструкция традиционных ценностей, а императивы инновационного развития существует лишь декларативно, а в ряде случаев просто еще недостижимы для российского общества в современных условиях.

На основании эмпирических исследований нами были сформулированы *рекомендации* для институциональных агентов, способствующие наибольшей эффективности реализации «спирального» принципа:

1) для власти: проводить мониторинг влияния факторов культуры на инновационную активность, который позволит отслеживать «инновационные настроения» и корректировать меры по развитию инновационной деятельности, развивать инновационную деятельность молодежи;

2) для бизнеса: активизировать продвижение инновационных ценностей и

идей в российском обществе, создать пространство диалога для заинтересованных и критически мыслящих людей, поскольку инновационная деятельность наиболее остро нуждается в стимулирующих темах и творческих личностях;

3) для науки / образования: развивать тему исследования культурных факторов инноваций на междисциплинарной основе, развивать российскую систему образования в части обучения инновационному стилю мышления и поведения.

Список литературы

1. Сулова Т. И. Концепция «тройной спирали» в образовании как условие развития потенциала личности // Успехи современного естествознания. 2014. № 3. С. 187–189.
2. Модель взаимодействия вуза с предприятиями на основе нейросети / В. В. Орлова [и др.] // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (Сибресурс-26-2020): XXVI Международная научно-практическая конференция. – Томск: Издательство Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, 2020. С. 81–86.
3. Pokrovskaya E. M., Raitina M. U., Gorskih O. V. Integration of scientific, educational and production clusters: the problem of interaction // International Research Journal. 2017. N 3-1 (57). P. 156–159.
4. Рубанцова Т. А. Образование как способ трансляции ценностей в русской культуре. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115146> (дата обращения: 17.01.2023).
5. Михайлова Т. Л., Петрова О. С. INCRUSTATIO: консервативные технологии в модернизации системы современного // Фундаментальные исследования. 2013. № 10, ч. 2. С. 455–459.
6. Лойко О. Т., Уткина А. Н. Ритуал как способ трансляции ценностно-смыслового мира социальной памяти // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3 (15). С. 181–184.
7. Ромах О. В. Национальные традиции: механизмы сохранения и трансляции // Современные наукоемкие технологии. 2007. № 4. С. 63–64.
8. Мозжилин С. И., Устьянцев В. Б. Идеалы культуры и цивилизационный код России // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 198–202.
9. Мчедлова Е. М., Лескова И. В. Духовное в социокультурном пространстве // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12, № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29SCSK321.pdf> (дата обращения: 18.01.2023).
10. Ощепкова Е. С. Механизмы трансляции смыслов от общественного сознания к обыденному // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия: Общественно-политические и гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 12–17.
11. Черемушников И. К., Авходеева И. К. Культурная память и культурная идентичность в суловиях открытого культурного пространства // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницинские чтения). Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента Б. Н. Ельцина, 2016. С. 288–293.
12. Файрушина Р. А. Оценка инновационной активности субъектов РФ // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 1 (17). С. 132–137.
13. Мамаева З. М. Оценка инновационного развития регионов: эконометрический подход // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 2 (2). С. 202–208.
14. Магомедгаджиев Ш. М., Гаджиев Н. К. Анализ научно-технического и инновационного развития субъектов СКФО // Открытое образование. 2011. № 2. С. 301–305.
15. Анализ факторов инновационной активности предприятий Нижегородской области / Ю. О. Плехова, В. С. Кравченко, А. Ю. Ефимычев, М. А. Вьялкова // Концепт. 2016. № 11. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16233.htm> (дата обращения: 17.01.2023).
16. Рейтинг инновационного развития субъектов РФ // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (дата обращения: 17.01.2023).
17. Россияне оценили качество высшего образования в России // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200813/1575756180.html> (дата обращения: 17.01.2023).
18. Kamensky E., Leskova I. Cultural conflict "traditions and innovations" in the modern paradigm of higher education in Russia // Proceedings of the 37th International Business Information Management Association (IBIMA), 30-31 May 2021. Cordoba, 2021. P. 12102–12106.

19. Каменский Е. Г. Системные аспекты трансляции коррупционной нормативности в высшем образовании // Интегративные тенденции в медицине и образовании: сборник научных статей / под ред. В. И. Иванова. Курск: МКУ «ИЦ «ЮМЭКС», 2018. Т. 3. С. 60–66.
20. Каменский Е. Г. Коррупциогенные риски модернизации высшего образования в социокультурном контексте России: теоретический очерк // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12, № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29KLSK221.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).

References

1. Suslova T. I. Konceptiya "trojnoj spirali" v obrazovanii kak uslovie razvitiya potentsiala lichnosti [The concept of the "triple helix" in education as a condition for the development of the potential of the individual]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya = Successes of Modern Natural Science*, 2014, no. 3, pp. 187–189.
2. Orlova V. V., eds. [A model of interaction between a university and enterprises based on a neural network]. *Prirodnye i intellektual'nye resursy Sibiri (Sibresurs-26-2020). XXVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* [Natural and intellectual resources of Siberia (sibresurs-26-2020). XXVI International Scientific and Practical Conference]. Tomsk, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics Publ., 2020, pp. 81–86. (In Russ.)
3. Pokrovskaya E. M., Raitina M. U., Gorsikh O. V. Integration of scientific, educational and production clusters: the problem of interaction. *International Research Journal*, 2017, no. 3-1 (57), pp. 156–159.
4. Rubancova T. A. Obrazovanie kak sposob translyacii cennostej v russkoj kul'ture [Education as a way of translating values in Russian culture]. Available at: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115146>. (accessed 17.01.2023)
5. Mihajlova T. L., Petrova O. S. INCRUSTATIO: konservativnye tekhnologii v modernizacii sistemy sovremennogo [INCRUSTATIO: conservative technologies in the modernization of the modern system]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2013, no. 10, pt. 2, pp. 455–459.
6. Lojko O. T., Utkina A. N. Ritual kak sposob translyacii cennostno-smyslovogo mira social'noj pamyati [Ritual as a way of translating the value-semantic world of social memory]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2011, no. 3 (15), pp. 181–184.
7. Romah O. V. Nacional'nye tradicii: mekhanizmy sohraneniya i translyacii [National traditions: mechanisms of preservation and translation]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern Science-intensive Technologies*, 2007, no. 4, pp. 63–64.
8. Mozzhilin S. I., Ust'yancev V. B. Idealy kul'tury i civilizacionnyj kod Rossii [Ideals of culture and the civilizational code of Russia]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 198–202.
9. Mchedlova E. M., Leskova I. V. Duhovnoe v sociokul'turnom prostranstve [Spiritual in the socio-cultural space]. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya = The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2021, vol. 12, no. 3. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/29SCSK321.pdf>. (accessed 17.01.2023)
10. Oshchepkova E. S. Mekhanizmy translyacii smyslov ot obshchestvennogo soznaniya k obydenomu [Mechanisms of translation of meanings from public consciousness to the ordinary]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo otkrytogo universiteta. Seriya: Obshchestvenno-politicheskie i humanitarne nauki = Bulletin of the Moscow State Open University. Series: Socio-political and Humanitarian Sciences*, 2011, no. 2, pp. 12–17.
11. Cheremushnikova I. K., Avhodeeva I. K. [Cultural memory and cultural identity in the open cultural space]. *Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost'. Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferentsii molodykh uchenykh (KhI Kolosnitsynskie chteniya)* [Cultural memory and cultural identity. Materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference of young scientists (XI Kolosnitsyn readings)]. Yekaterinburg, Ural Federal University named after the first President B. N. Yeltsin Publ., 2016, pp. 288–293. (In Russ.)
12. Fajrushina R. A. Ocenka innovacionnoj aktivnosti sub"ektov RF [Assessment of innovative activity of subjects of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2011, no. 1 (17), pp. 132–137.
13. Mamaeva Z. M. Ocenka innovacionnogo razvitiya regionov: ekonometricheskij podhod [Evaluation of innovative development of regions: econometric approach]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobacheskogo = Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachsky*, 2012, no. 2 (2), pp. 202–208.

14. Magomedgadzhiev Sh. M., Gadzhiev N. K. Analiz nauchno-tekhnicheskogo i innovacionnogo razvitiya sub"ektov SKFO [Analysis of scientific, technical and innovative development of the subjects of the North Caucasus Federal District]. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*, 2011, no. 2, pp. 301-305.
15. Plekhova Yu. O., Kravchenko V. S., Efimychev A. Yu., V'yalkova M. A. Analiz faktorov innovacionnoj aktivnosti predpriyatij Nizhegorodskoj oblasti [Analysis of factors of innovative activity of enterprises of the Nizhny Novgorod region]. *Koncept = Concept*, 2016, no. 11. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/16233.htm>. (accessed 17.01.2023)
16. Rejting innovacionnogo razvitiya sub"ektov RF [Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation]. Vysshaya shkola ekonomiki [Higher School of Economics]. Available at: <https://www.hse.ru/primarydata/rir>. (accessed 17.01.2023)
17. Rossiyanе ocenili kachestvo vysshego obrazovaniya v Rossii [Russians appreciated the quality of higher education in Russia]. RIA Novosti [RIA Novosti]. Available at: <https://ria.ru/20200813/1575756180.html>. (accessed 17.01.2023)
18. Kamensky E., Leskova I. Cultural conflict "traditions and innovations" in the modern paradigm of higher education in Russia. Proceedings of the 37th International Business Information Management Association (IBIMA), 30-31 May 2021. Cordoba, 2021, pp. 12102–12106.
19. Kamensky E. G. [Systemic aspects of the translation of corruption normativity in higher education]. *Integrativnye tendencii v medicine i obrazovanii. Sbornik nauchnykh statej* [Integrative trends in medicine and education. A collection of scientific articles]; ed. by V. I. Ivanov. Kursk, MKU "IC "YUMEKS" Publ., 2018, vol. 3, pp. 60–66. (In Russ.)
20. Kamensky E. G. Korrupciennyye riski modernizatsii vysshego obrazovaniya v sociokul'turnom kontekste Rossii: teoreticheskij ocherk [Corruption risks of modernization of higher education in the socio-cultural context of Russia: a theoretical essay]. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya = The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2021, vol. 12, no. 2. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/29KLSK221.pdf>. (accessed 17.01.2023)

Информация об авторах / Information about the Authors

Каменский Евгений Георгиевич, доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kamensky80@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1727-7167

Маякова Анна Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: i@amajakova.ru,
ORCID: 0000-0003-2567-0716

Огурцова Альбина Юрьевна, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ogurtsova_96_96@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1173-0386

Плякин Антон Семенович, аспирант кафедры электроснабжения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kamenskyeg80@gmail.com

Evgeny G. Kamensky, Dr. of Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kamensky80@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1727-7167

Anna V. Mayakova, Cand. of Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: i@amajakova.ru,
ORCID: 0000-0003-2567-0716

Albina Yu. Ogurtsova, Post-Graduate Student of the Department of a Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ogurtsova_96_96@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1173-0386

Anton S. Plyakin, Post-Graduate Student of the Department of Power Supply, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kamenskyeg80@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-224-235>**Человекоразмерность как принцип развития государственных
и муниципальных услуг в условиях цифровизации
публичного управления****В. В. Зотов¹, Е. И. Боев² ✉**

¹ Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)
Институтский пер., д. 9, Московская область, г. Долгопрудный 141701, Российская Федерация

² Курская академия государственной и муниципальной службы
ул. Станционная, д. 9, г. Курск 305044, Российская Федерация

✉ e-mail: evgeny-kursk@rambler.ru

Резюме

Актуальность исследования детерминирована значительным ростом доли государственных и муниципальных услуг, оказываемых в электронном виде, что влечет за собой необходимость осмысления нового формата взаимодействия граждан и власти. Следует признать, что на сегодня базовые принципы такой интеракции требуют пересмотра, поскольку они не отвечают цифровым реалиям российского общества. Применение цифровых технологий должно быть направлено не только на повышение качества предоставляемых услуг населению, цифровизация должна стать инструментом решения ключевой задачи – улучшения качества жизни населения регионов, чего, на взгляд авторов, можно достичь за счет постепенного внедрения принципа человекоразмерности.

Целью публикации является определение принципов взаимодействия граждан и органов власти при предоставлении государственных и муниципальных услуг в условиях цифровизации публичного управления.

Задачи: определение на основе анализа нормативно-правовой документации декларируемых целей цифровизации государственного и муниципального управления; оценка экспертной рефлексии основных тенденций цифровизации государственного и муниципального управления.

Методология исследования построена на анализе нормативно-правовых источников, регламентирующих процесс перевода государственных и муниципальных услуг в цифровой формат, с целью определения государственного видения перспектив цифровизации системы управления, а также на фокус-групповых опросах, которые позволили оценить видение данных процессов со стороны экспертов.

Результаты исследования позволили определить, что основным направлением федеральной повестки цифровой трансформации является комплексное, проактивное решение жизненных ситуаций граждан и бизнеса через качественное предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном формате.

Выводы. Анализ ведёт к выводу, что в условиях цифровизации публичного управления основным принципом повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг должен стать принцип человекоразмерности.

Ключевые слова: цифровизация; система государственного и муниципального управления; население; власть; государственные и муниципальные услуги; электронный формат; человекоразмерность.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00694.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Зотов В. В., Боев Е. И. Человекоразмерность как принцип развития государственных и муниципальных услуг в условиях цифровизации публичного управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 224–235. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-224-235>.

Поступила в редакцию 12.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Human-Sizedness as a Principle of Development of State and Municipal Services in the Context of Digitalization of Public Administration

Vitaly V. Zotov¹, Evgeny I. Boev² ✉

¹ Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)
9 Institutsky side-street, Moscow Region, Dolgoprudny 141701, Russian Federation

² Kursk Academy of State and Municipal Services
9 Stacionnaya Str., Kursk 305044, Russian Federation

✉ e-mail: evgeny-kursk@rambler.ru

Abstract

The relevance of this study is determined by a significant increase in the share of state and municipal services provided in electronic form, which entails the need to comprehend a new format of interaction between citizens and authorities. It should be recognized that today the basic principles of such integration require revision, since they do not meet the digital realities of Russian society. The use of digital technologies should be aimed not only at improving the quality of services provided to the population, digitalization should become a tool for solving a key task – improving the quality of life of the region's population, which, in the opinion of the authors, can be achieved through the gradual introduction of the principle of human-sizedness.

The purpose of this publication is to define the principles of interaction between citizens and authorities in when providing state and municipal services in the context of digitalization of public administration.

Objectives: determination of the declared goals of digitalization of state and municipal management based on the analysis of regulatory and legal documentation; assessment of expert reflection on the main trends of digitalization of state and municipal management.

Methodology. The research methodology is based on the analysis of regulatory and legal sources regulating the process of transferring state and municipal services to digital format, in order to determine the state vision of the prospects for digitalization of the management system, as well as focus group surveys that allowed experts to assess the vision of these processes.

The results of this study led to the conclusion that the main direction in the federal agenda of digital transformation is a comprehensive, proactive solution of living situations of citizens and business through the quality provision of state and municipal services in an electronic format.

Conclusions. Analysis leads to the conclusion that in the context of digitalization of public administration, the principle of human-sizedness should become the main principle of improving the quality of the provision of state and municipal services.

Keywords: digitalization; state and municipal management; population; authority; state and municipal services; electronic format; human-sizedness.

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00694.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Zotov V. V., Boev E. I. Human-Sizedness as a Principle of Development of State and Municipal Services in the Context of Digitalization of Public Administration. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 224–235. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-224-235>.

Received 12.02.2023

Accepted 10.03.2023

Published 28.04.2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 224–235

Введение

Внедрение современных цифровых технологий в повседневные практики граждан определило очевидные сдвиги в деятельности органов власти. В связи с чем в фокусе исследователей оказались как вопросы влияния цифровизации на трансформацию системы государственного и муниципального управления, так и сам процесс оказания государственных и муниципальных услуг.

Д. И. Дынник в своей работе дает критическую оценку эффективности программ и проектов, которые подразумевают цифровизацию в системе управления и «цифровой прорыв» [1].

А. И. Левин и В. И. Шошина указывают, что в условиях информатизации основные тенденции развития государственного управления постулируются такими понятиями, как административная направляемость и системная адаптируемость [2].

Е. С. Нестеренко, И. Н. Примышев в своей работе провели анализ состояния сферы государственного управления на современном «цифровом» этапе развития, выделили ряд неразрешенных проблем в сфере государственного управления [3].

В работе Т. Н. Селентьевой, М. В. Ивановой, М. В. Иванова, М. С. Кобышевой проведен анализ показателей цифровизации государственного управления: индекса развития электронного правительства в странах мира, индекса сетевой готовности, индекса развития информационно-коммуникационных технологий [4].

Г. П. Сорокина, Л. В. Широкова, И. А. Астафьева говорят о влиянии цифровых технологий на повышение эффективности государственного управления в разрезе получения ожидаемого результата социальной направленности, ориентированного на интересы конечного потребителя – населения и бизнеса [5].

Д. А. Харитов и А. С. Сибиряев перечисляют основные задачи использования цифровизации, выделяют ее положи-

тельные и отрицательные стороны, делают выводы о возможных перспективах развития цифровизации в системе управления [6].

Н. А. Исаковым определена роль цифровизации в трансформации экономических и политических процессов, в том числе государственном управлении, рассмотрены прямые и косвенные эффекты от цифровизации государственного управления для граждан и правительства, проиллюстрированы позиции отечественного электронного правительства в рейтинге э-правительств ООН [7].

С. С. Мытенков, А. Б. Соболев поднимают ряд проблем, связанных с развитием качества цифровых государственных услуг. Одним из инструментов решения проблемы выдавливания частного бизнеса из цифрового сектора они видят передачу части государственных информационных услуг в руки бизнес-субъектов [8].

М. А. Груздева в своей работе описывает региональный портрет пользователя цифровых государственных и муниципальных услуг [9].

М. А. Муковнин рассматривает проблемы разработки сбалансированной модели оценки эффективности цифровизации органов публичного управления [10].

Однако, несмотря на изученность отдельных вопросов цифровизации, проблемы интеграции современных цифровых технологий в контексте развития взаимодействия граждан и органов власти при оказании государственных и муниципальных услуг исследованы незначительно.

Необходимо отметить, что цифровая трансформация связана не только с технологиями, которые, безусловно, являются важным её компонентом. Сама трансформация – это скорее парадигма, которая включает в себя понимание механизма, как цифровые технологии должны совершенствовать модель функционирования государства, чтобы обеспечить качественный уровень взаимодействия с

гражданами. Следует признать, что на сегодня базовые принципы взаимодействия граждан с органами власти требуют пересмотра, поскольку они не отвечают цифровым реалиям российского общества.

Суть цифровой трансформации заключается в видоизменении условий интеракции органов власти с населением при предоставлении государственных и муниципальных услуг. Эти условия должны быть основаны на принципах учета потребностей граждан. Использование цифровых технологий надо направить не только на повышение качества предоставления услуг населению, но и на обеспечение их доступности для самых разных категорий граждан. Для перенастройки управленческих процессов необходимо изменить принципы организации взаимодействия органов власти с населением. Поэтому цель данной работы – определение базовых принципов организации взаимодействия граждан и властных структур в процессе предоставления государственных и муниципальных услуг в условиях цифровизации публичного управления.

Материалы и методы

Анализ ситуации был осуществлён в два этапа. На первом этапе был проведен анализ нормативно-правовых документов, регламентирующих процесс перевода государственных и муниципальных услуг в цифровой формат, с целью определения государственного видения перспектив цифровизации системы управления. На втором этапе были проведены фокус-групповые исследования, которые позволили оценить видение данных процессов со стороны экспертов.

В нормативную базу исследования вошли федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации и органов исполнительной власти Курской области, направленные на обеспечение предоставления гражданам и организациям государственных и муниципальных услуг, в

том числе массовых социально значимых, в электронной форме.

Для оценки перспектив цифровизации в декабре 2021 г. было проведено фокусированное групповое полуструктуризованное онлайн-интервью в формате видео-конференц-связи на платформе Zoom. Были организованы две фокус-группы с общим числом участников 20 человек, представляющих следующие субъекты: г. Москву, Республику Татарстан, Алтайский край, Белгородскую, Курскую, Челябинскую области. Выборочную совокупность составили эксперты, по профессиональным признакам разнесённые в следующие группы: «представители органов власти», «представители государственных корпораций и бизнес-структур», «представители структур гражданского общества», «представители научного сообщества», «медиаторы». К группе «представители органов власти» были отнесены эксперты, представляющие: органы федеральной власти (2 человека); органы власти субъектов РФ (4 человека); органы местного самоуправления (2 человека). Группу «представители государственных корпораций и бизнес-сообщества» образовали эксперты, работающие на руководящих должностях в государственной корпорации (1 человек) и в организациях, относящихся к среднему бизнесу (2 человека). В группу «представители структур гражданского общества» вошли эксперты, руководящие региональными общественными организациями (2 человека). В группе «представители научного сообщества» оказались представители вузов, привлекаемые к научно-методическому сопровождению деятельности органов власти (3 человека). А к группе «медиаторы» были отнесены представители регионального центра управления регионом (4 человека).

Кроме того, в статье использовались статистические данные Минцифры России, а также результаты проводимого Академией госслужбы (г. Курск) в 2016-

2021 годах мониторинга качества и доступности государственных и муниципальных услуг, предоставляемых на территории Курской области органами власти, органами местного самоуправления, МФЦ и его филиалами.

Результаты и их обсуждение

Декларируемые цели цифровизации системы государственного и муниципального управления в нормативно-правовой документации

Предоставление органами власти услуг в электронной форме началось с принятия в 2010 г. Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», в котором возможность оказания их в таком формате рассматривалось как одно из перспективных направлений работы с населением [11]. В опубликованном два года спустя Указе Президента Российской Федерации была поставлена задача к 2018 г. – обеспечить долю граждан, получающих в электронной форме государственные и муниципальные услуги на уровне не менее 70 %. Наряду с этим 90% граждан должны быть удовлетворены качеством оказанных им услуг [12].

Проводимые Академией госслужбы (г. Курск) исследования показывают, что удовлетворённость качеством полученной услуги в электронном виде высока. Она с 2016 г. по настоящее время составляет около 90% с учётом возможной погрешности исследования $\pm 1,5\%$. Это позволяет сформулировать аллюзию «нужно бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же уровне» на основе высказывания Чёрной королевы из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла. В этом случае цифровизация и есть главный двигатель этого «бега на месте».

В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в целях «обеспечения социально-экономического и научно-технологического развития страны, демо-

графического роста, повышения уровня жизни населения, создания комфортных условий для их проживания одним из ключевых направлений названа реализация ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере» [13]. Среди базовых задач установлена следующая: внедрение в интересах граждан и бизнеса цифровых технологий и платформенных решений в государственное и сферу оказания услуг органами власти. В конце 2018 г., в декабре, был утверждён паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Данная программа включает в себя 6 федеральных проектов, в т. ч. проект «Цифровое государственное управление». В паспорте вышеуказанного проекта приведён комплекс мероприятий, реализация которых позволит достигнуть следующих ключевых показателей:

- преимущественное предоставление услуг в режиме онлайн с использованием принципа проактивности;
- внедрение 25-ти цифровых «супер-сервисов», оказывающих услуги в зависимости от возникшей жизненной ситуации;
- показатель охвата юридически значимым межведомственным электронным документооборотом в 90 % от числа органов власти всех уровней [14].

Следует отметить, что во исполнение Перечня поручений Президента страны по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», состоявшейся 4 декабря 2020 г. [15], в Курской области в августе 2021 г. была утверждена Стратегия цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Курской области на период с 2021 по 2024 гг. [16]. Отметим, что в качестве основных целей цифровой трансформации применительно к системе государственного и муниципального управления являются: повышение качества оказания государственных услуг населению и бизнесу, централизация управления ИТ-инфраструктурой исполнительных орга-

нов Курской области за счёт достижения высокой степени «цифровой зрелости». Цифровая зрелость в госуправлении оценивается по трем основным направлениям:

1) предоставление государственных и муниципальных услуг, в первую очередь массовых, социально значимых;

2) развитие юридически значимого электронного документооборота;

3) автоматизация контрольно-надзорной деятельности.

В целях увязывания региональной стратегии субъекта РФ с её бюджетными процессами утверждена Программа цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Курской области на период с 2021 по 2024 гг. [17]. Результаты программы для системы государственного и муниципального управления конкретизированы в конкретных показателях, а именно:

– увеличение к 2024 г. доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, – до 95%;

– рост к 2024 г. доли электронного юридически значимого документооборота между органами публичной власти и подведомственными им учреждениями – до 60%;

– повышение к 2024 г. контроля и открытости при организации контрольно-надзорной деятельности – до 30%.

В Курской области был сформирован перечень из 83 социально значимых услуг, который утверждён соответствующим Постановлением региональной администрации [18].

Отметим, что анализ нормативно-правовой базы цифровой трансформации системы государственного и муниципального управления показывает, что её ключевым элементом становится повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг за счёт предоставления их цифровом формате. Это подтверждается и введением федеральным законодательством в Закон № 210-ФЗ [19] новых аспектов цифро-

го формата оказания услуг: цифровые административные регламенты, проактивный и комплексный режимы предоставления услуг, реестровая модель фиксации результата оказания услуг, разрешение оказания госуслуг через сервисы коммерческих и некоммерческих организаций, электронный вид хранения личных документов.

Экспертная рефлексия основных тенденций цифровизации системы государственного и муниципального управления

Новая повестка дня, связанная с перспективами цифровизации, заново обостряет вопрос о том, как скажется этот процесс на деятельности органов власти, их взаимодействии с населением. В ходе фокус-группового исследования были рассмотрены вопросы цифровизации системы публичного управления. Для определения основных реализуемых трендов цифровизации экспертам был задан следующий вопрос: «Сейчас очень много говорят о цифровизации. А как процессы цифровизации изменили систему государственного и муниципального управления? Назовите основные направления и перспективы её цифровой трансформации».

Приведём наиболее обстоятельные ответы экспертов на данный вопрос.

Эксперт, представляющий органы власти, отмечает: «Целью цифровизации сферы государственного управления является переход от личного обращения граждан в государственные органы к электронному формату. В 2021 году Минцифры России был определён перечень массовых социально значимых услуг, наиболее востребованных населением, которые надлежит оказывать в электронном формате. В Курской области в такой перечень входит 83 услуги. Дальнейшая работа будет заключаться в адаптации федерального перечня услуг к региональной специфике».

Этот же эксперт продолжает: «На сегодняшний день основными направлени-

ями федеральной повестки цифровой трансформации являются оптимизации предоставления государственных и муниципальных услуг: переход к проактивному оказанию услуг, комплексное решение жизненных ситуаций, возникающих у граждан и представителей бизнеса, переход на цифровой формат оказания приоритетных государственных и муниципальных услуг. На уровне региона актуальна повестка повышения качества предоставления услуг в электронном формате за счет улучшения технического уровня каналов связи».

Такая позиция эксперта подтверждает тезис, что госслужащие ключевым аспектом цифровой трансформации системы государственного и муниципального управления видят повышение качества предоставляемых населению услуг. И именно в этом направлении достигнуты наиболее значимые результаты.

На сегодняшний день в России проводится перманентная работа по переводу государственных услуг в электронный формат, внедряется система межведомственного взаимодействия на принципах экстерриториальности и омниканальности. По данным Минцифры (<https://digital.gov.ru/>), на сегодня почти 100 млн российских граждан (это 2/3 населения страны) завели подтвержденную учетную запись на портале «Госуслуги». Ежемесячная аудитория этого интернет-портала составляет от 30 до 40 млн человек.

В то же время эксперт, представляющий государственную корпорацию, видит перспективы цифровизации шире. Им были названы такие эффекты цифровой трансформации, как «снижение расходов государства за счёт создания бэк-офисов (сервисных подразделений), занятых оптимизацией инвариантной деятельности, а также сокращение стоимости разработки и администрирования цифровых сервисов за счёт тиражирования информационно-коммуникативных технологий, внедрения отработанных решений в деятельность органов власти всех уровней».

Далее данный эксперт указывает на такие значимые эффекты от цифровизации публичного управления, как «повышение эффективности деятельности властных структур за счёт стандартизации, регламентации административно-управленческих процессов, которые переводятся в цифровой формат и реализуются на цифровых сервисах; повышение эффективности бюджетирования проектных/программных мероприятий и контроля за их выполнением; повышение производительности труда госслужащих, задействованных в оказании государственных услуг».

По мнению эксперта, представляющего научное сообщество: «Цель цифровой трансформации – повышение эффективности взаимодействия бизнес-структур, структур гражданского общества с органами власти, снижение административных барьеров. Цифровые технологии должны быть не только инструментом оптимизации качества государственных и муниципальных услуг. Они должны снижать сроки получения услуг, произвести их “гуманизацию”, перейти от сугубо технологического вектора к клиентоориентированности, персонализированному подходу». В определённой мере эту же мысль развивает эксперт, представляющий бизнес-структуры: «В бизнесе сегодня внедряются лучшие практики с целью снижения издержек, повышения его рентабельности. Основным источником получения прибыли является потенциальный клиент, пользователь сервиса, потребляющий продукт, услугу. Соответственно, бизнес-субъекты делают серьёзные вложения с целью позиционирования своего бизнеса в среде целевого сегмента. Хотелось бы, чтобы государственные органы, разрабатывающие платформенные решения и сервисы, учитывали мнение граждан, для которых они предназначены. Необходимо разрабатывать интуитивно понятные интерфейсы, работать на повышение их удобства и простоты пользования. Важен отклик, важна обратная связь от населения, важно созда-

вать продукт удобный и понятный». Ему же вторит эксперт, представляющий региональные некоммерческие организации: «Сегодня организациям, получающим меры государственной поддержки, в процессе подготовки отчётной документации приходится задваивать, а иной раз и затраивать комплекты документов. Нужно создавать платформы с гибкой, адекватной обратной связью с населением, нужно снижать бюрократизм в ответах».

Такую позицию экспертов можно считать ответной реакцией на то, что в течение длительного периода времени человек в системе государственного и муниципального управления воспринимался в качестве некоего составного элемента, «винтика» механизма «рациональной бюрократии». При этом даже внедрение принципа клиентоориентированности (как соответствие процесса и результата оказания услуги ожиданиям граждан) не давало возможности полностью разрешить ситуацию с повышением доступности и качества государственных и муниципальных услуг, а ведет к новой бюрократии [20]. Цифровые сервисы, которые изначально были призваны решать проблемы людей, продолжают бюрократическую практику обезличивания получателей услуг, поскольку их личная проблема превращается в стандартное «дело», рассматриваемое системами искусственного интеллекта на портале «Госуслуг». Наряду с этим проявляются новые опасности: «непрозрачность алгоритмов принятия решений; ошибочное принятие решений цифровым сервисом; предвзятое отношение сервиса к проблемам / запросам гражданина» [21].

Цифровые сервисы предоставления услуг уже созданы и активно развиваются, поэтому наличие базового уровня цифровой компетентности граждан позволит включить в процессы взаимодействия с органами власти большую часть населения [22]. На наш взгляд, решением проблемы будет переход на принцип человекоразмерности процесса предостав-

ления государственных и муниципальных услуг. Эта проблема является частью проблемы построения человекомерных систем в рамках антропотехнической гибридации [23] и, как следствие, проблемы учета этической составляющей в процессе человеко-машинного взаимодействия в государственной сфере [24].

Проблема человекоразмерности важна с точки зрения соотношения уровня цифровой компетентности пользователей сервисов и достаточности технических возможностей для обеспечения их запросов. Человекоразмерность так же важна, как соответствие коммуникативной компетентности доминирующим способам коммуникации на цифровых сервисах, поддерживаемого ими «языка» и правил общения. Человекоразмерность актуальна и в том плане, что в современном обществе уровня информационной компетентности индивиду должно быть достаточно для того потока информации, который распространяется в процессе взаимодействия с органами власти.

Выводы

Анализируя нормативные документы, регламентирующие процесс цифровизации системы государственного и муниципального управления, а также полученные ответы экспертов, можно прийти к выводу, что основным направлением федеральной повестки цифровой трансформации предоставления государственных и муниципальных услуг является комплексное решение жизненных ситуаций граждан и бизнес-субъектов путем повышения качества предоставления услуг. Именно этими обстоятельствами обуславливается тренд на внедрение цифровых технологий в систему государственного и муниципального управления, создание электронных сервисов по взаимодействию с гражданами. Несмотря на мощное положительное влияние, которое цифровизация оказывает на общество и государство, следует зафиксировать наличие спектра серьезных проблем, делающих весь про-

цесс крайне противоречивым. Цифровизация деятельности органов власти должна не только повышать эффективность и качество предоставления государственных и муниципальных услуг, но и ориентиро-

ваться на улучшение качества жизни населения регионов, что достигается за счет постепенного внедрения принципа человекоразмерности предоставления услуг в электронном формате.

Список литературы

1. Дынник Д. И. Цифровизация системы государственного управления: проблемы и перспективы // Вестник Института мировых цивилизаций. 2021. Т. 12, № 4(33). С. 46–55.
2. Левин А. И., Шошина В. И. Тенденции развития государственного управления в условиях цифровизации экономики // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2. С. 5–10.
3. Нестеренко Е. С., Примишев И. Н. Система государственного и муниципального управления в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2020. № 4(28). С. 98–105.
4. Цифровизация процессов государственного управления в Санкт-Петербурге: проблемы и перспективы / Т. Н. Селентьева, М. В. Иванова, М. В. Иванов, М. С. Кобышева // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 1 (54). С. 98–105. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.54.127>.
5. Сорокина Г. П., Широкова Л. В., Астафьева И. А. Цифровые технологии как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 2. С. 73–83.
6. Харитов Д. А., Сибиряев А. С. Цифровизация в системе государственного и муниципального управления // Самоуправление. 2022. № 2(130). С. 847–850.
7. Исаков Н. А. Цифровизация государственных услуг: современное состояние и перспективы // Экономика и предпринимательство. 2019. № 11. С. 1097–1102.
8. Мытенков С. С., Соболев А. Б. Проблемы цифровизации государственных услуг // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 1(35). С. 107–110.
9. Груздева М. А. Цифровизация государственных и муниципальных услуг: портрет регионального пользователя // Журнал исследований по управлению. 2021. Т. 7, № 5. С. 3–13.
10. Муковнин М. А. Сбалансированная модель оценки эффективности цифровизации публичного управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 232–243.
11. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 09.01.2023).
12. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 601. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129336/ (дата обращения: 09.01.2023).
13. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 09.01.2023).
14. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление»: утвержден президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 г. № 9. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328938/ (дата обращения: 09.01.2023).
15. Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту: утвержден Президентом РФ 31.12.2020 г. № Пр-2242. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328938/ (дата обращения: 09.01.2023).
16. О Стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Курской области на период с 2021 по 2024 годы: Постановление Администрации Курской области от 20.08.2021 г. № 880-па. URL: https://kursk.ru/upload/iblock/253/880_pa.pdf (дата обращения: 09.01.2023).

17. Об утверждении программы цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Курской области на период с 2022-2024 годы: Постановление Администрации Курской области от 28.12.2021 г. № 1490-па. URL: https://kursk.ru/upload/iblock/d69/1490_pa.pdf (дата обращения: 09.01.2023).
18. О перечне массовых социально значимых государственных услуг Курской области и муниципальных услуг, подлежащих переводу в электронный формат: Постановление Администрации Курской области от 21.09.2021 г. № 964-па. URL: https://kursk.ru/upload/iblock/16d/964_pa.pdf (дата обращения: 09.01.2023).
19. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 509-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372680/ (дата обращения: 09.01.2023).
20. Зотов В. В., Василенко Л. А. Цифровизация публичного управления: от клиентоориентированности к новой бюрократии // Социология в постглобальном мире: материалы Всероссийской научной конференции, XVI Ковалевские чтения, 17-19 ноября 2022 года / отв. ред.: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 386–387.
21. Зотов В. В. Опасности и риски принятия решений системами искусственного интеллекта при оказании государственных услуг // Общество в поисках баланса: материалы XII Международной социологической Грушинской конференции, 23-27 мая 2022 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2022. С. 76–80.
22. Проказина Н. В. Цифровая грамотность как основа диалога власти и населения в условиях пандемии // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 3. С. 36–43. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-36-43>.
23. Каменский Е. Г., Боев Е. И. Техногенная человекомерная система: тезисы по футурологии антропотехнической гибридизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 4. С. 142–149.
24. Асеева И. А. Социальные роли искусственного интеллекта. Часть 1. Этика человеко-машинного взаимодействия в личной и государственной сферах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 5. С. 278–286. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-278-286>.

References

1. Dynnik D. I. Tsifrovizatsiya sistemy gosudarstvennogo upravleniya: problemy i perspektivy [Digitalization of the public administration system: problems and prospects]. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy = Bulletin of the University of World Civilizations*, 2021, vol. 12, no. 4(33), pp. 46–55.
2. Levin A. I., Shoshina V. I. Tendentsii razvitiya gosudarstvennogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Trends of development of public administration in the conditions of digitization of economy]. *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra = State and Society: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2019, no. 2, pp. 5–10.
3. Nesterenko E. S., Primyshev I. N. Sistema gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii: problemy i perspektivy [The system of state and municipal management in the conditions of digitalization: problems and prospects]. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i menedzhmenta = Actual Problems of Economics and Management*, 2020, no. 4(28), pp. 98–105.
4. Selent'eva T. N., Ivanova M. V., Ivanov M. V., Kobysheva M. S. Tsifrovizatsiya protsessov gosudarstvennogo upravleniya v Sankt-Peterburge: problemy i perspektivy [Digitalization of public administration processes in Saint-Petersburg: problems and prospects]. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo = Business. Education. Law*, 2021, no. 1 (54), pp. 98–105. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.54.127>
5. Sorokina G. P., Shirokova L. V., Astaf'eva I. A. Tsifrovyye tekhnologii kak faktor povysheniya effektivnosti gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Digital technologies as a factor in increasing the efficiency of state and municipal government]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovations. Investments*, 2019, no. 2, pp. 73–83.

6. Kharitov D. A., Sibiryayev A. S. Tsifrovizatsiya v sisteme gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Digitalization in the system of state and municipal management]. *Samoupravleniye = Samoupravlenie*, 2022, no. 2(130), pp. 847–850.

7. Isakov N. A. Tsifrovizatsiya gosudarstvennykh uslug: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy [Digitalization of public services: current status and prospects]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2019, no. 11, pp. 1097–1102.

8. Mytenkov S. S., Sobolkov A. B. Problemy tsifrovizatsii gosudarstvennykh uslug [Problems of digitalization of public services]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast' = Business. Society. Power*, 2020, no. 1(35), pp. 107–110.

9. Gruzdeva M. A. Tsifrovizatsiya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: portret regional'nogo pol'zovatelya [Digitalization of state and municipal services: portrait of regional user]. *Zhurnal issledovaniy po upravleniyu = Journal of Studies on Management*, 2021, vol. 7, no. 5, pp. 3–13.

10. Mukovnin M. Sbalansirovannaya model' otsenki effektivnosti tsifrovizatsii publichnogo upravleniya [Balanced Model for Assessing the Effectiveness of Public Management Digitalization]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, no. 11(1), pp. 232–243.

11. Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug [On the organization of public and municipal services]. Federal Law of July 27, 2010 № 210-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/. (accessed 09.01.2023)

12. Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya [On the main directions of improvement of the system of public administration]. Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2012 № 601. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129336/. (accessed 09.01.2023)

13. O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda [On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation until 2024]. Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2018 № 204. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/. (accessed 09.01.2023)

14. Pasport federal'nogo proyekta "Tsifrovoye gosudarstvennoye upravleniye" [Passport of the Federal Project "Digital State Administration"]. Approved by the Presidium of the Government Commission for Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Environment, Protocol of May 28, 2019 № 9). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328938/. (accessed 09.01.2023)

15. Perechen' porucheniy po itogam konferentsii po iskusstvennomu intellektu [List of instructions following the results of the conference on artificial intelligence]. Approved by the President of the Russian Federation of December 31, 2020 № Pr-2242. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328938/. (accessed 09.01.2023)

16. O Strategii tsifrovoy transformatsii klyuchevykh otrasley ekonomiki, sotsial'noy sfery i gosudarstvennogo upravleniya Kurskoy oblasti na period s 2021 po 2024 gody [On the Strategy of digital transformation of key sectors of the economy, social sphere and public administration of the Kursk region for the period from 2021 to 2024]. Resolution of the Administration of the Kursk region of December 28, 2021 № 1490-pa. Available at: https://kursk.ru/upload/iblock/253/880_pa.pdf. (accessed 09.01.2023)

17. Ob utverzhdenii programmy tsifrovoy transformatsii klyuchevykh otrasley ekonomiki, sotsial'noy sfery i gosudarstvennogo upravleniya Kurskoy oblasti na period s 2022 po 2024 gody [On approval of the program of digital transformation of key sectors of the economy, social sphere and public administration of the Kursk region for the period from 2022 to 2024]. Resolution of the Administration of the Kursk region of December 28, 2021 № 1490-pa. Available at: https://kursk.ru/upload/iblock/d69/1490_pa.pdf. (accessed 09.01.2023)

18. O perechne massovykh sotsial'no znachimyykh gosudarstvennykh uslug Kurskoy oblasti i munitsipal'nykh uslug, podlezhashchikh perevodu v elektronnyy format [On the list of mass socially significant public services of the Kursk region and municipal services to be converted into electronic format]. Resolution of the Administration of the Kursk region of September 21, 2021 № 964-pa. Available at: kursk.ru/upload/iblock/16d/964_pa.pdf. (accessed 09.01.2023)

19. O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii [On Amendments to Individual Legislative Acts of the Russian Federation]. Federal Law of December 30, 2020 № 509-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372680/. (accessed 09.01.2023)

20. Zotov V. V., Vasilenko L. A. [Digitization of public administration: from customer focus to a new bureaucracy]. *Sotsiologiya v postglobal'nom mire. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, XVI Kovalevskie chteniya, 17-19 noyabrya 2022 goda* [Sociology in the post-global world. Materials of the All-Russian Scientific Conference XVI Kovalev Readings November 17-19, 2022]; ed. by N. G. Skvortsov, Yu. V. Asochakov. St. Petersburg, Scythia-print Publishing House, 2022, pp. 386–387. (In Russ.)

21. Zotov V. V. [Dangers and risks of decision-making by artificial intelligence systems in the provision of public services]. *Obshchestvo v poiskakh balansa. Materialy XII Mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi Grushinskoi konferentsii, 23-27 maya 2022 g.* [Society in search of balance. Materials of the XII International Sociological Grushin Conference, May 23-27, 2022]; ed. by A. V. Kuleshova. Moscow, All-Russian Center for the Study of Public Opinion Publ., 2022, pp. 76–80. (In Russ.)

22. Prokazina N. V. Tsifrovaya gramotnost' kak osnova dialoga vlasti i naseleniya v usloviyakh pandemii [Digital literacy as a basis for a dialogue between the authorities and the population in the context of a pandemic]. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital Sociology*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 36–43. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-36-43>

23. Kamensky E. G., Boev E. I. Tekhnogennaya chelovekomernaya sistema: tezisyy po futurologii antropotekhnicheskoy gibrizatsii [Echnogenic human-caused systems: the general theses on anthropotechnic hybridization futurology]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika, Sotsiologiya, Menegment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2014, no. 4, pp. 142–149

24. Aseeva I. A. Sotsial'nye roli iskusstvennogo intellekta. Chast' 1. Etika cheloveko-mashinnogo vzaimodeystviya v lichnoy i obshchestvennoy sferakh [Social Roles of Artificial Intelligence. Part 1. Ethics of Human-Machine Interaction in Personal and Public Spheres]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, no. 12(5), pp. 278–286. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-278-286>

Информация об авторах / Information about the Authors

Зотов Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, профессор учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), г. Долгопрудный, Московская область, Российская Федерация, e-mail: om_zotova@mail.ru, Researcher ID: E-6506-2014, ORCID: 0000-0003-1083-1097

Vitaly V. Zotov, Dr. of Sci. (Sociology), Professor, Professor of the Educational and Scientific Center for the Humanities and Social Sciences, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow Region, Dolgoprudny, Russian Federation, e-mail: om_zotova@mail.ru, Researcher ID: E-6506-2014, ORCID: 0000-0003-1083-1097

Боев Евгений Иванович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного, муниципального управления и права, Курская академия государственной и муниципальной службы, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: evgeny-kursk@rambler.ru, Researcher ID: O-9863-2015, ORCID: 0000-0002-4092-4043

Evgeny I. Boev, Cand. of Sci. (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration and Law, Kursk Academy of State and Municipal Services, Kursk, Russian Federation, e-mail: evgeny-kursk@rambler.ru, Researcher ID: O-9863-2015, ORCID: 0000-0002-4092-4043

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-236-243>**Трансформация городского пространства для пожилых людей
в период пандемии COVID-19****К. А. Галкин¹** ✉

¹ Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. 7-я Красноармейская, д. 25, г. Санкт-Петербург 190005, Российская Федерация

✉ e-mail: Kgalin1989@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящем исследовании на эмпирических данных рассматриваются особенности смыслов и роли пространств, солидарности с пространством для пожилых людей в период пандемии COVID-19.

Цель – изучить как в период пандемии изменяется городское пространство Петербурга для пожилых людей, как возникают трудности, неравенства и барьеры в городском пространстве для этой категории граждан, как изменяются смыслы привычных ей пространств.

Задачи. Объектом исследования выступают пожилые люди — жители крупного мегаполиса, Санкт-Петербурга. Предмет исследования – оценки городской среды и особенности солидарности с пространством пожилых людей. Задачи исследования заключаются в изучении особенностей трансформаций городских пространств в жизни пожилых людей в период пандемии COVID-19 и особенностей понимания самими пожилыми людьми подобных трансформаций.

Методология. Методами исследования выступают интервью-беседы с пожилыми людьми. Информантами исследования выступают пожилые люди разных возрастов – от 65 до 86 лет включительно, проживающие в старом и новом районах Петербурга.

Результаты. На основании интервью с пожилыми жителями городов нам удалось выделить и обозначить ключевые особенности в рамках взаимодействия пожилых людей с городскими пространствами. Среди основных проблем, которые отмечали пожилые люди в интервью, — потеря инструментальных возможностей самого города, а именно доступности аптек и магазинов, а также возникновение различных опасений, связанных с возможностью заразиться новой коронавирусной инфекцией при взаимодействии с людьми в рамках посещений магазинов и других общественных мест.

Выводы. Пожилой возраст в ограниченном и закрытом городском пространстве становится своеобразным фреймом, который задаёт особые условия восприятия городских пространств как максимально закрытых и недружественных для пожилых людей. Тотальная трансформация смыслов привычных пространств как привязанности пожилых людей к городским пространствам становится всё более выраженной и очевидной, и ключевым в данном случае выступает то, что возникают новые солидарности и новые практики в рамках максимально суженных и максимально доступных пространств.

Ключевые слова: пожилые люди Санкт-Петербурга; пандемия COVID-19; городское пространство; неравенства пожилых людей в городском пространстве; изменения городского пространства для пожилых людей.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Галкин К. А. Трансформация городского пространства для пожилых людей в период пандемии COVID-19 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 236–243. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-236-243>.

Поступила в редакцию 06.02.2023

Принята к публикации 02.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Галкин К. А., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 236–243

Transformation of Urban Space for the Elderly During the COVID-19 Pandemic

Konstantin A. Galkin¹ ✉

¹ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

7th Krasnoarmeyskaya Str. 25, St. Petersburg 190005, Russian Federation

✉ e-mail: Kgalkin1989@mail.ru

Abstract

Relevance. In this study, based on empirical data, the features of meanings and the role of spaces, solidarity with space for the older during the COVID-19 pandemic are considered.

The purpose is to study how the urban space of St. Petersburg for the older changes during the pandemic, how difficulties, inequalities and barriers arise in the urban space for this category of citizens, how the meanings of the spaces familiar to it change.

Objectives. The object of the study is older people — residents of a large metropolis, St. Petersburg. The subject of the study: assessment of the urban environment and features of solidarity with the space of the older. The objectives of the study are to study the peculiarities of transformations of urban spaces in the lives of older people during the COVID-19 pandemic and the peculiarities of the older themselves understanding such transformations.

Methodology. The research methods are: interviews-conversations with older people. The informants of the study are older people of different ages, from 65 to 86 years old, living in the old and new districts of St. Petersburg.

Results. Based on interviews with older residents of cities, we were able to identify and identify key features in the framework of the interaction of older people with urban spaces. Among the main problems that older people noted in interviews is the loss of the instrumental capabilities of the city itself, namely the availability of pharmacies and shops, as well as the emergence of various fears associated with the possibility of contracting a new coronavirus infection when interacting with people during visits to shops and other public places.

Conclusions. The older age in a limited and closed urban space becomes a kind of frame that sets special conditions for the perception of urban spaces as maximally closed and unfriendly for the older. The total transformation of the meanings of familiar spaces as the attachment of older people to urban spaces is becoming more pronounced and obvious, and the key in this case is that new solidarity and new practices are emerging within the most narrowed and most accessible spaces.

Keywords: older people of St. Petersburg; COVID-19 pandemic; urban space; inequalities of elderly people in urban space; changes in urban space for the elderly.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Galkin K. A. Transformation of Urban Space for the Elderly During the COVID-19 Pandemic. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2023; 13(2): 236–243. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-236-243>.

Received 06.02.2023

Accepted 02.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Социальные науки, исследующие социальные взаимодействия людей и пространств, занимают здесь одну из ключевых ролей. Концепции устойчивого развития городов отмечают рост влияния социального и человеческого факторов [1; 2; 3; 4; 5]. При этом возникает множество идей развития городов, начиная от пространственной непрерывности и пространственного синтаксиса и заканчивая

концепцией гибких городов, т. е. развития городов, удобных для людей, а также развития взаимодействий между городскими пространствами и людьми, т. е. развития возможного диалога, и создание на его основе наибольшей комфортности самого городского пространства для различных групп населения [6; 7; 8]. Социальные взаимодействия, как и сама социальная ткань города, в контексте подобных подходов выступает центром город-

ского развития, исследовательским ориентиром, фокусом с точки зрения изучения особенностей и возможностей, в рамках которых происходит взаимодействие человека и пространства, устанавливаются особые контексты таких взаимодействий. Социальные отношения выступают центром городских исследований, основой интеграции контактных гипотез, а также центром разнообразия и развития различных городских парадигм [9].

Как отмечают Н. Радина и А. Поршневу, существует связь между самим пространством и активностью пожилых людей; любые трансформации, которые существуют в рамках изменений и трансформаций в пространствах, задают и создают свой особый ресурс изменений [10]. При этом также отмечается важность в изменениях и трансформациях в самих городских пространствах и, как следствие, важность для пожилых людей городских пространств, особого комфорта в них [11; 12; 13]. При этом важным в данном случае выступает особенность восприятия и понимания возраста. Так, к примеру, наиболее характерными для пожилых россиян выступают: социальный пессимизм и, следовательно, отсутствие возможностей в использовании всего потенциала городских пространств, а также сложности, которые связаны в первую очередь с тем, что пространства для пожилых становятся недоступными, особенно в контексте изменений, связанных с пандемией COVID-19 и полным переструктурированием, переформатированием самого города в контексте пандемии [14; 15; 16; 17]. Также ситуация пандемии во многом ограничила и закрыла для пожилых людей поиск новых возможностей, в том числе с точки зрения реализации своих активностей, а также полноценного использования всех городских пространств [18].

Таким образом, наиболее проблемным для пожилых людей в период пандемии COVID-19 выступает изменение привычной повседневности, а следовательно, изменение привычных смыслов и особен-

ностей городских пространств, прежних способов и возможностей их использования. Наибольшие трудности вызывают сложности с мобильностью и возможностью передвигаться в прежних пространствах города, а значит, использовать все возможности самого пространства посещать прежние и значимые места, встречаться с друзьями и ощущать терапевтическую и психологическую поддержку, связанную с конкретным местом и значимостью данного места с точки зрения памяти для пожилых людей [19; 20].

Основной исследовательский вопрос статьи – как в период пандемии изменяется городское пространство Петербурга для пожилых людей, как возникают трудности, неравенства и барьеры в городском пространстве для этой категории граждан, как изменяются смыслы привычных ей пространств.

Материалы и методы

Методологическая рамка данного исследования – этнологические методы и этнографическое исследование, которое было проведено в городе федерального значения Санкт-Петербурге. Основным методом выступают интервью-беседы с пожилыми людьми, в ходе которых сами пожилые люди рассказывали об особенностях и смыслах, городских пространств, возникающих во время пандемии COVID-19. Всего было собрано 30 интервью-бесед с пожилыми людьми. Все информанты были в возрасте от 65 до 86 лет и имели различные хронические заболевания, в основном заболевания сердечно-сосудистой системы, которые были получены преимущественно до пандемии.

Результаты их обсуждения

Меры, принятые по противодействию пандемии COVID-19, относятся к ограничительным факторам, которые способствуют исключению и созданию неравенств в городских пространствах для отдельных групп людей, к которым, безусловно, относятся и пожилые люди. Нередко агентность пожилых людей в новом

ковидном пространстве и коммуникация становятся ограниченными, и это затрудняет и передвижение пожилых людей, и использование ими привычных сервисов, служб, привычных маршрутов. Как отмечает одна информантка из старого района города, ограниченность условий передвижения и необходимость практически везде носить маски, а также находиться под присмотром полиции на крупных дорогах и проспектах заставила её искать другие, более долгие и, следовательно, неудобные пути и подходы к магазинам:

«Раньше я, считай, могла относительно легко добраться до необходимых магазинов. Выходишь, идёшь, потом поворачиваешь, ещё минуты три идёшь и уже попадаешь в нужный тебе магазин. Естественно, там всё что надо берёшь, покупаешь. Потом уже и назад возвращаешься. А сейчас — нет, этим маршрутом уже не пойдёшь, потому что там полиция идёт и к тебе могут докопаться (мол, чего ты, старая, без маски и куда собралась, нечего здесь тебе вообще делать). И уже понимаешь, что народу много. А если народу много, то надо это место обходить и стараться другую дорогу выбирать, другой дорогой идти. Вот поэтому всё стало крайне неудобным и недоступным в принципе для жизни. И уже и не знаешь, что лучше: этих волонтёров-мошенников вызывать или всё-таки идти в магазин, который пусть и недалеко здесь, но всё же быстро к нему точно не подойти; да и продукты там, надо сказать, — ничего хорошего: непонятного качества и вкуса» (ж., 78, старый район города).

Сами пожилые люди, таким образом, создают комфортное или некомфортное публичное пространство вокруг себя, как оперируя удобными или неудобными местами, так и встраивая и включая в публичное пространство возможность или невозможность коммуникации, которая позволяет минимизировать психологические эффекты, связанные с изоляцией в период пандемии COVID-19. Однако

следует отметить, что наиболее негативными факторами, которые снижают и замедляют возможность коммуникации, возможность устройства и формирования удобного пространства под себя, выступают именно бюрократизм и властные правила, которые организуют пространство, одним возможным способом исключая пожилых людей из диалога с пространствами, лишая возможности формирования самих городских пространств пожилыми людьми. Бюрократизм, связанный с ограничениями в период пандемии COVID-19, замедляет и останавливает все возможные взаимодействия внутри пространств, все возможные решения вопросов по созданию комфорта в данных пространствах и часто, как отмечают сами информанты, становится «нелепым» и не носящим никакого смысла.

Безусловно, одним из важных факторов в контексте пандемии и проблем, которые создаются в городах, выступает соседское сообщество, его роль для пожилых людей в повседневности.

Исследование соседских отношений и взаимодействий в период пандемии даёт иную картину, во многом не похожую на соседские взаимодействия до наступления COVID-19. Как правило, до наступления пандемии — и это отчётливо считывается в домах старой части города — пожилых людей рассматривают как таких, которым требуется помощь, при этом необходимость самой помощи пожилым рассматривается как разовая, т. е., например, как возможность помочь пожилым людям при проблемах со здоровьем или тогда, когда возникают сложности с тем, чтобы принести продукты из магазина домой. В то же время каждодневная помощь пожилым не рассматривается как необходимая. При новом соседстве помощь пожилым, может, в целом и не оказывается, и это связано в первую очередь с тем, что, как правило, частота социальных контактов и знакомства с соседями в новых домах носят кратковременный и непродолжительный характер.

Таким образом, существуют различия в восприятии пожилого человека в двух

типах соседств. Так, при новых соседствах коммуникация носит чисто формальный характер, помощь пожилым людям, как правило, не оказывалась до пандемии. В то же время в старых районах города и условно обозначенных старых соседствах в городе помощь пожилым людям, как правило, оказывалась, но это была нерегулярная помощь, как правило, такая помощь носила эпизодический характер. С наступлением пандемии COVID-19 ситуация с помощью пожилым людям начинает довольно быстро меняться. Как правило, роль местного сообщества в таких случаях ориентирована на то, чтобы выполнять повседневные просьбы пожилых людей. Такие соседские просьбы, как сходить в магазин, аптеку или на почту, отвезти в больницу на машине, обычно выполнялись бескорыстно:

«Дочка моя в другом городе живёт. Когда началась пандемия, мне пришлось как-то просить соседей. И хорошо, что я знала здесь соседку, которая от меня через лестничную площадку живёт. Вот с ней мы и общаемся, она мне как раз и помогает, и это именно она помогла мне тогда, потому что я из-за проблем со спиной не могу вообще разогнуться. Я попросила соседку, чтобы она сходила мне за хлебом и вообще за продуктами, и она поддерживала меня и сейчас по возможности старается поддержать: ходит покупать хлеб и иногда в аптеку, когда это необходимо» (ж., 79, Санкт-Петербург).

В целом следует отметить, что ресурс соседских отношений и солидарностей как один из важных маркеров городского пространства в период пандемии позволял пожилым людям достаточно активно оставаться интегрированными, включёнными в социальную жизнь, не ощущать все сложности, связанные с изоляцией и полным ограничением, замкнутостью всех городских пространств. Таким образом, соседские отношения как важная часть городских пространств выступают важным ресурсом для пожилых людей, а также возможностью для того, чтобы общаться и взаимодействовать друг с другом, быть включёнными, интегрированными в такого

рода взаимодействия. Во время пандемии ресурс соседских отношений для пожилых людей может заменить как помощь родственников, так и помощь со стороны социальных служб и волонтеров. И в данной ситуации следует отметить, что обычно соседские отношения построены на доверии. Следовательно, в отличие от волонтерской помощи в сельской местности или помощи со стороны социальных служб, ресурс соседской помощи куда более многогранен, он способствует тому, что пожилые люди могут получать необходимую помощь и при этом доверять ей. В отличие от волонтерской помощи соседская помощь в период пандемии COVID-19 может оказываться практически в любое время, что, безусловно, способствует тому, что такая помощь имеет универсальность, которая способствует широкому использованию помощи среди соседей.

Сложности с организацией ухода за пожилыми людьми в период пандемии COVID-19 усиливаются и приобретают свою специфику. Пожилые люди – информанты настоящего исследования испытывают ограничения в мобильности и передвижении. Некоторые из них были полностью замкнуты в пространстве своих квартир. Различные соматические сложности, таким образом, не давали пожилым людям возможность для выхода на улицу, а с наступлением пандемии замкнутость и ограниченность в одном пространстве пожилых людей с подобными соматическими ограничениями стала лишь усиливаться. К тому же если ранее можно было попросить родственников купить необходимые продукты, то с введением локдауна и изолированности у пожилых людей пропала возможность покупки необходимых продуктов, возможность того, чтобы использовать помощь родственников в приобретении и продуктов, и лекарственных средств. Вследствие этого произошло разделение на обращение за волонтерской помощью и обращение за помощью в городские социальные службы и сервисы, потому что часто, как отмечали информанты иссле-

дования, ресурс соседской помощи был недостаточен; к тому же соседскую помощь было сложно использовать регулярно, в отличие от волонтерской помощи и помощи социальных работников:

«Я по квартире с ходунками хожу. Раньше, конечно, была у меня возможность выходить и покупать всё необходимое, те же продукты или лекарства, а теперь уже нет, потому что бог его знает, какую там заразу можно подхватить. Это всё вообще неизвестно. Поэтому приходится действовать так: доставку заказываю с помощью разных сервисов, благо дочка показала, как это делается на компьютере. Ну и ещё волонтеров можно попросить, это, я считаю, просто отличная возможность. И они, если нужно, приходят и помогают, и это, безусловно, очень и очень радует» (ж., 68, Санкт-Петербург).

Данные исследования позволяют рассматривать работу городских сервисов в период пандемии как возможное решение для пожилых людей некоторых проблем, однако преодоление эксклюзии и возможности получения необходимой терапевтической и психологической помощи, поддержки остаётся для этой категории граждан пределом возможностей городских сервисов.

Выводы

Потеря связей с привычными городскими пространствами только усиливается в период пандемии, при этом сами пожилые люди не видят возможностей для восстановления данной связи, как и не видят они и перспектив для восстановления утраченных возможностей в общении, в использовании городских пространств, присутствующих до

наступления пандемии. Утрата эмоциональных связей и привязанности к городским пространствам у самих пожилых людей достаточно чётко артикулирована, структурирована и интегрирована в повседневный контекст. При этом проблема развития и использования городских сервисов также была значимой в процессе взаимодействия пожилых людей с городскими пространствами. Как отмечали сами пожилые люди в интервью, значимым фактором в данном случае выступало именно то, что изначально многие городские сервисы, продолжающие работу в городах, действовали скорее по принципу работы и выполнения необходимых функций, которые сводились к покупке и доставке для пожилых людей нужных продуктов и лекарств. В этом случае пожилым не хватало общения, а также возможности самостоятельно обозначать работу данных сервисов, самостоятельно улучшать и модифицировать её, дополняя необходимыми услугами.

Пожилые люди, как отмечали информанты в интервью, видят себя в качестве активных участников процесса взаимодействия с городом, а возможности для активного включения, участия в городской среде, которые были до пандемии, с её наступлением начинают теряться и исчезать. При этом немаловажной проблемой, которая была выделена в ходе понимания смыслов городов для пожилых людей и определения города в жизни этой категории граждан, выступает проблема утраты солидарности с пространствами ввиду их постоянных трансформаций и различных ограничений, которые способствуют потере прежней солидарности с пространством.

Список литературы

1. Томаков В. И., Томаков М. В. Зелёное строительство в концепции устойчивого развития российских городов // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21, №. 2. С. 16–31.
2. Krueger R., Savage L. City-regions and social reproduction: a 'place' for sustainable development? // International Journal of Urban and Regional Research. 2007. Vol. 31, N 1. P. 215–223.

3. Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. Право на город в парадигме мобильности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 165–173.
4. Aceska A., Heer B., Kaiser-Grolimund A. Doing the city from the margins: Critical perspectives on urban marginality // *Anthropological Forum*. Routledge. 2019. Vol. 29, N 1. P. 1–11.
5. Between the shores of recollection and imagination: Self, aging, and home / H. Chaudhury [et al.] // *Home and identity in late life: International perspectives*. Springer Publishing Company, 2005. P. 3–18.
6. Hillier B. Space and spatiality: what the built environment needs from social theory // *Building research & information*. 2008. Vol. 36, N 3. P. 216–230.
7. Wessel T. Does diversity in urban space enhance intergroup contact and tolerance? // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2009. Vol. 91, N 1. P. 5–17.
8. Правоторова А. А., Кондратьева У. Г. Теоретические основания исследования городской идентичности // *Творчество и современность*. 2018. № 2 (6). С. 69–79.
9. Counted V. Making sense of place attachment: Towards a holistic understanding of people-place relationships and experiences // *Environment, Space, Place*. 2016. Vol. 8, N 1. P. 7–32.
10. Радина Н., Поршнев А. Пожилые горожане мегаполиса и малых городов: солидарность, альтруизм и приоритеты в области городского развития // *Социология власти*. 2014. № 3. С. 141–158.
11. Киенко Т. С. Пожилые горожане и аудиовизуальная среда города: возраст как фактор солидарности с пространством // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. Т. 22, № 4. С. 57–87.
12. Галкин К. А. Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13, № 2. С. 27–40.
13. Meijering L. Towards meaningful mobility: A research agenda for movement within and between places in later life // *Ageing & Society*. 2021. Vol. 41, N 4. P. 711–723.
14. Chen L. K. Older adults and COVID-19 pandemic: Resilience matters // *Archives of gerontology and geriatrics*. 2020. Vol. 89. P. 104124.
15. Келасьев В. Н., Первова И. Л. Адаптация пожилых петербуржцев к ситуации пандемии коронавируса // *Успехи геронтологии*. 2020. Т. 33, № 6. С. 1016–1026.
16. Cullen W., Gulati G., Kelly B. D. Mental health in the COVID-19 pandemic // *QJM: An International Journal of Medicine*. 2020. Vol. 113, N 5. P. 311–312.
17. Matias T., Dominski F. H., Marks D. F. Human needs in COVID-19 isolation // *Journal of Health Psychology*. 2020. Vol. 25, N 7. P. 871–882.
18. Sharifi A., Khavarian-Garmsir A. R. The COVID-19 pandemic: Impacts on cities and major lessons for urban planning, design, and management // *Science of the Total Environment*. 2020. Vol. 749. P. 142391.
19. Locked down by inequality: Older people and the COVID-19 pandemic / T. Buffel [et al.] // *Urban Studies*. 2021. P. 00420980211041018.
20. Mask use, risk-mitigation behaviours and pandemic fatigue during the COVID-19 pandemic in five cities in Australia, the UK and USA: A cross-sectional survey / C. R. MacIntyre [et al.] // *International Journal of Infectious Diseases*. 2021. Vol. 106. P. 199–207.

References

1. Tomakov V. I., Tomakov M. V. Zelyonoe stroitel'stvo v koncepcii ustojchivogo razvitiya Rossijskikh gorodov [Green construction in the concept of sustainable development of Russian Cities]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2017, no. 21(2), pp. 16–31.
2. Krueger R., Savage L. City-regions and social reproduction: a 'place' for sustainable development? *International Journal of Urban and Regional Research*, 2007, vol. 31, pp. 215–223.
3. Yarskaya-Smirnova V. N., Yarskaya-Smirnova E. R. Pravo na gorod v paradigme mobil'nosti [The right to a city in the mobility paradigm]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2018, no. 45, pp. 165–173.
4. Aceska A., Heer B., Kaiser-Grolimund A. Doing the city from the margins: Critical perspectives on urban marginality. *Anthropological Forum*. Routledge, 2019, vol. 29, no. 1, pp. 1–11.

5. Chaudhury H., eds. Between the shores of recollection and imagination: Self, aging, and home. Home and identity in late life: International perspectives. Springer Publishing Company, 2005, pp. 3–18.
6. Hillier B. Space and spatiality: what the built environment needs from social theory. *Building Research & Information*, 2008, vol. 36, no. 3, pp. 216–230.
7. Wessel T. Does diversity in urban space enhance intergroup contact and tolerance? *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 2009, vol. 91, no. 1, pp. 5–17.
8. Pravotorova A. A., Kondrat'eva U. G. Teoreticheskie osnovaniya issledovaniya gorodskoj identichnosti [Theoretical foundations of urban identity research]. *Tvorchestvo i sovremennost' = Creativity and modernity*, 2018, vol. 2(6), pp. 69–79.
9. Counted V. Making sense of place attachment: Towards a holistic understanding of people-place relationships and experiences. *Environment, Space, Place*, 2016, vol. 8, no. 1, pp. 7–32.
10. Radina N., Porshnev A. Pozhilye gorozhane megapolisa i malyh gorodov: solidarnost', al'truizm i priority v oblasti gorodskogo razvitiya [Elderly citizens of megalopolis and small towns: solidarity, altruism and priorities in the field of urban development]. *Sociologiya vlasti = Sociology of Power*, 2014, no. 3, pp. 141–158.
11. Kienko T. S. Pozhilye gorozhane i audiovizual'naya sreda goroda: vozrast kak faktor solidarnosti s prostranstvom [Elderly citizens and the audiovisual environment of the city: age as a factor of solidarity with space]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2019, vol. 22 (4), pp. 57–87.
12. Galkin K. A. Ogranichennoe prostranstvo: gorod v period pandemii v predstavleniyah pozhilykh lyudej [Limited space: a city during a pandemic in the views of the elderly]. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya = Interaction. Interview. Interpretation*, 2021, vol. 13 (2), pp. 27–40.
13. Meijering L. Towards meaningful mobility: A research agenda for movement within and between places in later life. *Ageing & Society*, 2021, vol. 41, pp. 711–723.
14. Chen L. K. Older adults and COVID-19 pandemic: Resilience matters. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 2020, vol. 89, pp. 104124.
15. Kelas'ev V. N., Pervova I. L. Adaptaciya pozhilykh peterburzhcev k situacii pandemii koronavirusa [Adaptation of elderly residents of St. Petersburg to the situation of the coronavirus pandemic]. *Uspekhi gerontologii = Successes of Gerontology*, 2020, vol. 33 (6), pp. 1016–1026.
16. Cullen W., Gulati G., Kelly B. D. Mental health in the COVID-19 pandemic. *QJM: An International Journal of Medicine*, 2020, vol. 113 (5), pp. 311–312.
17. Matias T., Dominski F. H., Marks D. F. Human needs in COVID-19 isolation. *Journal of Health Psychology*, 2020, vol. 25 (7), pp. 871–882.
18. Sharifi A., Khavarian-Garmsir A. R. The COVID-19 pandemic: Impacts on cities and major lessons for urban planning, design, and management. *Science of the Total Environment*, 2020, vol. 749, pp. 142391.
19. Buffel T., eds. Locked down by inequality: Older people and the COVID-19 pandemic. *Urban Studies*, 2021, p. 00420980211041018.
20. MacIntyre C. R., eds. Mask use, risk-mitigation behaviours and pandemic fatigue during the COVID-19 pandemic in five cities in Australia, the UK and USA: A cross-sectional survey. *International Journal of Infectious Diseases*, 2021, vol. 106, pp. 199–207.

Информация об авторе / Information about the Author

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: Kgalkin1989@mail.ru,
Researcher ID:2316964,
ORCID: 0000-0002-6403-6083

Konstantin A. Galkin, Cand. of Sci. (Sociology), Senior Researcher of the Sociological Institute, Russian Academy of Sciences – branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: Kgalkin1989@mail.ru
Researcher ID:2316964,
ORCID: 0000-0002-6403-6083

Влияние религиозного мировоззрения на формирование системы образования

О. А. Ветрова¹ ✉, О. О. Нишнианидзе¹, В. А. Афанасьева¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Образование в современном мире становится одной из сфер общественной жизни, где имеет проявление межрелигиозный православно-мусульманский диалог, способствующий интеграции социума. Различия и сходства в системах мусульманского и православного образования на всех его ступенях, начиная от дошкольного, и их отношения к науке позволяют оценить возможности такой интеграции.

Цель – провести сравнительный анализ особенностей мусульманского и православного образования в России.

Задачи: описать существующие взгляды православия и ислама на образование и науку в целом; рассмотреть светское и религиозное образование с точек зрения православного и мусульманского мировоззрения; оценить степень внедрения религиозного компонента в системы православного и мусульманского образования; определить сходства и различия мусульманского и православного образования на территории Российской Федерации.

Методология. Исследование проводилось на основе системного подхода в рамках структурного функционализма с применением универсальных научных методов, таких как анализ, сравнение, обобщение.

Результаты. В ходе изучения православной и мусульманской систем образования был проведен сравнительный анализ различных ступеней образовательного процесса, их религиозных особенностей и степени внедрения в образование религиозного компонента.

Выводы. В работе были определены существенные сходства мусульманского и православного религиозного мировоззрения относительно образования, выражающиеся в признании обоими религиями общепризнанных ценностей любви к природе, государству и другим людям. При этом в отношении науки между этими концепциями наблюдаются различия: православие, несмотря на свое уважительное отношение, видит в науке потенциальную опасность для человека; мусульманство же относится к науке как к высшему благу.

Ключевые слова: религия; православие; ислам; светское образование; наука; религиозное образование.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О., Афанасьева В. А. Влияние религиозного мировоззрения на формирование системы образования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 244–253. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-244-253>.

Поступила в редакцию 17.02.2023

Принята к публикации 14.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О., Афанасьева В. А., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 244–253

The Influence of Religious Worldview on the Formation of the Education System

Oksana A. Vetrova¹ ✉, Ol'ga O. Nishnianidze¹, Valeriya A. Afanas'eva¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Abstract

Relevance. Education in the modern world is becoming one of the spheres of public life where interreligious Orthodox-Muslim dialogue is manifested, contributing to the integration of society. The differences and similarities in the systems of Muslim and Orthodox education at all its stages, starting from preschool, and their relationship to science allow us to assess the possibilities of such integration.

The purpose is to conduct a comparative analysis of the features of Muslim and Orthodox education in Russia.

Objectives: to describe the existing views of Orthodoxy and Islam on education and science in general; to consider secular and religious education from the point of view of the Orthodox and Muslim worldview; to assess the degree of implementation of the religious component in the systems of Orthodox and Muslim education; to determine the similarities and differences of Muslim and Orthodox education in the territory of the Russian Federation.

Methodology. The study was conducted on the basis of a systematic approach within the framework of structural functionalism using universal scientific methods such as analysis, comparison, generalization.

Results. In the course of studying the Orthodox and Muslim education systems, a comparative analysis of various stages of the educational process, their religious characteristics and the degree of introduction of the religious component into education was carried out.

Conclusions. The paper identified significant similarities between the Muslim and Orthodox religious worldviews regarding education, expressed in the recognition by both religions of the universally recognized values of love for nature, the state and other people. At the same time, in relation to science, there are differences between these concepts: Orthodoxy, despite its respectful attitude, sees science as a potential danger to humans; Islam treats science as the highest good.

Keywords: religion; Orthodoxy; Islam; secular education; science; religious education.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Vetrova O. A., Nishnianidze O. O., Afanas'eva V. A. The Influence of Religious Worldview on the Formation of the Education System. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 244–253. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-244-253>.

Received 17.02.2023

Accepted 14.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Сегодня в России одними из ведущих конфессий являются православие и ислам. Это приводит к постановке вопроса о взаимодействии представителей данных религий в социальной сфере жизни общества. В связи с этим актуализируется также вопрос различий между конфессиями и, следовательно, последствий этих различий.

Отношения между православными и мусульманами длительное время носили нестабильный характер, но в последние

десятилетия наблюдается положительная динамика сближения их культур и, соответственно, религий [1]. История показывает, что с VII в. различия между православным христианством и мусульманством приводили к войнам, однако с середины XIV в. взаимоотношения между этими конфессиями трансформировались в сосуществование без какого-либо взаимодействия, а позднее приобрели форму диалога. Иными словами, за прошедшие исторические периоды отношения между православием и исламом переживали из-

менения в лучшую сторону. Для нашего исследования особый интерес представляет взаимодействие двух конфессий на территории Российской Федерации в рамках системы образования и науки [2].

Материалы и методы

Методологическую основу статьи представляют: метод абстрагирования, используемый для выделения конкретного аспекта образования, а именно религиозного; сравнительный метод для сопоставления систем мусульманского и православного образования; компаративистский метод, применяемый для сравнения мусульманской и православной культур с целью выявления различий в их мировоззренческих установках относительно образования.

Теоретико-методологическую основу статьи составили концепция Русской православной церкви и Социальная доктрина российских мусульман, а также труды отечественных социологов и философов, изучающих проблемы интеграции образования и религии и религиозного образования.

Результаты и их обсуждение

Сегодня школа выступает в роли посредника, транслирующего традиционные идеалы и ценности современным поколениям, что способствует установлению контакта между религией и системой светского образования. Наиболее важная задача системы среднего светского образования (важнее преподавания) – привить человеку любовь к людям, к родине, к родной культуре, привить патриотизм и высокие нравственные идеалы.

Отношение православия и мусульманства к науке и образованию в целом

В православной многовековой традиции к светскому образованию всегда относились с почтением; с точки зрения этой традиции все светское образование желательно, но вовсе не обязательно основывать на религии на православных

моральных идеалах. На сегодняшнем этапе Православная церковь стремится к тому, чтобы построить благоразумные отношения со школой светского образования, используя в качестве основы признание свободы человека и, как следствие, считая недопустимой намеренную пропаганду антирелигиозных идей среди учеников. Эти положения исходят из необходимости предотвратить ситуацию, повторяющуюся в ряде стран в прошлом веке, когда светское образование становилось средством для атеистического воспитания молодежи; и сегодня Церковь призывает бороться с контролем атеизма над светским образованием; она также считает важным включение изучения основ православной культуры в школьную программу (с согласия самих учеников и их родителей) и в учебные планы вузов. Православная церковь призывает государство к диалогу, который должен поспособствовать реализации права православных семей на получение детьми соответствующего религиозного образования и создает для этого специализированные образовательные православные учреждения образования, в перспективе рассчитывая на поддержку государства [3].

Обратимся к православным воззрениям относительно науки. Православие отказалось от язычества и мифологизации природных сил, что привело к формированию терпимого отношения к развивающемуся в Европе естествознанию. Естественные и гуманитарные науки впоследствии стали важным элементом культуры. Несмотря на то, что наука может способствовать познанию человеком Бога, Православная церковь призывает осмотрительно относиться к научным достижениям и отказаться от принятия их только в качестве средства повышения качества «земной» жизни; более того, наука, по мнению православной церкви, не следует воспринимать в отрыве от моральных принципов и ценностей. Естественные науки, такие как, например, микробиология, химия и др., имеют и от-

рицательную, и положительную сторону, т. е. могут принести человечеству не только благо, но и вред, вплоть до смерти. Это становится причиной, по которой христианские нормы и ценности способствуют такому воспитанию личности, при котором человек, имеющий профессиональные знания и навыки, будет использовать их исключительно во благо науке и человечеству, поэтому Православная церковь и светская наука должны сотрудничать, чтобы сохранить в последней нравственную составляющую, которая позволит сохранить человечество. Такое взаимодействие должно создавать здоровый климат в научном сообществе, что позволит ученым проводить исследования с учетом моральных принципов и без вреда для человека.

В рамках настоящего исследования также необходимо рассмотреть влияние исламского мировоззрения на науку и образование. Начавшаяся во второй половине 1980-х гг. демократизация общественной жизни, следствием которой явилось принятие в 1990 г. нового законодательства о свободе совести и вероисповеданий, дала возможность исламу попытаться восстановить ту роль, которую он играл в социумах до повсеместного внедрения атеизма. Одним из самых главных признаков возрождения ислама в России стало возрождение доступного исламского образования [4].

В современных условиях снижения внимания к мусульманскому образованию в России с учетом свободы вероисповедания политика мусульман в сфере образования нацелена на воспитание кадров религиозной деятельности, которые смогут эффективно преподавать и возрождать мусульманское образование и науку в современном российском обществе [5]. «Современное исламское образование в России представляет собой непрерывную стройную систему и реализуется посредством образовательных учреждений и организаций при духовных управлениях мусульман страны. В их

числе – российские высшие и средние профессиональные учреждения и дополнительные, вечерние и воскресные школы» [6, с. 20].

Касаемо науки, исламская традиция изначально уважает знания и научную мысль, так как Аллах, согласно мусульманским воззрениям, поднимает на высокие «ступени» общества тех, в чьем разуме соединяются вера и знания, т. е. и религии, и науке отводится особая роль: религия делает людей благочестивыми, а знания поднимают их на ту самую «высокую ступень». В XX в. в российском обществе наблюдалось отчуждение мусульманского образования и науки, что произошло в результате репрессий религиозных деятелей. «Возрождение исламской системы образования после длительного перерыва начинается с конца 80-х гг. XX в. И уже в практике современного российского образования преподавателями накоплен первый опыт использования педагогического потенциала ислама в учебных и воспитательных целях» [7, с. 32]. «Достаточно отметить, что один из знаменитых мыслителей мусульманского средневековья Абу Хамид аль-Газали (XI в.) считал, что государство и общество нуждаются в развитии науки и техники. Он высоко ценил значение математики, логики, физики, медицины и утверждал, что человечество без этих наук не обойдется. Однако аль-Газали считал, что мировоззренческие аспекты науки и научно-технического развития должны находиться под контролем религии. Аль-Газали подверг резкой критике тех "невежественных друзей ислама", которые решили, что религии можно помочь путем отрицания всякой науки» [8, с. 83]. Очевидным становится глубоко уважительное отношение мусульманства к науке.

Внедрение религиозного компонента на разных ступенях образования

В современном российском обществе религиозное образование становится си-

ственным. Благодаря сотрудничеству Православной церкви и преподавателей создана система религиозного образования, предполагающая обучение от дошкольных образовательных учреждений до высших учебных заведений. Православная вера оказывает поддержку в вопросе нравственного воспитания подрастающего поколения.

Религиозное образование в системе дошкольного воспитания подрастающего поколения в современном обществе становится отдельной отраслью. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [9] предусматривает ряд статей, которые позволяют вести в дошкольных учреждениях работу по духовно-нравственному воспитанию детей.

«С 1 сентября 2012 г. Основы религиозных культур и светской этики вошли в систему российского школьного образования в качестве обязательного предмета, основанного на неконфессиональной модели российского образования» [10, с. 48]. Из этого следует, что российского образование организовывается и контролируется государством, которое несет ответственность за программу, цели и общие указания российского образования. В феврале 2017 г. Предстоятель Русской православной церкви отметил, что для борьбы с терроризмом и экстремизмом необходимо продвигать религиозные начала в массы, поэтому первостепенной задачей Православной церкви в сфере образования является устранение религиозного невежества. Чтобы решить эту задачу, целесообразно введение Основ религиозных культур и светской этики в систему школьного образования. Эта дисциплина, во-первых, поможет сформировать представление о экстремизме и терроризме как об отрицательных явлениях общественной жизни, во-вторых, позволит развить у обучающихся чувство патриотизма и положительные нравственные качества, в т. ч. уважение к людям любой национальности и религии [11, с. 20].

При этом необходимо иметь в виду, что в государственных школах обучение основам православной культуры осуществляется исключительно на добровольной основе, как факультатив. Такое обучение не подразумевает пропаганду вступления в какие бы то ни было религиозные организации, не привлекает к участию в ритуалах религии, а нацелено на развитие у обучающихся чувства патриотизма, уважения и любви к окружающим, представлений о культуре общества, в котором они проживают. Федеральным законом сегодня предусмотрена возможность в рамках федерального государственного образовательного стандарта вводить в учебные планы дисциплину, дающую обучающимся знания о нравственности, о культуре России и народах, в ней проживающих, о морали и этике [12]. В рамках законодательства возможно также включение более глубокого изучения религии в школьную программу, что требует тесного сотрудничества школы с епархией. На сегодняшний день в Основы религиозных культур и светской этики есть возможность выбрать один из 6 модулей, среди которых основы светской этики, основы православной культуры, основы мировых религий, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, при этом чаще всего учащиеся выбирают основы светской этики (42%). В рамках нашего исследования особую важность приобретают следующие статистические данные: по данным Минпросвещения, основы православной культуры выбрали 34% обучающихся, а основы исламской культуры – 5% обучающихся [13].

Законодательство Российской Федерации позволяет религиозным организациям создавать и духовные (религиозные) образовательные организации, и светские организации различных уровней образования: от детского сада до вуза. Стоит отметить, что такие образовательные учреждения, согласно ряду федеральных зако-

нов, будут частными, что требует определенного уровня благосостояния и финансового благополучия семьи [14]. Здесь следует сказать о специализированных православных школах, которые распространены повсеместно на территории Российской Федерации. Согласно реестру Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской православной церкви, на сегодняшний день насчитывается порядка 140 православных школ [15, с. 55]. Такие школы иначе называют воскресными, и они предполагают совмещение светского и религиозного образования через обучение в будние дни в общеобразовательном учреждении среднего образования, в выходные – в воскресной школе [16]. В воскресных школах учащиеся разучивают христианские песни, отрывки из библии, учат церковнославянский язык, историю церкви, изучают иконопись [17]. Относительно общего образования в православных учебных заведениях остается сказать о подчинении таких школ правилам и нормативным актам неконфессиональных частных и муниципальных учебных заведений в рамках подбора педагогического состава, а также образовательных дисциплин.

В современной российской системе исламского школьного образования произошли изменения в употреблении таких названий, как медресе или мактаб. На Кавказе, в Татарстане и Башкортостане «мактаб» – светская школа, которая включает в себя все одиннадцать классов, а словом «медресе» называют организованные при мечети религиозные воскресные школы [18]. Намазы являются частью учебного дня в исламской школе. Преподаватели-женщины, а также ученицы обязательно носят хиджабы. Столовые исламских учебных заведений обеспечивают учащихся питанием халяль. По окончании духовной мусульманской школы выпускники получают диплом о получении религиозного образования и государственный аттестат. Продолжить свое обучение они могут в среднеспеци-

альных исламских учебных заведениях или в вузах, высших учебных заведениях [19].

Рассмотрим практику внедрения религиозного компонента на ступени высшего образования.

«В настоящее время религиозное образование можно получить не только в духовных образовательных организациях, но и в системе государственного образования, так как сегодня множество высших учебных заведений имеют кафедры религиоведения, где происходит обучение по религиозным специальностям» [20, с. 4]. Особое значение получило признание Президиумом Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации 25 сентября 2015 г. теологии научной специальностью, что подразумевает возможность защищать диссертации по данной специальности. В рамках православного вузовского образования на сегодняшний день существует большое число учреждений высшего образования, реализующих подготовку по специальностям 47.03.03 «Религиоведение» и 48.03.01 «Теология». Среди таких организаций – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Русская христианская гуманитарная академия и ряд других.

В России существующие исламские высшие учебные заведения активно сотрудничают с так называемыми вузами-партнерами, помогающими им в реализации исламских программ и методик обучения, с тем, чтобы содействовать синтезу классического религиозного и академического образования, что соответствует потребностям современного общества [21]. В вузах-партнерах учатся и повышают квалификацию студенты, магистранты и аспиранты, будущие специалисты по исламской культуре, науке и образованию, которые должны стать новой профессиональной мусульманской эли-

той. «Таких специалистов в России стали готовить светские вузы, в частности Пятигорский лингвистический университет, Московский государственный лингвистический университет, Казанский федеральный университет, а также исламские религиозные высшие учебные заведения: Российский исламский институт в Уфе, Московский исламский университет, Северо-Кавказский исламский университет» [22, с. 16-17]. В настоящее время в России насчитывается уже более 80 мусульманских религиозных учебных заведений. В то же время существует множество профильных православных вузов, подготавливающих специалистов с высшим религиозным образованием: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российский православный университет и др., в том числе более 50 духовных семинарий, среди которых Белгородская духовная семинария, Витебская духовная семинария, Владимирская духовная семинария и др.

Выводы

Таким образом, в Российской Федерации сохраняется тенденция на внедрение и православного, и мусульманского религиозного аспекта на всех уровнях образования, а также на создание религиозных образовательных организаций на всех уровнях подготовки, начиная с дошкольной.

В вопросе образования концепция Русской православной церкви и концепция Мусульманской церкви схожи: обе они направлены на формирование и воспитание у личности патриотизма, любви к ближнему, понимания ценности любой жизни, умения жить в мире и понимать его и многим другим моральным и этическим ценностям. При этом обе концепции,

хотя и принимают полностью светское образование, считают, что только с внесением в образование религиозного аспекта оно будет считаться полноценным и достаточным для воспитания личности.

Относительно вопроса науки между двумя изучаемыми концепциями существуют некоторые расхождения. С точки зрения ислама, наука есть одно из высших благ; она способна поднять человека на высокое место в обществе. Науку нельзя отрицать, она должна идти рука об руку с религией, чтобы познать ее ценность и ценность человеческой жизни. Русская православная церковь тоже уважительно относится к науке и видит свою огромную заслугу в ее возникновении и становлении, а также отмечает, что с помощью науки можно познать Бога. Однако она также считает, что быстрое развитие науки ведет к возникновению множества глобальных проблем, а также к возникновению рисков потери нравственного аспекта науки. В концепции Русской православной церкви также рассмотрен двойственный характер науки: с одной стороны, она несет великое благо человечеству, но с другой – способна принести огромное зло.

Таким образом, несмотря на приведенные в статье различия в образовании и культуре с точки зрения православной и мусульманской церквей, обе религии гуманистичны и совместимы с общероссийской социокультурной идентичностью. На сегодняшний день возможен конструктивный диалог и плодотворное сотрудничество между православной и мусульманской религиями, целью которого будет распространение гуманизма среди граждан Российской Федерации путем применения традиционных аспектов старых религий к новым реалиям.

Список литературы

1. Кулакова Б. Э. Межрелигиозный диалог христианской и мусульманской культур // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 74–84.

2. Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О., Алексеенко А. И. Перспективы и направления построения единого образовательного пространства Союзного государства Россия – Беларусь // Проблемы интеграции образовательных систем России и Беларуси в гуманитарном хронотопе постсоветского пространства: сборник научных статей, Курск, 01 октября 2015 года. Курск: Университетская книга, 2015. С. 38–47.
3. Мирошникова Е. М. Религиозное образование в современной России: проблема дефиниции и тенденции развития // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2018. № 24 (273). С. 95–102.
4. Хазиев В. С. История, философия, антропология и педагогика исламского образования новой России. Уфа: Изд-во Башкирского государственного педагогического университета, 2015. С. 274.
5. Калимуллин Р. Х. Модернизация трёхуровневой системы исламского образования // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2, ч. 5. С. 1051–1056.
6. Зазий Д. А. Мусульманское образование в современной России // *Вестник науки*. 2020. № 11 (32). С. 18–26.
7. Хабибуллина Г. Ю. Педагогическая система образования в исламе // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2016. № 3(42). С. 31–35.
8. Керимов Гасым Мамед Оглы. Ислам и наука // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2006. № 1-2. С. 83–93.
9. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.01.2023).
10. Блинкова А. О. Религиозное образование в Российской школе и его «скрытый учебный план» // *Символ науки*. 2018. № 3. С. 48–51.
11. Алфеев Г. В. Теология и преподавание религии в школе // *Церковь и время*. 2018. № 1(82). С. 19–28.
12. Организация религиозного образования и катехизации в епархии. Правовая регламентация религиозно-образовательной деятельности // *Православное образование*. URL: <https://pravobraz.ru/organizaciya-religioznogo-obrazovaniya-i-katexizacii-v-eparxii-pravovaya-reglamentaciya-religiozno-obrazovatelnoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 12.01.2023).
13. Российские школьники чаще выбирают изучение этики, чем основ православия // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6659493> (дата обращения: 12.01.2023).
14. Ветрова О. А., Красильникова Т. Д. Экономический аспект образа благополучия Курской области: сравнительный анализ статистических показателей регионов Черноземья // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. № 2. С. 232–244.
15. Крат А. В. Историко-педагогические предпосылки, условия и факторы открытия православных общеобразовательных школ в новейшей истории России // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2022. № 64. С. 52–64.
16. Дворниченко А. С. Воскресные школы: история и современность // *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 1 (86). С. 9–11.
17. Ветрова О. А., Ветров Р. В., Ельников Г. А. Роль культуры и искусства в процессе формирования менталитета // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2012. № 3-2(42). С. 214–219.
18. Дзюба А. В. Примечетские школы (мактабы) и медресе дореволюционном Дагестане // *Духовное наследие мусульманских богословов в контексте проблем XXI века: материалы II Международной научно-образовательной конференции, Махачкала, 24–28 ноября 2020 года*. Махачкала: АЛЕФ, 2021. С. 106–110.
19. Плеханова Е. А. Будущее исламского образования в России: профессионально-личностные аспекты // *Высшее образование сегодня*. 2019. № 2. С. 51–58.
20. Калимуллин Р. Х. Исламское образование в духовных образовательных организациях. Уфа: Изд-во Башкирского государственного педагогического университета, 2018. 301 с.
21. Шапошникова Т. Д., Зианшина Р. И. Интеграция исламского образования в систему светского отечественного образования // *Педагогический журнал Башкортостана*. 2020. № 3 (88). С. 22–37.

22. Дмитриева Е. Л. Исламское образование в России: история и современность // Россия и мусульманский мир. 2018. № 4(310). С. 12–17.

References

1. Kulakova B. E. Mezhreligiozniy dialog khristianskoi i musul'manskoi kul'tur [Interreligious dialogue of Christian and Muslim cultures]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*, 2019, no. 1, pp. 74–84.
2. Vetrova O. A., Nishnianidze O. O., Alekseenko A. I. [Prospects and directions of building a unified educational space of the Union State of Russia – Belarus]. *Problemy integracii obrazovatel'nyh sistem Rossii i Belarusi v gumanitarnom hronotope postsovetskogo prostranstva. Sbornik nauchnyh statej, Kursk, 01 oktyabrya 2015 goda* [Problems of integration of educational systems of Russia and Belarus in the humanitarian chronotope of the post-Soviet space. Collection of scientific articles, Kursk, October 01, 2015]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2015, pp. 38–47. (In Russ.)
3. Mirosnikova E. M. Religioznoe obrazovanie v sovremennoi Rossii: problema definitsii i tendentsii razvitiya [Religious education in modern Russia: the problem of de-finition and development trends]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right*, 2018, no. 24 (273), pp. 95–102.
4. Khaziev V. S. Istoriya, filosofiya, antropologiya i pedagogika islamskogo obrazovaniya novoi Rossii [History, philosophy, anthropology and pedagogy of Islamic education in new Russia]. Ufa, Publishing House of Bashkir State Pedagogical University, 2015, p. 274.
5. Kalimullin R. K. Modernizatsiya trekhurovnevoi sistemy islamskogo obrazovaniya [Modernization of the three-level system of Islamic education]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2015, no. 2, pp. 1051–1056.
6. Zazii D. A. Musul'manskoe obrazovanie v sovremennoi Rossii [Muslim education in modern Russia]. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*, 2020, no. 11 (32), pp. 18–26.
7. Khabibullina G. U. Pedagogicheskaya sistema obrazovaniya v islame [Pedagogical system of education in Islam]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 4: Pedagogy. Psychology*, 2016, no. 3(42), pp. 31–35.
8. Kerimov Gasym Mamed Ogly Islam i nauka [Islam and Science]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 2006, no. 1-2, pp. 83–93.
9. Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii [On Education in the Russian Federation]. Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. (accessed 12.01.2023)
10. Blinkova A. O. Religioznoe obrazovanie v Rossiiskoi shkole i ego "skrytyi uchebnyi plan" [Religious education in the Russian school and its "hidden curriculum"]. *Simvol nauki = Symbol of Science*, 2018, no. 3, pp. 48–51.
11. Alfeev G. V. Teologiya i prepodavanie religii v shkole [Theology and teaching religion at school]. *Tserkov' i vremya = Church and Time*, 2018, no. 1(82), pp. 19–28.
12. Organizatsiya religioznogo obrazovaniya i katekhizatsii v eparkhii. Pravovaya reglamentatsiya religiozno-obrazovatel'noi deyatel'nosti [Organization of religious education and catechesis in the diocese. Legal regulation of religious and educational activities]. Pravoslavnoe obrazovanie [Orthodox education]. Available at: <https://pravobraz.ru/organizaciya-religioznogo-obrazovaniya-i-katekhizatsii-v-eparxii-pravovaya-reglamentatsiya-religiozno-obrazovatel'noj-deyatelnosti/>. (accessed 12.01.2023)
13. Rossiiskie shkol'niki chashche vybirayut izuchenie ehtiki, chem osnov pravoslaviya [Russian schoolchildren more often choose to study ethics than the basics of Orthodoxy]. TASS [TASS]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/6659493>. (accessed 12.01.2023)
14. Vetrova O. A., Krasil'nikova T. D. Ekonomicheskij aspekt obraza blagopoluchiya Kurskoj oblasti: sravnitel'nyj analiz statisticheskikh pokazatelej regionov Chernozem'ya [The economic aspect of the image of well-being of the Kursk region: a comparative analysis of statistical indicators of the Chernozem regions]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, no. 2, pp. 232–244.

15. Krat A. V. Istoriko-pedagogicheskie predposylki, usloviya i faktory otkrytiya pravoslavnykh obshcheobrazovatel'nykh shkol v noveishei istorii Rossii [Historical and pedagogical prerequisites, conditions and factors of the opening of Orthodox secondary schools in the modern history of Russia]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya* = *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 4: Pedagogy. Psychology*, 2022, no. 64, pp. 52–64.
16. Dvornichenko A. S. Voskresnye shkoly: istoriya i sovremennost' [Sunday schools: history and modernity]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = *World of Science, Culture, Education*, 2021, no. 1 (86), pp. 9–11.
17. Vetrova O. A., Vetrov R. V., El'nikova G. A. Rol' kul'tury i iskusstva v processe formirovaniya mentaliteta [The role of culture and art in the formation of mentality]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* = *Proceedings of the Southwest State University*, 2012, no. 3-2(42), pp. 214–219.
18. Dzyuba A. V. [The Tibetan schools (maktabs) and madrassas in pre-revolutionary Dagestan]. *Dukhovnoe nasledie musul'manskikh bogoslovov v kontekste problem XXI veka. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-obrazovatel'noi konferentsii, Makhachkala, 24–28 noyabrya 2020 goda* [The spiritual heritage of Muslim theologians in the context of the problems of the XXI century. Materials of the II International Scientific and Educational Conference, Makhachkala, November 24–28, 2020]. Makhachkala, ALEPH Publ., 2021, pp. 106–110. (In Russ.)
19. Plekhanova E. A. Budushchee islamskogo obrazovaniya v Rossii: professional'no-lichnostnye aspekty [The future of Islamic education in Russia: professional and personal aspects]. *Vysshee obrazovanie segodnya* = *Higher Education Today*, 2019, no. 2, pp. 51–58.
20. Kalimullin R. Kh. Islamskoe obrazovanie v dukhovnykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh [Islamic education in spiritual educational organizations]. Ufa, Publishing House of Bashkir State Pedagogical University, 2018. 301 p.
21. Shaposhnikova T. D., Zianshina R. I. Integratsiya islamskogo obrazovaniya v sistemu svetskogo otechestvennogo obrazovaniya [Integration of Islamic education into the system of secular domestic education]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana* = *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2020, no. 3 (88), pp. 22–37.
22. Dmitrieva E. L. Islamskoe obrazovanie v Rossii: istoriya i sovremennost' [Islamic education in Russia: history and modernity]. *Rossiya i musul'manskii mir* = *Russia and the Muslim World*, 2018, no. 4(310), pp. 12–17.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ветрова Оксана Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Oksana A. Vetrova, Cand. of Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Нишнианидзе Ольга Олеговна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olgan73@yandex.ru

Ol'ga O. Nishnianidze, Cand. of Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olgan73@yandex.ru

Афанасьева Валерия Александровна, студент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: afanasyeva.val.2002@yandex.ru

Valeriya A. Afanas'eva, Student of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: afanasyeva.val.2002@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-254-263>**Сравнительный анализ социальной концепции
Русской православной церкви и социальной
доктрины мусульманства по вопросам биоэтики****О. А. Ветрова¹ ✉, О. О. Нишнианидзе¹, Т. Д. Красильникова¹**¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Религия пронизывает все сферы человеческой жизни: политику, экономику, образование, культуру, медицину. Нет сферы влияния, где религия не оставила бы свой след. В связи с этим рассмотрение социальных доктрин различных преобладающих конфессий в социальной жизни человека является актуальной темой. Религия заботится о духовном и физическом благополучии человека, следовательно, в современных реалиях развития биомедицинских технологий нравственный аспект деятельности человека в области биоэтики вызывает дискуссии по отношению к таким манипуляциям с человеческим телом, как ЭКО, суррогатное материнство, аборт и трансплантология. Это приводит к необходимости рассмотрения данных медицинских вмешательств с точки зрения преобладающих конфессий в России.

Цель – провести сравнительный анализ социальных концепций мусульманства и православия, касающихся вопросов биоэтики.

Задачи: рассмотреть существующие подходы православия и мусульманства к биоэтике; выявить специфику доктрин мусульманства и православия в вопросах суррогатного материнства, ЭКО, абортов и трансплантологии; сравнить религиозные взгляды данных конфессий касательно биоэтики.

Методология. Исследование проводилось на основе системного подхода в рамках структурного функционализма с применением универсальных научных методов, таких как анализ, синтез и обобщение.

Результаты. В ходе изучения позиций мусульманства и православия в области биоэтики был проведен сравнительный анализ взглядов на суррогатное материнство, ЭКО, аборт и трансплантологию; выявлены сходства и различия воззрений православия и мусульманства на вопросы биоэтики.

Выводы. В ходе сравнительного анализа было выяснено, что социальная концепция Русской православной церкви и социальная доктрина мусульманства близки по своим нравственным аспектам относительно суррогатного материнства, ЭКО, абортов и трансплантологии.

Ключевые слова: православие; мусульманство; суррогатное материнство; экстракорпоральное оплодотворение; аборт; трансплантация органов.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О., Красильникова Т. Д. Сравнительный анализ социальной концепции Русской православной церкви и социальной доктрины мусульманства по вопросам биоэтики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 254–263. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-254-263>.

Поступила в редакцию 21.02.2023

Принята к публикации 15.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О., Красильникова Т. Д., 2023

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2023; 13(2): 254–263

Comparative Analysis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church and the Social Doctrine of Islam on Bioethics

Oksana A. Vetrova¹ ✉, Ol'ga O. Nishnianidze¹, Tatyana D. Krasil'nikova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Abstract

Relevance. Religion permeates all spheres of human life: politics, economics, education, culture, medicine. There is no sphere of influence where religion would not leave its mark. In this regard, the consideration of the social doctrines of various prevailing confessions in the social life of a person is an urgent topic. Religion cares about the spiritual and physical well-being of a person, therefore, in the modern realities of the development of biomedical technologies, the moral aspect of human activity in the field of bioethics causes discussions in relation to such manipulations with the human body as IVF, surrogacy, abortion and transplantation. This leads to the need to consider these medical interventions from the point of view of the prevailing confessions in Russia.

The purpose is to conduct a comparative analysis of the social concepts of Islam and Orthodoxy concerning bioethics issues.

Objectives. To examine the existing approaches of Orthodoxy and Islam to bioethics; to identify the specifics of the doctrines of Islam and Orthodoxy in matters of surrogacy, IVF, abortion and transplantation; to compare the religious views of these denominations with regard to bioethics.

Methodology. The study was conducted on the basis of a systematic approach within the framework of structural functionalism using universal scientific methods such as analysis, synthesis and generalization.

Results. In the course of studying the doctrines of Islam and Orthodoxy in the field of bioethics, a comparative analysis of views on surrogacy, IVF, abortion and transplantation was carried out; similarities and differences of views of Orthodoxy and Islam on bioethics issues were revealed.

Conclusions. The work identified similarities between Orthodox concepts and Muslim doctrines in relation to abortion, IVF, surrogacy and transplantation, differences are observed in relation to traditions.

Keywords: orthodoxy; Islam; surrogacy; in vitro fertilization; abortion; organ transplantation.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Vetrova O. A., Nishnianidze O. O., Krasil'nikova T. D. Comparative Analysis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church and the Social Doctrine of Islam on Bioethics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 254–263. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-254-263>.

Received 21.02.2023

Accepted 15.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Религия пронизывает все сферы человеческой жизни: политику, экономику, образование, культуру, медицину. Нет сферы влияния, где религия не оставила бы свой след. В связи с этим рассмотрение социальных доктрин различных преобладающих конфессий в социальной жизни человек является актуальной темой. По данным «ЛЕВАДА-ЦЕНТР», за 2022 г. в России к православию относят себя 71% респондентов, к мусульманству – 5%, а 3% – к другим, менее рас-

пространенным вероисповеданиям (католицизм, протестантизм и буддизм) [1]. Таким образом, православие и мусульманство являются наиболее часто встречающимися конфессиями на территории РФ. Православие и мусульманство имеют ряд схожих черт и различий. С одной стороны, они основаны на вере в единого Бога и воспитывают похожие моральные принципы. Однако, с другой стороны, это различие в восприятии Бога, в священных атрибутах, а самое важное – в определении места человека в мире и отно-

шения к нему со стороны религиозной общины. Проведем сравнительный анализ социальной концепции Русской православной церкви «ХП. Проблемы биоэтики» и социальной доктрины мусульманства (подробней рассмотрим вторую главу доктрины о «борьбе за физическое здоровье общества») как наиболее распространенных конфессий.

Материалы и методы

Методологическую основу статьи представляют: метод абстрагирования, используемый для выделения конкретного аспекта биомедицины, а именно религиозного; сравнительный метод для сопоставления социальных подходов православия и мусульманства по вопросам биоэтики; компаративистский метод, применяемый для сравнения мусульманской и православной культур с целью выявления различий в их мировоззренческих установках относительно аборт, ЭКО, суррогатного материнства и трансплантологии.

Теоретико-методологическую основу статьи составили концепция Русской православной церкви и Социальная доктрина российских мусульман, а также труды отечественных социологов и философов, изучающих отношение религии к биомедицине.

Результаты и их обсуждение

Религиозные взгляды на аборт

Рассмотрение категории здоровья через призму религиозного видения является актуальной темой для исследования. Здоровье играет огромную роль в жизни человека. В современных условиях жизни здоровье организма зависит от многих факторов, таких как экология, правильное питание, здоровый образ жизни и многое другое. Однако, если коррекция

зрения оперативным путем, удаление аппендикса или другие операции, направленные на повышение жизненных показателей, не вызывают общественного диссонанса, то такие процедуры, как аборт, ЭКО, суррогатное материнство и трансплантология, провоцируют многие общественные обсуждения.

Развитие в области биомедицины, технологии которой сопровождают современных людей на протяжении всей жизни, к тому же неспособность традиционной медицины дать ответ на некоторые нравственные вопросы, касающиеся биоэтики, порождают озабоченность данной темой в обществе. По мнению Православной церкви, человек не вправе вносить изменения в так называемое «Божье творение», попытки модернизации и вмешательства в традиционный, «заложенный Богом» уклад жизни может привести к общечеловеческим тяготам и страданиям, потому как это «богохульственная» попытка человека «поставить себя на место Бога».

Рассмотрим подробнее социальную концепцию Русской православной церкви и социальную доктрину мусульманства и отношение данных конфессий к аборт, суррогатному материнству, ЭКО и трансплантологии.

В России считается актуальной проблема аборт, так как тенденция к росту аборт присутствует со времен позднего СССР. Однако, рассматривая статистику Росстата [2], можно увидеть обратную тенденцию снижения количества аборт. Обосновать это можно тем, что мужчины и женщины стали более осознанно относиться к своей безопасности в области половой жизни, из чего следует снижение численности незапланированных беременностей (табл.).

Таблица. Данные по количеству аборт

Показатель	2000	2010	2017	2018	2019
Всего аборт, тысяч	138,8	186,1	79,8	61,0	21,7
Аборт на 100 родов	68,7	6,6	6,4	1,5	2,3

Есть ряд причин, которые обуславливают феномен аборт. Согласно данным исследования, проведенного на базе Северо-Кавказского горно-металлургического института под руководством кандидата социологических наук, доцента Д. Э. Пилюевой, наиболее распространенными причинами абортов являются:

- семья не может позволить себе ребенка материально – 71%;
- моральная неготовность – 61%;
- рождение ребенка станет помехой учебе или карьере – 58%;
- слишком ранний (по мнению опрошенных) возраст для материнства – 41%;
- угроза стать матерью-одиночкой – 39%;
- неготовность к кардинальным переменам в жизни – 21%;
- аборт по требованию мужа или парня – 14%;
- аборт из-за проблем со здоровьем – 12%;
- родители настаивают на аборте – 6% [3].

Исходя из данных исследования можно выделить лидирующую причину абортов – финансовую. Несмотря на тенденцию к снижению количества абортов, Россия все же занимает одно из лидирующих мест в мире по данному показателю. Запрет на аборт не в состоянии решить данную проблему, так как, во-первых, право распоряжаться своим собственным телом касается отдельно каждой женщины и никто не вправе вмешиваться в личную жизнь женщины. Во-вторых, запрет на аборт не искоренит проблему, а лишь лишит женщину безопасного аборта в медицинских условиях. Одним из возможных решений проблемы является просвещение населения в области полового воспитания, а также повышение материальной обеспеченности семей и развитие института семьи [4].

С точки зрения Русской православной церкви, намеренное прерывание бе-

ременности во всех случаях рассматривается как тяжкий грех. Следуя каноническим правилам Православной церкви, эмбрион приравнивается к полноценному человеку, а следовательно, аборт – это убийство, с точки зрения православной церкви. В основе данных взглядов лежит религиозная убежденность в том, что человек является даром Божиим, поэтому всякое посягательство на Божье творение преступно [5].

Православная церковь относится к распространению и оправданию абортов как к угрозе будущему человечеству и как к моральному упадку общества. Верность библейскому учению о святости и бесценности человеческой жизни обязывает Православную церковь рассматривать аборт как греховное действие [6]. Ко всему прочему, аборт, по мнению Православной церкви, наносит здоровью матери физический и духовный вред. Достижения современной медицины, как утверждает Православная церковь, не в силах устранить последствия аборта для женщины.

Православная церковь также считает своим долгом отстаивать права тех категорий, что самостоятельно этого сделать не могут, т. е. нерожденных детей. Православная церковь не определяет таких обстоятельств, при которых аборт был бы оправданным и негреховным действием. В любом случае женщина обязана покаяться в совершенном грехе и искупить вину путем молитв и несения епитимии. Снисхождение проявляется лишь в случаях прямой угрозы жизни матери и наличии у нее других детей, однако это не отменяет факта совершения греховного поступка. По мнению Православной церкви, и все также обязывает женщину к покаянию и искуплению [7].

Ответственность за аборт, согласно социальным концепциям православия, ложится на всех участников данного деяния. Если отец был в неведении и не давал своего согласия на аборт, это может

считаться веским поводом для расторжения брака, однако в случаях, когда отец нерожденного ребенка дал свое согласие на проведение аборта, он наряду с матерью несет ответственность за грех убийства. Ко всему прочему, грех осаждают душу и врача, проводившего процедуру аборта. В связи с этим Русская православная церковь призывает государство дать медицинским работникам право на отказ от совершения аборта. Нравственная оценка аборт, осуждаемых Православной церковью, основывается на признании за эмбрионом его человеческих прав [8].

Таким образом, Православная церковь категорически не признает право женщины на распоряжение своим телом, проявляя снисхождение лишь в случаях угрозы жизни матери. Такая строгость взглядов характерна для всякой патриархальной религии, где главной является сама идея продолжения человеческого рода, а не желания и готовность людей брать на себя ответственность в воспитании ребенка [9].

Рассмотрим аборт с точки зрения мусульманской доктрины: беременность для женщины является «подарком и милостью Всевышнего» и вместе с тем серьезным испытанием. Как и в православии, убийство детей, рожденных или еще нет, считается грехом и яростно осуждается.

В главной священной книге мусульман – Коране не описан прямой запрет на проведение аборта, однако в некоторых фрагментах мусульманского Священного писания существуют «аяты», посвященные детоубийству. В данных фрагментах под категорию «дети» попадают также нерожденные. Как и в православии, грех от проведения аборта ложится на душу медицинского сотрудника.

Согласно традициям многих мусульманских течений, человек, осуществивший аборт, обязан искупить свою вину путем выплаты компенсации опекуну ребенка. Данная «компенсация» в мусульманстве называется «искуплением за

кровь» – гуррат. Гуррат должен быть выплачен отцу в случае, если по вине женщины намеренно произошел выкидыш. В ситуации, когда супруг принудил женщину прервать беременность, гуррат необходимо выплатить братьям и сестрам нерожденного ребенка, так как вина лежит на обоих супругах. При отсутствии возможности выплаты гуррата необходимо два месяца держать пост – каффат [10, с. 270].

Таким образом, намеренное прерывание беременности категорически осуждается в обеих религиях. Что в мусульманских, что в православных социальных доктринах аборт признается грехом, ответственность за который неизменно лежит на женщине совершившей прерывание беременности. Существенным различием является отношение к медицинским сотрудникам, проводившим данную процедуру. Если в мусульманстве медицинский сотрудник и является причиной гибели плода, то он не рассматривается как совершивший убийство в полном понимании этого слова, в православии врач становится равносильно греховным с матерью. К тому же существенным различием становится выплата гуррата (искупления за кровь) в мусульманстве, в православии подобных практик не наблюдается.

Отношение к искусственному оплодотворению

В современном мире можно наблюдать тенденцию к популяризации искусственного оплодотворения – все больше бесплодных пар прибегают к данному методу зачатия [11, с. 91]. Одним из возможных вариантов преодоления трудности зачатия ребенка выступает ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение). Суть его заключается в том, что процесс оплодотворения происходит вне женского организма. Лишь потом зародыш вводится в тело матери [12].

В рамках православной религии зачатие детей является одним из следствий супружества, однако не единственной

целью бракосочетания. В современном понимании мотивами вступления в брак считается удовлетворение таких человеческих потребностей, как потребность в любви, заботе, понимании, защите, рождении и воспитании детей. Православие не отрицает вышеперечисленных целей брака, однако отличительной чертой православного брака является обоюдное желание пары совместно двигаться к Богу. Поэтому экстракорпоральное оплодотворение как «искусственное вмешательство в Божий замысел» не сочетается с идеями Православной церкви о «едином Творце жизни». Русская православная церковь предлагает бесплодным парам со смирением принять свою участь или по обоюдному согласию супругов найти выход в усыновлении или удочерении ребенка. Единственным исключением может быть процедура ЭКО, произведенная на основе биологического материала мужа, так как она не нарушает целостности супружеских отношений.

С точки зрения шариата, при соблюдении некоторых условий ЭКО не противоречит мусульманским взглядам и канонам:

1. Это должны быть семена мужа и яйцеклетка супруги.
2. Оплодотворенная клетка должна вводиться только законной жене, а не чужой женщине.

Понятие ЭКО является близким «суррогатному материнству», если быть точным, то в современном мире на правовом уровне установлено, что процедура зачатия для суррогатной матери должна проводиться только при помощи экстракорпорального оплодотворения. Однако все же следует развести данные понятия. Суррогатное материнство, т. е. вынашивание и рождение женщиной ребенка для других людей, считается противоестественным и недопустимым с моральной точки зрения методом, так как нарушает принцип духовной и эмоциональной связи матери и ребенка [13, с. 215]. С точки зрения православной церкви, суррогатное

материнство травмирует как вынашивающую женщину, материнские чувства которой попираются, так и дитя [14].

Таким образом, суррогатное материнство осуждается и в мусульманстве, и в православии. В отличие от ЭКО здесь нет допустимых случаев, где семейная пара могла бы прибегнуть к данному способу. Что касается ЭКО, то доктрины обоюдно согласны с тем, что искусственное оплодотворение должно быть осуществлено на основе биологического материала конкретной семейной пары. Иные же случаи строго осуждаются.

Пересадка человеческих органов и тканей с точки зрения православия и мусульманства

В современном мире с помощью развития биомедицинских технологий в области трансплантологии медицинские работники спасают от смерти и инвалидности многих больных посредством пересадки здоровых органов и тканей нуждающимся пациентам. Вместе с тем развитие данной области медицины, увеличивая потребность в необходимых органах, порождает определенные нравственные проблемы и может представлять опасность для общества, так как коммерциализация трансплантологии может привести к торговле человеческими частями тела [1, с. 181]. На основе этого Православная церковь считает недопустимым рассмотрение человеческих органов как предмета купли и продажи [15].

«В 2021 г. в регионах РФ наблюдалось восстановление донорской активности и объемов трансплантационной помощи населению после снижения в 2020 г. на фоне эпидемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 [16]. Кроме того, были открыты 7 новых трансплантационных программ. В 2022 г. в РФ ожидается дальнейшее развитие региональных программ донорства и трансплантации органов, повышение их эффективности, увеличение активности центров трансплантации и развитие меж-

регионального взаимодействия [17, с. 95]».

С точки зрения человеческой жизни, пересадка органов имеет огромное значение, поскольку не существует какой-либо альтернативы этому методу [18]. Если бы такая альтернатива существовала, то не было бы никакой необходимости в пересадке органов [19]. Так как пересадка органов является сравнительно новым и уникальным в своем роде методом, то некоторые из алимов негативно относятся к этому, однако современные исламские организации и институты считают пересадку органов дозволенной при соблюдении определенных условий [11; 20]. «Например, комиссия по фетвам при университете аль-Азхар, академия фикха при организации “Исламская конференция”, министерство по делам религии Кувейта вынесли по этому поводу фетвы, в которых говорится: “Трансплантация органов разрешена как от живого человека, так и от мертвого”» [12, с. 576].

Выводы

Таким образом, при сравнительном анализе социальной доктрины мусульманства и социальной концепции православия выяснилось, что относительно биоэтики данные две конфессии близки по своим взглядам. Такие медицинские вмешательства, как трансплантология, ЭКО, суррогатное материнство и аборт,

порицаются данными религиями практически в равной степени. Однако аборт является наиболее острой и проблемной темой среди представленных в мусульманстве и православии и подвержен значительному порицанию со стороны религий. Что в мусульманских, что в православных социальных доктринах аборт признается грехом, ответственность за который неизменно лежит на женщине, совершившей прерывание беременности. Отношение к мужчинам основывается на их причастности к совершенному действию: если мужчина дал осознанное согласие, принудил женщину к прерыванию беременности или убедил ее в необходимости проведения аборта, то он в равной степени считается ответственным за данный грех.

Суррогатное материнство осуждается и в мусульманстве, и в православии. В отличие от ЭКО здесь нет допустимых случаев, где семейная пара могла бы прибегнуть к данному способу. Что касается ЭКО, то доктрины обоюдно согласны с тем, что искусственное оплодотворение должно быть осуществлено на основе биологического материала конкретной семейной пары. Иные же случаи строго осуждаются. В вопросах трансплантологии мусульманство и Православная церковь наиболее «лояльны», так как это относится непосредственно к здоровью и жизни человека.

Список литературы

1. Андрианов А. В. Законодательство и религии Российской Федерации (Русская православная церковь, иудаизм, ислам и буддизм) по этическим вопросам трансплантологии // Ипатьевский вестник. 2019. № 3. С. 173–211.
2. Основы социальной концепции русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 17.01.2023).
3. Хугаева Р. Э., Пилюева Д. Э. Аборт и его основные причины // Дневник науки. 2018. № 7(19). С. 6.
4. Статистика абортот России по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/statistika-abortov-v-rossii-po-dannym-rosstat/> (дата обращения: 14.01.2023).
5. Брынза Н. С., Сульдин А. М., Торопов Е. Е. Медико-социальные аспекты контрацепции и их взаимосвязь с преждевременным прерыванием беременности // Медицинская наука и образование Урала. 2020. № 21. С. 87–94.

6. Афанасьева В. А., Нишнианидзе О. О. Медико-демографические показатели как критерии благополучия региона // Известия Юго-Западного государственного университета. 2022. № 12(2). С. 245–256.
7. Белоцерковцева Л. Д., Шахламова М. Н. Медико-социальные аспекты искусственного прерывания беременности // Вопросы гинекологии акушерства и перинатологии. 2003. Т. 2, № 4. С. 84–86.
8. Майленова Ф. Г. Технологии ВРТ и трансформация традиционных ценностей. Моральные и психологические риски // Биоэтика и экзистенциальные риски современного мира: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции и XVII ежегодной конференции Международного общества по клинической биоэтике. Казань, 2020. С. 25.
9. Социальная доктрина российских мусульман. М.: Алтын мирас, 2017. 96 с.
10. Болховитинова С. Л. Этические проблемы новых репродуктивных технологий // Биоэтика сегодня. 2018. № 1. С. 267–281.
11. Синелина Ю. Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентации // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 89–95.
12. Киященко Л. П., Брофман С. А., Майленова Ф. Г. StatusPraesens: проблема духовного, религиозного и этического в биомедицинских технологиях помощи пациентам с бесплодием // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2018. № 4. С. 145–156.
13. Мухамедова З. М. Исследование ключевых проблем биоэтики в исламе: современность // TSDI & TMA. International Conference. Tashkent: Tashkent State Dental Institute, 2022. P. 114–119.
14. Суворов В., Фахрудинова Э. Отношение к суррогатному материнству в мусульманском мире ближнего востока и россии: обзор позиций и мнений // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40. С. 242–254.
15. Ветрова О. А. Проблемы трансформации ментальных характеристик русского народа в условиях модернизации России // Проблемы интеграции образовательных систем России и Беларуси в гуманитарном хронотопе постсоветского пространства: сборник научных статей. Курск: Университетская книга, 2015. С. 38–47.
16. Гашина Н. Н., Зайцева О. В. Трансплантации органов и тканей человека: понятие и сущность содержания // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 47–54.
17. Танирбергенов С. Т. Ислам и трансплантация органов // Денсаулык сактауды дамыту журналы. 2020. № 64. С. 93–99.
18. Белкина В. А., Ветрова О. А. Межэтнические отношения в приграничном регионе: социологический анализ // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты. 2016. № 6. С. 220–222.
19. Попова О. В. Этические проблемы коммодификации биоматериалов в развитии геномики и геномной медицины // Биоэтика и экзистенциальные риски современного мира. 2020. С. 24.
20. Силуянова И. В., Алехина Е. В. Христианский смысл жизни как мировоззренческая основа решения этических проблем современных биомедицинских технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 40–52.
21. Новикова Р. Г. Ислам и генетика: вопросы религии, этики и права // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. № 4. С. 565–585.

References

1. Andrianov A. V. Zakonodatel'stvo i religii Rossiiskoi Federatsii (Russkaya pravoslavnaya tserkov', iudaizm, islam i buddizm) po eticheskim voprosam transplantologii [Legislation and religions of the Russian Federation (Russian Orthodox Church, Judaism, Islam and Buddhism) on ethical issues of transplantology]. *Ipat'evskii vestnik = Ipatievsky Bulletin*, 2019, no. 3, pp. 173–211.
2. Osnovy sotsial'noi kontseptsii russkoi pravoslavnoi tserkvi [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. (accessed 17.01.2023)
3. Hugaeva R. E., Pilieva D. E. Abort i ego osnovnye prichiny [Abortion and its main causes]. *Dnevnik nauki = Diary of Science*, 2018, no. 7(19), p. 6.

4. Statistika abortov Rossii po dannym Rosstat [Statistics of abortions in Russia according to Rosstat]. Available at: <https://rosinfostat.ru/statistika-abortov-v-rossii-po-dannym-rosstat/>. (accessed 14.01.2023)
5. Brynza N. S., Suldin A. M., Toropov E. E. Mediko-sotsial'nye aspekty kontratseptsii i ikh vzaimosvyaz' s prezhddevremennym preryvaniem beremennosti [Medical and social aspects of contraception and their relationship with premature termination of pregnancy]. *Meditsinskaya nauka i obrazovanie Urala = Medical Science and Education of the Urals*, 2020, no. 21, pp. 87–94.
6. Afanasyeva V. A., Nishnianidze O. O. Mediko-demograficheskie pokazateli kak kriterii blagopooluchiya regiona [Medico-demographic indicators as criteria for the well-being of the region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2022, no. 12(2), pp. 245–256.
7. Belotserkovtseva L. D., Shakhlamova M. N. Mediko-sotsial'nye aspektyiskusstvennogo preryvaniya beremennosti [Medical and social aspects of artificial termination of pregnancy]. *Voprosy ginekologii akusherstva i perinatologii = Issues of Gynecology of Obstetrics and Perinatology*, 2003, vol. 2, no. 4, pp. 84–86.
8. Mailenova F. G. [ART technologies and transformation of traditional values. Moral and psychological risks]. *Bioetika i ekzistentsial'nye riski sovremennogo mira. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii i XVII ezhegodnoi konferentsii Mezhdunarodnogo obshchestva po klinicheskoi bioetike* [Bioethics and existential risks of the modern world. A collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference and the XVII Annual Conference of the International Society for Clinical Bioethics]. Kazan, 2020, p. 25. (In Russ.)
9. Sotsial'naya doktrina rossiiskikh musul'man [Social doctrine of Russian Muslims]. Moscow, Altyn miras Publ., 2017. 96 p.
10. Bolkhovitinova S. L. Eticheskie problemy novykh reproduktivnykh tekhnologii [Ethical problems of new reproductive technologies]. *Bioetika segodnya = Bioethics Today*, 2018, no. 1, pp. 267–281.
11. Sinelina Yu. Pravoslavnye i musul'mane: sravnitel'nyi analiz religioznogo povedeniya i tsennostnykh orientatsii [Orthodox and Muslims: a comparative analysis of religious behavior and value orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2019, no. 4, pp. 89–95.
12. Kiyashenko L. P., Brofman S. A., Mailenova F. G. StatusPraesens: problema dukhovnogo, religioznogo i eticheskogo v biomeditsinskikh tekhnologiyakh pomoshchi patsientam s besplodiem [StatusPraesens: the problem of spiritual, religious and ethical in biomedical technologies for helping patients with infertility]. *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii = Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2018, no. 4, pp. 145–156.
13. Mukhamedova Z. M. [Research of key problems of bioethics in Islam: modernity]. TSDI & TMA. International Conference. Tashkent, Tashkent State Dental Institute, 2022, pp. 114–119. (In Russ.)
14. Suvorov V., Fakhrudinova E. Otnoshenie k surrogatnomu materinstvu v musul'manskom mire blizhnego vostoka i rossii: obzor pozitsii i mnenii [Attitude to surrogacy in the Muslim world of the Middle East and Russia: review of positions and opinions]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 2022, no. 40, pp. 242–254.
15. Vetrova O. A. [Problems of transformation of the mental characteristics of the Russian people in the conditions of modernization of Russia]. *Problemy integratsii obrazovatel'nykh sistem Rossii i Belarusi v gumanitarnom khronotope postsovetskogo prostranstva. Sbornik nauchnykh statei* [Problems of integration of educational systems of Russia and Belarus in the humanitarian chronotope of the post-Soviet space. Collection of scientific articles]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2015, pp. 38–47. (In Russ.)
16. Gashina N. N., Zaitseva O. V. Transplantatsii organov i tkanei cheloveka: ponyatie i sushchnost' soderzhaniya [Transplantation of human organs and tissues: the concept and essence of content]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Bulletin of State and Municipal Administration*, 2017, no. 3, pp. 47–54.
17. Tanirbergenov S. T. Islam i transplantatsiya organov [Islam and organ transplantation]. *Densaulyk saktaudy damytu zhurnaly = Densaulyk Saktaudy Damytu Journals*, 2020, no. 64, pp. 93–99.
18. Belkina V. A., Vetrova O. A. Mezhetnicheskie otnosheniya v prigranichnom regione: sotsiologicheskii analiz [Interethnic relations in the border region: a sociological analysis]. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: upravlencheskie, pravovye, khozyaistvennye aspekty = Strategy*

19. Popova O. V. Eticheskie problemy kommodifikatsii biomaterialov v razvitii genomiki i genomnoi meditsiny [Ethical problems of biomaterial commodification in the development of genomics and genomic medicine]. *Bioetika i ekzistentsial'nye riski sovremennogo mira = Bioethics and Existential Risks of the Modern World*, 2020, p. 24.

20. Siluyanov I. V., Alyokhina E. V. Khristianskii smysl zhizni kak mirovozzrencheskaya osnova resheniya eticheskikh problem sovremennykh biomeditsinskikh tekhnologii [The Christian meaning of life as a worldview basis for solving ethical problems of modern biomedical technologies]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: filosofskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*, 2021, no. 1, pp. 40–52.

21. Novikova R. G. Islam i genetika: voprosy religii, etiki i prava [Islam and genetics: questions of religion, ethics and law]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*, 2019, no. 4, pp. 565–585.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ветрова Оксана Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Oksana A. Vetrova, Cand. of Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Нишнианидзе Ольга Олеговна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olgan73@yandex.ru

Ol'ga O. Nishnianidze, Cand. of Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olgan73@yandex.ru

Красильникова Татьяна Дмитриевна, студент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: RandyBulkaed@yandex.ru

Tatyana D. Krasil'nikova, Student of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: RandyBulkaed@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-264-276>**Религиозная мистика и психология религии:
к вопросу о пределах редукции. Часть 1****М. В. Шугуров¹ ✉, С. И. Мозжилин²**

¹ Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская, д. 1, г. Саратов 410028, Российская Федерация

² Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов 410012, Российская Федерация

✉ e-mail: shugurovs@mail.ru

Резюме

Актуальность. В силу отхода от религиозных традиций, некогда опосредовавших содержание и интерпретацию религиозно-мистического опыта, в ситуации постмодернистских новых религиозно-мистических исканий возникает эклектичный, а подчас и суррогатный мистический психологизм. В результате происходит проблематизация реализации онтологического потенциала мистики, в том числе ее психотерапевтического эффекта.

Цель заключается в осмыслении пределов редукционистского подхода психологии религии к религиозно-мистическому опыту.

Задачи: осмыслить предметное поле психологии религиозно-мистического опыта, являющейся составной частью психологии религии как научной религиоведческой дисциплины; раскрыть драматическое соотношение редукционистского и нередукционистского подходов к содержанию мистического опыта в рамках исследовательского пространства в психологии религиозного опыта; обосновать необходимость междисциплинарного взаимодействия в качестве средства избегания абсолютизации психологического редукционизма и антиредукционизма в понимании содержания религиозно-мистического опыта.

Методология. В исследовании применяются методы синтеза, анализа, позволяющие выявить специфику содержательного подхода психологии религии к религиозной мистике. Метод сравнения позволил установить отличия различных исследовательских программ в рамках последней, которые в той или иной степени интенсивности либо абсолютизировали, либо ограничивали использование редукции в качестве объяснительного средства.

Результаты. Подход к религиозной мистике с позиции психолога как внешнего наблюдателя, т. е. без проникновения в ее смысловую ткань, характерную для той или иной религии, не приводит к сущностному пониманию мистического опыта и усмотрению ее трансперсональной онтологии. Активное междисциплинарное взаимодействие с участием психологии религии позволяет подвести надежную эмпирическую основу под религиозно-философскую дихотомию подлинной и неподлинной мистики.

Выводы. В координатах чисто психологического подхода, далекого от религиозно-догматических тонкостей и философских обобщений, возникает опасность редукции, которая не учитывает градации мистических переживаний на подлинные и неподлинные. Целостное постижение религиозно-мистического опыта возможно только в рамках синергии усилий различных религиоведческих дисциплин.

Ключевые слова: философия религии; психология религии; христианство; религиозная культура; мистический опыт; интроспекция; традиция; теистическая психология; трансцендирование; междисциплинарный диалог.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Шугуров М. В., Мозжилин С. И. Религиозная мистика и психология религии: к вопросу о пределах редукции. Часть 1 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 264–276. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-264-276>.

Поступила в редакцию 06.02.2023

Принята к публикации 02.03.2023

Опубликована 28.04.2023

Religious Mysticism and the Psychology of Religion: on the Question of the Limits of Reduction. Part 1

Mark V. Shugurov¹ ✉, Sergey I. Mozzhilin²

¹ Saratov State Law Academy

1 Volskaya Str., Saratov 410028, Russian Federation

² Saratov State University

83 Astrahanskaya Str., Saratov 410012, Russian Federation

✉ e-mail: shugurovs@mail.ru

Abstract

Relevance. Due to the departure from religious traditions that once mediated the content and interpretation of religious and mystical experience, in the situation of postmodern new religious and mystical quests, eclectic, and sometimes surrogate mystical psychologism, arises.

The purpose is carry out an understanding of the limits of the reductionist approach of the psychology of religion to religious and mystical experience.

Objectives: comprehend the subject field of the psychology of religious and mystical experience; reveal the dramatic relationship between reductionist and non-reductionist approaches to the content of mystical experience; substantiate the need for interdisciplinary interaction as a means of avoiding the absolutization of psychological reductionism and anti-reductionism in understanding the content of religious and mystical experience.

Methodology. The study uses methods of synthesis and analysis, which allow revealing the specifics of the content-based approach of the psychology of religion to religious mysticism. The comparison method made it possible to establish the differences between various research programs within the latter, which, to varying degrees of intensity, either absolutized or limited the use of reduction.

Results. An approach to religious mysticism from the position of a psychologist as an external observer, i.e. without penetration into its semantic fabric, characteristic of a particular religion, does not lead to an essential understanding of mystical experience and the discretion of its transpersonal ontology.

Conclusions. In the coordinates of a purely psychological approach, far from religious dogmatic subtleties and philosophical generalizations, there is a danger of reduction, which does not take into account the gradation of mystical experiences into genuine and inauthentic.

Keywords: philosophy of religion; psychology of religion; Christianity; religious culture; mystical experience; introspection; tradition; theistic psychology; transcending; interdisciplinary dialogue.

Funding: This study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 21-011-44095 ("Variety of theological, philosophical and scientific approaches to understanding the phenomenon of Christian religious and mystical experience: horizons and limits of interdisciplinary synthesis").

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Shugurov M. V., Mozzhilin S. I. Religious mysticism and the psychology of religion: on the issue of the limits of reduction. Part 1. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 264–276. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-264-276>.

Received 06.02.2023

Accepted 02.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

К одному из важнейших структурных элементов религии, включающей в себя культ, религиозный опыт, религиозные учения и т. д., со всей определенностью относится мистический опыт. Следует отметить, что мистика как таковая – это не только и не столько доктрина, сколько духовная практика со свойственными ей различными по своей интенсивности и содержанию многообразными психологическими переживаниями. Последние затрагивают эмоциональную и интеллектуальную сферы сознания, а также дополняются изменением статуса воли и личности. Затронутой оказывается и память, а также нейрофизиологические процессы как таковые. В определенном смысле опыт мистических переживаний – это специфическая психодуховная ситуация, имеющая место как в пространстве религии (религиозная мистика), так вне его (мистицизм как специфическое мироощущение, которое в ряде случаев может быть связано с эзотерикой и оккультизмом).

В пространстве религии мистический опыт проявляется в различной степени своей интенсивности в культовых действиях, а также фиксируется в содержании религиозных догматов, в большинстве случаев интерпретируемых в качестве форм нисходящего к человеку откровения. Будучи особым состоянием человеческой духовности, религиозно-мистический опыт по своей онтологической природе представляет собой максимальные экзистенциальные сближения человека и Бога, результатом чего выступает вхождение в состояние обожения. Оно не только может по-разному пониматься в координатах разных мировых религий, но и различным образом реализовываться. Универсализм здесь весьма ограничен, а потому онтологическая природа религиозно-мистического опыта, которая по-разному отражается в тех или иных типах мистики, исторически стала предметом религиозно-философских и теологических дискуссий сквозь призму категорий истинности/подлинности. Ис-

ходной точкой отсчета в этих дискуссиях выступает онтологический подход, согласно которому мистические переживания есть переживания объективно существующей трансцендентной реальности [1; 2]. В сущности, свидетельства религиозно-мистического опыта указывают на предельную реальность, с которой они соотносятся, о чем имеет место повествование от первого лица [3].

В этой связи возникает вопрос, имеющий не только сугубо теоретическое, но мировоззренческое значение: может ли психология религии как научная дисциплина внести свой вклад в постижение трансперсональной онтологической природы религиозно-мистического опыта или же она в силу своей предметности способна лишь к познанию его сугубо индивидуально-психологических феноменов либо измерению интенсивности переживаний присутствия или отсутствия Бога, как это имеет место в современных религио-психологических исследованиях? [4]. В глубине этого вопроса находится вопрос о том, представляется ли возможным свести содержание религиозной мистики, как, впрочем, и другие разновидности мистицизма, к сугубо психологическим переживаниям?

Материалы и методы

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в силу отхода от религиозных традиций, некогда опосредовавших содержание и интерпретацию религиозно-мистического опыта, в ситуации постмодернистских новых религиозно-мистических исканий возникает эклектичный, а подчас и суррогатный мистический психологизм, существующий вне традиционной религиозности, а также устоявшихся схем интерпретации. В процессе замыкания в кругу субъективных переживаний экстатического характера, с трудом поддающихся интерпретации, происходит проблематизация реализации онтологического потенциала мистики, заключающегося в открытии предельных горизонтов осмысленного и преображенного бытия

человека. В этих условиях возникает потребность в формировании согласованности между, с одной стороны, концептуализацией психологического «среза» мистики, а с другой – пониманием ее в качестве одного из ярчайших модусов религиозного бытия человека.

Цель представленной статьи заключается в осмыслении пределов психологической редукции религиозно-мистического опыта, т. е. его сведения к панораме интенсивных и одновременно необычных психологических переживаний, для которых характерно ощущение изменения собственного «я», мистические видения визуального порядка, а также акустические явления, которые в той или иной степени укладываются в панораму канонов и догматов определенной религиозной системы.

Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- осмыслить предметное поле психологии религиозно-мистического опыта, являющейся составной частью психологии религии как научной религиоведческой дисциплины;

- раскрыть драматическое соотношение редукционистского и нередукционистского подходов к содержанию мистического опыта в рамках исследовательского пространства в психологии религиозного опыта;

- обосновать необходимость междисциплинарного взаимодействия в качестве средства избегания абсолютизации психологического редукционизма и антиредукционизма в понимании содержания религиозно-мистического опыта.

Методология исследования включила в себя принцип историзма и принцип развития, которые стали основой для проведения анализа логики развития психологии религиозно-мистического опыта как отдельного научного направления в составе психологии религии. При опоре на системный метод в комплексном виде было реконструировано предметное поле психологии религиозно-мистического опыта. Метод сравнения позволил установить отличия различных исследова-

тельских программ в рамках последней, которые в той или иной степени интенсивности либо абсолютизировали, либо ограничивали использование редукции в качестве объяснительного средства.

В основе предложенного исследования находится анализ различных векторов осмысления феноменологии мистического опыта в рамках психологии религии. Основное внимание уделено многообразию подходов психологии религии к религиозной мистике христианства. Новизна работы заключается в осмыслении развития психологии мистического опыта сквозь призму сопоставления редукционистских и антиредукционистских исследовательских программ.

Результаты и их обсуждение

Религиозно-мистический опыт в предметном поле психологии религии

Мистический опыт, связанный с более или менее развитыми религиозными верованиями в целом и различными религиями в частности, есть путь, который реализуется различным образом и идентифицируется с опытом богопознания, причем не в его исключительно гносеологическом, но и в онтологическом смысле. Следует согласиться с Н. Ашпаров в том, что психология религии, исследующая религиозный опыт сквозь призму образа жизни, «изучает то, как чувство религии приходит и уходит у человека, как осуществляется поиск водительства или отречение, а также как возникают религиозные напряжения и сомнения» [5, р. 677]. Одновременно с этим включение религиозно-мистического опыта в предметное поле психологии религии требует решения целого ряда теоретических и методологических вопросов.

Действительно, если исходить из самого термина «психология религии», то может показаться, что психология должна интересоваться именно психологическими аспектами религии. Это означает направленность ее исследований на формы актуализации феноменов психики в

рамках актов религиозного сознания, имеющие рациональные и символические формы существования и выражения, что вполне укладывается в понятие религиозного опыта. Самоопределение психологии религии в разрезе ее предмета, определяющего ее научно-дисциплинарную идентичность, предполагает изначальное решение вопроса о соотношении религиозного опыта и мистического опыта. Однако, заметим, что решение данного вопроса находится в компетенции философии религии, а также связанного с ней теоретического религиоведения. В данных науках признается, что определенный массив мистического опыта непосредственно соотносится с религией и выступает составной частью религиозного опыта. При этом с позиций религиозной догматики в качестве аномалии рассматривается не только целая плеяда мистического опыта внутри христианства, например пантеистическая мистика как некий след древней мистики «природного человека», но и внешний нерелигиозный мистицизм.

Как таковой, феномен религиозно-мистического опыта включает многообразные экстраординарные переживания, связанные не только с религиозными верованиями, но и с учениями философско-религиозными. На этом фоне психологию религии в силу ее предметной специфики интересует, прежде всего, не доктринальная его интерпретация с точки зрения религиозной догматики или религиозно-философских категорий, а психоэмоциональное содержание данного опыта. Но если религиоведение как специальная научная дисциплина в большей степени интересуется типологией мистического опыта, то психология религии – типологией переживаний при опоре не только и не столько на изучение текстов, сколько на эмпирические наблюдения, предполагающие исследования субъективной сферы религиозной жизни. Однако здесь имеет место одна сложность: возникшая в XIX в. психология религии уже не застала классических образцов религиозной мистики, которые одухотво-

ряли, например, христианство, начиная с IV в. новой эры. Поэтому ее эмпирическую базу составили своего рода вторичные мистические переживания, которые испытывают приверженцы христианства, в свою очередь далекие от того, чтобы быть центральными фигурами религиозной жизни. Во всех случаях мистические переживания их последовательная смена облечены в многообразную символику, понять которую на почве собственно психологической науки невозможно: здесь необходимо вхождение в междисциплинарное пространство.

Стоит признать, что психология религии, как и любая другая наука о религии, не может не иметь в виду разнообразные концепции религиозного опыта в целом и религиозно-мистического опыта в частности. Они составляют базу для интерпретационных усилий, предпринимаемых психологами религии. Разумеется, степень погруженности последних в эти концепции и учет их содержания может быть различными. Все зависит от выбора исследовательской позиции, которая может ограничиваться всего лишь эмпирическим наблюдением и описанием, а может идти в направлении широкого онтологического контекста религиозно-мистических переживаний. В целом ключевую роль играют философские, теоретические и методологические предпочтения исследователей. Однако движение в этом направлении подчас бывает проблематичным, ибо, как подчеркивает Р. Худо, «психологи не верят, не практикуют и не связываются с институциональными аспектами веры (“религией”), но при этом одобряют неинституциональные формы духовности» [6, p. 190].

Религиозно-мистический опыт имеет свои индикаторы и признаки, связанные с трансцендированием повседневного бытия в направлении к встрече с Богом. Сюда следует отнести не только выделенные еще У. Джеймсом изменения статуса личности и воли, о чем мы далее скажем более подробно, но и изменения сознания и бытия субъектов данного

опыта. Последнее находит свое выражение в смене экстатических подъемов, которые могут восприниматься как падение в Божественную «пучину», далее сменяемое состояниями депрессивного психофизиологического и морального упадка. Все это не столько организуется, сколько активно рефлексруется самим субъектами мистических переживаний, причем в системе избыточных образов, не редуцируемых к каноническим представлениям религиозной системы. Именно это и вызывает настороженное отношение официального богословия к мистическому опыту как разновидности религиозного творчества. Разумеется, мистика в силу своего опытного характера сопряжена с риском разрушения «фиксированных точек», т. е. устоявшихся религиозных представлений, разделяемых так называемыми фундаменталистами.

Как бы то ни было, сущностная часть религиозно-мистического опыта во всем своем объеме может быть охвачена только в рамках междисциплинарного пространства, т. е. на стыке психологии религии, богословия, философия религии и, наконец, религиозной философией. Именно здесь возникает усмотрение метафизической глубины, т. е. онтологической наполненности субъективных по своей форме феноменальных религиозно-мистических переживаний. Однако к психологии религиозно-мистического опыта как научной дисциплины вряд ли целесообразно предъявлять требование о необходимости углубленного изучения данных основ, т. к. это предметное поле других наук. Но в той или иной степени учитывать их – ей вполне под силу, хотя здесь все зависит от выбора исследовательской программы.

Помимо дальнейшего продумывания совершенствования своих методик, психология религии призвана к осмыслению своего участия в междисциплинарном взаимодействии, что выступает основой усиления ее вклада в постижение религиозно-мистического опыта. Как отмечают российские авторы, «находясь в междис-

циплинарном пространстве, психология религии должна избегать как экспериментальной редукции, так и спекулятивного теоретизирования, игнорирующего исторические реалии, культурную специфику и особенности разных религий» [7, с. 86]. На наш взгляд, здесь имеет место и еще один нюанс редукционизма. Речь идет о редукции содержания религиозного, а в его составе религиозно-мистического опыта к психике и психологическим переживаниям. Как мы далее покажем, данного рода редукция, несомненно, имела место в истории развития психологии религии. Но в силу междисциплинарного взаимодействия, в котором участвовала данная наука, редукция имела относительный характер.

Направления и результаты осмысления мистического опыта в психологии религии: исторический аспект

Как показывает история религиоведения, толчком к масштабному обращению внимания исследователей к мистическому опыту, зачастую ассоциируемого с мистицизмом, стала реализация У. Джеймсом психологического подхода к исследованию мистических переживаний. Оригинален сам подход этого философа к исследованию религиозно-мистического опыта, который был основан на признании приоритета индивидуального характера мистических переживаний [8]. Безусловно, философ значительно расширил представления о бессознательных доминантах мистики, дав толчок специально научному его исследованию в рамках психологии религии. Вполне справедливо замечание Ю. В. Стриженовой о том, что, «расширяя сферу душевной жизни человека включением в нее области подсознательного, Джеймс ... интересовался особым личностным типом религиозности, выводя за рамки своего исследования все теологические и церковные проблемы» [9, с. 93].

Представляется, что это есть нечто иное, как установка психологического редукционизма. Тем не менее в качестве

подзаголовок его книги включено словосочетание «исследование человеческой природы». Это предполагало, что религиозное переживание является фундаментальным аспектом того, что значит быть человеком. Таким образом, научная программа У. Джемса предполагала онтологические экспликации, но они не были вплетены в ткань религиозной традиции. В сущности, философ шел в русле исторически обусловленного процесса «психологизации» мистицизма, а по сути, возобладания в нем субъективизма. Отсюда его индивидуалистический подход к определению религии и сосредоточение на индивидуальном мистическом опыте, который представляется свободным от какого-то ни было определяющего религиозного контекста. Как следствие, был дан старт для психологизации в научном изучении мистицизма, где критерием наличия и обоснованности «мистического» становились частные прозрения и особые, подчас странные – в контексте повседневного рассудка – переживания.

Вместе с тем никто не будет оспаривать ценность индуцированных им идентификационных констант мистического опыта (неизреченность, интуитивность, кратковременность, бездеятельность). Они стали своего рода категориальными формами постижения не только мистического, но и религиозно-мистического опыта, при этом в силу своей абстрактности уступив в дальнейшем место более детальным и четким классификациям.

Обратим внимание на то, что американский психолог Э. Д. Старбак, относящийся к кларкской школе религиозной психологии, основанной пионером американской психологии религии Г. С. Холлом, и выступивший сторонником репрезентативной выборки религиозных переживаний, а не изучением религиозных теорий, запустил программу эмпирического изучения религиозного опыта на основе анкетирования [10, р. 12]. Со временем он обратил внимание на феномен мистических переживаний, связанных с опытом переживаний божественного присут-

ствия. Им была разработана дихотомическая шкала для оценки «мистической установки» субъектов. Далее использование данной шкалы он дополнил разнообразным лабораторным тестам. В результате экспериментов была установлена высокая степень внушаемости мистиков по сравнению с контрольными группами.

Не меньшую значимость имели исследования, проводимые Дж. Леубой и его последователями, которые осуществили попытку объяснения сущности мистического опыта с психологической точки зрения. Дж. Леуба, так же, как и Э. Д. Старбак, интересовался фактами непосредственного религиозного опыта. При этом стоит отметить значительную исследовательскую продуктивность анкетных опросов религиозных лидеров и церковных служащих. Вполне понятно, что эти феномены имели инклюзивный характер, т. е. массовое использование анкетирования здесь было неуместно. Поэтому этот психолог религии постепенно отходил от наблюдаемой эмпирики к анализу первоисточников, что и стало базой для его фундаментального труда о мистическом опыте [11]. В своей рецензии на эту книгу Дж. Пратт подтвердил, что Дж. Леуба самым тщательным образом изучал мистическую литературу. При этом его подход был ни теологическим, ни философским, а психологическим в буквальном смысле этого слова. Цель Дж. Леубы заключалась в том, чтобы показать, что мистический экстаз, транссознание и т. д., рассматриваемые как психические явления, ничем существенным не отличаются от нерелигиозных явлений, которые он изучал во вступительных главах. «Но различие им все же было им проведено, и заключалось оно в том, что христианский мистицизм отличается от мистицизма наркотиков и мистицизма йоги в моральной мотивации, что как раз в определенной форме вызывало у него восхищение» [12, р. 601].

Если рассматривать континентальную психологию религии, то в ней широко использовались методы эксперименталь-

ной интроспекции при опоре на компаративный анализ мистического опыта современных людей и исторических нарративов религиозно-мистических переживаний. Широкую известность получили результаты исследований К. Гиргензона, который предпринимал различение мистических переживаний, которые были представлены в исторических источниках, и мистико-подобных состояний сознания, которые изучались на базе экспериментов [13]. В своей классификации стадий мистического погружения он осуществлял концептуализацию практик «умерщвления» нормального сознания и прорывов сознания на стадию экстаза, при котором происходило угасание идеальных образов, а дискурсивное мышление оставалось совершенно вне игры. Его ученик В. Грюн предложил известную таблицу «ступеней мистического погружения». В ее основе – эксплицированное феноменологическое соотношение между «я» мистика и объектом его переживаний [14, с. 69]. В свою очередь К. Гинс в целях проведения дальнейшей дифференциации ступеней мистического погружения совмещал экспериментальное и неэкспериментальное изучение мистических переживаний [15]. В целом методология экспериментальной интроспекции вызывала сомнение в ее научности, точности и степени репрезентативности [16, р. 145–147]. Под напором критики данная методология со временем утратила свою широкую популярность, сохранившись преимущественно в пределах феноменологической психологии религии и нейрофеноменологии.

Одновременно с этим можно видеть подведение итогов психологического исследования феномена мистики, подчас предпринятых в редукционистском ключе. Так, например, Х. Акерман в своей статье отмечал, что исследователи религиозного мистицизма пришли к выводу о том, что мистическая интуиция – это не уникальная форма опыта, а способ переживания, который включает в себя сознание, а не обычное внимание к знакомому объекту мира. Одновременно с

этим объективность Бога, возникшая уже в качестве постулата под давлением усиленного интереса или концентрации на причинном значении святых устремлений, есть не что иное, как «проекция идеализированного “я” на “сетчатку” действительного “я” в качестве отдельной сущности, независимой от какой-либо необходимой связи с сознанием» [17, р. 433]. Вместе с тем он признавал весьма важное сущностное свойство мистики, а именно то, что природа гипостазируемой «неизведанной реальности», которая дает о себе знать на пике духовного экстаза, не только превосходит естественные границы человеческой природы, но и задает потенциальные возможности совершенствования.

Важным итогом реализации психологического подхода стало осмысление генезиса религиозных переживаний и их воздействия на общее психофизиологическое состояние субъектов. Детальному исследованию стали подвергаться такие источники, как личные документы, биографические источники (дневники, мемуары, историческая литература), что актуализировало проблематику интерпретации и содействовало междисциплинарному диалогу. В сущности, именно в междисциплинарном пространстве теологии, истории религии и психологии было выполнено знаменитое исследование Е. Андерхилл, в котором приводилась систематика этапов мистического пути [18]. Междисциплинарное пространство развивалось и во второй половине XIX – первой четверти XX вв., что способствовало избеганию психологической редукции, благодаря учету исторического и культурного контекста, который по крайней мере определял историко-временные и культурные координаты бытия личности христианских мистиков и аскетов. Данный подход был реализован в книге Х. Делакура [19]. В ней автор осуществил междисциплинарный синтез исторической и психологической науки.

В итоге была сформирована широкая эмпирическая база для собственно психологических выводов применительно к

психологическим характеристикам св. Терезы, мд. Гийон, св. Иоанна Креста и Сузо, в мистических переживаниях которых он выявил сходные черты. В частности, была установлена закономерность: радостное озарение сменяется экстазом как чувством единства себя с Богом, далее следует экстатическое расставание и переживание отсутствующего Бога. Наконец, на третьей стадии нет ни экстаза, ни боли, но Бог переживается как постоянно присутствующий и направляющий каждое жизненное движение, что все же не означает полной пассивности миста.

Разумеется, в работах указанных авторов можно видеть выход за пределы чисто психологического учения о религиозно-мистическом опыте. Как думается, пределы последнего с наибольшей ясностью были продемонстрированы Дж. Марешалем в его книге «Психология мистики», впервые опубликованной в 1927 г. и далее неоднократно переиздававшейся. Будучи приверженцем эмпирического подхода к изучению христианской мистики, тем не менее он отмечал, что «сама действительность в той мере, в какой она нам доступна, может встретиться только в точке схождения всех наук, относящихся к данному предмету – эмпирических наук, метафизики и даже, если необходимо, теологии» [20, р. 43–44]. При этом он выступал за диалог научных дисциплин и был противником навязывания психологической науке онтологического подхода со стороны теологии и философской метафизики.

Во второй половине XX в. происходил неуклонный рост исследований религиозно-мистического опыта в рамках психологической науки. В целом можно выделить два альтернативных подхода. Так, одними авторами психология мистицизма рассматривалась как часть психологии религии [21; 22; 23]. Другими учеными мистические феномены изучались в рамках подходов к измененным состояниям сознания посредством включения в более широкий пласт психологического знания и познания [24; 25].

На фоне выделения психофизиологических критериев измененных состояний сознания возникла проблема определения внутреннего содержания форм опыта измененных состояний сознания и его значения для самого субъекта. В дополнение к этому стали возникать вопросы о критериях дифференциации нормы и патологии. Вполне заметным явлением стало дополнение сугубо психолого-психиатрического подхода, имевшего место во фрейдизме и бихевиоризме, ценностным истолкованием мистических, а также иных, близких к ним состояний. Это имело место в гуманистической психологии А. Маслоу, в которой религиозный опыт рассматривался как имеющий самое непосредственное отношение к пиковым состояниям самоактуализации личности [26]. Нельзя не указать и на творчество С. Грофа в сфере трансперсональной психологии [27]. Указанные исследователи рассматривали мистические состояния сознания как положительные, т. е. являющиеся источником ценностей и смыслов. Это был своего рода перелом в подходе к мистическому опыту, а также коррекция исследовательской позиции в рамках психологии.

Итак, возникнув в XIX в., психологический подход привнес свою лепту в постижение мистического опыта как сферы специфических психических переживаний. Вместе с тем данный опыт – это сфера наивысших человеческих ценностей и смыслов, находящихся в основе уникального проекта человеческого бытия, а не просто измененные состояния сознания. Все это означает, что к одной из заметных проблем в исследовании религиозно-мистического опыта относится проблема обоснованности его редукции к субъективным состояниям измененного сознания. Поэтому предметное поле психологического измерения мистического опыта имеет междисциплинарный характер. Мистическая идентичность, понимаемая в зарубежной науке как религиозный спиритуализм, представляет собой интерес не только для философского персонализма, но и для психологии религии. Вследствие этого

наблюдается встречное движение психологии религии и психологии личности [28, р. 390]. Это означает, что подход психологии, в нашем случае к религиозно-мистическому опыту, предполагает изучение индивидуальной психологии конкретного подвижника-аскета и мистика.

Примеров данного рода исследований более чем достаточно. Например, широкую известность приобрела книга Дж. Кролла и Б. Бахраха о психологии средневековых мистиков и аскетов [29]. Она стала результатом междисциплинарного сотрудничества историка Средних веков и ученого-психиатра. В ней сквозь призму категорий цели и средства раскрывается связь между самоистязаниями и измененными состояниями сознания. Другой пример – изучение психологии И. Лайолы таким исследователем, как В. Мейснер, с позиций усмотрения интегрированности последнего в религиозную традицию [30].

Обращение к индивидуальным психологическим особенностям личности тех или иных и конкретных мистиков и мистически настроенных христианских аскетов не может не учитывать канву религиозной коммуникации. Это вызвано тем, что события мистического опыта имеют трансперсональное значение, так как они оживляют догматы, либо являются почвой их формирования, а подчас и отрицания. Субъекты рассматриваемого нами опыта не перестают оставаться, несмотря на свою обособленность субъектами религиозного опыта, т. е. не перестают пребывать также и в мире, осуществляя социальную коммуникацию в рамках религиозного сообщества. А это выступает одним из ключевых аспектов психологии религии как научной дисциплины, направленной на «исследование психологии личности верующего, особенности его психологических состояний и их динамика, его поведение в конфессиональной и других группах» [31, с. 198]. В принципе, все это означает необходимость учета со стороны психологии религиозно-мистического опыта наиважнейшего контекста, а именно ми-

стической и религиозной традиции, а также собственно психологических аспектов той или иной религиозной системы. По этому пути идет целый ряд психологов религии [32; 33], что в очередной раз доказывает актуальность междисциплинарного синтеза.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, развитие психологической науки продемонстрировало то, что тематика религиозно-мистического опыта стала одной из ее устойчивых предметных областей. Однако реализация сугубо психологического подхода, не только далекого от религиозно-догматических тонкостей и философских обобщений, но и от интегрированности в междисциплинарное пространство, создала почву для преобладания психолого-редукционистского подхода, отрицающего онтологическое содержание данного опыта. Достаточно взвешенный подход к религиозной мистике с позиции психолога как внешнего наблюдателя, т. е. сугубо эмпирически, без проникновения в ее смысловую ткань, характерную для той или иной религии, не приводит к сущностному пониманию мистического опыта, т. е. за его красочной феноменологией не усматривается трансперсональная онтология.

Во-вторых, заметной тенденцией эволюции психологии религиозно-мистического опыта как научного направления со временем стало проявление внимания к результатам других религиозно-научных наук в области изучения феномена мистики, что привело к избеганию абсолютизации научно-дисциплинарного редукционизма.

В-третьих, вовлеченность психологической науки в междисциплинарное пространство, открывающее возможности для междисциплинарного синтеза, не привело к утрате ее дисциплинарной идентичности.

Во второй части статьи, представляющей собой продолжение исследования, будет рассмотрена оригинальная психоло-

гическая концепция мистического опыта, которая сформировалась в России в конце XIX – начале XX в. В дополнение к этому в концептуальной форме авторами будут актуализированы не только пределы ре-

дукционизма, но и пределы антиредукционизма, что позволит лучше понять смысл религиозно-философского подхода к религиозной мистике сквозь призму оппозиции «подлинное – неподлинное».

Список литературы

1. Marshall P. Mystical experiences as windows on reality // *Beyond physicalism: toward reconciliation of science and spirituality* / ed. by E. F. Kelly, A. Crabtree and P. Marshall. Lanham; New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2015. P. 39–76.
2. Brainard F. S. *Reality and mystical experience*. State College: Pennsylvania State University Press, 2000. 312 p.
3. Louchakova-Schwartz O. Religious Experience in the First-Person Perspective: The Lived Body and Perception of Reality // *Religions*. 2022. Vol. 13, N 8. P. 704–718. <https://doi.org/10.3390/rel13080704>.
4. Głaz S. Psychological Analysis of Religious Experience: The Construction of the Intensity of Religious Experience Scale (IRES) // *Journal of Religion and Health*. 2021. Vol. 60, N 1. P. 576–595. <https://doi.org/10.1007/s10943-020-01084-7>.
5. Ashrapov N. Psychology of religion and its role in the formation of the modern person // *Science and Education. Scientific Journal*. 2022. Vol. 3, is. 2. P. 675–680.
6. Hood-jr R. W. Chapter 10. Mystical, religious, and spiritual experiences // *International Handbook of Education for Spirituality, Care and Wellbeing* / ed. by M. de Souza [et al.]. Dordrech: Springer, 2009. Vol. 3, pt. 1. P. 189–208.
7. Фолиева Т., Малевич Т. Психология религии в XX веке: основные вехи развития // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016. Т. 34, № 4. С. 68–91. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-4-68-91>.
8. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы. М.: Академический проект, 2019. 415 с.
9. Стриженова Ю. В. Религиозная личность в философской системе Уильяма Джеймса // *Вестник Омского государственного университета*. 2011. № 1. С. 88–94.
10. Starbuck E. D. *The Psychology of religion: an empirical study of the growth of religious consciousness*. London: The Walter Scott Publishing Co., 1911. 423 p.
11. Leuba J. H. *The psychology of religious mysticism*. New York; Harcourt: Brace & Company, 1925. 348 p.
12. Pratt J. B. Review of the book "The psychology of religious mysticism, by J. H. Leuba" // *Psychological Bulletin*. 1925. Vol. 22, N 10. P. 600–602.
13. Girgensohn K. *Kereligionspsychologische untersuchung auf experimenteller grundlage*. Leipzig: S. Hirzel, 1921. 712 s.
14. Gruehn W. *Religionspsychologie*. Breslau: F. Hirt, 1926. 159 s.
15. Gins K. Experimentell untersuchte mystik-fragwurdig? // *Archiv für Religionspsychologie*. 1967. Bd. 9 (1). S. 213–248.
16. Wulff D. M. Experimental introspection and religious experience: the Dorpat school of religious psychology // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1985. Vol. 21. P. 131–150.
17. Ackerman H. C. The psychology of mysticism and the divine immanence // *Harvard Theological Review*. 1919. Vol. 12, is. 4. P. 427–434.
18. Underhill E. *The mystic way: A psychological study in Christian origins*. London; Toronto: J. M. Dent & Sons, 1913. 409 p.
19. Delacroix H. *Etudes d'histoire et de psychologie du mysticisme: les Grands Mystiques Chretiens*. Paris: Alcan, 1908. 470 p.
20. Maréchal J. *The Psychology of the mystic*. Mineola; New York: Dover Publications, 2004. 352 p.
21. Riley B. T. *The psychology of religious experience in its personal and institutional dimensions*. New York: Peter Lang Pub Inc., 1988. 361 p.

22. Byrnes J. F. The psychology of religion. New York: Macmillan, 1984. 288 p.
23. Bowlcer J. The sense of God: sociological, anthropological and psychological approaches to the origin of the sense of God. London: Oneworld Publications, 1995. 260 p.
24. Deikmann A. I-awareness // *Journal of Consciousness Studies*. 1996. Vol. 3, N 4. P. 350–356.
25. Sargant W. The mind possessed. A physiology of possession, mysticism and faith healing. New York: Lippincott, 1975. 212 p.
26. Maslow A. Religions, values and peak experiences. New York: Penguin Books, 1994. 144 p.
27. Гроф С. Путешествие в поисках себя: измерения сознания, новые перспективы в психотерапии и исследованиях внутреннего мира. М.: Аст, 2004. 352 с.
28. Emmons R. A., Paloutzian R. F. The psychology of religion // *Annual Review of Psychology*. 2003. Vol. 54. P. 377–402. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.54.101601.145024>.
29. Kroll J., Bachrach B. The mystic mind. The psychology of Medieval mystics and Ascetics. London: Routledge, 2005. 288 p.
30. Meissner W. W. Ignatius of Loyola. The psychology of a saint. 5th ed. New Haven; London: Yale University Press, 2009. 528 p.
31. Яблоков И. Н. Психология религии // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2011. Т. 29, № 1. С. 198–203.
32. Bradford D. T. The spiritual tradition in Eastern Christianity: Ascetic psychology, mystical experience, and physical practices. Leuven: Peeters, 2016. 446 p.
33. Grumbine J. C. F. Christ psychology and Christian mysticism. Whitefish: Kessinger Publishing, 2010. 28 p.

References

1. Marshall P. Mystical experiences as windows on reality. *Beyond Physicalism: Toward Reconciliation of Science and Spirituality*; ed. by E.F. Kelly, A. Crabtree and P. Marshall. Lanham, New York, Rowman & Littlefield Publ., 2015, pp. 39–76.
2. Brainard F. S. Reality and mystical experience. State College, Pennsylvania State University Press Publ., 2000. 312 p.
3. Louchakova-Schwartz O. Religious Experience in the First-Person Perspective: The Lived Body and Perception of Reality. *Religions*, 2022, vol. 13, no. 8, pp. 704–718. <https://doi.org/10.3390/rel13080704>
4. Głaz S. Psychological Analysis of Religious Experience: The Construction of the Intensity of Religious Experience Scale (IRES). *Journal of Religion and Health*, 2021, vol. 60, no. 1, pp. 576–595. <https://doi.org/10.1007/s10943-020-01084-7>
5. Ashrapov N. Psychology of religion and its role in the Formation of the Modern Person. *Science and Education. Scientific Journal*, 2022, vol. 3, is. 2, pp. 675–680.
6. Hood-jr R.W. Chapter 10. Mystical, religious, and spiritual experiences. *International Handbook of Education for Spirituality, Care and Wellbeing*; ed. by M. de Souza, eds. Dordrech, Springer Publ., 2009, vol. 3, pt. 1, pp. 189–208.
7. Folieva T., Malevich T. Psihologiya religii v XX veke: osnovnye vekhi razvitiya [Psychology of religion in the XX century: the main milestones of development]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 2016, vol. 34, no. 4, pp. 68–91. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-4-68-91>
8. James W. Mnogoobrazie religioznogo opyta. Issledovanie chelovecheskoj prirody [Diversity of religious experience. The study of human nature]. Moscow, Academic Project Publ., 2019. 415 p.
9. Strizhenova Yu.V. Religioznaya lichnost' v filosofskoj sisteme Uil'yama Dzhejmisa [Religious personality in the philosophical system of William James]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universitet = Bulletin of the Omsk State University*, 2011, no. 1, pp. 88–94.
10. Starbuck E. D. The Psychology of religion: an empirical study of the growth of religious consciousness. London, The Walter Scott Publishing Co., 1911. 423 p.
11. Leuba J. H. The Psychology of religious mysticism. New York, Harcourt, Brace & Company Publ., 1925. 348 p.
12. Pratt J. B. Review of the book "The psychology of religious mysticism, by J. H. Leuba". *Psychological Bulletin*, 1925, vol. 22, no. 10, pp. 600–602.
13. Girgensohn K. Psychological examination of religion on an experimental basis. Leipzig, S. Hirzel Publ., 1921. 712 p. (In German)

14. Gruehn W. Psychology of religion. Breslau, F. Hirt Publ., 1926. 159 p. (In German)
15. Gins K. Experimentally investigated mysticism-questionable? *Archive for Religious Psychology*, 1967, vol. 9 (1), pp. 213–248. (In German)
16. Wulff D. M. Experimental Introspection and Religious Experience: The Dorpat School of Religious Psychology. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 1985, vol. 21, pp. 131–150.
17. Ackerman H. C. The psychology of mysticism and the divine immanence. *Harvard Theological Review*, 1919, vol. 12, is. 4, pp. 427–434.
18. Underhill E. The Mystic Way: A Psychological Study in Christian Origins. London, Toronto, J. M. Dent & Sons Publ., 1913. 409 p.
19. Delacroix H. Studies in the history and psychology of mysticism: the Great Christian Mystics. Paris, Alcan Publ., 1908. 470 pp. (In French)
20. Maréchal J. The psychology of the mystic. Mineola, New York, Dover Publications Publ., 2003. 52 p.
21. Riley B. T. The psychology of religious experience in its personal and institutional dimensions. New York, Peter Lang Pub Inc. Publ., 1988. 361 p.
22. Byrnes J. F. The psychology of religion. New York, Macmillan Publ., 1984. 288 p.
23. Bowlcer J. The Sense of God: Sociological, Anthropological and Psychological Approaches to the Origin of the Sense of God. London, Oneworld Publications, 1995. 260 p.
24. Deikmann A. I-awareness. *Journal of Consciousness Studies*, 1996, vol. 3, no. 4, pp. 350–356.
25. Sargant W. The mind possessed. A physiology of possession, mysticism and faith healing. New York, Lippincott Publ., 1975. 212 p.
26. Maslow A. Religions, values and peak experiences. New York, Penguin Books Publ., 1994. 144 p.
27. Grof S. Путешествие в поисках себя: измерение сознания, новые перспективы в психотерапии и исследованиях внутреннего мира [Journey in search of yourself: dimensions of consciousness, new perspectives in psychotherapy and research of the inner world]. Moscow, ACT Publ., 2004. 352 p.
28. Emmons R. A., Paloutzian, R. F. The psychology of religion. *Annual Review of Psychology*, 2003, vol. 54, pp. 377–402. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.54.101601.145024>
29. Kroll J., Bachrach B. The mystic mind. The psychology of Medieval mystics and Ascetics. London, Routledge Publ., 2005. 288 p.
30. Meissner W. W. Ignatius of Loyola. The psychology of a saint. 5th ed. New Haven, London, Yale University Press, 2009. 528 p.
31. Yablokov I. N. Психология религии [Psychology of religion]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* = *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 2011, vol. 29, no. 1, pp. 198–203.
32. Bradford D. T. The Spiritual Tradition in Eastern Christianity: Ascetic Psychology, Mystical Experience, and Physical Practices. Leuven, Peeters Publ., 2016. 446 p.
33. Grumbine J. C. F. Christ Psychology and Christian Mysticism. Whitefish, Kessinger Publishing, 2010. 28 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Шугуров Марк Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: shugurovs@mail.ru, ORCID: 0000-003-3604-3961

Mark V. Shugurov, Dr. of Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, e-mail: shugurovs@mail.ru, ORCID: 0000-003-3604-3961

Мозжилин Сергей Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: mozhilinsi@list.ru, ORCID: 0000-0001-6078-3252

Sergey I. Mozhilin, Dr. of Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University named, Saratov, Russian Federation, e-mail: mozhilinsi@list.ru, ORCID: 0000-0001-6078-3252

Трансформация субъектов и объектов социально-экономической системы неокOLONИализма в условиях глобального структурного кризиса

А. И. Сироткина¹ ✉

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский пр-т, д. 49, г. Москва 125167, Российская Федерация

✉ e-mail: sir_n@bk.ru

Резюме

Актуальность. Сращивание экономических интересов государства и частных структур, подкрепляемое концентрацией и централизацией власти-собственности в контексте глобального структурного кризиса, свидетельствует о трансформации существующей глобальной социально-экономической конъюнктуры, в частности, трансформации субъектов социально-экономических отношений в объекты. Таким образом, возникает необходимость исследования происходящей трансформации с последующим выявлением формирующейся структуры классового общества, что позволит определить перспективное направление дальнейших исследований в области социально-экономических отношений, складывающихся в глобальной либеральной социально-экономической системе, находящейся в терминальной стадии кризиса.

Целью проводимого исследования является выявление трендов трансформации глобальной системы социально-экономических отношений, её элементов (субъектов и объектов отношений), а также самих социально-экономических (классовых) отношений, формализация представленной трансформации и обеспечение её репрезентативности.

Задачи. Указанная цель достигается путём решения следующих задач: выявление интеграции института государства с транснациональным капиталом, репрезентации формирующейся структуры социально-экономических субъект-объектных отношений, а также системы субъект-объектных отношений нового глобального классового общества.

Методология. Решение указанных задач осуществляется путём применения общенаучных методов исследования в рамках логического анализа и синтеза. Сформулирован и применён авторский метод, представленный по тексту в виде алгоритма, который описывает логику процесса трансформации и становления субъектов социально-экономических отношений, проиллюстрированного блок-схемой.

Результаты. Результатом проведённого исследования является моделирование формирующейся структуры социально-экономических субъект-объектных отношений.

Выводы. Проведённое исследование применимо для структурного анализа глобальных социально-экономических процессов, а также формирования междисциплинарных теоретических моделей, раскрывающих деструктивные процессы, происходящие в современной рыночной мир-системе, находящейся на пороге преобразования.

Ключевые слова: неокOLONИализм; глобальная империя; глобальное классовое общество.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Сироткина А. И. Трансформация субъектов и объектов социально-экономической системы неокOLONIALИЗМА в условиях глобального структурного кризиса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 277–289. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-277-289>.

Поступила в редакцию 10.02.2023

Принята к публикации 07.03.2023

Опубликована 28.04.2023

The Transformation of Subjects and Objects of the Socio-Economic System of Neo-Colonialism in the Context of a Global Structural Crisis

Anastasia I. Sirotkina¹ ✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russian Federation

✉ e-mail: sir_n@bk.ru

Abstract

Relevance. The merging of the economic interests of the state and private structures, supported by the concentration and centralization of power-property in the context of the global structural crisis, indicates the transformation of the existing global socio-economic conjuncture, in particular the transformation of subjects of socio-economic relations into objects. Thus, there is a need to study the ongoing transformation with the subsequent identification of the emerging structure of class society, which makes it possible to determine a promising direction of research in the field of socio-economic relations developing in the global liberal socio-economic system, which is in the terminal stage of crisis.

The purpose of the study is to identify trends in the transformation of the global system of socio-economic relations, its elements (subjects and objects of relations), as well as the socio-economic (class) relations themselves, formalization of the presented transformation and ensuring its representativeness.

Objectives. This goal is achieved by solving the following tasks: identifying the integration of the institution of the state with transnational capital, representing the emerging structure of socio-economic subject-object relations, as well as the system of subject-object relations of a new global class society.

Methodology. The solution of these tasks is carried out by applying general scientific research methods within the framework of logical analysis and synthesis. Formulated and applied the author's method, presented in the text in the form of an algorithm that describes the logic of the process of transformation of subjects of socio-economic relations, represented by a flowchart.

Results. The result of the research is the modeling of the emerging structure of socio-economic subject-object relations.

Conclusions. The conducted research is applicable for the structural analysis of global socio-economic processes, as well as the formation of interdisciplinary theoretical models that reveal the destructive processes taking place in the modern market world system, which is on the verge of transformation.

Keywords: neo-colonialism; global empire; global class society.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Sirotkina A. I. The Transformation of Subjects and Objects of the Socio-Economic System of Neo-Colonialism in the Context of a Global Structural Crisis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 277–289. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-277-289>.

Received 10.02.2023

Accepted 07.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

Существующий тренд сращивания экономических интересов частных и государственных институтов выпадает из поля внимания преобладающего направления научных исследований в области экономики, что связано с некоторой причастностью научных кадров, а также подчинённого (и, как следствие, кризисного) положения науки, которое проявляется, в частности, в сглаживании отрицательных эффектов глобализации в научном дискурсе. Воздействие глобализационных процессов, обусловленных целенаправленной деятельностью субъектов социально-экономических отношений, приводит к сращиванию экономических интересов института государства с интересами частного капитала, что влечёт за собой переориентацию целей и задач государства на реализацию этих частных экономических интересов, а также разрушению самого института государства, на смену которому приходит «частная» власть (власть частных интересов).

Цель работы заключается в выявлении трендов трансформации глобальной системы социально-экономических отношений, её элементов (субъектов и объектов отношений), а также самих социально-экономических (классовых) отношений.

Материалы и методы

В подтверждение тезиса о демонтаже института государства следует отметить дестабилизацию следующих основных признаков государства, что особенно явно проявилось в ходе кризиса, начавшегося в 2019 г. в Китае, выделенных Г. Н. Мановым:

- «наличие особой системы органов и учреждений, образующих в совокупности механизм государства...»;
- наличие права, то есть обязательных правил поведения, устанавливаемых или санкционируемых государством...»;
- наличие определённой территории, пределами которой ограничена данная государственная власть» [1, с. 176–179].

Таким образом, под воздействием глобализационных процессов произошло размывание и окончательное сращивание экономических интересов и, как следствие, интеграция институтов государства с транснациональным капиталом. Субъекты социально-экономических отношений, формировавшиеся в рамках национальных государств (ТНК/ТНБ, ТПО [2; 3], ЧВОК), к первой четверти XXI в. сконцентрировали в себе военные, экономические, политические и научные ресурсы, превышающие по своим объёмам ресурсы национальных государств, следствием чему является отказ от протекции институтов национальных государств при одновременной интеграции частных и государственных управляющих структур. Концентрация собственности у указанных субъектов социально-экономических отношений, в частности формирование монопольного контроля в сфере информационных технологий, становится базисом движения, по мнению Н. Н. Моисеева, к новому типу тоталитаризма [4].

О взаимодействии пяти крупнейших ИТ-компаний со спецслужбами США сообщил Э. Сноуден в его книге «Постоянная записка» (в России издано под названием «Личное дело») [5]. Крупнейшие 5 ИТ-компаний США («большая пятёрка») не только осуществляют монопольный контроль за информацией, но и демонстрируют в своей финансовой отчётности одних и тех же институциональных инвесторов (*Вангард Груп Инкорпорейтед, Блек Рок*) [6].

Лояльность антимонопольных служб и правоохранительных ведомств США к формированию подобной «супермонополии» при тесном сотрудничестве между частными и государственными структурами, а также ротация управленческого персонала в пределах эллипса политического класса, состоящего из представителей элиты, которые выступают от имени корпораций (бывшие министры и государственные слу-

жащие, политические советники и т. д.) с сохранением неизменного состава, свидетельствуют о размывании границы между частными и государственными институтами.

В качестве иллюстрации в таблице приведены примеры существующих отношений крупнейших частных структур с государственными институтами.

Таблица. Сотрудничество частных и государственных структур

Транснациональный капитал		Государственная структура	Примечание
Тип	Пример		
ТНБ	Нуган Хенд Бенк оф Синдей (Nugan Hand Bank of Sydney)	ЦРУ	С помощью Nugan Hand Bank of Sydney ЦРУ отмывало деньги, полученные от торговли наркотиками и оружием в Индокитае (1973–1980 гг.)
ТНК	Гугл (Google)	ЦРУ	Финансирование. Сбор данных пользователей, картография местности [7]
ТПО	Мексиканский картель Синоала	ЦРУ	Операция «Форсаж» [8], в ходе которой служба контроля по обороту оружия закупила на чёрном рынке 1,5 тысячи автоматов и пистолетов для отслеживания каналов поставок контрабандного оружия, но грузовик с оружием смог оторваться от слежки сразу после пересечения границы
	Партизанские группировки национальных меньшинств Бирмы, остатки армии Гомиьндана	ЦРУ	Участие в торговле героином в Золотом треугольнике* [9]
ЧВОК	Блэк Уотер (Academi (BlackWater))	ВМС США	Приведённые ЧВОК Основаны бывшими или действующими офицерами вооружённых сил, при реализации своей деятельности непосредственно взаимодействуют и оказывают услуги государственным органам [10, с. 130–147]. (Операция «Буря», в результате которой были ликвидированы республики Сербская Краина и Западная Босния.)
	Милитари Профешнл ресорсес инкорпорейтед (MPRI International (Military Professional Resources))	Министерство обороны США	
Наднациональные структуры Supranational structures	ВОЗ	Министерство здравоохранения	Кризис медицинского характера 2020 г. [11; 12].

* Золотой треугольник – область, где границы Таиланда, Лаоса и Мьянмы встречаются в месте слияния рек Руак и Меконг

Дополнением к консолидации властных структур является система перекрёстного владения и финансирования, в которой к указанным субъектам инкорпорируются наднациональные структуры (ВОЗ [13], ООН [14] и т. д.), также оказывающие значительное влияние на социально-экономические процессы в глобализованном и деиндустриализирующемся мире.

В условиях набирающей обороты глобальной деиндустриализации явно проявляется решающее значение, которое приобретают идеологические и политические отношения («надстройка» в терминологии исторического материализма). Надстройка играет активную роль в социально-экономических процессах, происходящих в обществе. Характер оказываемого воздействия сформулировал

Ф. В. Константинов в статье «Базис и надстройка» [15, с. 526–527]. Ф. В. Константинов определяет надстройку следующим образом: возникнув на определённом базисе, надстройка «начинает оказывать обратное воздействие на породивший её базис и развитие общества в целом... Обратное воздействие надстройки имеет различный характер. Прогрессивная надстройка способствует своему базису и данному обществу оформиться, укрепиться, развиваться. Реакционная надстройка охраняет незыблемость своего реакционного базиса, тормозит развитие производительных сил. В известные исторические периоды наблюдаются и такие факты, что данная надстройка способствует развитию общества в одном отношении, одних его сторон, и тормозит развитие других его элементов, сторон, процессов» [15, с. 526–527].

На текущий момент политические и идеологические факторы приобретают решающее значение в исторических событиях. В части возможности реализации индивидуализированного контроля и управления наравне с «большой пятёркой» крупнейших мировых ИТ-компаний следует отметить важную роль так называемых «фабрик мысли» / «мозговых центров» – публичных институтов, осуществляющих консультирование по корпоративным контрактам, как правило, в области политического производства и оценки социально-экономических последствий политических решений. Они представляют собой научно-производственные отделения (примерами которых могут выступить: Брукингский институт, Еврейский институт национальной безопасности Америки, Институт стратегических и политических исследований, Совет по международным отношениям, Фонд «Наследие», Фонд Карнеги за международный мир, Центр стратегических и международных исследований и пр.), деятельность которых сосредоточена на социальной инженерии, а финансирование производится частными структурами [16].

В монографии К. Крауча «Постдемократия» [17] автор отмечает, что отказ

государства от роли активного спонсора некоммерческой сферы приводит к необходимости поиска организациями указанной сферы новых источников финансирования, которым становится корпоративный сектор. Иными словами, крупные частные компании, приватизируя крупномасштабные подряды в сфере общественных услуг, приобрели доминирующую власть и влияние, которые позволяют им не только реализовывать собственные экономические интересы, но и сохранять политическую систему, допускающую подобное влияние. Иными словами, исследовательские центры («мозговые центры» / «фабрики мысли») трансформируются в интеллектуальную службу симбиоза правительственно-олигархических структур в ущерб национальным интересам государства и общества в целом [18, с. 5–17]. Таким образом, в формирующейся системе социально-экономических отношений (рис. 1) определён приоритет частных экономических интересов над общественными, что является определяющей характеристикой не только прежней, устоявшейся ранее капиталистической системы, но и социально-экономической системы неокOLONиализма нового типа, формирующейся в условиях глобализации.

Сформировавшиеся в рамках деградирующего института государства ТНК/ТНБ, ТПО, ЧВОК и наднациональные структуры используют его в качестве питательной среды, чем разрушают (объективируют) его, приобретая доминирующее положение в социально-экономических отношениях мегауровня [19, с. 214–220], на котором, в соответствии с исследованием А. Ю. Волошиной, складывающиеся социально-экономические отношения развиваются в всеобщего разделения и кооперации труда [20, с. 5–10]. Обеспечивают свою субъектность в указанных отношениях, оставляя роль объекта как для института государства, так и для общества, лишённого самоидентификации, путём манипулирования сознанием, в глобальном масштабе.

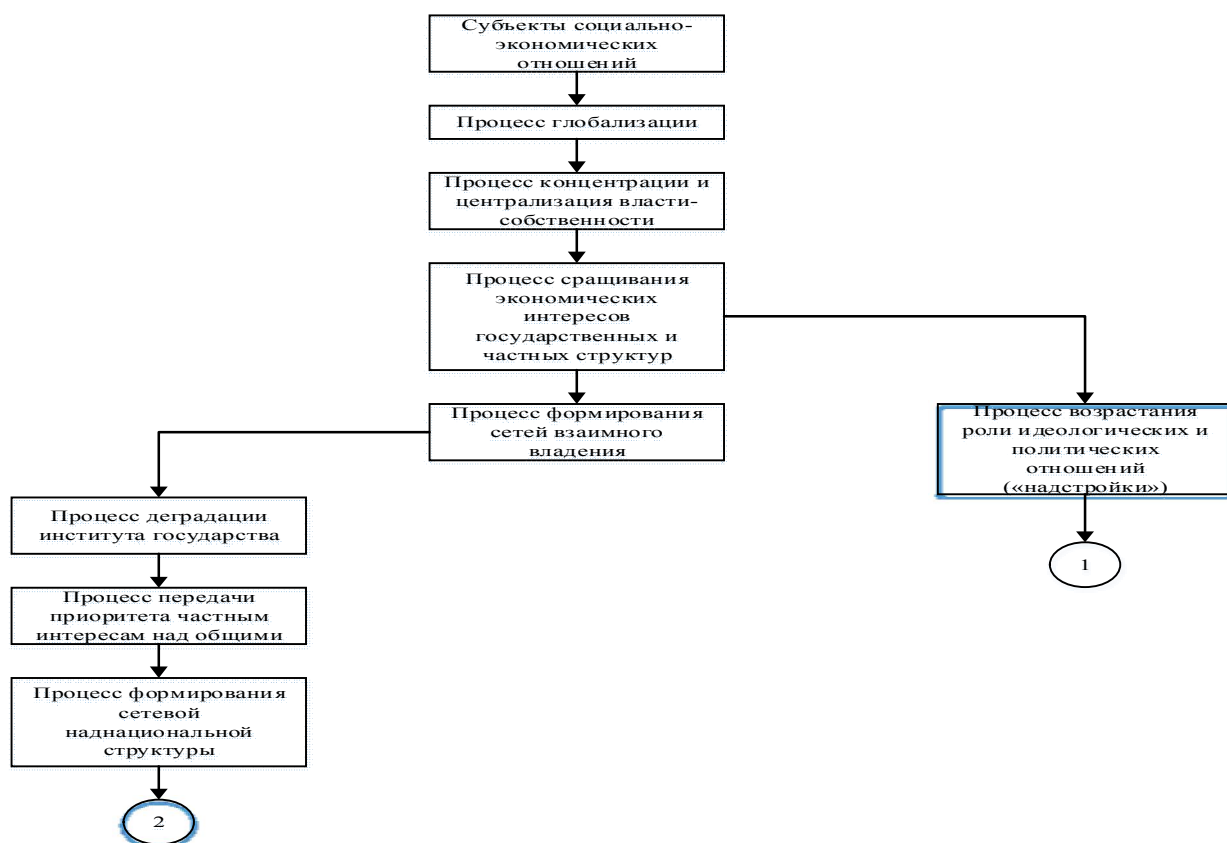

Рис. 1. Трансформация глобальной социально-экономической системы

Таким образом, в условиях глобального передела сфер влияния происходит трансформация элементов капиталистической социально-экономической системы (в частности, трансформация субъектов социально-экономических отношений в объекты). Содержание указанного процесса реструктуризации базового института капиталистической системы – института государства – подробно раскрыт в статье доктора экономических наук, профессора М. Л. Альпидовской «Цифровой Левиафан» [21, с. 152–164].

Отношения, возникающие между субъектами и объектами капиталистической социально-экономической системы, образуют единую систему неокOLONиализма. Субъекты и объекты социально-экономической системы неокOLONиализма вступают друг с другом в социально-экономические отношения, которые в своём разнообразии характеризуют множественность свойств и признаков элементов системы.

Социально-экономическая система неокOLONиализма представлена следующими явно сформированными элементами:

- антропоморфная структура (плутократия / «золотой миллион»);
- сетевая наднациональная структура (в составе ТНК/ТНБ, ЧВОК, ТПО, наднациональных структур),
- национальные государства.

Указанные субъекты и объекты вступают между собой в социально-экономические отношения, характеризующие их положение в глобальной иерархии (субъектность). Таким образом, складываются субъект-субъектные, субъект-объектные типы отношений, на которые оказал значительное влияние процесс глобализации. Подтверждением данному тезису является устойчивая тенденция к разрушению «старого порядка» и формированию «нового мирового порядка» [22; 23; 24], в качестве катализаторов которых, по мнению К. Шваба, выступают активность молодёжи и пандемия. «Ак-

тивность молодежи растет во всем мире, революционизируется социальными сетями, которые увеличивают мобилизацию до такой степени, что раньше было невозможно. Она принимает множество различных форм, от неинституционализированного политического участия до демонстраций и протестов, и затрагивает столь разные вопросы, как изменение климата, экономические реформы, гендерное равенство и права ЛГБТК. Молодое поколение твердо стоит в авангарде социальных изменений. Нет никаких сомнений в том, что это станет катализатором перемен и источником критического импульса для Великой перезагрузки. <...> В связи с пандемией «цифровая трансформация», о которой многие аналитики говорили в течение многих лет, не зная точно, что она означает, нашла свой катализатор. Одним из основных эффектов ограничения будет расширение и развитие цифрового мира решительным и часто постоянным образом» [17, с. 77–78, 116–117]. В формирующемся новом мировом порядке глобальное общество,

объединённое в единое целое, со всеми его институтами, разделяется на субъекты и объекты социально-экономически отношений.

Субъекты социально-экономической предметно-практической деятельности выступают агентами по производству, распределению, обмену и потреблению экономических благ, а также непрерывного творческого преобразования окружающей действительности. Таким образом, активная деятельность субъекта, направленная на фрагмент объективной действительности, является необходимым условием его субъектности. В свою очередь, те элементы объективной реальности, на которые направлена деятельность субъектов, являются объектами экономических отношений.

Резюмируя сказанное выше, следует привести авторский метод, представленный в виде алгоритма, описывающего логику процесса трансформации и становления субъектов социально-экономических отношений, представленного блок-схемой (рис. 1–3).

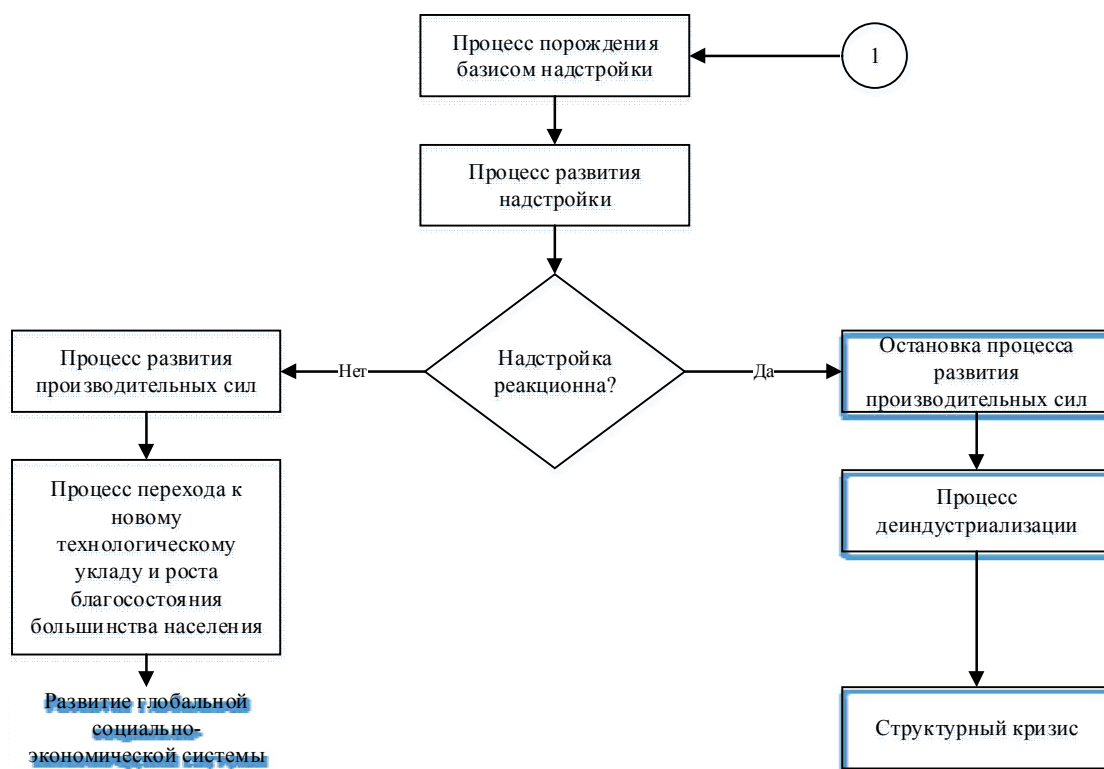

Рис. 2. Влияние надстройки на базис в условиях глобального структурного кризиса

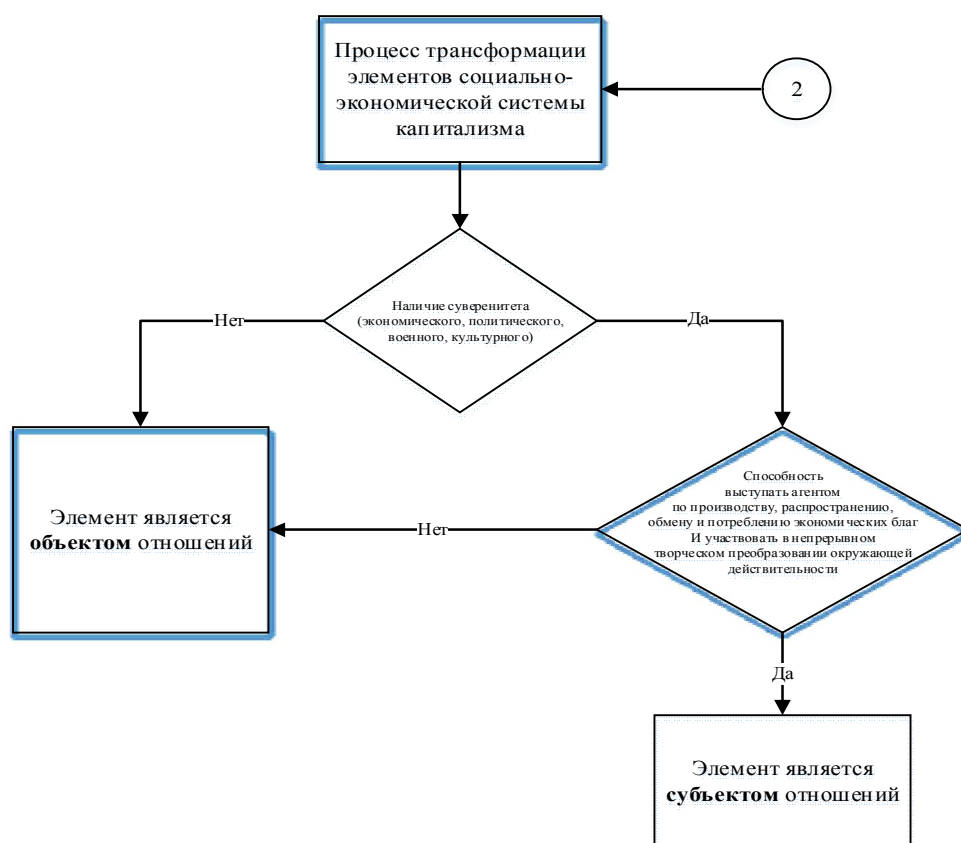

Рис. 3. Трансформация субъектов глобальной социально-экономической системы

Результаты и их обсуждение

В социально-экономической системе неокOLONиализма каждая верхняя ступень иерархии является субъектом по отношению к нижестоящим, а элементы системы, располагающиеся на одном уровне глобальной иерархии, состоят в субъект-субъектных и субъект-объектных отношениях в зависимости от относительного экономического, политического и военного ресурсов элемента системы. Иными словами, между антропоморфной структурой и сетевой наднациональной структурой, представленной ТНК/ТНБ, ЧВОК, ТПО и наднациональными структурами, складываются субъект-объектные отношения. Взаимосвязанная сеть глобальных игроков и диффузная сеть государственно-частных партнёрств приводят к нивелированию института государства (в рамках трансформации всей системы государственного управления – «государство как платформа» [25]) и снижению

его уровня в глобальной иерархии с мегауровня (мировой мегаэкономике) на макроуровень (макроэкономики государства и региона). Таким образом, аналогичные отношения складываются между сетевой наднациональной структурой и институтом государства (рис. 4).

Функционирование и развитие глобальной социально-экономической системы неокOLONиализма нового типа определяют текущее состояние и перспективы развития общества. В свою очередь, генезис указанной системы определяется функционированием её системообразующих элементов (в первую очередь субъектов).

С точки зрения диалектического материализма, субстанция материальной природы становится субъектом исторического процесса в виде практики (труда). Э. В. Ильенков в монографии «Диалектическая логика» формулирует следующее: «Труд – процесс изменения

природы действием общественного человека – и есть “субъект”, коему принадлежит “мышление” в качестве “предиката”» [26], т. е. подразумевается процесс трансформации природы действием общественного человека. Следовательно, индивид (в данном случае – антропоморфная структура) может выступать как субъект с присущим ему самосознанием при условии овладения им в определённой мере миром культуры, созданным человеком. В соответствии с определением субъекта, данным В. А. Лекторским, «материалистическое раскрытие творческой природы субъекта позволило марксизму показать, что подлинным субъектом истории являются народные массы как основная сила, творящая и революционно преобразующая мир культуры и социальное бытие в целом» [27, с. 24].

Современные тенденции к осознанию себя социальной общностью определённого экономического ранга исключительно у привилегированного меньшинства свидетельствует об атрофии у подавляющего большинства возможности к преобразованию окружающего мира и трансформации сложившихся социально-экономических отношений, что свидетельствует об объективации такого субъекта как «народные массы» в глобальном масштабе. Таким образом, в формирующемся новом глобальном классовом обществе привилегированное меньшинство выступает субъектом социально-экономических отношений, в то время как эксплуатируемое большинство является объектом, не осознающим себя как класс определённого экономического ранга, занимаемого в глобальной иерархии.

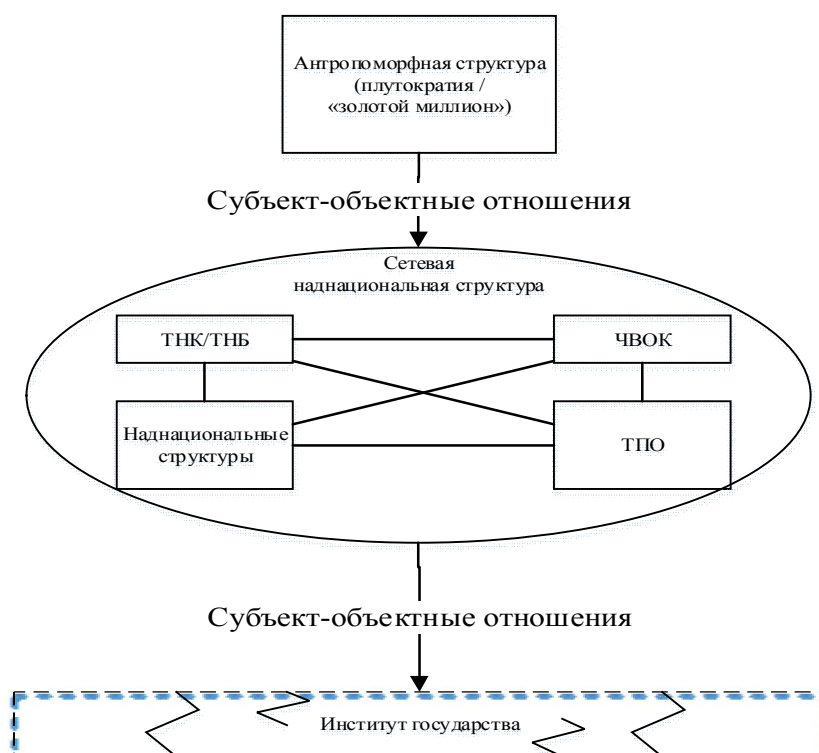

Рис. 4. Структура социально-экономических субъект-объектных отношений

Формирующееся особое глобальное классовое общество в первом приближении представляет собой иерархическую трехуровневую структуру, на вершине которой находится так называемый «зо-

лотой миллион», в центре – производительный класс, а в основании, пользуясь термином Д. Колемана, – «бесполезные едоки» [28, с. 14]. Формирующаяся структура глобального классового обще-

ства укладывается в макроэкономическую модель («Экономическую таблицу» и «Зигзаг доктора Кенэ») Ф. Кенэ [29], выделившего три класса общества (производительный класс, включающий в себя всех занятых в сельском хозяйстве; класс собственников; «бесплодный» (не-

производительный) класс занятых в промышленности), в ходе реализации задачи по обоснованию позиции короля и землевладельцев как основы общества.

Рассмотрим схематическую систему субъект-объектных отношений в системе глобального классового общества (рис. 5).

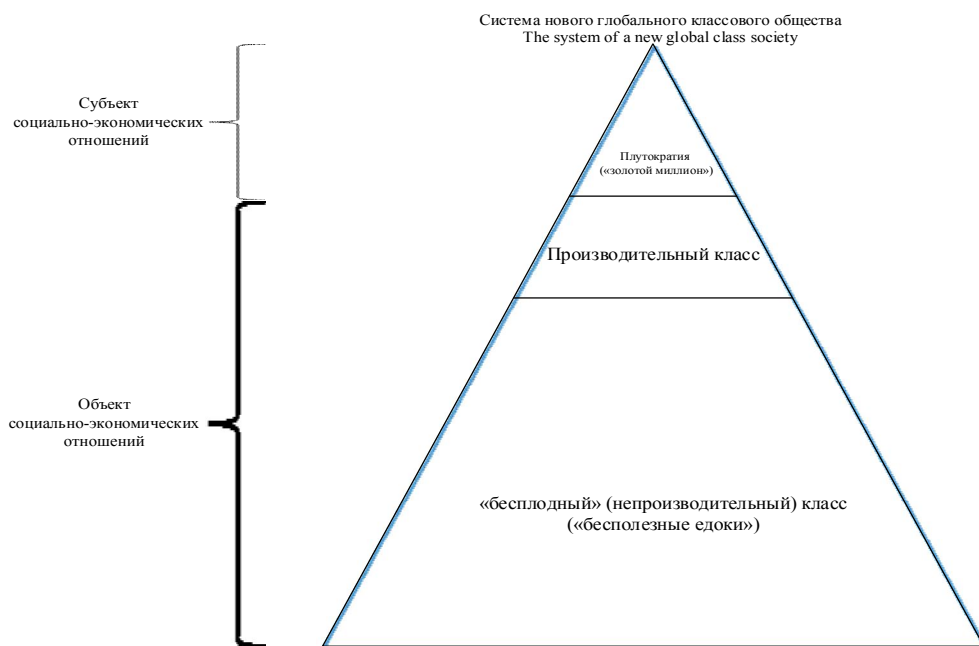

Рис. 5. Система субъект-объектных отношений нового глобального классового общества

Интенсификация социально-экономического и политического взаимодействия, инициируемая субъектами социально-экономических отношений мегауровня, приводит к трансформации либеральной социально-экономической системы. Капиталистическая система в своей терминальной стадии развития представляет собой систему неокolonизма нового типа, ключевой особенностью которой является широкомасштабная сепарация общества на привилегированное меньшинство и эксплуатируемое большинство, выходящая за границы национальных государств, что влечёт за собой необходимость поиска путей решения сложившихся противоречий существующей либеральной социально-экономической системы. В противном случае глобальное общество будет вынуждено вступить в «новые Тёмные Века» (в терминологии А. И. Фурсова) [30].

Выводы

Таким образом, влияние глобализации мировой экономики на трансформацию структуры системного неокolonизма заключается в трансформации таких субъектов социально-экономических отношений, как государство и общество из субъектов в объекты социально-экономических отношений, что позволяет сделать следующие выводы и резюмировать изложенное:

1. Концентрация власти-собственности у субъектов социально-экономических отношений мегауровня, в частности формирование монопольного контроля в сфере информационных технологий, становится базисом движения, к новому типу тоталитаризма за счёт господства в информационно-идеологической сфере, приобретающей решающее значение.

2. Структурный кризис существующей глобальной социально-экономичес-

кой системы ставит общество перед необходимостью выработки нового образа мыслей и новой суверенной структуры

ценностей, которые позволят реализовать развитие биосферы, а также человека и человеческое общество в её составе.

Список литературы

1. Манов Г. Н. Государство // Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1972. Т. 7. 709 с.
2. Стригунов К. С., Манойло А. В., Петренко А. И. Наркоиндустрия: от локальных банд до транснациональных преступных организаций (на примере стран Латинской Америки) // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 3. С. 1–16.
3. Стригунов К. С., Манойло А. В., Петренко А. И. Наркокартели и криминальные сети. Рассвет тёмной глобализации. М.: Горячая линия-Телеком, 2022. 304 с.
4. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Издательство Международного независимого эколого-политологического университета, 1998. 161 с.
5. Сноуден Э. Личное дело. М.: Эксмо, 2019. 416 с.
6. Катасонов В. Об информационной супермонополии США. URL: <https://discred-ru.turbopages.org/discred.ru/s/2020/08/08/valentin/katasonov-ob-informatsionnoj-supermonopolii-ssha/> (дата обращения: 27.01.2023).
7. Ahmed N. How he CIA made Google. URL: <https://medium.com/insurge-intelligence/how-the-cia-made-google-e836451a959e> (дата обращения: 26.01.2023).
8. Van der Reijden J. A history of CIA drug trafficking: how drug cartels and drug-dealing death squads have been the CIS's best friends for many decades. URL: <https://isgp-studies.com/cia-heroin-and-cocaine-drug-trafficking> (дата обращения: 26.01.2023).
9. McCoy W. A. The politics of heroin in southeast Asia. New York: Harper colophon books, 1973. 472 p.
10. Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI в. / К. П. Курылёв, Е. В. Мартыненко, Н. П. Пархитко, Д. В. Станис // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 4. С. 130–147.
11. Четверикова О. Н. За фасадом ВОЗ. Рокфеллер, Гейтс и заговор большой фармы против человечества. М.: Книжный мир, 2021. 320 с.
12. Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка. Женева, 2020. URL: <https://pravda.red>...covid-19-velikaya-perezagruzka.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).
13. Merelli A. Bill pays the WHO. The WHO has a worrisome reliance on the Bill & Melinda Gates Foundation. URL: <https://qz.com/2102889/the-who-is-too-dependent-on-gates-foundation-donations> (дата обращения: 13.01.2023).
14. Tedeneke A. World Economic Forum and UN Sign Strategic Partnership Framework. URL: <https://www.weforum.org/press/2019/06/world-economic-forum-and-un-sign-strategic-partnershipframework> (дата обращения: 13.01.2023).
15. Константинов Ф. В. Базис и надстройка // Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1970. Т. 2. 737 с.
16. Хубиев Р. Орудия информационной войны: секреты американских «фабрик мысли». URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2693898.html> (дата обращения: 27.01.2023).
17. Крауч Ч. Постдемократия. М.: Издательский дом государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 190 с.
18. Арутюнян Г. «Мозговые центры» и национальная безопасность // 21-й век. 2011. Т. 1. С. 5.
19. Волошина А. Ю. Пространство мегаэкономики: концептуальные основы идентификации в глобальной экономике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2013. № 2 (23). С. 214–221.
20. Волошина А. Ю. Мегаэкономика: онтологический и гносеологический аспекты анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2012. № 2 (21). С. 5–11.
21. Альпидовская М. Л. Цифровой Левиафан // Вопросы политической экономии. 2021. № 1(25). С. 152–164.
22. BlackRock's CEO: Ukraine War Accelerates ESG And Digital Currencies. URL: <https://www.techocracy.news/blackrocks-ceo-ukraine-war-accelerates-esg-and-digital-currencies> (дата обращения: 14.01.2023).

23. Кучин В. Лавров: конфликт на Украине сформирует новый мировой порядок. URL: <https://deita.ru/article/512883> (дата обращения: 14.01.2023).
24. Sadeghi M. Fact check: Biden's 'new world order' reference tied to Ukraine, not conspiracy theory. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/factcheck/2022/03/25/fact-check-biden-did-not-admit-new-world-order-conspiracy/7156937001/> (дата обращения: 14.01.2023).
25. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 53 с.
26. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
27. Лекторский В. А. Субъект // Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1976. Т. 23. 663 с.
28. Колеман Д. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: Родина, 2019. 272 с.
29. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 551 с.
30. Фурсов А. И. Мы вступаем в новые Тёмные Века. URL: <https://youtu.be/NSZYV5EYbcQ> (дата обращения: 13.01.2023).

References

1. Manov G. N. Gosudarstvo [State]. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]; ed. by A. M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1972, vol. 7. 709 p.
2. Strigunov K. S., Manoilo A. V., Petrenko A. I. Narkoindustriya: ot lokal'nykh band do transnatsional'nykh prestupnykh organizatsii (na primere stran Latinskoj Ameriki) [Drug industry: from local gangs to transnational criminal organizations (in the example of Latin American countries)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* = *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2022, no. 3, pp. 1–16.
3. Strigunov K. S., Manoilo A. V., Petrenko A. I. Narkokarteli i kriminal'nye seti. Rassvet temnoi globalizatsii [Drug cartels and criminal networks. Dawn of dark globalization]. Moscow, Hotline-Telecom Publ., 2022. 304 p.
4. Moiseev N. N. Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma [The Fate of civilization. The Path of Reason]. Moscow, International Independent Ecological and Political Science University Publ., 1998. 161 p.
5. Snowden E. Lichnoe delo [Personal file]. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 416 p.
6. Katasonov V. Ob informatsionnoi supermonopolii SShA [About the information super-monopoly of the USA]. Available at: <https://discred-ru.turbopages.org/discred.ru/s/2020/08/08/valentin/katasonov-ob-informatsionnoj-supermonopolii-ssha/> (accessed 27.01.2023)
7. Ahmed N. How he CIA made Google. Available at: <https://medium.com/insurge-intelligence/how-the-cia-made-google-e836451a959e>. (accessed 26.01.2023)
8. Van der Reijden J. A history of CIA drug trafficking: how drug cartels and drug-dealing death squads have been the CIS's best friends for many decades. Available at: <https://isgp-studies.com/cia-heroin-and-cocaine-drug-trafficking>. (accessed 26.01.2023)
9. McCoy W. A. The politics of heroin in southeast Asia. New York, Harper colophon books, 1973. 472 p.
10. Kurylev K. P., Martynenko E. V., Parkhitko N. P., Stanis D. V. Fenomen chastnykh voennykh kompanii v voenno-silovoi politike gosudarstv v XXI v. [The phenomenon of private military companies in the military-power policy of states in the XXI century]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* = *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 130–147.
11. Chetverikova O. N. Za fasadom VOZ. Rokfeller, Geits i zagovor bol'shoi farmy protiv che-lovechestva [Behind the facade of the WHO. Rockefeller, Gates and the conspiracy of big Pharma against humanity]. Moscow, Book World Publ., 2021. 320 p.
12. Schwab K., Mallere T. COVID-19: Velikaya Perezagruzka [COVID-19: The Great Reboot]. Geneva, 2020. Available at: <https://pravda.red/covid-19-velikaya-perezagruzka.pdf>. (accessed 20.01.2023)
13. Merelli A. Bill pays the WHO. The WHO has a worrisome reliance on the Bill & Melinda Gates Foundation. Available at: <https://qz.com/2102889/the-who-is-too-dependent-on-gates-foundation-donations>. (accessed 13.01.2023)

14. Tedeneke A. World Economic Forum and UN Sign Strategic Partnership Framework. Available at: <https://www.weforum.org/press/2019/06/world-economic-forum-and-un-sign-strategic-partnershipframework>. (accessed 13.01.2023)
15. Konstantinov F. V. Baza i nadstroika [Basis and superstructure]. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]; ed. by A. M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1970, vol. 2. 737 p.
16. Khubiev R. Orudiya informatsionnoi voyny: sekrety amerikanskikh "fabrik mysli" [Tools of information warfare: secrets of American "thought factories"]. Available at: <https://regnum.ru/s/news/2693898.html>. (accessed 27.01.2023)
17. Crouch Ch. Postdemokratiya [Postdemocracy]. Moscow, Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. 190 p.
18. Harutyunyan G. "Mozgovye tsentry" i natsional'naya bezopasnost' ["Think tanks" and national security]. *21-i vek = 21st century*, 2011, vol. 1, p. 5.
19. Voloshina A. Yu. Prostranstvo megaekonomiki: kontseptual'nye osnovy identifikatsii v global'noi ekonomike [Megaecospace: conceptual bases of identification in global economy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*, 2013, no. 2 (23), pp. 214–221.
20. Voloshina A. Yu. Megaekonomika: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty analiza [Megaecology: ontological and gnoseological aspects of analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*, 2012, no. 2 (21), pp. 5–11.
21. Alpidovskaya M. L. Tsifrovoy Leviatan [Digital Leviathan]. *Voprosy politicheskoi ekonomii = Questions of Political Economy*, 2021, no. 1(25), pp. 152–164.
22. BlackRock's CEO: Ukraine War Accelerates ESG And Digital Currencies. Available at: <https://www.technocracy.news/blackrocks-ceo-ukraine-war-accelerates-esg-and-digital-currencies>. (accessed 14.01.2023)
23. Kuchin V. Lavrov: konflikt na Ukraine sformiruet novyi mirovoi poryadok [V. Lavrov Kuchin: the conflict in Ukraine will form a new world order]. Available at: <https://deita.ru/article/512883>. (accessed 14.01.2023)
24. Sadeghi M. Fact check: Biden's 'new world order' reference tied to Ukraine, not conspiracy theory. Available at: <https://www.usatoday.com/story/news/factcheck/2022/03/25/fact-check-biden-did-not-admit-new-world-order-conspiracy/7156937001/>. (accessed 14.01.2023)
25. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. Gosudarstvo kak platforma. (Kiber)gosudarstvo dlya tsifrovoy ekonomiki. Tsifrovaya transformatsiya [The state as a platform. (Cyber)the state for the digital economy. Digital Transformation]. Moscow, Center for Strategic Research Publ., 2018. 53 p.
26. Ilyenkov E. V. Dialekticheskaya logika: Ocherki istorii i teorii [Dialectical logic: Essays on history and theory]. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 271 p.
27. Lektorskiy V. A. Sub'ekt [Subject]. Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]; ed. by A. M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1976, vol. 23. 663 p.
28. Coleman D. Komitet 300. Tainy mirovogo pravitel'stva [Committee of 300. Secrets of the World government]. Moscow, Rodina Publ., 2019. 272 p.
29. Kene F. Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya [Selected economic works]. Moscow, Publishing house of socio-economic literature, 1960. 551 p.
30. Fursov A. I. My vstupam v novye Temnye Veka [We are entering a new Dark Age]. Available at: <https://youtu.be/NSZYV5EYbcQ>. (accessed 13.01.2023)

Информация об авторе / Information about the Author

Сироткина Анастасия Ильинична, соискатель, ассистент Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: sir_n@bk.ru, Researcher ID: AAW-1551-2021, ORCID: 0000-0001-9503-0306

Anastasia I. Sirotkina, Applicant, Assistant of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: sir_n@bk.ru, Researcher ID: AAW-1551-2021, ORCID: 0000-0001-9503-0306

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-290-300>**ESG-трансформация в России: поворот на социальное направление развития бизнеса****Ю. В. Манкевич¹** ✉

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, д. 27-4, г. Москва 119192, Российская Федерация

✉ e-mail: jul-2882@mail.ru

Резюме

Актуальность. Очевидно, существует прямая зависимость между выполнением целей устойчивого развития компанией, ее движения по ESG-направлениям и стратегическим развитием бизнеса. В целом, как показала практика, первые попытки ESG-трансформации, сделанные в России, выявили ряд недостатков в постановке ESG-направления в компаниях, среди основных отмечается: слабая методологическая проработка, отсутствие осмысления проблем, непроработанность отдельных направлений и фрагментарность предоставления данных. В текущих условиях сложно говорить об экологической E-составляющей ESG как о флагмане устойчивого развития компаний, как это было ранее. В связи с чем многие эксперты сейчас говорят о грядущей ESG-трансформации в сторону ESG-S. Оценить уровень работы компаний по данному направлению стало возможным на основе анализа информации, представленной на сайте компаний, раскрытии нефинансовых отчетов на площадке РСПП, а также социологических исследований Сбера и НИУ ВШЭ, которые и составили информационную базу настоящего консолидированного исследования.

Целью настоящего исследования является анализ основных направлений работы компаний в разрезе S-составляющей ESG как базиса для стратегического развития бизнеса в России.

Задачами являются анализ социальных аспектов деятельности большинства крупных российских компаний по основным направлениям: текучесть персонала, гендерное равенство и взаимодействие с заинтересованными сторонами (стейкхолдерами), а также рассмотрение вопросов их оценки и требований партнеров.

Методология. В качестве методов исследования использовались: индуктивный / дедуктивный, нормативно-аналитический, системный метод и метод обобщения.

Результаты. Полученные результаты будут являться базой для системной оценки уровня достигнутых ESG-S результатов бизнесом на современном этапе, а также вектором дальнейшего движения бизнеса в сторону национальной специфики ESG.

Выводы. В результате проведенного исследования были получены выводы о достигнутом уровне ESG-S, а также на их основе обозначены дальнейшие шаги в сторону ESG-трансформации в сегодняшних условиях.

Ключевые слова: цели устойчивого развития; ESG-трансформация; направление ESG-S; социальное развитие бизнеса.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Манкевич Ю. В. ESG-трансформация в России: поворот на социальное направление развития бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 290–300. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-290-300>.

Поступила в редакцию 02.02.2023

Принята к публикации 01.03.2023

Опубликована 28.04.2023

© Манкевич Ю. В., 2023

ESG-Transformation in Russia: Turning to a Social Direction of Business Development

Yuliya V. Mankevich¹ ✉

¹ Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovsky Ave., Moscow 119192, Russian Federation

✉ e-mail: Jul-2882@mail.ru

Abstract

Relevance. Obviously, there is a direct relationship between the implementation of the company's sustainable development goals, its movement in ESG directions and strategic business development. In general, as practice has shown, the first attempts at ESG transformation made in Russia revealed a number of shortcomings in the formulation of the ESG direction in companies, among the main ones noted: weak methodological elaboration, lack of understanding of problems, lack of elaboration of individual areas and fragmented data provision. In the current conditions, it is difficult to talk about the environmental E-component of ESG as the flagship of the sustainable development of companies, as it was before. In this connection, many experts are now talking about the upcoming ESG transformation towards ESG-S. It became possible to assess the level of work of companies in this area based on the analysis of information provided on the companies' website, disclosure of non-financial reports on the RSPP site, as well as sociological studies of the BEAC and HSE, which formed the information base of this consolidated study.

The purpose of this study is to analyze the main directions of companies' work in the context of the S-component of ESG as a basis for strategic business development in Russia.

The objectives are to analyze the social aspects of the activities of most large Russian companies in the main areas: staff turnover, gender equality and interaction with stakeholders, as well as consideration of their assessment issues and partner requirements.

Methodology. The following research methods were used: inductive/deductive, normative-analytical, system method and generalization method.

Results. The results obtained will be the basis for a systematic assessment of the level of ESG-S results achieved by business at the present stage, as well as a vector of further business movement towards the national specifics of ESG.

Conclusions. As a result of the conducted research, conclusions were obtained about the achieved level of ESG-S, and on their basis, further steps towards ESG transformation in today's conditions were outlined.

Keywords: sustainable development goals; ESG-transformation; ESG-S direction; business social development.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Mankevich Yu. V. ESG-Transformation in Russia: Turning to a Social Direction of business Development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023; 13(2): 290–300. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-290-300>.

Received 02.02.2023

Accepted 01.03.2023

Published 28.04.2023

Введение

На сегодняшний момент очевидна взаимозависимость развития бизнеса и реализации целей устойчивого развития в направлениях ESG. Несмотря на то, что Концепция устойчивого развития была принята еще в 2015 г., осознание необходимости ее в России пришла лишь в 2020–2022 гг. С началом пандемии COVID-19 народ стал больше задумываться о здоровье, существующих ценно-

стях и отношениях. Именно на это время пришлось активная деятельность бизнеса по разработке своих корпоративных стратегий устойчивого развития. К сожалению, как показала практика, в процессе их разработки бизнес столкнулся со множеством вопросов, ответы на которые приходилось искать у транснациональных корпораций, т. к. именно они оказались драйверами устойчивого развития в России. Далее данную тему продолжили

банки, формируя условия для кредитования и инвестиционных проектов бизнеса, которые им, в свою очередь, предлагали их западные партнеры как условия финансирования. Так, произошел переход от абстрактных понятий целей устойчивого развития (ЦУР) до конкретных направлений ESG, где E (ecological), S (social), G (governance) – в качестве экологических, социальных, управленческих направлений деятельности компаний. Причем, согласно оценкам экспертов, при внедрении ESG в свои практики крупный бизнес зачастую интересовали самые простые методологические вопросы – от определения понятия устойчивого развития до методик разработки их стратегии, которые запрашивали банки в случае финансирования. Все остальные компании оставались долгое время в стороне и воспринимали концепцию как что-то экологическое, но «не про них». По мнению большинства исследователей, за последнее время вектор устойчивости под влиянием внешних факторов меняется в сторону социальных систем – культуры, мировоззрения, экономики, политики, семьи. Так, экосоциальная перспектива в сложившейся ситуации становится наиболее разумным и приемлемым направлением развития бизнеса.

Материалы и методы

Данное исследование ставит своей целью проанализировать достигнутый уровень ESG-направления бизнеса в России в части социального аспекта. В связи с чем используются материалы исследований, проведенных ведущими исследовательскими центрами, которые занимаются вопросами устойчивого развития и ESG. В работе применяются общенаучные методы дедукции, индукции, анализа и синтеза, а также метода визуализации данных. В целом необходимо заметить, что данное направление стало возможным для исследования после его формализации [1]. Переход на устойчивое развитие стал возможен после подписания итогового документа Конференции ООН

«Рио+20», где было зафиксировано условие достижения ЦУР. Это означало создание институциональной базы устойчивого развития с институтом корпоративной социальной ответственности. Были определены относительно устойчивые формализованные и неформализованные нормы и правила, определяющие характер решений, принимаемых бизнес-организациями, накладывающие определенные ограничения на их деятельность, а также регулирующие взаимодействие компаний с заинтересованными сторонами и обществом в целом [2]. А после Всемирного экономического форума в Давосе произошло повсеместное распространение принципов корпоративной социальной ответственности [3]. Таким образом, идея глобального договора перенесла акцент с макро- на микроуровень, сформулировав особую значимость социально ответственного бизнеса.

Целесообразно ввести определение устойчивого развития. В более общем понимании оно характеризуется как развитие, при котором воздействие на окружающую среду – в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека [4]. А применительно к рассматриваемому аспекту – как альтернатива негативному сценарию развития глобального мира, которая строится на гармонизации экологических, социальных и экономических потребностей людей с возможностями удовлетворять эти потребности без ухудшения качества окружающей среды – необходимого условия жизни и здоровья человека [5].

Необходимо отметить, что зачастую устойчивое развитие воспринимается бизнесом как некая идеальная модель, которую сложно представить в виде использования только количественных расчетов. Поэтому в данном направлении целесообразно использовать потенциал междисциплинарного подхода, который расширяет возможности ее интерпретации [6].

Большую роль в вопросах выполнения целей устойчивого развития занимает

бизнес-сообщество со стороны транснациональных компаний, крупных корпораций, отраслевых комплексов, инновационных образований [7]. Флагманами устойчивого развития выступали именно транснациональные корпорации с развитыми корпоративными устоями. Несмотря на наличие множества мнений и определений устойчивого развития, корпоративная устойчивость, по мнению автора, понятие многоаспектное, которое соотносится с динамичным, длительным и непрерывным процессом адаптации к условиям, где нет противоречий между текущими и будущими целями, где ведется учет интересов всех факторов и общества в целом [8; 9].

По мере развития корпоративных стратегий бизнеса изменялись и подходы к устойчивому развитию в российских компаниях. Оценивая изменение интереса представителей бизнес-сообщества к устойчивому развитию, целесообразно привести работу Deloitte «Четвертая промышленная революция: на стыке готовности и ответственности». Название как бы предрекает будущий поворот к устойчивому развитию, подчеркивая повышение интереса представителей бизнеса к реализации целей устойчивого развития. На основе анализа данных 2000 российских компаний было выявлено стремление соблюсти баланс между ЦУР и прибыльностью бизнеса. Так, более половины опрошенных указывали на важность повышения уровня положительного воздействия на социум [10].

За последние годы все больше компаний стали думать на перспективу и создавать свои корпоративные стратегии устойчивого развития, а это означает, что основное проблемное поле для бизнеса начинает стираться – экономическая составляющая устойчивого развития уходит на второй план. А это означает сближение устойчивого развития корпораций с устойчивым развитием общества. Здесь необходимо привести результаты опроса консалтинговой компании Pricewaterhouse Coopers, проведенного в 2017 г.,

где приоритеты бизнеса обозначались следующие: экономический рост бизнеса и борьба с нищетой, бедностью, голодом, улучшение здоровья и повышение благополучия людей [11]. Таким образом, можно говорить о постепенном замещении бизнесом части проблем общества.

Следующим важным этапом «вживания» идей устойчивого развития в бизнес стало создание библиотеки корпоративных практик (Национальный регистр), вывешивая их на своем сайте или на площадке Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), тем самым раскрывая свою нефинансовую отчетность. Так в 2021 г. в Национальном регистре зафиксировано 200 компаний, что свидетельствует о колоссальном росте. Для примера: в 2015 г. их всего 158 [3]. Анализируя данные отчеты, можно сказать, что они представляют собой систему показателей работы в направлении социального, экологического, экономического развития отдельной компании, которые позволяют учитывать требования со стороны регуляторов, бирж, а также повышать свою инвестиционную привлекательность. Стоит заметить, что его составление позволяет влиять на имидж компании как социально ответственной компании [12].

По оценкам специалистов, постепенно происходит все большее интегрирование вопросов устойчивого развития в стратегию бизнеса, что охватывает все большее количество компаний. Это позволяет бизнесу расширять свой горизонт планирования, руководствуясь стратегическими целями в идеологии устойчивого развития [13]. Принимая во внимание приоритет человеческого капитала как драйвера стратегического развития, компании уделяют особое внимание описанию социальной составляющей своего отчета [14].

Так, по опросу российских компаний, проведенного по заказу национальной сети ГД ООН в России, 45% респондентов планируют или внедряют стратегию устойчивого развития, а 50% уже начали или в среднесрочной перспективе

планируют ее внедрять в свои бизнес-процессы. Приоритетами в сфере устойчивого развития оказались, наряду с экономическим ростом и рациональным потреблением, именно обеспечение здорового образа жизни, содействие благополучию, обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования [15]. Это говорит о том, что российская модель устойчивого развития имеет свою территориальную специфику, а именно направленность на социальную сферу.

И сегодня, оценивая происходящие геополитические и геоэкономические изменения, все больше специалистов сходятся на том, что и в дальнейшем будет происходить смещение фокуса повестки в сторону социального аспекта [16]. В подтверждение данного направления можно привести слова Президента Российской Федерации В. В. Путина, который на форуме Агентства стратегических инициатив «Сильные идеи для нового времени» заявил, что отечественный крупный бизнес становится более социально ориентированным [17]. Данное высказывание находится в русле междисциплинарного научного дискурса на тему построения модели развития человечества, одна из версий как раз – социально ориентированное общество [18].

В целом новая интерпретация социально ориентированного общества строится на экономическом инвестиционном подходе в человеческий потенциал и рассматривается как вложение в будущее страны. Путь устойчивого развития в этой связи зависит от революционных изменений в науке, глобализации экономической жизни, характера общественных потребностей, а это, в свою очередь, означает необходимость создания нового способа взаимодействия между человеком и средой его обитания. В связи с чем поворот бизнеса на социальное развитие компании будет означать разделение социальной ответственности государства между различными акторами (в т. ч. бизнесом) как путь решения социальных проблем общества. Однако необходимым

условием для этого будет являться переосмысление ценностных ориентаций личности, мировых тенденций общественного развития и изменение подхода к человеку как к творцу и итогу социальных перемен [19].

К сожалению, согласно опросу 2021 г., проведенному Сбером, пока в российском бизнесе крайне слабо развиты социальные практики. Одним из выводов, сделанных Сбером, была оценка уровня управления социальными аспектами, и он оценивается как **неоднородный** вне зависимости от размера компании. При этом уровень управления трудовыми отношениями соответствует и где-то превосходит мировой уровень в силу исторических причин. Для оценки развитости данного направления Сбер использовал анкетные данные своих клиентов – 1200 компаний среди 20 отраслей. Среди социальных аспектов особый интерес составляют текучесть персонала, гендерное равенство и взаимодействие с заинтересованными сторонами.

1. В научной практике **текучесть персонала** определяется как способность компании удерживать персонал. Обычно в целях управления и планирования персоналом компании применяют систему показателей текучести кадров: общая (активная, пассивная), где уровень 10–30% считается высоким и критичным соответственно, по данным MSI ESG Ratings and Sustainalytics ESG Risk Rating. Удержанию персонала в российских компаниях способствует обучение, развитие, повышение инклюзивности, улучшение условий труда, анализ вовлеченности и удовлетворенности [20]. Так, по оценке Сбера, 61% опрошенных компаний имеют значение текучести ниже 10%. В отраслевом масштабе более 70% компаний соответствуют лучшим мировым практикам, среди которых – энергетика, нефтегазовая, химия. Среди аутсайдеров – легкая промышленность, связь и телекоммуникации.

2. Как известно, **гендерное равенство** на всех уровнях организации в кадровом составе способствует повышению

конкурентоспособности и привлекательности работодателя, укреплению репутации, а в долгосрочной перспективе – экономическому процветанию компании [21]. Представленность женщин в руководстве компании оценивалась в разбивке по бизнес-сегментам – крупнейшие, крупные и средние компании. Следует отметить, что данные бизнес-сегменты определялись на основе данных об объеме выручки. Наибольшая представленность женщин находится на уровне 10-30% в крупнейших компаниях (56%). В крупных и средних компаниях самая большая представленность женщин (54% и 57% соответственно) находится в сегменте не более 10%. Что важно, среди показателей ESG-рейтингов существует необходимость раскрытия информации о доле женщин в компании и высших органах руководства по таким категориям, как уровень должности и функции. Например, рейтинговое агентство Sustainalytics начисляет дополнительные баллы, если женщины составляют более 1/3 совета директоров и/или у компании есть публичная политика по гендерному равенству в совете директоров. Так, доля женщин в руководящих органах выше 30% принята в качестве лучшей мировой практики. Так, менее 23% опрошенных компаний всех бизнес-сегментов соответствуют данному уровню. Интересно заметить, что среди крупнейшего бизнеса только 11%, а среди среднего и крупного – 24% являются женщинами. Причем лидируют такие отрасли, как фармацевтика и здравоохранение – 41%, сельское хозяйство – 27%, для сравнения приведена нефтегазовая промышленность с уровнем менее 10%. К руководящим органам для целей данного исследования относились наблюдательный совет/совет директоров, правление и др. органы, согласно Уставу организации, относящиеся к высшему руководству.

3. Взаимодействие с заинтересованными сторонами – это политика по взаимодействию со всеми заинтересованными сторонами компании в направле-

нии определения ключевых сторон, каналов коммуникации, механизма учета мнений при принятии решений. Политика внутри компании в данном направлении строится на определении ключевых заинтересованных сторон, приоритизации рассматриваемых вопросов, определении каналов коммуникаций и механизмов учета мнений при принятии решений. Построение компаниями системы коммуникации основано на стандартах, например, существует Стандарт взаимодействия со стейкхолдерами AA 1000 или Stakeholder Engagement Standard, т. е. тактически для анализа ключевых заинтересованных сторон целесообразно разделение всех стейкхолдеров в зависимости от вклада, который они могут принести, внедряя данную политику в свои бизнес процессы и детальной росписи точек соприкосновения исходя из приоритетов бизнеса [22]. Согласно исследованию, данная политика принята в компаниях только у 4% российских компаний. Около 25% компаний крупнейшего бизнес-сегмента России используют данную политику, в то время как крупный и средний бизнес придерживается политики взаимодействия со стейкхолдерами на 2-3%. В отраслевом разрезе также наблюдается неоднородность. Отсутствует данная политика в отраслях строительных подрядчиков, связи и коммуникации, в то время как энергетика, транспорт и логистика занимает лидирующее место среди российских отраслей с показателем более 10%. В целом от того, насколько качественно построено взаимодействие, зависит эффективность компании в целом. В целом, по результатам опроса, менее 10% женщин находится в составе руководящих органов в рядах среднего и крупного бизнеса (для уточнения: в шкале оценки присутствовал и крупнейший бизнес). Имеются недостатки в области соблюдения прав человека. Уровень взаимодействия с заинтересованными сторонами коррелирует с размером компании и в целом развит крайне слабо, а вот текучесть кадров имеет обратную направлен-

ность. Существует дисбаланс в разрезе отраслей (так строительство выглядит скромнее других, а в лидерах находится энергетическая сфера) [23]. Необходимо заметить, что именно это направление работы позволяет максимально учесть управление рисками и деловой репутации, минимизировать нефинансовые риски и увеличить социальный капитал, а также это важно при реализации стратегических целей компании.

Социальная S-составляющая ESG является неотъемлемой частью стратегии устойчивого развития компании. Реализация мер в данном направлении напрямую отражается на жизни людей, и что отличает данный компонент ESG, так это то, что эффект не заставляет себя ждать, он виден практически сразу после принятия соответствующих усилий. Вместе с тем соци-

альная сфера является самой трудно измеримой, т. е. достаточно проблематично сравнить финансовые затраты и полученные результаты от вложений в социально ориентированные программы [24].

В качестве примера максимально охватывающего анализа данной сферы целесообразно привести методику Всемирного экономического форума (ВЭФ). Среди множества систем оценок эксперты используют подход, при котором S-повестка делится на два направления – люди (внутренняя S-повестка) и процветание (внешняя S-повестка), в узком и широком смысле соответственно. Руководствуясь таблицей 1 в первом случае, рассматриваются меры, направленные на поддержание благополучия сотрудников, во втором – на благополучие всего общества в масштабах влияния конкретной компании.

Таблица 1. «Люди» как внутренняя S-повестка и «процветание» как «внешняя S-повестка» [25]

Сотрудники, S-повестка	Общество, S-повестка
Уважение человеческого достоинства и равенство	Обеспечение занятости и генерации экономических благ
Разнообразие и инклюзивные практики, здоровье и благосостояние сотрудников	Инновационное развитие с целью улучшения товаров и услуг
Обучение новым навыкам с перспективой на будущее	Развитие сообществ и социальной жизнеспособности

Следует отметить, что на сегодняшний день существует более 70 стандартов оценки и около 600 рейтинговых систем, которые оценивают кроме других характеристик, в т. ч. и S-составляющую, например многообразие состава работников. Однако ни одна из них не имеет комплексного и всеобъемлющего характера [26]. Таким образом, с точки зрения коммерческого подхода для эффективности ESG-деятельности компании необходимо наличие идеологии устойчивого развития, которая даст возможность управлять социальными рисками и их минимизировать.

Результаты и их обсуждение

Результаты проведенного исследования нефинансовой отчетности 25 крупнейших российских предприятий показывают, что у подавляющего большин-

ства компаний отсутствует комплексный подход к ESG. Так, итоговая оценка устойчивого развития в проанализированных отчетах компаний формируется в основном за счет раздела об охране окружающей среды и влиянии на климат. Исключение составили только 5 компаний: Банк «ВТБ», Росатом, Транснефть, Россети и РЖД, где основной упор был сделан на S-направление. Итак, исследуемые компании в 44% случаев требуют соблюдения показателей, относящихся к организации охраны и безопасности труда. Например, Роснефть требует от своих поставщиков наличия служб, подразделений в сфере охраны труда, промышленной, пожарной, электробезопасности, а также утвержденной системы управления охраной труда и промышленной безопасностью; ЕВРАЗ и ПАО «НОВАТЭК»

проверяют информацию о соблюдении поставщиками принципов ответственного отношения к вопросам безопасности и охраны труда. В 27% случаев компании предъявляют требования по соблюдению поставщиками прав человека, отсутствию

любых форм дискриминации на работе и обеспечению равных условий найма и труда. Для наглядности и анализа вышеприведенные данные можно свести в таблице 2, где указаны удельные веса основных требований партнеров.

Таблица 2. Основные требования, относящиеся к группе показателей S [26, с. 114]

Показатель	Уровень требований по составляющей S
Организация охраны и безопасности труда	44
Соблюдение прав работников	27
Недопустимость использования детского труда и недобровольного труда заключенных	9
Соблюдение режима рабочего времени работников	4
Показатели, относящиеся к справедливой оплате труда	4
Защита потребителей	4
Наличие социальных программ	2
Уровень программ повышения квалификации	2
Обеспечение сотрудников медицинскими услугами за счет компании	2

Итак, среди совокупности требований более половины относится к разряду кадровой политики и создания условий безопасных условий труда компании, а именно охраны труда, текучести кадров, образования и здравоохранения, взаимодействия с заинтересованными сторонам.

Выводы

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что ESG-трансформация в российских компаниях набирает обороты, причем с заметным акцентом на социальную сферу или S-составляющую ESG. На основании проведенного исследования было выявлен ряд проблемных мест в организации работы по ведению нефинансовой отчетности в разрезе S-составляющей российских компаний. В общем виде они сводятся к следующему: 1. Резкое отставание по показателям результативности в разрезе размеров компаний в разрезе средний/крупный/крупнейший. 2. Неравномерность результатов по отраслям. 3. Недостаточный уровень управления социальными аспектами. 4. Непроработанность отдельных направлений S-составляющих, такое как взаимодействие

с заинтересованными сторонами или стейкхолдерами. 5. Нет системного подхода к анализу результатов и планированию мероприятий по S-составляющей на ближайшую перспективу.

Кроме оценки текущего состояния, следует отметить прогнозный вектор, который ярко вырисовывается в текущих условиях: 1. Изменение международных отношений изменит направление и пропорции ESG в стране. 2. Уже сейчас заметен национальный характер дальнейшего развития ESG исходя из государственных приоритетов, ценностей и интересов. 3. Усиление роли регулятора в лице государства в регулировании процессов согласно политическим целям, а также ожидание бизнесом поддержки государства. Таким образом, можно говорить о проявлении устойчивой потребности российским обществом в ESG-S. В новой ситуации и вектор бизнеса ESG будет меняться, подстраиваясь под общество, ценности и интересы собственного развития. А это значит, что в новых условиях повестка не только не потеряет своей актуальности, но и получит дальнейшее свое развитие, именно в национальном русле.

Список литературы

1. Канаева О. А. Социальные императивы устойчивого развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. Т. 34, вып. 1. С. 26–58.
2. Повестка дня на XXI век: принята доклад Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 17.01.2023).
3. Гузей В. А. Становление парадигмы устойчивого развития // Финансовые исследования. 2021. № 4 (73) С. 56–72.
4. Устойчивое развитие: Новые вызовы / под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. М.: Аспект Пресс, 2015. 336 с.
5. UNESCO and the Sustainable Development Goals. URL: <https://ru.unesco.org/sdgs> (дата обращения: 30.01.2023).
6. Старикова Е. А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25, № 1. С. 7–17.
7. Толстых Т. О., Кондратьева О. А. Принципы и цели устойчивого развития в стратегиях развития промышленных предприятий // РЕГИОН: системы, экономика, управление. 2021. № 3 (54). С. 120–127.
8. Нехода Е. В., Радчикова Н. А., Тюленева Н. А. Бизнес-модели компаний: от прибыли к устойчивому развитию и созданию ценностей // Управленец. 2018. Т. 9, № 4. С. 9–19.
9. Устойчивое развитие промышленных предприятий в условиях неоиндустриальной трансформации / под науч. ред. Я. П. Силина. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2017. 207 с.
10. Industry 4.0: At the intersection of readiness and responsibility Deloitte Global's annual survey on business's preparedness for a connected era. URL: <https://www2.deloitte.com/us...insights...review...industry-4-0...> (дата обращения: 30.01.2023).
11. Порфирьев Б. Н. Устойчивое развитие, климат и экономический рост: стратегические вызовы и решения для России. СПб.: СПбГУП, 2020. 40 с.
12. Бизнес. Экология. Человек. Сборник корпоративных практик / Российский союз промышленников и предпринимателей. М., 2016. 156 с.
13. Измайлова М. А. Устойчивое развитие как новая составляющая корпоративной социальной ответственности // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12, № 2. С. 100–113.
14. Нефинансовые отчеты компаний, работающих в России: практика развития социальной отчетности. Аналитический обзор / под общ. ред. А. Н. Шохина / Российский союз промышленников и предпринимателей. М., 2006. 108 с.
15. Долгих Е., Ерлич В. Устойчивое развитие. Роль России / Национальная сеть Глобального договора. М., 2018. 67 с.
16. Проект РБК+ // RBC. URL: <https://chr.plus.rbc.ru/news/624598017a8aa90f36782a28> (дата обращения: 30.01.2023).
17. Агентство социальной информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2022/07/20/putin-krupnyi-biznes-stanovitsya-vse-bolee-sotsialno-orientirovannym/> (дата обращения: 30.01.2023).
18. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: парадигма будущего // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 3. С. 107–113.
19. Социальная сфера в современной экономике: вопросы теории и практики / отв. ред. Т. В. Чубарова. СПб.: Нестор-История, 2015. 240 с.
20. Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Малышков Г. Б. Инклюзивный экономический рост: приоритеты, индикаторы, международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 15–25.
21. Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_dialogue/act_emp/documents/publication/wcms_685646.pdf (дата обращения: 30.01.2023).
22. Щербаченко П. С. Управление взаимодействием со стейкхолдерами в российских компаниях // Вестник университета. 2018. № 5. С. 155–161.
23. Как изменились практики устойчивого развития в российских компаниях в 2022. URL: <http://www.sber.pro.ru> (дата обращения: 30.01.2023).

24. ESG-трансформация как вектор устойчивого развития: в 3 т. / под общ. ред. К. Е. Турбиной и И. Ю. Юргенса. М.: Аспект Пресс, 2022. Т. 2. 650 с.

25. Отраслевой план адаптации к изменениям климата в сфере промышленного комплекса и внешней торговли: Приказ Минпромторга России от 24.12.2021 г. № 5357. URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minpromtorga-Rossii-ot-24.12.2021-N-5357> (дата обращения: 30.01.2023).

26. ESG: три буквы, которые меняют мир: доклады к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 2022 г. / И. В. Ведерин, К. И. Головщинский, М. И. Давыдов [и др.]; научный редактор К. И. Головщинский. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 138 с.

References

1. Kanaeva O. A. Sotsial'nye imperativy ustoichivogo razvitiya [Social imperatives of sustainable development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of St. Petersburg University. Economy*, 2018, vol. 34, is. 1, pp. 26–58.

2. Povestka dnya na XXI vek: prinyata doklad Konferentsiei OON po okruzhayushchei srede i razvitiyu, Rio-de-Zhaneiro, 3-14 iyunya 1992 g. [Agenda for the XXI Century: Adopted by the report of the UN Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, June 3-14, 1992]. Available at: https://www.un.org>...documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml. (accessed 17.01.2023)

3. Guzey V. A. Stanovlenie paradigmy ustoichivogo razvitiya [The formation of the paradigm of sustainable development]. *Finansovye issledovaniya = Financial research*, 2021, no. 4 (73), pp. 56–72.

4. Ustoichivoe razvitie: Novye vyzovy [Sustainable development: New challenges]; ed. by V. I. Danilova-Danilyan, N. A. Piskulova. Moscow, Aspect Press Publ., 2015. 336 p

5. UNESCO and the Sustainable Development Goals. Available at: <https://ru.unesco.org/sdgs>. (accessed 30.01.2023)

6. Starikova E. A. Sovremennye podkhody k traktovke kontseptsii ustoichivogo razvitiya [Modern approaches to the interpretation of the concept of sustainable development]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 7–17.

7. Tolstykh T. O., Kondratieva O. A. Printsipy i tseli ustoichivogo razvitiya v strategiyakh razvitiya promyshlennykh predpriyatii [Principles and goals of sustainable development in the development strategies of industrial enterprises]. *REGION: sistemy, ekonomika, upravlenie = REGION: systems, economics, management*, 2021, no. 3 (54), pp. 120–127.

8. Nekhoda E. V., Radchikova N. A., Tyuleneva N. A. Biznes-modeli kompanii: ot pribyli k ustoichivomu razvitiyu i sozdaniyu tsennosti [Business models of companies: from profit to sustainable development and value creation]. *Upravlenets = The Manager*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 9–19.

9. Ustoichivoe razvitie promyshlennykh predpriyatii v usloviyakh neointustrial'noi transformatsii [Sustainable development of industrial enterprises in the conditions of neo-industrial transformation]; ed. by Ya. P. Silin. Yekaterinburg, Ural State University Publishing House, 2017. 207 p.

10. Industry 4.0: At the intersection of readiness and responsibility Deloitte Global's annual survey on business's preparedness for a connected era. Available at: <https://www2.deloitte.com>us...insights...review...industry-4-0...> (accessed 30.01.2023)

11. Porfiriev B. N. Ustoichivoe razvitie, klimat i ekonomicheskii rost: strategicheskie vyzovy i resheniya dlya Rossii [Sustainable development, climate and Economic growth: Strategic Challenges and Solutions for Russia]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2020. 40 p.

12. Biznes. Ekologiya. Chelovek. Sbornik korporativnykh praktik [Business. Ecology. Human. Collection of corporate practices]. Moscow, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs Publ., 2016. 156 p.

13. Izmailova M. A. Ustoichivoe razvitie kak novaya sostavlyayushchaya korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti [Sustainable development as a new component of corporate social responsibility]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) = The WORLD (Modernization. Innovation. Development)*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 100–113.

14. Nefinansovye otchety kompanii, rabotayushchikh v Rossii: praktika razvitiya sotsial'noi otchetnosti. Analiticheskii obzor [Non-financial reports of companies operating in Russia: the practice of de-

veloping social reporting. Analytical review]; ed. by A. N. Shokhin. Moscow, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs Publ., 2006. 108 p.

15. Dolgikh E., Yerlich V. Ustoichivoe razvitie. Rol' Rossii [Sustainable development. The role of Russia]. Moscow, National Network of the Global Compact. Publ., 2018. 67 p.

16. Proekt RBK+ [The RBC+ project]. RBC. Available at: <https://chr.plus.rbc.ru/news/624598017a8aa90f36782a28>. (accessed 30.01.2023)

17. Agentstvo sotsial'noi informatsii [Social Information Agency]. Available at: <https://www.asi.org.ru/news/2022/07/20/putin-krupnyi-biznes-stanovitsya-vse-bolee-sotsialno-orientirovannym/>. (accessed 30.01.2023)

18. Bobylev S. N. Ustoichivoe razvitie: paradigma budushchego [Sustainable development: a paradigm of the future]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2017, vol. 61, no. 3, pp. 107–113.

19. Sotsial'naya sfera v sovremennoi ekonomike: voprosy teorii i praktiki [The social sphere in the modern economy: issues of theory and practice]; ed. by T. V. Chubarova. St. Petersburg, Nestor-History, Publ., 2015. 240 p.

20. Pakhomova N. V., Richter K. K., Malyshev G. B. Inklyuzivnyi ekonomicheskii rost: priority, indikatory, mezhdunarodnyi opyt, potentsial soglasovaniya s model'yu reindustrializatsii [Inclusive economic growth: priorities, indicators, international experience, potential for coordination with the reindustrialization model]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economy*, 2014, no. 3 (51), pp. 15–25.

21. Mezhdunarodnaya organizatsiya truda [International Labour Organization]. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_dialogue/act_emp/documents/publication/wcms_685646.pdf. (accessed 30.01.2023)

22. Shcherbachenko P. S. Upravlenie vzaimodeistviem so steikholderami v rossiiskikh kompaniyakh [Managing interaction with stakeholders in Russian companies]. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2018, no. 5, pp. 155–161.

23. Kak izmenilis' praktiki ustoichivogo razvitiya v rossiiskikh kompaniyakh v 2022 [How have sustainable development practices changed in Russian companies in 2022]. Available at: <http://www.sber.pro.ru>. (accessed 30.01.2023)

24. ESG-transformatsiya kak vektor ustoichivogo razvitiya [ESG-transformation as a vector of sustainable development]; ed. by K. E. Turbina and I. Yu. Jurgens. Moscow, Aspect Press Publ., 2022, vol. 2. 650 p.

25. Otrazlevoi plan adaptatsii k izmeneniyam klimata v sfere promyshlennogo kompleksa i vneshnei trgovli [Industry plan of adaptation to climate change in the sphere of industrial complex and foreign trade]. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia of December 24, 2021 № 5357. Available at: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minpromtorga-Rossii-ot-24.12.2021-N-5357>. (accessed 30.01.2023)

26. Vederin I. V., Golovshchinsky K. I., Davydov M. I., eds. ESG: tri bukvy, kotorye menyayut mir: doklady k XXIII Yasinskoi (Aprel'skoi) mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, 2022 g. [ESG: three letters that change the world: reports for the XXIII Yasin (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, 2022]; ed. by K. I. Golovshchinsky. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2022. 138 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Манкевич Юлия Викторовна, аспирант факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: jul-2882@mail.ru,
SPIN: 9133-9294,
Researcher ID: HMO-7206-2023

Yuliya V. Mankevich, Post-Graduate Student of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: jul-2882@mail.ru,
SPIN: 9133-9294,
Researcher ID: HMO-7206-2023